

ISSN 1605-7880

Том 83. Номер 4

Июль–Август 2024

ИЗВЕСТИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

НАУКА

— 1727 —

Известия Российской академии наук

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Том 83 № 4 2024 Июль—Август

Основан в 1852 г. академиком И.И. Срезневским
Выходит 6 раз в год
ISSN 1605-7880

Свидетельство о регистрации средства массовой информации № 77-66705 от 28.07.2016

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук*

Главный редактор
член-корр. РАН, д-р филол. наук *В.В. Полонский* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия)

Редакционная коллегия

член-корр. РАН *В.Е. Багно* (ИРЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), проф. *Хенрик Баран* (Университет Олбани, г. Олбани, штат Нью-Йорк, США), член-корр. РАН *Ю.Л. Воротников* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Марчелло Гардзанини* (UNIFI, г. Флоренция, Италия), канд. филол. наук *С.И. Гиндин* (РГГУ, г. Москва, Россия), член-корр. РАН *А.В. Дыбо* (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *А.И. Жеребин* (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *Т.Г. Иванова* (г. Москва, Россия), акад. РАН *Н.Н. Казанский* (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *В.Л. Коровин* (научный редактор, МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Л.П. Крысин* (зам. главного редактора, ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.Б. Куделин* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.М. Молдован* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), канд. филол. наук *А.Ч. Пиперски* (ответственный секретарь, НИУ ВШЭ, г. Москва, Россия), акад. РАН *В.А. Плунгян* (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), проф. *Александр Строев* (l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3, г. Париж, Франция), акад. РАН *С.М. Толстая* (ИСЛ РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Е.В. Халтрин-Халтурина* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Чжэн Тиу* (Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, КНР)
Зав. редакцией О.И. Лукашенко

Адрес редакции: 117993 Москва, Ленинский пр., 32а
тел.: 8-495-952-44-90, 8-925-095-84-64
электронная почта: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Сайт журнала: <https://izv-oifn.ru>

© Российская академия наук, 2024
© ФГБУН ИМЛИ РАН, 2024
© Редколлегия журнала “Известия РАН.
Серия литературы и языка” (составитель), 2024

Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk

SERIÂ LITERATURY I ÂZYKA

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language

Volume 83 No. 4 2024 July–August

Established in 1852 by Academician Izmail I. Sreznevsky
Publication frequency 6 issues per year
ISSN 1605-7880

Founder and Publisher: Russian Academy of Sciences
Mass media registration certificate No. 77-66705, July 28, 2016

*The Journal is produced under the aegis of
The Division of Historical and Philological Studies of the Russian Academy of Sciences*

Editor-In-Chief

Vadim Polonsky, Correspondent Member of the RAS, Doct. Sci. (Philology),
Prof., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Editorial board

Vsevolod Bagno, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), *Henryk Baran*, Ph.D., Prof., State University of New York at Albany (Albany, USA), *Cheng Tiu*, Prof., Shanghai International Studies University (Shanghai, China), *Anna Dybo*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Higher School of Economics, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Marcello Garzaniti*, Grand Ph.D. (Slavic Philology), Prof., University of Florence (Florence, Italy), *Sergei Gindin*, Cand. Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), *Elena Haltrin-Khalturina*, Dr. Sci. (Philology), A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Tatiana Ivanova*, Dr. Sci. (Philology), (Moscow, Russia), *Nikolai Kazansky*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, (St. Petersburg, Russia), *Vladimir Korovin*, **Scholarly Editor**, Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), *Leonid Krysin*, **Deputy Editor-In-Chief**, Dr. Sci. (Philology), Prof., V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Kudelin*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Olga I. Lukashenko*, **Managing Editor**, *Alexander Moldovan*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Piperski*, **Executive Editor**, Cand. Sci. (Philology), Higher School of Economics (Moscow, Russia), *Vladimir Plungian*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Stroev*, Prof., l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3 (Paris, France), *Svetlana Tolstaya*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Yury Vorotnikov*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Aleksei Zharebin*, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Address for Correspondence:

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language,
32a Leninsky Prospect, Moscow, 117993 Russia
Tel.: +7(495)952-44-90, +7(925)095-84-64
E-mail: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Web Site: <https://izv-oifn.ru>

© The Russian Academy of Sciences, 2024

© The A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2024

© Editorial Board of "Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language" (editing and composing), 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка.
2024, Том 83, Номер 4

Аблаут, ударение, внутренняя деривация и закон правостороннего передвижения акцента в индоевропейских языках <i>К. Г. Красухин</i>	5
«Пролетарский эпизод» в литературном процессе 1920-х годов: случай Саратова <i>А. В. Хрусталева, Д. С. Московская</i>	17
Феномен персонажа художественной прозы Чехова <i>Э. С. Афанасьев</i>	31
Мотив бездетности в мифе о первопредках бурят <i>Л. С. Дампилова</i>	40
Гамлет и игра (комментарий к двум словам в пьесе «Гамлет»: кuarto vs folio) <i>Н. Э. Микеладзе</i>	47
О некоторых особенностях глагольного словообразования с приставкой <i>ИЗ-</i> в архангельских говорах <i>Е. А. Нефедова</i>	53
Российская ассоциация пролетарских писателей: материалы к истории литературной организации <i>О. В. Быстрова</i>	63
Синтаксическая оппозиция имен и глаголов как аргументов в китайском позднеклассическом тексте «Луньхэн» I в. н. э. <i>А. Д. Дурыманова</i>	74
Первые шаги к «всечеловеческому братству»: Эпизод из истории издания иностранной литературы в Советской России (1917–1922 годы) <i>Д. М. Цыганов</i>	86
Принципы и методы цифровой лексикографии <i>Ю. Ю. Макаров</i>	102
Фольклорные и мифологические мотивы и образы в лирике Виктора Рюдберга <i>В. В. Сурков</i>	113
Текстология рассказа И. А. Бунина «Тишина»: элегия в прозе <i>М. С. Щавлинский</i>	119

Из истории филологической науки

Противоречия внутри Московского лингвистического кружка в 1922–1923 гг. и причины его распада (по материалам МЛК, хранящимся в ИРЯ РАН) <i>Г. С. Баранкова</i>	130
---	-----

Хроника конференции

Семиотика и мифология в творчестве Мишеля Турнье <i>И. Г. Меркулова</i>	141
--	-----

CONTENTS

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language. 2024, Volume 83, Issue 4

Ablaut, Stress, Internal Derivation and Law of Accent Shift on the Right in the Indo-European Languages <i>K. G. Krasukhin</i>	5
“The Proletarian Episode” in the Literary Process of the 1920-s: the Case of Saratov <i>A. V. Khroustaleva, D. S. Moskovskaya</i>	17
The Phenomenon of the Character of Chekhov’s Fiction <i>E. S. Afanasyev</i>	31
The Motive of Childlessness in the Myth of the Ancestors of the Buryats <i>L. S. Dampilova</i>	40
Hamlet and <i>Ludi</i> (Commentary on Two Words in <i>Hamlet</i> : Quarto vs Folio) <i>N. E. Mikeladze</i>	47
About Some Features of Verb Word Formation with the Prefix <i>ИЗ-</i> in Arkhangelsk Dialects <i>E. A. Nefedova</i>	53
The Russian Association of Proletarian Writers: Materials for the History of the Literary Organization <i>O. V. Bystrova</i>	63
Syntactic Opposition for Nouns and Verbs as an Argument of a Clause in Late Classical Chinese Text <i>Lunheng</i> I A. D. <i>A. D. Durymanova</i>	74
The First Steps Towards “All-Human Brotherhood”: An Episode from the History of Foreign Literature Publishing in Soviet Russia (1917–1922) <i>D. M. Tsyganov</i>	86
Principles and Methods of Digital Lexicography <i>Y. Makarov</i>	102
Folklore and Mythological Motifs and Images in the Lyrical Poetry by Viktor Rydberg <i>V. V. Surkov</i>	113
The Textology of I. A. Bunin’s Short Story “Silence”: Elegy in Prose <i>M. S. Shchavlinskiy</i>	119

From the History of Philological Sciences

Contradictions within the Moscow Linguistic Circle in 1922–1923 and the Reasons for its Disintegration (according to the Materials of the MLC Stored at the V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS) <i>G. S. Barankova</i>	130
---	-----

Chronicles

Semiotics and Mythology in the Works of Michel Tournier <i>I. G. Merkoulouva</i>	141
---	-----

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024040018

Аблаут, ударение, внутренняя деривация и закон правостороннего передвижения акцента в индоевропейских языках

© 2024 г. К. Г. Красухин

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1,
профессор филологического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1,
профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета,
Россия, 109651, Москва, ул. Иловайская, д. 9, стр. 2
krasukh@mail.ru

Резюме. В статье рассматривается подвижный характер индоевропейского ударения, его функция и роль в образовании имён. Ряд исследователей восстанавливает парадигмы атематических имён с различной подвижностью (акцентно-аблаутные парадигмы) и формулирует концепцию *внутренней деривации* — перехода имени из одного акцентного класса в другой. В статье обосновывается мысль о единстве акцентного типа атематических имён (единая аблаутно-акцентная парадигма) и формулируется основное правило деривации — закон правостороннего передвижения акцента.

Ключевые слова: акцент, аблаут, морфология, деривация, реконструкция.

Для цитирования: Красухин К.Г. Аблаут, ударение, внутренняя деривация и закон правостороннего передвижения акцента в индоевропейских языках // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 4. С. 5–16. DOI: 10.31857/S1605788024040018

Ablaut, Stress, Internal Derivation and Law of Accent Shift on the Right in the Indo-European Languages

© 2024 Konstantin G. Krasukhin

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1 Build. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia,
Professor at the Philological Faculty
of the M.V. Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia,
Professor of the St. Tikhon's Orthodox University,
9 Build. 2 Ilovayskaya Str., Moscow, 109651, Russia
krasukh@mail.ru

Abstract. The article treats the mobility of Proto-Indo-European accent, its function and role in nominal derivation. Some researchers argue the existence of noun with several types of accent movement (accent-ablaut paradigms) and formulate the concept of *internal derivation* — i. e. the change of accent type of noun, transition in other class. Author means that there was one type of mobile accent in declension (unitary ablaut-accent-paradigm), and proposes a basic rule of derivation — the law of accent movement onto right: the position of accent is more right, the meaning of noun is more concrete.

Key words: accent, ablaut, morphology, derivation, reconstruction.

For citation: Krasukhin, K.G. *Ablaut, udarenie, vnutrennyaya derivaciya i zakon pravostoronnego peredvizheniya akcenta v indoevropskikh yazykah* [Ablaut, Stress, Internal Derivation and Law of Accent Shift on the Right in the Indo-European Languages]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 4, pp. 5–16. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024040018

0. Одной из важнейших и актуальных тем индоевропейского языкознания является взаимоотношение акцентуации, апофонии и морфологии. Эта связь была осознана в результате нескольких выдающихся открытий. Фердинанд де Соссюр в 1878 г. [1], опираясь на индийские грамматики, показал связь аблаута (количественного и качественного) с морфологией слова: различным грамматическим формам свойствен определённый вокализм и место ударения. Николас ван Вейк [2] установил большую близость номинатива и генитива: в частности, номинатив тематического имени может быть идентичен генитиву тематического: греч. *θήρ*, род. п. *θήρως* ‘зверь’ — лат. *ferus* ‘дикий’; в генитиве атематических имён ударение падало на окончание. Тематическое и атематическое имя находились между собой в определённых отношениях: второе обозначало предмет, подобный денотату первого, его свойство. Ср. также [3]. Хольгер Педерсен [4]–[5] предположил, что ряд корневых имён может иметь неподвижную акцентуацию. Эмиль Бенвенист в 1935 г. [6] установил связь акцентуации со значением в древнегреческих тематических именах (тип *τόμος–τομός*) и сходное явление в древнеиндийском, а в 1948 г. [7] показал различие имён деятелей с безударным суффиксом **-tor-* и ударным **-tér-*. Френсис Кёйпер [8] проанализировал древнеиндийское склонение на *-i/-u-* и показал, что передвижение акцента здесь отличается от корневых имён. Начиная с 1967 г., Йохим Шиндлер, Хайнар Айхнер и другие начинают публиковать цикл работ по проблемам акцентуации имён [9]–[12]. Они первоначально выступали в семинаре Карла Хоффмана в Эрлангене, отчего это направление и получило название Эрлангенской школы.

Согласно ей, в праиндоевропейском существовали следующие типы акцентуации имён (впоследствии названные *акцентно-аблаутными парадигмами*): 1. Акростатические имена с неподвижным ударением и аблаутом в склонении. Сначала Шиндлер описал имена *o* (номинатив/аккузатив) / *e* (остальные падежи), затем — *ē/e* (продлённая ступень в номинативе и аккузативе, полная — в остальных). 2. Протеродинамические имена (передвижение акцента с корня в номинативе, аккузативе, локативе на суффикс

в генитиве, дативе, инструментале, аблативе¹). 3. Гистеродинамические имена (передвижение акцента с суффикса на флексию в тех же падежах). 4. Голокинетические имена (передвижение акцента с корня на суффикс)². Отметим, что для атематического спряжения тоже предлагаются две парадигмы, различающиеся аблаутом и акцентом: подвижная и неподвижная. В этой второй, которая именуется «протеродинамической» [13], также «акродинамической» и «акростатической», ударение неподвижно, «сильные» формы (ед. ч. активного залога) имеют продлённую ступень корня, «слабые» — полную. Образцовым считается др.-инд. *tāṣṭi* ‘строить, создавать’ (**tētk-ti*) — 3 мн.ч. *tákṣati* (*tētk-ṇti*); в Ригведе зафиксирована только последняя форма.

1. Эрлангенская реконструкция довольно прочно вошла в представление индоевропейцев. Большинство имеющихся учебников приводят её как твёрдо установленный факт [14]–[19]. Однако ряд реконструкций вызывает серьёзное сомнение. Так, ни одной законченной акростатической парадигмы не засвидетельствовано, и они реконструируются на основе косвенных показателей. Имена с аблаутом *ē/e* восстанавливаются на основании имён на долгий гласный (лат. *rēx*, *rēgis*, др.-ирл. *rí*, *ríg*, др.-инд. *rāṭ*, *rājáh*). Как видим, долгота корня у таких имён распространилась на всю парадигму, и исключений из этого правила нет³. Обоснованием существования акростатических имён с аблаутом *o/e* служит имя **dom/ dems*: греч. именительный и винительный *δῶν*, др.-инд. *dám* — форма **dems* представлена в притяжательных композитах и конструкциях: *δεσπότης* ‘хозяин’ < *δεμσ-ποτ-*, вед. *dámpati/ páti dán* (I 120, 6), *pátir dán* (I 149, 1), авест. *dəng patoiš* ‘владелец дома, глава’. Однако в качестве первого элемента такого

¹ По традиции баритонные падежи именуются *сильными*, окситонные — *слабыми*.

² Некоторые лингвисты также выделяют классы *мезостатических* имён (с неподвижным ударением на середине слова) и *телевостатических* (с ударением на конечном слоге основы) [17]. Но аблаут и ударение в этих именах ничем не отличается от иных имён с неподвижным ударением.

³ За исключением случаев, описанных законом Штрайтберга и законом Семереньи, где вторичность долготы самоочевидна.

композиата может выступать и основа со ступенью *o* или *0*: крито-микенское *dopota* (PY Tn 316) ‘владыке’ (**doms-/dms-potā-*). Аналогично — лит. *višpats* ‘хозяин’ содержит первый элемент **ueik-*, считающийся акростатическим генитивом от **uoik-* ‘дом, владение’. Но в древнепрussком засвидетельствована словоформа *waispattin* ‘госпожу’, вин. п. (III 69, 5; III 95, 20), где первый элемент композиата содержит ступень *o*, в др.-инд. *viśpāti* ‘хозяин, господин’ — нулевую. Это говорит о том, что ступень корневого вокализма здесь не обязательна: в этимологически тождественных именах появляются разные ступени. Следовательно, ни одна из них не может быть характеристикой грамматической формы. В приведённых композиатах и конструкциях присутствуют, очевидно, не собственно генитивы, а атрибуты (подобные русск. *зелень-трава*). Некоторые из них и стали употребляться в генитивной функции; часть их, находясь под ударением, по закону позднеиндоевропейской акцентуации получила ступень *e*, тогда как формы в позиции определяемого (безударной) сформировали ступень *o*. Этот акцентологический процесс привёл к различению греч. *δοτήρ* и *δότης* ‘даритель’, *ἀνὴρ* ‘муж, мужчина’ — *εὐήνωρ* ‘мужественный, подобающий мужам, изобилующий храбростями’; *πατήρ* ‘отец’ — *εὐπάτωρ* ‘имеющий благородного отца’. В позднеиндоевропейском языковом состоянии с ослабленным ударением безударный гласный в любой позиции не выпадал, а только видоизменял своё звучание: **e* > **o*. В этот период, вероятно, и сформировались вышеуказанные атрибуты. Атрибутивный характер таких форм показал анализ ведического имени *viś* ‘птица’. В нём имеются два номинатива: *viś* (с *0* ступенью корня) и *véś* (с полной), а также генитив *véś*. Номинатив *véś* употребляется только в сравнениях (*vér ná* ‘словно птица’), что свидетельствует о его атрибутивном происхождении [20, с. 100–102].

1.1. К выводу о вторичности «акростатических» генитивов пришёл и Йенс Эльмгард Расмуссен [21]. Он отметил, что сочетание *-*VRs* (где -*V* — любой гласный, а *R* — сонорный) переходило в раннем индоевропейском языковом состоянии в *VR* (отпадение -*s*# с заменительным удлинением): **ph₁ter-s* > **pātēr* (это и есть закон Семереньи, упомянутый в прим. 1; закон Штрайтберга предполагает удлинение и перед шумными согласными: и.-е. **pod-s* ‘нога’ — др.-инд. *pāt*, др.-исл. *fotr*). Напротив, окончания слились с глагольными основами в более позднюю эпоху, поэтому флексия 2 л. ед. ч. не отпала (лат. *fers* ‘ты не сёшь’). Её сохранению, конечно, способствовала

и морфологическая прозрачность глагольной формы с чётким разделением основы и флексии.

2. К протеродинамическому склонению в основном относятся имена на -*i-*, -*u-*. В них ударение не выходило за пределы основы, поэтому падежи различаются благодаря ступени вокализма в суффиксе: номинатив *-*i-*, *-*u-*, генитив *-*ei-*, *-*ou-*. Ср. др.-инд. *agnīh* — *agnéh*, лит. *ugnis* — *ugniēs*, ст.-слав. *гость* — *госту*, гот. *gasts* — *gastis*, лат. *hostis* — *hostis*; др.-инд. *sunūh* — *sunóh*, лит. *sunūs* — *sunaūs*, гот. *sunus* — *sunaus*, ст.-слав. *сынъ* — *сыноу*, *домъ* — *домоу*, лат. *domus* — *domūs*. В засвидетельствованных языках у таких имён неподвижное ударение; у имён на -*u-* по большей части окситонеза, у имён на -*i-* — разнообразие. Также вокализм корня у них един в именительном и родительном падежах. Кёйпер [6, с. 31] восстанавливал протеродинамическое склонение с подвижным акцентом и соответствующим аблаутом: им. п. **séyinus* — род. п. **sunéus*. В засвидетельствованных языках и основа, и место ударения унифицировались.

2.1. Этот тип склонения стал преобладающим в большинстве индоевропейских имён на -*i-*, -*u-*. Только в хеттском и ведическом санскрите сохранились подобные имена с иной, так называемой открытой флексией (-*is/-ies*, -*us/-uos*): вед. *áviḥ* — *ávyaḥ* ‘овца’ (при позднейшем *aveh*), хетт. *halkis* (общ. род) — *halkiias* ‘зерно’, *GIŠ-ru* (ср. род = *taru*) ‘дерево’ — *GIŠ-ruuas* [22, S. 253]. При сравнении таких имён с протеродинамическими бросается в глаза следующее: имена с «открытой» флексией имеют тенденцию быть существительными, обозначать абстрактные понятия, тогда как протеродинамические имена обозначают конкретные сущности; все прилагательные склоняются только по этому склонению. Ср. хетт. *assu* ‘добро’ (субстантивированное прилагательное ср. р.) — род. п. *assuwas*; *assus* ‘хороший’ — род. п. *assawas*. От ведического *vásu* ‘хороший’ (возможно, родственного хеттскому) образовано 8 генитивов *vásoh* со значением прилагательного, 41 *vásvah*, из которых 36 образовано от существительного «добро, благо». Всё это наводит на мысль о том, что протеродинамические имена сами производны. Имена *(*u*)és-*u-*/*(*u*)ós-*u* (род. п. *(*u*)e/os-*u*-os) ‘добро’ и *(*u*)e/os-*u-* (род. п. *(*u*)e/os-*éu*-s) ‘хороший’ соотносятся друг с другом так же, как *rúc* ‘свет’ — *rocáh* ‘светлый’, *yúdh* ‘битва’ — *yodháh* ‘воин’. Функционально *0* ступень суффикса протеродинамических имён соответствует баритонезе корневых имён, а полная ступень — окситонезе. И образовались они с помощью одного и того же процесса: передвижения ударения направо. Можно предполагать наличие оппозиции первичного

* $(\mu)\acute{e}/\acute{o}su$ - и производного (со значением свойства, принадлежности, сходства) * $(\mu)_{e/o}séu$ -. Такое имя изменилось отчасти в прилагательное (с вторичной 0 ступенью суффикса в «сильных» падежах), отчасти в имя принадлежности с суффиксом *-eu-: греч. $\chi\acute{\epsilon}λυς$ ‘черепаха’ — $\chi\acute{\epsilon}λεϋς$ $\kappa\acute{\iota}\theta\alpha\rho\iotaς$ (Hes.; «сделанное из черепашьяго панциря»); авест. $bāzuš$ ‘рука’ — $dərəga-bāzauš$ ‘длиннорукий’, др.-инд. $dāsyu$ ‘враг’ — др.-перс. $dahyauš$ ‘страна’ (видимо, вначале «чужая страна») [23]⁴.

Взаимоотношение «протеро-» и «гистеродинамических имён» наглядно видно на примере корней **deru*- ‘дерево’ и **ǵenu*- ‘колено’. Оба производны (**der*- ‘рвать’, **ǵenh*₁- ‘рождать(ся), становиться выпуклым’), оба демонстрируют разные типы флексии и различные производные основы: **dōru* > хетт. *taru*, вед. *dāru* ‘дерево’, греч. $\delta\acute{o}\rho\upsilon$ ‘балка; копье’ → **dorū́os* > гомеровский генитив $\delta\omicron\upsilon\rho\acute{o}\varsigma$, хеттский *taruūas*; **deru*_o- > о.-слав. **dervo*; **doru*_o- > о.-слав. **sъ-dorvъ* ‘здоровый’ → **drēu*- > вед. генитив *droh*, греч. $\delta\rho\epsilon\upsilon\varsigma$ ‘дерево; дуб’ (< **dreuj* [24, S. 61]), гот. *triu* ‘дерево’ → **druū́os* > греч. генитив $\delta\rho\upsilon\acute{o}\varsigma$; ведический (с ретракцией акцента) *drū́nah*; о.-слав. *drъvā* (собирательное имя) → **dreu*_o- / *drou*_o- > греч. $\delta\rho\acute{o}\nu$; $\iota\sigma\chi\upsilon\rho\acute{o}\nu$ ‘ Ἀργεῖοι (Hes.) ‘сильное’, гот. *triggws*, нем. *treu* ‘верный, надёжный’⁵ → **drēu*-o; **drēu*-o- > др.-инд. *drū́nah* ‘сосуд из дерева; корыто’ (ср. [29]). Атематическая форма **dru*- представлена в композитах: *dru-ghanāh* ‘деревянная дубина’, *dru-padām* ‘деревянный столб’, *dru-śad*, *dru-śādvān* ‘сидящий на дереве’; греч. $\delta\rho\upsilon\text{-}\tau\acute{o}\mu\omicron\varsigma$ (микен. *durutomo*) ‘дровосек’.

Корень **ǵenu*- не так богат дериватами. От него образованы лат. *geni*, хетт. *genu* / **ǵónu* > вед. *jānu*, греч. $\gamma\acute{o}\nu\upsilon$ → **genū́os* / *gonū́os* > хетт. генитив *genuūas*, гомер. $\gamma\omicron\upsilon\nu\acute{o}\varsigma$, также $\gamma\omicron\upsilon\nu\acute{o}\varsigma$ ‘холм’ → **ǵnéus* > вед. мн. ч. *mitājñānah* ‘длящиеся’ (дословно ‘с несоединёнными коленями’), гот. *kniu*.

2.1.1. Следует отметить, что в истории отдельных индоевропейских языков «закрытая» флексия вытесняет «открытую»: в итальянских, германских, балтийских и славянских языках следов последней нет. В классическом санскрите она тоже практически исчезла. В древнегреческом можно видеть

следы вытеснения «закрытой» флексией открытой: $\acute{\alpha}\sigma\tau\upsilon$ ‘город’ — род. п. $\acute{\alpha}\sigma\tau\epsilon\omega\varsigma$ — производное $\acute{\alpha}\sigma\tau\acute{o}\varsigma$ ‘горожанин’. В ведическом санскрите преобладает «закрытая» флексия. Однокоренное греческому имя *vāstu* образует в Ригведе генитив *vāstoh* и производное *nāva-vāstvah* — имя мифологического персонажа, дословно ‘имеющий 9 домов’. Также засвидетельствован генитив *svāstvah* (имя реки), дословно означающий ‘хорошо расположенный’. Для ведического склонения можно сформулировать правило: если имя допускает оба типа, «открытые» формы преобладают. Выше приводились формы генитива от *vāsu*. От имени *mādhu* ‘сладкий; мёд; жидкость’ зафиксировано свыше 70 генитивов *mādhvah* и 14 *mādhoh*; однокоренное греч. $\mu\acute{\epsilon}\theta\upsilon$ склоняется с «открытой» флексией. От имени *paśú* ‘скот’ образуется только генитив *paśvāh*, 3 датива *paśvé* — 1 *paśāve*; *krátuh* ‘сила’ — 2 *krátvah*, 1 *krátoh*; 8 дативов *krátve* — 1 *krátave*. Это особенно существенно, если учесть, что баритонное существительное с абстрактным значением *krátuh* коррелирует с окситонным прилагательным **krtús* / **krotús* ‘сильный’: греч. $\kappa\rho\alpha\tau\acute{\upsilon}\varsigma$, гот. *hardus*⁶.

2.1.2. Имена действия на -tu- в древнегреческом языке склоняются почти исключительно с «открытой» флексией: $\pi\acute{\iota}\tau\upsilon\varsigma$, $\upsilon\omicron\varsigma$ ‘сосна’ (корень в лат. *pinus*), $\acute{\iota}\tau\upsilon\varsigma$ ‘окружность’ (* ϕει- ‘вращать(ся)’), а также значительная группа имён, непосредственно связанная с глаголом и другими именами деятеля и действия на -t-: $\acute{\alpha}\gamma\omicron\rho\eta\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘красноречие’ ($\acute{\alpha}\gamma\omicron\rho\epsilon\acute{\upsilon}\omega$ ‘беседовать’), $\acute{\alpha}\chi\omicron\nu\tau\iota\acute{o}\tau\upsilon\varsigma$ ‘копьеметание’ (= $\acute{\alpha}\chi\omicron\nu\tau\iota\acute{o}\iota\varsigma$; $\acute{\alpha}\chi\omicron\nu\tau\acute{\iota}\zeta\omega$ ‘метать копье’), $\acute{\alpha}\lambda\alpha\omega\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘лишение зрения’ ($\acute{\alpha}\lambda\alpha\acute{o}\omega$ ‘ослеплять’), $\beta\omicron\eta\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘крик’ ($\beta\omicron\acute{\alpha}\omega$ ‘кричать’), $\beta\rho\omega\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘пища’ ($\beta\iota\beta\rho\acute{\omega}\sigma\kappa\omega$ ‘есть, поглощать’), $\gamma\rho\alpha\pi\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘царапина’ ($\gamma\rho\acute{\alpha}\phi\omega$ ‘писать’, изначально ‘царапать’), $\delta\alpha\iota\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘факел’ ($\delta\alpha\acute{\iota}\omega$ ‘жечь’), $\acute{\epsilon}\delta\eta\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘еда’ ($\acute{\epsilon}\delta\omicron\mu\alpha\iota$ ‘есть’), $\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\eta\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘жалость’ ($\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\acute{\epsilon}\omega$ ‘оплакивать, сожалеть’), $\acute{\epsilon}\pi\epsilon\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘общительность’, $\kappa\iota\theta\alpha\rho\iota\acute{o}\tau\upsilon\varsigma$ ‘искусство игры на кифаре’ ($\kappa\iota\theta\alpha\rho\acute{\iota}\zeta\omega$), $\kappa\lambda\iota\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘склон, скат’ ($\kappa\lambda\acute{\iota}\nu\omega$ ‘склонять’), $\mu\eta\sigma\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘сватовство’ ($\mu\eta\acute{\alpha}\omicron\mu\alpha\iota$ ‘добиваться; свататься’), $\acute{\omicron}\alpha\rho\iota\sigma\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘разговор, беседа’ ($\acute{\omicron}\alpha\rho\acute{\iota}\zeta\omega$ ‘общаться’), $\acute{\omicron}\rho\chi\epsilon\sigma\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘танец’ ($\acute{\omicron}\rho\chi\acute{\epsilon}\omicron\mu\alpha\iota$ ‘танцевать’), $\acute{\alpha}\tau\rho\upsilon\nu\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘приказ’ ($\acute{\omicron}\tau\rho\acute{\upsilon}\nu\omega$ ‘волочить; принуждать; велеть’), $\rho\upsilon\sigma\tau\alpha\chi\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘обида’ ($\rho\upsilon\sigma\tau\alpha\chi\acute{\omega}$ ‘тащить, дёргать’), $\tau\alpha\nu\upsilon\sigma\tau\acute{\upsilon}\varsigma$ ‘натягивание’ ($\tau\alpha\nu\acute{\upsilon}\omega$ ‘тянуть’).

⁴ К развитию значения см. русск. *сторона* — *сторонний*; *страна* — *странный*.

⁵ Готское -gg- перед w возникает в результате действия закона Хольцмана: между гласным и сонорным j, w шумные согласные иногда удваиваются. Причины действия этого закона спорны. Некоторые исследователи полагали, что закон Хольцмана действует в заударном слоге [25, S. 75], другие — в предударном, третьи — перед ларингалом. См.: [26, с. 82]; [27, р. 34–46]; СГГЯ [28, с. 64]. Сопоставление гот. *triggws* с греч. $\delta\rho\acute{o}\varsigma$ свидетельствует в пользу второй теории.

⁶ В этой связи отметим, что в древнегреческом абстрактное существительное образовано с помощью сигматической основы: $\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\omicron\varsigma$. В лесбийском диалекте засвидетельствовано $\kappa\rho\acute{\epsilon}\tau\omicron\varsigma$, также в аркадо-кипрском есть имена Τιμοκρέτης , Σωκρέτης [31, р. 45], сохраняющие исконный вокализм. В др.-инд. *krátuh* тоже представлена полная ступень. Таким образом, можно восстанавливать оппозицию: **krétos* (ср. p.) / *krétus* (м. p.) ‘сила’ : *krtús* / *kortús* ‘сильный’.

Конечно, большинство этих имён не могут считаться древними. Они образованы от вторичных, презентных, производных глагольных основ [30, p. 292]. Но они сохраняют аблаут первичных имён на **-tu-*, представленный в *πίτυς* и *ῑτύς*. Исключением из правила является упомянутое *ἄστυ*, связь которого с гомеровским аористом *ἄεσα* ‘пробыть, провести время; переночевать’ для носителя древнегреческого языка была давно утеряна.

Иная картина в древнеиндийском, где имена на *-tu-* склоняются с «закрытой» флексией в Ригведе: *yātú* ‘волшебство’ — мн. ч. *yātávah* (здесь — ‘демоны’), *gantú* ‘путь’ — род. п. *gantóh*, *jantú* ‘рождение’ — *jantóh*, *tridhātu* ‘состоящий из трёх частей, несущий тройное добро’ — мн. ч. *tridhātavah*, *ṛtúh* ‘время’ — мн. ч. *ṛtávah*, *hetúh* ‘причина’ — *hetóh*, *svaítu* (*sva-éu*) ‘самостоятельно идущий’ — мн. ч. *svaítavah*, *mántuh* ‘совет’ — мн. ч. *mántavah*, *aktúh* ‘мазь; свет, блеск; ночь’ — *aktóh*, *tántuh* ‘нить’ — *tántavah*. Имена с полной ступенью корневого вокализма, как видим, тоже перешли в протеродинамическое склонение. Иная флексия представлена в *pitúh* ‘питьё’ — генитив и аблатив *pitváh*. Отметим также наречие *kṛtvah* ‘раз’, генитив от незасвидетельствованного **kṛtu* (ср. *sakṛt* ‘однажды’). Таким образом, мы можем подытожить: «протеродинамические» имена были изначально адъективами, обозначали производность, признак, свойство, противопоставлялись именам с «открытой» флексией как одушевлённые неодушевлённым. В большинстве индоевропейских языков этот тип стал преобладающим для имён на *-i-* и *-u-*. В древнегреческом и древнеиндийском можно наблюдать процесс вытеснения.

2.1.3. Отметим и чисто фонетическое объяснение оппозиции между «открытой» и «закрытой» флексиями, предложенное Освальдом Семереньи и Робертом Фальком [32]; [33]. По мнению Семереньи, первая характеризовала так называемые лёгкие основы, т.е., содержащие в своём ауслауте только сонорный/ гласный *-i-/u-*, а вторая — «тяжёлые» основы, в которых этому звуку предшествовал согласный. Фальк вслед за Карлом Боргстрёмом [34] полагает, что в раннем индоевропейском языковом состоянии (PIE) гласные звуки были только призвуком согласных фонем; фонологическую самостоятельность они приобрели по мере развития количественного аблаута, связанного с редукцией безударных гласных. В достаточно длинных PIE словах наличествовало и основное, и дополнительное ударение. С ними связано падение безударных, причём синкопировались только истинно безударные, а гласные с дополнительным ударением сохранялись (так

называемая *iterative syncope*). Таким образом, PIE прототип для и.-е. **óvis* (*h₂évis*) должен выглядеть как **Háwayās*, **mṛtís* — **mánatáyās*. В родительном падеже основное и дополнительное ударение меняются местами: **Háwayās*, **mánatáyās*. Дальнейшие процессы редукции привели к формам генитива **hoviós*, **mṛtéi-s*. Фальк связывает со своей моделью колебания в акцентуации и аблауте различных падежных форм: им. п. мн. ч. *dyávas* ‘небеса; дни’ — *divas* ‘небеса’, вин. п. мн. ч. *íṣah* — *íṣáh* (*íṣ* ‘питьё, сок’). Против реконструкции Фалька свидетельствуют отношения деривации между именами с «открытой» и «закрытой» флексией типа рассмотренного выше **krétus* и **kṛtús*. Однако идея разного типа ударения в «сильных» и «слабых» формах склонения вполне обоснована.

2.2. Что касается гистеродинамических и голокинетических имён, то их акцент и аблаут по сути ничем не отличался от корневых имён. Ср. греч. *πατήρ* — *πατρός*, *μήτηρ* — *μητρός* и другие имена родства на *-τερ-*, с аблаутом, аналогичным хетт. *ais* — *issas* ‘рот’. Голокинетические имена вообще могут считаться синонимом корневых. Правда, иногда к ним относят и суффиксальные, в которых ударение переходит с корня на флексию, минуя суффикс. Их также именуют «амфидинамическими». К таковым, по мнению П. Видмера, относятся имена типа греч. *ἐχών*, *ἐχόντος* ‘желающий, охотный’ = вед. *usān*, *usátāh* = авест. *vasō* [35, S. 136]. Видмер считает, что это характерно именно для причастий акростатических глаголов (корень **uek-* образует презенсы: хетт. *uekzi*, *uekkanzi*, вед. *vāṣti*, *vāśanti* ‘хотеть, стремиться’). Однако древнеиндийское имя склоняется скорее как обычное причастие, т.е., в терминах Эрлангенской школы, как гистеродинамическое имя. Для греческих причастий характерен унифицированный вокализм корня. Отметим, что «акростатические» глаголы вполне реальны (в отличие от имён), однако это парадигма явно вторична [36, с. 375–400]; [37].

3. Р.С.П. Бекес предложил свой вариант реконструкции акцентно-аблаутных парадигм [17], ср. также [38]. По его мнению, существует апофония следующего вида: номинатив *KéK-K-s* — аккузатив *KKéK-m* — генитив *KK(K)ós*. К. Трембле [39] предложил восстановить для имён с суффиксом *-ōs* и *-tór* особый аблаут: номинатив *Kek-ós*, *Kek-tór* — генитив *Kék-s-s*, *Kék-tr-*. Рассмотрим подробнее эти реконструкции. Исконная форма номинатива *CéC-R* (1) переходит в *CéC-ōR* (2), затем в *C(e)C-ōR* (3), затем в *CC-ér* (4). Соответственно, генитив всюду имеет вид *CC-R-ós* (в подтипе 3 — *C(e)C-R-ós*), аккузатив — *CCéR-m* (в подтипе 3 — *C(e)C-oR-m*). Подтип 1 соответствует гот.

bandi ‘связка’, 2 — и.-е. *dhégh-om* ‘земля’, 3 — греч. *δότηρ* ‘даритель’, 4 — и.-е. **ph₂-tér* ‘отец’. С помощью такой метатезы Бекес объясняет колебания **gh₁éi-om* (авест. *ziia* ‘зима’) — **gh₁iōn* (греч. *χιών* ‘снег’, лат. *hiems* ‘зима’), упоминавшееся **uek-ont-* (греч. *ἐκόν*) — **uk-ont-*, род. п. **uk-nt-ós* (др.-инд. *uśán*, *uśatáh*). Так же объясняется разница хетт. *tekan* (**d^hégh₁om*; в действительности **d^hégh₁-m*) — греч. *χθών* (**d^hgh₁om*). От этих типов резко отличается статическое спряжение, которое может характеризовать не только корневые, но и суффиксальные имена. Так Бекес объясняет своеобразный генитив древнеиндийских имён на *-tar-*: *patúr* ‘отца’, *mātúr* ‘матери’ (*-tur* < **-t_{rs}*): им. п. **méh₂-tr(-s)* — род. п. **méh₂-t_{rs}*. Однако в действительности надо учитывать, что большинство производных имён относится к периоду позднего индоевропейского языкового состояния, когда акцент ослабел, а полностью сформировавшийся аблаут имел сугубо морфосемантическое значение. Поэтому стали возможны словоформы с полными степенями и корня, и суффикса: упомянутые греческие *δότηρ* в противопоставлении *δοτήρ*. Как показал в блестящем исследовании Э. Бенвенист [7], первое имя, означало «даритель, податель», второе — скорее «снабженец». Баритонные имена с суффиксом **-tor-* указывали на деятеля общего и постоянного, а окситонные, с **-tér-* — на конкретного и сиюминутного деятеля, а также на орудие. Имя же **gh₁éi-om-* (если авестийское имя восходит к такому архетипу) означает время года, а **gh₁i-óm-* — осадок, т.е. сущность, которая представлялась менее одушевлённой. Так же противостоят производные от этого же корня *χεῖμων* ‘зима’ и *χεῖμα* ‘буря’.

3.1. К. Боргстрём [34] отмечал, что корневые имена с корнем структуры ССС имеют основу СС^с/С- (состояние II по Бенвенисту). Ср. др.-инд. *tvác* ‘шкура’, греч. *πρόξ* ‘олень’, *χιών* ‘снег’, лат. *hiems* ‘зима; буря’. Конечно, правило это отнюдь не абсолютно, ср. греч. *σκόψι ψωρά* ‘парша, кожная болезнь’, *δόρξ* ‘газель’, а также аккумулятив *ὄλχα* (< *φολχα*, II. XIII 707; Od. XVIII 375) ‘борозду’. Но тенденция существует, и её можно было бы объяснить с позиции Лейденской школы. Однако ряд пунктов вызывает возражение. Прежде всего, ни в одном языке не сохранилось и следов парадигмы, где бы аккумулятив акцентом и аблаутом отличался от номинатива. Примеры, приводимые Бекесом, могут иметь и иное объяснение. Так, *tekan* — имя среднего рода, тогда как *χθών* и *kṣám* — женского⁷. Следовательно, перед нами именно то,

что именуется внутренней деривацией, вполне сопоставимое с лат. *sēmen* < **seh₁-m_ṇ* ‘зерно’ — *Semō* (*ōnis*) < **seh₁-mon-s* ‘бог посевов’. Как справедливо отмечал П. Видмер [35, S. 35], одно из грамматических значений внутренней деривации — образование имён одушевлённого рода. Баритонные имена типа *δότηρ*, как уже говорилось, — результат относительно позднего развития, когда разные аблаутные варианты суффиксов приобрели разное значение. Эволюция основы **d^hégh₁m_ṇ* → **d^hgh₁óm* (*-oms*) показывает механизм внутренней деривации: правосторонний акцентный сдвиг⁸.

3.2. К. Трембле [39] попытался объяснить своеобразные генитивы имён на дрожание в индоиранских языках: *pitár* — *pitúr* < **pə-t_ṛ-s*, *mātár* — *mātúr*, авест. *nar* — гат. *nārəš*, м.-авест. *narš* < *n_ṛs*. При этом надо учесть, что акцентуация имени **meh₂tēr* не единообразна. В греческом (*μήτηρ*) и литовском (*mótė* ‘жена; мать’, *móteris*, *mótina* ‘мать’, — все I а. п.) оно бесспорно баритонно, тогда как др.-инд. *mātár* демонстрирует окситонезу. Др.-в. нем. *muoter*, др.-англ. *moðor*, др.-исл. *modir* по закону Вернера тоже указывают на суффиксальное ударение (прагерм. **mōder* < **mātér-*). Понимая эти сложности, К. Трембле и предложил свой вариант реконструкции с рецессией акцента в слабых падежах: им. п. **meh₂-tér* (*-tér-s*) — род. п. **méh₂-t_ṛ-s*. Не вполне понятна апофония такого имени (в реконструкции Трембле): полная степень корня и суффикса в сильных падежах. Различная акцентология и.-е. **mā-ter-*, очевидно, связана с тем, что другие имена родства на **-ter* были окситонны: **ph₂-tér* ‘отец’, **d^hugh₂-tér* ‘дочь’ (ср., правда **b^hréh₂-ter* ‘брат, соплеменник’ и **sue-sor* ‘сестра’). Есть предположение, что имя «мать» приобрело окситонезу по аналогии с именами «отец» и «дочь», обозначавшими несимметричные семейные отношения. Имена же симметричных отношений сохранили баритонезу [18]. Более сложен вопрос об индоиранском генитиве *-tur* < **-t_{rs}*, не засвидетельствованном в других языках. По-видимому, он развился вначале у имён, которые дольше всего сохраняли подвижность ударения, т.е. имён родства, у которых ударение стояло на корне. В таких условиях главным способом выражения генитива была 0 степень вокализма в суффиксе. Генитив с 0 степенью флексии, возможно, возник по аналогии с протеродинамическими именами

с передвижением акцента в «слабых» падежах (род. п. *zimo*), почти пофонемно совпадающая и с греч. *χιών*, и с лат. *hiems*.

⁸ Готское *bandi* вообще не относится к именам с подвижным акцентом. Это стандартное имя с основной на *-jō-* (и.-е. **-jā-*), в склонении которого нет аблаута.

⁹ Грассман рассматривает эти формы как ритмические варианты.

⁷ Попутно отметим, что авестийское *ziia* (чаще *zuā*) не даёт основания для реконструкции дифтонга в корне. Это обычная именная основа с 0 степенью корня и полной суффикса,

Таблица 1. Соответствие латинского и индоиранского склонения

Имена с неподвижным акцентом						
Латинское	Ведическое	Ведическое	Латинское	Ведическое	Авестийское	
N. <i>rēs</i> ‘дело’	(<i>raī</i>) ‘богатство’	<i>gáuḥ</i> ‘корова’	<i>bos</i>	<i>nār</i> ‘муж’	<i>gauš</i>	—
G. <i>rei</i>	<i>rāyáḥ, ráyaḥ</i> (гапакс)	<i>gávaḥ, góḥ</i>	<i>bovis</i>	(<i>náraḥ</i>)	<i>gauš</i>	<i>nəraš, narš</i>
D. <i>rei</i>	<i>rāyé < rēiei</i>	<i>gáve</i>	<i>bovi</i>	<i>náre</i>	<i>gave</i>	—
Acc. <i>rem < *rē(i)m</i>	<i>rām < *rēim</i>	<i>gām < *gōu-m</i>	<i>bovem</i>	<i>náram</i>	<i>gām</i>	—
Abl. <i>rē</i>	<i>rāyáḥ</i>	<i>gávaḥ, góḥ</i>	<i>bove</i>	<i>náraḥ</i>	<i>gaot</i>	<i>nəraṭ</i>

Примечания к таблице.

1. Лат. *rēs*, сформировавшее V склонение, подверглось влиянию I и II склонений, поэтому у него сформировался генитив *rei* (вместо ожидаемого **rēis*). В этом сыграл роль и аккузатив *rem*, как и вед. *rām*, закономерно развившийся из **rēim* (падение второго элемента долгого дифтонга перед сонорным; см.: [40, p. 40–44], после чего долгий гласный сократился в латинском перед конечным *-m*).
2. Склонение лат. *bos* видоизменилось под влиянием консонантного III склонения, когда вместо закономерного **bom* появилась форма *bovem*. Архаизмы сохранились в итальянских языках (см. ниже).
3. Генитив *nəraš*, как отмечалось выше, — староавестийский рефлекс индоиранского **nrs, narš* — младоавестийский [41].

Таблица 2. Варианты акцентуации имён в Ригведе

Sg.	Pl.	Sg.	Pl.	Sg.	Pl.	Sg.	Pl.	Sg.	Pl.
N. <i>śvā</i> ‘собака’	—	—	<i>náras</i>	<i>gáuḥ</i>	<i>gávaḥ</i>	<i>dyáuḥ</i>	<i>dívaḥ</i> (1) <i>dyávaḥ</i> (22)	—	—
A. <i>śvánam</i>	<i>śúnaḥ</i>	<i>náram</i>	<i>nṛn</i>	<i>gām</i>	<i>gáḥ</i> (107) <i>gávaḥ</i> (2)	<i>dyām</i> (67), <i>dívam</i> (21)	<i>dívaḥ</i> (2), <i>diváh</i> (2), <i>dyún</i> (25)	<i>rām</i>	<i>ráyāḥ</i> (2)/ <i>rāyáḥ</i> (103)/ <i>rāḥ</i> (1)
I. —	—	—	<i>nṛbhiḥ</i>	<i>gávā</i>	<i>góbhiḥ</i>	<i>divá</i>	—	<i>rāyá</i>	—
D. —	—	<i>náre</i>	<i>nṛbhyaḥ</i>	<i>gáve</i>	<i>góbhyaḥ</i>	<i>dive</i>	—	<i>rāyé</i>	—
G. —	—	—	<i>narām</i> / (<i>narām</i> ; 17) <i>nṛnām</i> (<i>nṛnām</i> ; 15)	<i>góḥ</i> (35)/ <i>gávaḥ</i> (3) ⁹	<i>gávām</i> (<i>gávaam</i>) (52) <i>gónām</i> (20)	<i>diváh</i> (сотни ¹⁰) <i>dyóḥ</i> (4)	—	<i>rāyáḥ</i> (100) <i>ráyāḥ</i> (2)	<i>rāyám</i>
Ab. <i>śúnaḥ</i>	—	<i>náraḥ</i>	<i>nṛbhyaḥ</i>	<i>góḥ</i>	<i>góbhyaḥ</i>	<i>diváh</i> (сот- ни) <i>dyóḥ</i> (2)	—	<i>rāyáḥ</i>	—
L. —	—	<i>nári</i>	<i>nṛṣu</i>	<i>gávi</i>	<i>góṣu</i>	<i>diví</i> (104) <i>dyávi</i> (12)	—	—	—
V. —	—	—	<i>náraḥ</i>	—	<i>gāvas</i>	<i>dyauḥ</i>	—	—	—

Гапакс — форма, встретившаяся один раз.

(с номинативом *Ṛ-tōr* и генитивом **R-tér-s*). Таким образом, при всём его своеобразии он не требует реконструкции особой парадигмы с передвижением акцента, противоположным другим именам.

4. Но в некоторых именах наблюдаются отступления от общих правил апофонии и постановки ударения. Так, в ведическом есть имена, по структуре напоминающие корневые, но с неподвижным ударением. Со времён Х. Педерсена их сравнивают с латинскими, что и отражено в таблице.

Таким образом, в индоиранских языках наблюдаются расхождения: ведическая форма генитива-аблатива *náraḥ*, авестийская **nrs*: в ведическом обобщён генитив *-(r)as*, в авестийском — **-rs*. У имён на **-ar-*, наоборот: в авестийском имеются колебания: *atarš* ‘огонь’ — род. п. *aqarš* (< **atrs*) и *aqro* (**atras*). И возникает вопрос: какая форма более архаична. Он требует особых исследований: генитив **-rs*, следов которого нет в других языках, может быть и индоиранской инновацией (см. ещё [42, p. 51]).

Рассмотрим теперь, как распределены различные варианты падежных форм в Ригведе.

¹⁰ Грассман ведёт подсчёт до 8-й мандалы.

Можно было бы считать слабые падежи с полной ступенью вокализма инновациями, но они находят соответствие за пределами индоиранских языков. Рефлексы упомянутых имён в итальянских языках тоже отражают полную ступень вокализма в слабых формах: ед. ч. лат. им. п. *diēs* (< **diēus*) — род. п. ст.-лат. *Diovis*, *Diovos*; дат. п. оск. *diuvei*, *iuvei*, *διουφει*, *διοφφι*, *ζωφει*, умбр. *iove*. Таким образом, общеталийское склонение имени можно восстанавливать так:

N. **diēus* > *dies*

G. **diēues*/ **diōuos* (> *Jovis*)

D. **diēuei*/ **diōuei* (> *Jovi*)

A. **diēum* > *diem*.

Законы аналогии разделили некогда единое имя на собственное и нарицательное.

Вокализм в лат. *bovis*, греч. *βοφός* также соответствует индоиранским формам с неподвижным ударением. Ср. также умбр. *bum* ‘bovem’, пофонено совпадающее с вед. *gām*. Однако от того же корня образовано вед. *nāvagva* ‘имеющий 9 коров’. Итак, перед нами общеиндоевропейские слабые формы **diuó/és*/ **dīēus*, возможно, и **g^uóu-s* (**g^u-éh₃u-s*)/ **g^uué/ós*. Какая же может считаться первичной?

4.1. Для ответа на этот вопрос необходимо уточнить, с чем связана подвижность / неподвижность акцента в именах. Бесспорно неподвижно ударение в тематических и *ā*-основах (последние по сути производны от тематических). В основах на *i/u* имеется аблаут, но ударение неподвижно. Основы же на консонантные могут быть классифицированы так: в производных основах ударение неподвижно (греч. *δοτήρ* — *δοτήρως*), когда же первичного имени не сохранилось — ударение подвижно: *πατήρ* — *πατρός*. Интересующие нас имена тоже изначально производны, несмотря на внешнее сходство с корневыми: **diēus* < **dei-* ‘сиять, играть’ (др.-инд. *divyati*), **g^uōus* < **g^ueH-* ‘двигаться’ (с вариантом **g^uem-*), **reHis* < **reH-* ‘давать’ (др.-инд. *rāti*). Именно сходство с корневыми именами привело к развитию подвижной парадигмы. Парадигма производных имён формировалась в относительно поздний период, при ослабления силового компонента ударения. Поэтому в них полностью сохранился количественный аблаут, сформировавшийся в период силового ударения и характеризовавший морфологию каждой словоформы. Особый вопрос — формирование тематического склонения, в основах и флексиях которого ступень корня однотипна. Основы не подвержены морфонологическому чередованию, флексии присоединяются к тематическому гласному.

5. Морфологические особенности, связанные с былой подвижностью силового ударения, вполне очевидны и проявляются во всех атематических именах и глаголах. Для описания этих общих черт автором было предложено понятие *аблаутно-акцентной парадигмы* (ААП), в которой сведены эти общие черты.

Таблица 3. Аблаутно-акцентная парадигма

1. C ^u V ^u C ^u -s : C ^u V ^u C ^u - ^u s	Номинатив : Генитив субъекта: др.-инд. <i>kṣām</i> — <i>kṣāmāḥ</i> ‘земля’
2. C ^u V ^u C ^u -m : C ^u V ^u C ^u - ^u m	Аккузатив : Генитив объекта: др.-инд. <i>nāram</i> — <i>nṛnām</i> ‘муж’
3. C ^u V ^u C ^u -i : C ^u V ^u C ^u - ^u i	Локатив : Датив: др.-инд. <i>kṣāmi</i> — <i>kṣmē</i>
4. C ^u V ^u C ^u - : C ^u V ^u C ^u -s	Баритонное имя : Окситонное имя (Имя целостного постоянного свойства : имя частного признака, способного к изменению): греч. <i>σκόψ</i> ‘ястреб’ — <i>σκοπός</i> ‘цель’
5. C ^u V ^u C ^u - : C ^u V ^u C ^u -	Глагол внешнего действия : Глагол внутреннего состояния, способности, возможности (по происхождению — несогласованное прилагательное): др.-инд. <i>dōgdhi</i> ‘доить’ — <i>duhé</i> ‘(корова) доится’
6. C ^u V ^u C ^u -t : C ^u V ^u C ^u -tó	Активный : средний залог глагола (также — имя деятеля : страдательное причастие): др.-инд. <i>śṛṇóti</i> — <i>śṛṇuté</i> ‘слышать’ (также <i>devaśrúti</i> ‘слушающий бога’ — <i>śrutáh</i> ‘слышный’)
7. C ^u V ^u C ^u - : CoCe, CeCce	«Примитив» (древнейшая форма, предтеча презенса и аориста) : перфект (статив): др.-инд. <i>vétti</i> — <i>vide</i> ‘знать’
8. C ^u V ^u C ^u - : CVCV-	Индикатив : Конъюнктив: др.-инд. <i>ásti</i> — <i>ásati</i> ‘быть’
9. C ^u V ^u C ^u - : CVCV-	Атематическая : тематическая глагольная основа: др.-инд. <i>bhárti</i> — <i>bhāratī</i> ‘нести’
10. C ^u V ^u (R)C(V) : C ^u V ^u (R)C ^u -ti	Глагол стабильного действия : глагол меняющегося состояния (терминативный): греч. <i>τεύχω</i> ‘строить’ — <i>τυγχάνω</i> ‘случаться’
11. C ^u V ^u (R)C(S) : C ^u V ^u (R)C ^u -t	Презенс стабильного действия (часто транзитивный) : аорист «критической точки», т.е. момента изменения положения дел (часто непереходный): греч. <i>τρέφω</i> ‘кормить’ — <i>ἔτραφον</i> ‘я вырос’

12. C _v C _v - : C _v C _v -(C)	Отглагольное имя реального действия : отглагольное имя потенциального действия: др.-инд. <i>dṛśī</i> ‘при виде’ — <i>dṛśe</i> ‘(чтобы) видеть’
13. C _v C-C(R)C : C _v C-C _v RV-s	Имя действия : прилагательное долженствования: греч. <i>βρωτός</i> ‘пища’ — <i>βρωτέον</i> ‘чтобы быть съеденным’

(C — согласный, V — гласный, _v — редуцированный гласный)

Нетрудно видеть отличия *акцентно-аблаутных парадигм* Эрлангенской школы от предложенной выше. В акцентно-аблаутных парадигмах подчёркиваются различия различных акцентуационных типов; в аблаутно-акцентной парадигме, напротив, сходство.

5.1. Мы критиковали Эрлангенскую школу за слишком большое количество допущений об изменении основ имени по аналогии. Не применимы ли подобные же упрёки к ААП? Ведь согласно ей, следует предполагать в слабых падежах и производных формы типа **b^hrós*, **tmós* и т.д. вместо *φωρός*, *τομός* и т.д. Объясняется это следующим. В «тяжёлых» корнях 0 ступень вокализма в слабых формах — самое обычное явление. В «лёгких» же корнях 0 ступень, не очень удобная фонетически, появляется обычно при присоединении третьей морфемы: *φωρός*, но *δίφρος* ‘повозка’, *παδάη*, но *υράβδαη* ‘шум’. Таким образом, можно сформулировать закон, запрещающей «лёгкий» корень в 0 ступени в двухморфемных именных словоформах. В древнегреческом тематическом аористе возможно появление этого феномена: 2 л. ед. ч. *σῆς* ‘ты взял’, 3 л. *πλέ* ‘он повернул(ся)’. Вероятно, сохранение 0 ступени оказалось возможным благодаря тому, что уже у Гомера значительно чаще встречались формы с аугментом: *ἔσχε*, *ἔπλε*¹¹. В безударной позиции в лёгких корнях *e > o*; затем именно эта ступень стала основной для окситонных дериватов [43, S. 125].

6. В заключение рассмотрим вопрос о словообразовании, осуществляющемся путём изменения ударения и ступеней вокализма морфем слова (корня и суффикса). По аналогии с внутренней флексией (англ. *foot* — *feet*) её именуют *внутренней деривацией*. Её причиной следует считать передвижение акцента. При этом в производных формах оно становится неподвижным и колумнальным

¹¹ Ряд подобных сочетаний звуков рассмотрен в диссертации [46].

(фиксированным на определённой морфеме). Однако сохраняется аблаут, вызванный передвижением акцента. В одном из наиболее обстоятельных исследований [35] внутренняя деривация связывается с акцентно-аблаутными парадигмами Эрлангенской школы и определяется как переход имени из одной из них в другую. П. Видмер указывает на следующие переходы: 1. Акростатическое имя *ē/ě* → акростатическое имя *o/e*: **uēsu* (гомеровское *ῥῦς* ‘хороший, добрый’, др.-ирл. *fíu* ‘добро’) → **uosu* (др.-ирл. *fó* ‘добро; господин’). 2. Акростатическое имя *o/e* → протеродинамическое имя: **kré/ótus* (др.-инд. *krátus*, род. п. *krátvah/krátoh*, авест. *xraquš*, род. п. *xraquaš/xratəuš*) → **krtús* (греч. *χρατός* ‘сильный’, гот. *hardus*). Передвижение акцента очевидно, но сомнительна трактовка имени **kré/ótus* как акростатического: производное имя с характерной иммобилизацией ударения и «открытой» флексией. См. выше об особенностях таких имён. 3. Протеродинамическое → гистеродинамическое имя. Это характеризует взаимоотношение абстрактных и конкретных имён с сигматической основой: вед. *ápas* ‘дело’ — *apás* ‘деятельный’, греч. *ψεῦδος* ‘обман’ — *ψευδής* ‘лживый’. Однако сомнительно, можно ли эти имена характеризовать как протеро- и гистеродинамические. Скорее они баритонные и окситонные, с колумнальным ударением: корневым (*ápas*) и суффиксальным (*apás*). По-видимому, адъективная форма с суффиксом *-és* легла в основу и родительного падеж сигматических имён, сформировав аблаут *yévos* — *ýeneos*, лат. *genus* — *generis*. Ср.: [12]; [44]. В. Хок [45] полагает, что на сигматические имена оказало влияние склонение имени **kreu_h₂s*, род. п. **kreués* ‘мясо’: в словоизменительной парадигме аблаут должен выравниваться. Однако качественный аблаут в склонении свойствен многим суффиксальным именам: хетт. *uatar* — *uetenas* ‘вода’ (< **uódr* — **udéns*), лат. *homo* — *hominis*, гот. *guma* — *gumins* ‘человек’, лит. *akmuō* — *akmēns* ‘камень’, ст.-слав. *камы* — *камене*. Дело в том, что вследствие закона передвижения акцента направо (о котором ниже) в разные периоды праиндоевропейского языкового состояния образовывались адъективно-атрибутивные формы, которые втягивались в деклинационные парадигмы. Фонетические законы этого времени сформировали аблаут в суффиксах: *-o/é*. В отдельных языках они действительно унифицировались, и литовскому *pietmuō*, *pietmēns* соответствует греч. *ποιμήν*, *ποιμένος* ‘пастух’.

Первые суть имена действия, неодушевлённые, абстрактные, существительные, обозначающие основное свойство (качество) предмета. Вторые: имена деятеля/орудия, одушевлённые,

прилагательные, обозначающие частные, временные свойства субъекта. Также баритонное имя может обозначать класс, окситонное — принадлежность к нему, подобие, обладание его свойством. Ср. др.-инд. *vṛdh* ‘процветание’ — *vṛdháh* ‘содействующий процветанию’, *śúc* ‘свет’ — *śucá* ‘чистый, ясный’; греч. *φῶρ* ‘вор’ — *φορός* ‘несущий’, *σκοπός* ‘ястреб’ — *σκοπός* ‘стражник; цель’. Оба имени связаны с глаголом *σκέπτομαι* ‘смотреть’; многозначность второго имени нередко приводила в смущение исследователей: почему окситонное имя может обозначать такую абстрактную сущность, как «цель». Но главным в значении этого имени является то, что оно обозначает признаки, появляющиеся и исчезающие во времени. Этим оно и отличается от однокоренного атематического. В таких парах возможна и ретракция (сдвиг влево) ударения. Баритонные тематические имена обозначают, как правило, действие: *φόρος* ‘ноша’, *τόμος* ‘разрез’ (*τομός* ‘нож’), *τρόχος* ‘бег’ (*τροχός* ‘колесо’). В отличие от корневых имён, они очень редко выступают как имена одушевлённых сущностей. В качестве исключения можно привести имя *πόρνος* ‘блудница’, основа, производная от назального глагола *πέρνωμι* ‘продавать’.

А. Нуссбаум [47] отмечает большое как формальное, так и семантическое разнообразие окситонных имён, которые могут обладать всеми тремя видами корневого вокализма, обозначать прилагательные и существительные, сущности действующие и претерпевающие воздействие. Нередко одна лексема может иметь различные значения. Например, омонимы *σκοπός* ‘стражник’ и ‘цель’ Нуссбаум трактует как активное и пассивное имя. Это справедливо, однако не следует забывать, что подобные значения часто выражаются именно баритонными именами: *φόρος* ‘ноша’ (= то, что несут), *λόγος* ‘слово’ (= то, что говорят). Пассивное прилагательное сохраняет значение конкретного предмета: *δορός* ‘ободранный’. О причине такого развития значений в окситонном *σκοπός* было сказано выше. Вообще, говоря о внутренней деривации, не следует забывать: всякая деривация характеризуется отсутствием чётких значений у словообразовательных способов. Имена, образованные одинаково, могут иметь сильно различающиеся значения.

Аблаутно-акцентные отношения этого рода свойственны и производным именам. Ср. лат. *genus* ‘род’ — *gener* (**genes-os*) ‘зять’ (принадлежащий к роду); упоминавшееся греч. *θήρ* — лат. *ferus*; лит. *žemė* ‘земля’ (греч. *χθών*, др.-инд. *ksām*) — *žemas* ‘низкий’. В латинском языке противостоят существительные и прилагательные с суффиксом *-ti-*:

у первых ударение на корне, и безударное *-i-* последнего слога выпадает перед *-s*: *pars* ‘часть’ (древняя основа сохранена в наречии, происходящем из аккузатива: *partim* ‘частично’), *fors* ‘случай’; во вторых ударение стояло на последнем слоге, благодаря чему *-i-* сохраняется: *fortis* ‘сильный’, *mitis* ‘мягкий’. Если прилагательное *fortis* одного корня с *fors* — перед нами пара **bhṛtis* (имя действия): **bhṛtis* (прилагательное) при том, что в др.-инд. **bhṛtīh* ‘ноша’ эта оппозиция элиминировалась¹².

Сопоставление существительного и прилагательного на *-i-* наглядно показывает и пути развития внутренней деривации, и формирование различных ступней качественного аблаута в корне. Греч. *ὄγκρις* ‘угол’ и *ὄγκρις* ‘обрывистый, угловатый’ представляют собой такую же пару, как *τόμος* — *τομός* (**h₂ókri-*: **h₂okrí-*). Эту же основу содержат лат. *ocris* ‘скалистая гора, утёс’, умбрск. *ukar/ocar*, южнопиценск. *okrei*, маррукинск. *ocres* (род. п.). Сабелльское имя, возможно, корневое, латинское содержит суффикс **-ī-*. Вариант же **h₂ek-* представлен в греч. *ἄγκρις* ‘вершина горы’ и многочисленных производных (греч. *ἄγκρος* ‘высший’, лат. *acer* ‘острый’ и т.д.) Следовательно, **-h₂ek-* сохранял свой вокализм под ударением, а в безударной позиции преобразовывался в **-h₂ok-*. Затем посредством ретракции акцента от него образовывалось новое баритонное имя.

Противопоставляться могут и ступени вокализма суффиксов: *γνώμων* ‘знаток’ — *γνώμα* ‘знак’. Имена на **-men-/mon-* обозначают деятеля, на **-mṇ-* — действие, а тематизированный вариант **-m(e)no-* образовывал прилагательные: *ἄρμα* ‘повозка’ — *ἄρμενος* ‘слаженный, подготовленный’ (*ἄρμενα* ‘корабельные снасти’). Суффикс **-tṛ-* означает имя действия, **-tor-/*-tér-* — имя деятеля, **-tro-* — прилагательное, имя результата. Ср. хетт. *paprizzi* ‘грешить’ — *papratar* ‘грех’; греч. *θέλω* ‘очаровывать’ — *θέλχαρ* *θέλημα* (Hes.) ‘волшебство’ (< **θελγ-тар*) — *θελκτήρ* ‘волшебник’; *φίτρος* ‘пень, обрубок’ (**bhei-* ‘ударять’). В этой связи отметим, что имена на *-tar-* в хеттском склоняются как гетероклитики: *papratar*: род. п. *paprannas* < **-tnos*. Суффикс **-tno-* образует имя результата: *βάτνος* *αὐλός* *Μεσσηνιοί* (Hes.) ‘трубка, струя (мессенцы)’; вариант *-ter-*, *-tr-* представлен в таких именах, как *βατήρ* *βαίνων* ‘идущий’¹³, *βάτρα* *βάσις* ‘основа’.

¹² Для имени *fortis* предполагается либо корень **bher-* (ср. греч. *φέρτερος*, др.-инд. *bhártara* ‘более сильный’, *φείστος*, *φείτατος*, *bhártama* ‘самый сильный’), либо **dher-* (др.-инд. *dharáyati* ‘держат’, *dhrṣū*, *dhrṣnú*, греч. *θρασύς* ‘отважный’, гот. *gadars* ‘осмеливается’).

¹³ Ю.С. Степанов [48, с. 60] заметил, что имена на *-ter-* могли означать не только деятеля, но и орудие, стихийный

Вариант **-t(e)no-* образует прилагательные пассивного долженствования в балто-славянском (подобно суффиксу *-τεφο-* в древнегреческом): *приятъ*, ст.-слав. *приятѣ* — *приятѣнь*; лит. *dirbti* ‘работать’ — *dirbtinas* ‘должный быть сделанным’

Эти варианты суффикса, примеры которых можно значительно умножить и греческим, и древнеиндийским материалом, и данными других языков, позволяют сформулировать один из важнейших законов индоевропейской морфологии: закон правостороннего сдвига ударения. Согласно ему, чем правее стояло ударение на словоформе, тем скорее она выражала весь тот сложный комплекс значений, который был выше приписан окситонным формам: именно такие имена обозначали конкретные сущности, одушевлённых персонажей, наконец, превращались в прилагательные¹⁴. Иногда такие прилагательные приобретали модальное значение, превращаясь по сути в герундивы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Cossyur Ф. де.* Мемуар о первоначальной системе индоевропейского вокализма // *Cossyur Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1977. [Saussure, F. de. *Memuar o pervonachalnoj sisteme indoeuropejskogo vokalizma* [A Memoir about the Original System of Indo-European Vocalism]. Saussure, F. de. *Trudy po yazykoznaniyu* [Works on Linguistics]. Moscow, 1977. (In Russ.)]
2. *van Wijk N.* Der Indogermanische Nominativ in seiner besonderen Beziehung zum Genitiv. Zwölle, 1900. (In German)
3. *Lehmann W.P.* On the earlier stage of Indo-European nominal flexion. *Lingua*, 1958.
4. *Pedersen H.* La cinquième déclinaison de latin. Copenhagen, 1926. (In French)
5. *Études lithuanniques*, Copenhagen, 1933. (In French)
6. *Бенвенист Э.* Индоевропейское именное словообразование. М., 1950. [Benveniste, É. *Indoeuropejskoe imennoe slovoobrazovanie* [Indo-European Nominal Word Formation]. Moscow, 1950. (In Russ.)]
7. *Benveniste É.* Noms d'agent et noms d'action. Paris, 1948. (In French)
8. *Kuiper F.B.J.* Notes on Vedic inflection. *Meddeelingen van Koniglike Nederlandshe Akademie van Wetenschappen*. 1942, V. 5.
9. *Eichner H.* Die Etymologie von hethitischen *mehur*. *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*, 1971, Hf. 31. (In German)
10. *Schindler J.* Zum hethitischen *neku*. *Zeitschrift zur Kunde der indogermanischen Sprachen*. 1967. Bd. 80. (In German)
11. *Schindler J.* L'apophonie des noms-racines indo-européens // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*. 1972. V. 67. (In French)
12. *Schindler J.* L'apophonie des themes indo-européens *-r/-n-*. *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*. 1975. V. 70. (In French)
13. *Narten J.* Zum proterodynamischen Präsens. *Pratidānam: Essays in Honor F.B.J. Kuiper*. Hague, 1968. (In German)
14. *Tichy E.* Einführung in die indogermanische Sprachwissenschaft. 2001. (In German)
15. *Fortson B.* Introduction in Indo-European languages and culture. 2004.
16. *Clackson J.* Introduction in Indo-European Linguistics. Oxford, 2007.
17. *Meier-Brügger M.* Indogermanische Sprachwissenschaft. Berlin: De Gruyter, 2010. (In German)
18. *Герценберг Л.Г.* Краткое введение в индоевропеистику. СПб., 2010. [Herzenberg, L.G. *Kratkoe vvedenie v indoeuropeistiku* [A Brief Introduction to Indo-European Studies]. St. Petersburg, 2010. (In Russ.)]
19. *Beekes R.S.P.* Comparative Indo-European Linguistics. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2011.
20. *Красухин К.Г.* Очерки по реконструкции индоевропейского синтаксиса. М., 2005. [Krasuhin, K.G. *Oчерki po rekonstrukcii indoeuropejskogo sintaksisa* [Essays on the Reconstruction of Indo-European Syntax]. Moscow, 2005. (In Russ.)]
21. *Rasmussen J.R.* The Growth of IE Ablaut: Contrastive Accent and Vṛddhi. *Carlene Jones-Bley et al.* (eds.) *Proceedings of the 11th Annual UCLA Indo-European conference*. Washington, 2001.
22. *Kronasser H.* Etymologie der hethitischen Sprache. Wiesbaden, 1966. (In German)
23. *Miller D.G.* Studies in the form of Genitiv singular in Indo-European: Dissertation PhD. Harvard University. Cambridge, 1967.
24. *Schmitt-Brandt R.* Die Entwicklung des indogermanischen Vokalsystems. Heidelberg, 1967. (In German)

действующий процесс: *πίμπρημι* ‘жечь’ — *πρηστήρ* ‘вихрь; смерч, удар молнии’. Общая семантика сиюминутного деятеля развивается и в значение орудия. Ю.С. Степанов отмечает, что имя *πρηστήρ* обозначало по сути устранимый субъект: имя стихии. В высказывании может использоваться и безличное предложение для описания стихийных процессов, затем позиция субъекта заполняется именем стихии: *Веет — Ветер веет*. Для имени в винительном падеже *βιητρα* Гезихий даёт такое толкование: *τὸ ἄκρον τῶν σκάμματος τῶν πενθάτλων, ἄφ' οὗ ἄλλονται τὸ πρῶτον* ‘вершина гимнастического рва на соревнованиях, с которого прыгают вначале’.

¹⁴ В литовском языке все прилагательные относятся без исключения к подвижным парадигмам, даже те, которые соответствуют баритонным прилагательным в греко-арийском ареале: *naūjas* (4) ‘новый’ = *véos, návyas; sānas* (4) ‘старый’ = *ēvos, sānas*. Трудно сказать, какое ударение в этих прилагательных первично. Ср. ведическое наречие *sanād* ‘исстари’.

25. *Kluge F.* Handbuch des Urgermanischen. Heidelberg, 1913. (In German)
26. Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1955. [Prokosh, E. *Sravnitel'naya grammatika germanskikh yazykov* [Comparative Grammar of Germanic Languages]. Moscow, 1955. (In Russ.)]
27. *Lehmann W.P.* Proto-Indo-European Phonology. Austin; London, 1952.
28. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1962. Т. 2. [Sravnitel'naya grammatika germanskikh yazykov [Comparative Grammar of the Germanic Languages]. Moscow, 1962. Vol. 2. (In Russ.)]
29. *Nagy G.* The Greek dialects as a reflex of Indo-European processes. Cambridge MA, 1971.
30. *Chantraine P.* La formation des noms en Grec ancien. Paris, 1933. (In French)
31. *Buck C.D.* The Greek dialects. Chicago, 1955.
32. *Szemerényi O.* Syncope in Greek and Indo-European and the nature of Indo-European Accent. Napoli, 1964.
33. *Fulk R.* The Origins of Indo-European quantitative ablaut. Innsbruck, 1986.
34. *Borgström K.* Internal reconstruction of Pre-Indo-European // *Word*. 1954. V. 10.
35. *Widmer P.* Das Korn des weiten Feldes. Innsbruck, 2004. (In German)
36. Красухин К.Г. Аспекты индоевропейской реконструкции: Акцентология. Морфология. Синтаксис. М., 2004. [Krasuhin, K.G. *Aspekty indoevropskoj rekonstrukcii: Akcentologiya. Morfologiya. Sintaksis* [Aspects of Indo-European Reconstruction: Accentology. Morphology. Syntax]. Moscow, 2004. (In Russ.)]
37. *Vaan M. de.* "Narten" roots from the Avestan point of view. *Per aspera ad asteriscos: Studia indogermanica in honorem Jens Elmgård Rasmussen sexageni Idibus Martibus MMIV*. Ed. A. Hyllested et al. Innsbruck, 2004.
38. *Beekes R.S.P.* The Origins of Indo-European nominal inflection. Innsbruck, 1985.
39. *Tremblay X.* La déclinaison des noms de parenté indo-européens en *-ter*. Innsbruck, 2003. (In French)
40. *Stang Chr.* Indo-européen **g^wōm, *d(i)jēm*. *Stang Chr. Opuscula linguistica*. Oslo, 1970.
41. *Beekes R.S.P.* A Grammar of Gatha-Avestan. Leiden et al., 1988.
42. *Martinez J., Vaan de V.* Introduccion al Avestico. Madrid, 2001.
43. *Kuryłowicz J.* Indogermanische Grammatik. Heidelberg, 1968. Bd. II: Ablaut. Akzent. (In German)
44. *Stüber K.* Die primäre *s*-Stämme des Indogermanischen. Wiesbaden, 2002. (In German)
45. *Hock W.* Interne Rekonstruktion und Akzentparadigma. Indo-European Accent and Ablaut. Ed. G. Keydana et al. Kopenhagen, 2013. (In German)
46. Трофимов А.А. Развитие индоевропейских консонантных сочетаний, содержащих *s*, в греко-армянно-индоиранском ареале: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. [Trofimov, A.A. *Razvitie indoevropskikh konsonantnykh sochetanij, soderzhashchih s, v greko-armyano-indoiranskom areale. Diss. ... kand. filol. nauk* [The Development of Indo-European Consonant Combinations Containing *s* in the Greek-Armenian-Indo-Iranian Area. Diss. ... Candidate of Philology]. Moscow, 2016. (In Russ.)]
47. *Nussbaum A.* Adjectives and other Derivatives of "τόμος-Type". Verbal Adjectives and Participles in Indo-European languages = Adjectifs verbaux et participes en les langues indo-européennes. Ed. C. Le Feuvre et al. Bremen, 2017.
48. Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение. М., 1989. [Stepanov, Yu.S. *Indoevropskoe predlozhenie* [Indo-European Sentence]. Moscow, 1989. (In Russ.)]

Дата поступления материала в редакцию: 23 октября 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 7 декабря 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 июня 2024 г.

Дата публикации: 31 августа 2024 г.

Received by Editor on October 23, 2023

Revised on December 7, 2023

Accepted on June 15, 2024

Date of publication: August 31, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024040029

«Пролетарский эпизод» в литературном процессе 1920-х годов: случай Саратова

© 2024 г. А. В. Хрусталева

Доктор филологических наук,
доцент Саратовского национального исследовательского
государственного университета имени Н.Г. Чернышевского,
Россия, 410012, Саратов, ул. Астраханская, д. 83
ORCID ID: 0000-0001-9015-2523
tevlin1982@mail.ru

© 2024 г. Д. С. Московская

Доктор филологических наук,
главный научный сотрудник,
заместитель директора по научной работе,
заведующая Отделом рукописей
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ORCID ID: 0000-0002-8089-9604
darya-mos@yandex.ru

Резюме. Своеобразие литературного процесса в Саратове периода нэпа было связано с небольшим региональным бюджетом, медленной скоростью распространения документации и отсутствием четких политических указаний со стороны партийных и цензурных органов в отношении литературы вплоть до середины 1920-х годов, поскольку культурная повестка дня часто формировалась профсоюзами. Областной Пролеткульт послужил базой для Саратовской ассоциации пролетарских писателей (САПП). До того момента, как САПП получил поддержку от центральных органов Ассоциации, у него не было достаточно сил для творческой и пропагандистской деятельности, которой занимался Пролеткульт. Получив поддержку от Москвы, САПП попала в зависимость от руководящих органов московской Ассоциации. Обновление жизни пролетарской Ассоциации связано с появлением в Саратове Г. Лелевича. Вместе с появлением Лелевича влияние Пролеткульта в Саратове ослабело, а у САПП начался период расцвета.

Благодарность. Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 20-18-00394) ««Стенограмма»: Политика и литература. Цифровой архив литературных организаций 1920–1930-х гг.». <https://rscf.ru/project/20-18-00394>

Ключевые слова: провинциальный литературный процесс, финансирование, литературная политика, Пролеткульт, Саратовская ассоциация пролетарских писателей, Курчавов А., Машбиц-Веров И., Гельфанд М., Друзин В.

Для цитирования: Хрусталева А.В., Московская Д.С. «Пролетарский эпизод» в литературном процессе 1920-х годов: случай Саратова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 4. С. 17–30. DOI: 10.31857/S1605788024040029

“The Proletarian Episode” in the Literary Process of the 1920-s: the Case of Saratov

© 2024 Anna V. Khroustaleva

Doct. Sci. (Philol.),
Associate Professor of the N.G. Chernyshevsky Saratov
National Research State University,
83 Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia
ORCID ID: 0000-0001-9015-2523
tevlin1982@mail.ru

© 2024 Daria S. Moskovskaya

Doct. Sci. (Philol.),
Director of Research,
Head of the Manuscripts Department of A.M. Gorky Institute
of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ORCID ID: 0000-0002-8089-9604
darya-mos@yandex.ru

Abstract. The peculiarity of Saratov literary process in the New Economy Policy Period was underlied by a small regional budget, slow speed of documentation circulation and the absence of distinct political guidance from the Party and censorship organs towards literature up to the mid-1920s, as the themes of cultural agenda were often chosen by trade unions. The regional Proletkult became a foundation for Saratov Association of Proletarian Writers (SAPW). Until the moment SAPW was supported by the central organs, it had no sufficient energy for its creative and propaganda activities, which were left to Proletkult. Getting the support, the organisation became dependent on the guiding Moscow organs. The renewal of the life of the Proletarian Association is connected with the appearance of G. Lelevich in Saratov. Together with the appearance of Lelevich in Saratov, the influence of the Proletkult weakened, and the SAPW began a flourishing period. A significant contribution to this was made by G. Lelevich.

Acknowledgements. The research was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (RNF, project No. 20-18-00394) «“Transcript”: Politics and Literature. Digital archive of literary organizations of the 1920s–1930s». <https://rscf.ru/project/20-18-00394/>

Key words: provincial literary process, financing, literary policy, Proletkult, Saratov Association of Proletarian Writers, Kurchavov A., Machbits-Verov I., Gelfand M., Druzin V.

For citation: Khroustaleva, A.V., Moskovskaya, D.S. “Proletarskij epizod” v literaturnom processe 1920-h godov: sluchaj Saratova [“The Proletarian Episode” in the Literary Process of the 1920-s: the Case of Saratov]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 4, pp. 17–30. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024040029

Хронологически первым и не потерявшим значения до настоящего момента библиографическим источником к истории саратовского литературного процесса является указатель Р.С. Мандельштам «Художественная литература в русской марксистской критике» [1]. Первой попыткой концептуального осмысления специфики местного литературного процесса стал рассчитанный на преподавателя литературы очерк «Литературное движение в Нижневолжском крае» в пособии «Рабочая книга по литературе народов СССР» [2] под редакцией А.П. Скафтымова. В этом очерке закономерно отсутствовала

информация о подвергшихся опале лидерах литературных группировок и неправильно датировался ряд событий литературной жизни города. Работа по воссозданию местной литературной жизни была продолжена В.А. Сушицким, автором книги «Саратов в беллетристике» [3], где впервые были приведены биографические и библиографические справки ряда саратовских писателей. Сушицкий скрупулезно исследовал все доступные тогда фонды библиотек и архивов Саратова и Москвы, но и его труд остался неполон: например, не были учтены опубликованные в Саратове пьесы Л. Гумилевского «Хлеб» (1921)

и «Владыка мира» (1921). Как справедливо замечает современный исследователь А.С. Касович [4, с. 77], только в 1960-е годы изучение саратовской книжной продукции первых лет советской власти приняло не статистико-библиографическую, а в полной мере форму научного исследования. В 1968 г. в Саратове вышел сборник «Рожденные революцией», где в статье А.К. Жуйковой «Литературная жизнь Саратова первого октябрьского десятилетия» [5] впервые была приведена и прокомментирована детализированная хроника газетных и журнальных публикаций саратовских литераторов и литературоведов. В 1980 г. вышла книга В.Ф. Гермашевой «Саратовские издания в первые годы Советской власти (1918–1921)» [6], которая дополнила труды предшественников новыми данными по печати первых трех пореволюционных лет.

Местный литературный процесс стал объектом концептуального изучения в статье С. Рыженкова «Литературный регионализм: путь Саратова», опубликованной журналом «Новое литературное обозрение» [7] и книги «Губернская власть и словесность» [8]. Как справедливо заметил Е. Добренко в рецензии на это издание [9], она иллюстрирует недостаточность спатального стержня для построения истории литературы или искусства: выводы сводятся к констатации того, что «провинциальная словесность не копировала ситуацию в центре, а скорее гротескно ее переиначивала...» [8, с. 7]. Было бы правильно, пишет рецензент, дополнить этот общий вывод важным уточнением: «переиначивание» являлось следствием медленного темпа провинциальной жизни, при котором процессы институционализации занимали больше времени, чем в Москве.

Рыженков в своей статье связывает особый саратовский путь создания и трансляции литературной продукции 1920-х годов с относительной автономией этноконфессиональных групп от губернской литературной власти. Здесь мы позволим себе некоторое уточнение. Относительная свобода внутри автономий была прежде всего следствием отсроченной институционализации власти, поскольку существование автономных регионов внутри государства объяснялось не целью удовлетворения потребностей этноконфессиональных сообществ и сохранения их специфики, а задачами удержания территории. Сохранение ряда литературных свобод на территориях национальных меньшинств было, таким образом, результатом этой политики. Нельзя согласиться с утверждением Рыженкова, что «ничем не ограниченной» литературной власти

рассматриваемого периода оппонировали только этнические сообщества: так, культурная деятельность саратовских профсоюзов долгое время сохраняла альтернативный характер по отношению к местной партийной и государственной власти. Об этом свидетельствуют данные краеведческих музеев Саратовской области, где отложились разрешительные документы на постановку пьес, выданные саратовским профсоюзом работников искусства (РАБИС). Частичная подмена государственной цензуры корпоративно-цеховой является значимой составляющей провинциального культурного кода 1920-х годов, которую следует учитывать историкам литературы. Профсоюзные инициативы стали следствием временного разрыва между формированием институтов контроля в центре и на периферии. Таким образом, изучение провинциального материала каждый раз требует выявления конкретных причин ретардации региональных культурных процессов и «переиначивания» столичных инициатив, что позволит охарактеризовать принципиальное своеобразие местных литератур до того момента, как они влились в стандартизованный общесоюзный литературный поток.

Что касается литературной жизни Саратова, то она, действительно, приобрела особый колорит из-за близости республики Немцев Поволжья. Здесь действовали кооперативы, профсоюзы, иные общественные и религиозные организации, в которых печатались и распространялись огромными тиражами книги, не связанные с какой-либо ценностью для новой власти, например, католические катехизисы [10, с. 392]. На территории автономии продавались издания немецкой эмиграции, выходившие в Германии и США, позднее запрещенные. Книги и периодические издания подобного характера были частично доступны саратовскому читателю в свободной продаже. И только с 1926 г., как свидетельствуют архивные документы, родственникам эмигрантов не рекомендовалось получать зарубежные посылки, включая книжные (слово «запрещено» в циркулярах еще отсутствовало). Распространялись на территории Саратовской губернии и рукописные неподцензурные издания, например, иллюстрированный журнал семьи Кедровых «Гнездышко»¹. В 1923 г. на страницах этого журнала редакция поздравляла читателя с христианскими праздниками, используя евангельские цитаты: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его». Борьба за новый быт, объявленная Л.Д. Троцким

¹ COMK. НВ 48277–48278.

в 1923 г., пока еще обходила подобную литературную продукцию стороной.

Своеобразие культурных процессов в Саратове определяется также стремительным оттоком в столичные центры творческой интеллигенции: в пореволюционные годы Саратову недоставало зрелых творческих сил для активной культурной жизни. При наличии здесь в прошлом культурно развитой традиции демократической литературы, представленной Н.Г. Чернышевским, А.Н. Пыпиным, Д.Л. Мордовцевым, о существовании литературного гнезда в послереволюционном Саратове можно говорить с достаточной долей условности. Талантливые писатели Л. Гумилевский и М. Зенкевич, продолжавшие литературно-художественное творчество после октября 1917 г., покинули Саратов в 1923 г. Недолгим было пребывание в городе А.Д. Скалдина и Б.А. Пильняка. Саратов не стал центром организации литературной жизни для Л. Авербаха, каким стал Ростов-на-Дону для В. Киршона. Не этим выходцам из среды интеллигенции и городского мещанства предстояло определять саратовскую литературную среду в середине 1920-х годов. Эта роль досталась саратовскому Пролеткульту.

Саратовская пролеткультовская ячейка возникла как литературная студия в 1918 г. Ее персональный состав полностью не удалось установить. Известно, что к началу 1923 г. в нее официально входило 12 человек, по социальному цензу — 8 рабочих и 4 интеллигента. Плоды творчества студии сохранились на страницах журнала «Горнило», увидевшего свет 10 июля 1918 г., и в сборниках «Взмахи» (первый выпуск появился в декабре 1919 г.). В целом, определяющей литературной традицией для пролеткультовцев Саратова было творчество поэтов «Кузницы», у которых А. Винокуров и А. Мастерков заимствовали космические образы рабочего-мессии, подвижника, пришедшего преобразить старый мир:

Разбросаю стих, зажженный
Цепью солнечных венков,
И, поднявшись кистью новой,
Размахнувшейся рукой,
В небе радугой огневой
Начертаю подвиг твой.
[2, с. 76].

Литературная деятельность Пролеткульта финансировалась местным Губоно, отчислениями от профсоюзных членских взносов и субсидиями Наркомпроса, что обеспечило пролетарским писателям возможность публично заявить о себе. В то же время саратовский Пролеткульт разделял установку своих идеологов на независимость

пролетарской культурной работы от государственных и даже партийных органов. Тезис о том, что несмотря на победу рабочих и крестьян в борьбе за власть, советские государственные учреждения не в силах осуществить и полно отразить в своей работе пролетарское мирозерцание, давал пролеткультам основание требовать для себя эксклюзивное право обслуживать в культурно-идеологической сфере интересы победившего класса и проводить свою политику независимо от Наркомпроса. По воспоминаниям местного писателя, публициста, критика, постоянного автора издания «Саратовский дневник» Н.М. Архангельского, саратовский Пролеткульт, подражая независимой политике Москвы, не считался с местной властью: «Между Пролеткультом и Отделом народного образования идет борьба. Вчера она вылилась в безобразный скандал. В 3 часа дня в Народном Дворце назначена была от отдела народного образования публичная лекция Арановича... Сцена оказалась занята деятелями Пролеткульта»².

Местная студия Пролеткульта, зеркально повторяя московские события, стала кадровой базой для Ассоциации пролетарских писателей. Если в центре основным финансовым источником культурно-просветительских проектов был Наркомпрос, в Саратове художественное творчество первоначально нашло существенную поддержку в профсоюзах. В 1926 г. 59 из 66 губернских клубов принадлежало профсоюзам и находилось на их содержании³. На профсоюзных членов была возложена обязательная культурная «разверстка» в размере 10 процентов от взносов, призванная покрыть, в том числе, и нужды книгоиздания. Финансовый поток из Москвы был кратно меньше собранного профсоюзами: в 1926 г. центр обеспечивал саратовскую культурную жизнь в размере 19 тысяч 179 рублей 79 копеек в год⁴, тогда как саратовские профсоюзы отчисляли в местный бюджет на культуру не менее 17 000 руб. ежемесячно⁵. Таким образом, именно профсоюзы, а не местные политпросветы, могли определять содержание многих культурных мероприятий [10], делая ставку на их самокупаемость и развлекательность. Закономерно, что представители культуры ориентировались на эти актуальные запросы в большей степени, чем на пролетарские идеологические ценности.

² СОМК. Ф. 15774/16. Л. 20.

³ ГАНИСО. Ф. 27. ОП. 4. Д. 110. Л. 11.

⁴ ГАНИСО. Ф. 27. ОП. 4. Д. 110. Л. 29.

⁵ Там же.

Известен, например, характерный случай, когда Л.А. Словохотов, бывший товарищ прокурора, сын протоиерея Оренбургской епархии, несколько лет подряд на разных площадках вел платную лекционную деятельность, финансируемую профсоюзами. Им было прочитано более ста лекций, посвященных проблемам литературы и эстетики, и ни один из цензурных органов Саратова не интересовался предметом и идейным содержанием его выступлений до конца 1920-х годов.

Очевидно, что в годы нэпа в саратовском литературном процессе политическая линия по отношению к литературе со стороны губернского комитета партии носила менее устойчивый характер, чем в столице, где непосредственное участие представителей Московского комитета партии и Отдела печати было обязательным ритуалом совещаний и конференций [11]. Известно о случаях позднего прихода в Саратов некоторых циркуляров и об отсутствии списков запрещенных пьес в отдельных уездах. Документы, отложившиеся в московских архивах, рассказывают нам о ситуации *de jure*, а материалы Государственного архива новейшей истории Саратовской области показывают положение дел *de facto*: «...иногда ставят пьесы, не пропущенные Гублитом, откуда их берут, неизвестно». В Саратове решения АПО партии нередко отменяли ранее вынесенные постановления Гублита, причем эта отмена носила неуравновешенно-скачкообразный характер. Более того, происходил пропуск уже установленных после централизации цензуры в 1922 г. звеньев. Так, саратовский Гублит сообщает АПО, что несмотря на запрет со стороны «Гублита, а также местных партийных и обществено-руководящих органов о ненужности постановки на сцене театра Чернышевского “Чайного цветка” Левина, последняя была послана в Главрепертком, минуя Гублит и без его ведома» [10, с. 399].

Функции идеологического контроля, взятого на себя в 1923 г. критиками журнала «На посту», овладевшими к 1927 г. руководящими позициями в Федерации объединений советских писателей, не воспроизводились сапповцами в местной литературной жизни в полной мере. Страстные идеологические бои, проходившие в Москве и Ленинграде, долгое время не отражались на литературной жизни города, так как, в целом, потенциальные идейные оппоненты АПП, включая «попутничество», не представляли собой выраженную литературную силу, достойную последовательной полемики. Количественно саратовский литературный фронт характеризует

то, что в группе ЛЕФ состоял один человек, а в 1927 г. в отчете АПО указывается, что группа не оформлена⁶.

Саратовская ассоциация пролетарских писателей, в отличие от всеильного в Москве и Ленинграде ВАППа, не обладала до 1927 г. каким-либо идеологическим и политическим весом или финансово-экономическими внешними опорами. Профсоюзы были готовы выделять деньги для поддержки тех культурных проектов, которые были адресованы рабочему контингенту их предприятий, но САПП не вызвал у них интереса и финансовое содействие этой литературной организации вплоть до конца 1920-х годов профсоюзы осуществляли сдержанно. Профсоюзы как органы, располагавшие реальными книгоиздательскими ресурсами, оказывали помощь по своему усмотрению, не торопясь финансировать культуру по классовому или партийному принципу. Как показывают архивные документы отделения ВАППа до 1927 г. не оказывали существенного влияния на провинциальную культурную жизнь, не пользовались доверием губкомов и, как свидетельствуют архивные данные, даже имели место случаи задержания ГПУ членов ВАПП по подозрению в участии в сетевых контрреволюционных организациях.

История саратовского отделения Ассоциации пролетарских писателей повторяет в своем становлении траекторию формирования МАППа/ВАППа в столице, но лишена характерного для столицы ореола непримиримой идеологической борьбы с попутчиками. Объединение разрозненных пролеткультов в ассоциацию произошло в Москве в феврале 1920 г., но только после прихода к власти в ВАПП в 1923 г. молодежной комсомольской группы «Октябрь» характер движения пролетарской литературы изменился, приобрел централизованный характер: кружки и ячейки московских пролеткультов влились в районные рабочие литкружки, образовав районные и региональные отделения, подчиняющиеся центральным — Московской ассоциации и обновленной в 1924 г. усилиями той же комсомольской группы «Октябрь» Всероссийской ассоциации.

То же, но в узком местном масштабе, происходило и в Саратове, когда членами саратовского Пролеткульта стали Л. Борзов и Н. Иванов. Под руководством очеркиста Александра Алексеевича (по другой информации — Исаевича) Курчова они составили ядро саратовской группы «Октябрь», открывшей новый этап в местном

⁶ ГАНИСО. Ф. 27. ОП. 4. Д. 110. Л. 8.

литературном процессе. Долгое время существовала версия, что это произошло в 1923 г. [2, с. 78], но, как увидим далее, на деле саратовский «Октябрь» был организован позже. В теоретических самоописаниях САППа, датируемых 1932 г. [2, с. 78], подчеркивалось, что саратовский «Октябрь» смог верно отразить современную революционную действительность, преодолеть цеховую замкнутость Пролеткульта, переродившуюся в литературное сектантство.

Как показывают периодические отчеты о местных культурных событиях, публиковавшиеся «Саратовскими известиями» в 1924 г., литературная жизнь города стремилась синхронизироваться со столичной. 4 апреля 1924 г. на общем собрании литстудии Пролеткульта был заслушан доклад В. Михайловича о необходимости создания местной ассоциации пролетарских писателей и поэтов. Было принято постановление: 1) признать необходимым объединение пролетарских писателей и поэтов в целях более организованной и успешной борьбы с мелкобуржуазной идеологией; 2) для руководства работой по объединению избрать оргбюро, которому предложить через Губком РКИ, РКСМ и ГСПС связаться со всеми литературными организациями и кружками при фабриках, заводах и рабочих клубах. 9 апреля «Саратовские известия» сообщили, что объединение пролетарских писателей будет группироваться около основного ядра литературной студии саратовского Пролеткульта. 16 апреля того же года состоялось организационное собрание пролетарских писателей, вставших на платформу местной группы «Октябрь». В группу вошло 18 человек — 10 прозаиков и 8 поэтов. Организация предполагала вовлечь «широкие слои рабочих и молодёжи, доступ <...> учащихся и интеллигенции закрыт — группа исключительно пролетарская». 5 августа «Саратовские известия» опубликовали еще одно объявление, свидетельствующее об отсутствии идеологических разногласий между саратовским Пролеткультом и группой «Октябрь»: «Оргбюро Лито Пролеткульта и правление группы “Октябрь”, считая, что обе эти организации стоят на одной платформе и должны работать совместно, созывают на сегодня (5 августа) в 8 часов вечера в помещении Пролеткульта <...> объединенное собрание членов Лито и “Октябрь”».

Напостовская группа ВАППа развернула критику пролеткультовской групповщины и нигилизма в начале 1925 г., обозначив в качестве одной из задач Ассоциации необходимость освободиться от ошибок А.А. Богданова и воздействовать на «другие классовые отряды литературы», став для

них центром притяжения. Однако заявленное ВАПП размежевание с вождями Пролеткульта начнется лишь в середине 1926 г., когда на повестке дня станет вопрос о литературной политике и реализации лозунга о культурной революции. Тогда Авербах опубликует статью «О пометах Ленина на статье В. Плетнева», доказывавшую, что новый, плетневский Пролеткульт наследовал богдановскому в противопоставлении пролетарского культурного строительства политической работе советской власти, а также в желании получить монополию на строительство пролетарской культуры [12]. Очевидно, что в 1924 г. саратовский Пролеткульт (что зеркально отображало московскую ситуацию) еще не воспринимался идеологическим врагом САППа.

Итак, если вести историю САППа как объединения, вобравшего в себя кадры местного Пролеткульта и саратовской группы «Октябрь», от постановления о необходимости собирания воедино литературных сил, следует начинать эту историю в апреле, а не в августе 1924 г., как это иногда делалось ранее исследователями. Очевидно, что Саратовская ассоциация в своем становлении повторила события литературной жизни центра с отставанием на один год. 15–17 марта 1923 г. на Первой Московской конференции пролетарских писателей был оформлен МАПП как организация, «объединившая вокруг себя все передовые и дееспособные элементы пролетарской литературы» [13, с. 201], взявшая за основу идеологическую и художественную платформу литературной группы «Октябрь»: «Она широка настолько, чтобы дать свободу выявлению творческой индивидуальности и творческим исканиям. Но она не широка в том смысле, в каком этот термин понимали меньшевики, говоря о *широкой* партии, т.е. в смысле *свободы* идейных шатаний и неустойчивости. Наша платформа достаточно узка, чтобы поставить грань псевдо-пролетарским концертам по декадентским нотам» [14, с. 106]. 21 марта правление МАПП передало докладную записку зав. агитпропотделом ЦК РКП(б) Т.А. Бубнову, где в связи «с развитием борьбы на идеологическом фронте, несомненным ростом влияния художественной литературы на массы» обосновывалась необходимость сплочения рядов пролетарской литературы, до сих пор разбитой на кружки и группы, почти не связанные друг с другом и поддающиеся чуждым буржуазным влияниям. Предлагалось расширить рамки деятельности московской ассоциации и заняться организацией пролетарской литературы во Всероссийском масштабе, что и было осуществлено 10 февраля 1924 г., когда постановлением

общего собрания МАПП было образовано временное правление ВАППа. Прошедший 2–4 мая 1924 г. Пленум правления ВАППа принял резолюцию по докладу И. Вардина «Идеологический фронт и задачи литературы» об общей линии пролетарской литературы на идеологическом фронте. ВАПП вступил в фазу борьбы за гегемонию на литературном фронте страны [15]. Платформа московского «Октября» стала платформой и САППа, как можно заключить из отчета «Саратовских известий». Саратовская ассоциация отличалась теми же чертами классового ригоризма и курсом на координацию своей идеологической работы с партийными и комсомольскими органами, которые отличали литературную политику ВАППа на протяжении всего существования.

Отмеченное выше изменение реальной даты создания саратовской группы «Октябрь» с 1924 г. на 1923 г., зафиксированное нами в источнике 1932 г., могло преследовать задачу демонстрации синхронизации саратовского «Октябрь» с московским и вовлеченности местной литературной жизни в столичные идеологические бои. Но также оно могло быть обусловлено и желанием академической части САППа, а именно В. Бочкарева и И. Пехтелева, скрывающимися за инициалами, которыми подписана цитируемая работа 1932 г., подчеркнуть роль группы «Октябрь» в становлении Саратовской ассоциации.

6–12 января 1925 г. в Москве прошло Всесоюзное совещание пролетарских писателей, на котором было представлено 60 региональных организаций, в которые входили 2677 человек. Важнейшим на повестке дня был организационный вопрос. Совещание продемонстрировало готовность напостовской верхушки добиться необходимой сплоченности и подчинения региональных отделений властному центру, утвердило общую волю к уничтожению групповщины, что позволяло региональным отделениям надеяться на системную финансовую и идеологическую поддержку московского центра. На этом общем фоне закономерно, что устав САПП был принят только 28 января 1925 г., т.е. спустя две недели после завершения московского Всесоюзного совещания пролетарских писателей, вскоре при поддержке ЦК приобретшего легитимный законодательный статус конференции.

Одновременно с утверждением устава обсуждалась творческая платформа САППа. В одной из газетных публикаций [16] указывалось, что с целью повышения квалификации сапповцам следует обращаться за помощью к мастерам Пролеткульта. Основным печатным органом САППа

с 1924 г. стала газета рабоче-крестьянской молодежи «Большевицкий молодняк», являвшаяся официальным изданием Саратовского губернского комитета ВЛКСМ. Предпочтительной формой работы сапповцев были избраны вечера самокритики, проходившие по понедельникам, с чтением и разбором собственных произведений. Перед выступлением конкретного автора любое произведение проходило внутреннюю цензуру — его читала сапповская спецтройка, один из ее участников делал доклад с характеристикой автора произведения и его творчества.

Вокруг газеты сгруппировались комсомольские и пионерские литературные силы. Было отведено место под литературный уголок, а также ответы на письма, разбор произведений, присланных в редакцию, литературные беседы. Среди мероприятий 1926 г. в газетах упоминается выступление в Саратове известных пролетарских поэтов А. Жарова и И. Молчанова, а также несколько диспутов о современной литературе, один из которых в 1926 г. был посвящен роману Ф. Гладкова «Цемент». На одном из них саратовец Г. Поляков заявил, что «Цемент» скучен, а герои его не отображают реальные характеры из народа. Известно, что гладковский Цемент, в целом высоко оцененный пролетарской критикой, дал повод для обсуждения проблемы доступности простому читателю нового пролетарского творчества: «Одни, например, говорят, что вот “Цемент” Гладкова — великолепная вещь, а другие говорят — ничего не понимаем, потому что язык трудный» [17, с. 53]. Как отметил Е.А. Добренко, рабочие, представители той аудитории, на которую нацеливался разрушительный пафос *городского* производственного романа, не поверили героям Гладкова, так как не поняли логики их поступков, устремлений и желаний: «Биографии нет, а раз ее нет, то нет и понимания» [18, с. 19].

1926 г. был отмечен борьбой САППа с коммунистическим чванством. Литературный критик Михайлович отмечал, что литкружковцы, построившие 1–2 стихотворения в местную или московскую газету, начинают вместо дальнейшей учёбы и самокритики «поплёвывать на все стороны»: и на классиков, и на учёбу, и на современную литературу. Чванливое поведение пролетарского молодняка в Саратове было характерно для молодых пролетарских писательских кадров в целом, что было отмечено в докладе Л. Авербаха «Современная литература и очередные задачи ВАППа» в апреле 1927 г. на очередном Пленуме, призывавшем к борьбе с отрицательными явлениями в рядах ВАППа, прежде всего, с комчванством,

т.е. переоценкой «имеющихся достижений, не-серьезным отношением к задачам учебы и самокритики, выдвинутому ВАПП'ом» [19, с. 66]. Характерным для времени организационного укрепления ВАППа, роста его политического влияния, стали выступления литературных проходимцев, декларирующих свой особый статус и членство в МАППе (нередко это членство не подтверждается при изучении протоколов и стенограмм). Например, членом МАППа объявил себя выступавший в Саратове Аркадий Северный, переписывавшийся с М. Горьким. Называя Горького учителем, Северный не только бравировал общением с ним, но и попытался продать его корреспонденцию редакции ленинградского «Резца» [20].

Как уже было сказано, первое время значительного влияния на читателя САПП не оказывал: о факте существования организации ведущее периодическое издание города «Саратовские известия» упоминает в 1926 г. лишь два раза. Заседаниям Пролеткульта газета уделяет значительно больше внимания, хотя обе организации проводят свои встречи в одном помещении. В 1928 г. Д.О. Шафранский с долей грусти констатирует неуспех творческой продукции САППа: «Широкие слои советской общественности еще мало знают и <...> произведения тоже редко кто читает. Не читают, потому что очень мало печатаются» [21, с. 25]. Далее делается вывод: «Внутренняя работа САПП должна пойти по линии широкого вовлечения всей рабоче-крестьянской молодежи, интересующейся вопросами литературного творчества и уже выявившихся пролетарских писателей, укрепления связи с уездными отделениями. Необходимо также взять более широкий курс на развитие массовой работы, организовывая литературные вечера, усиливая работу с литературными кружками в рабочих клубах» [21, с. 27]. Данные Шафранского в большей степени отвечают литературной ситуации не 1928 г., а конца 1926 г., что подтверждают сведения, фиксирующую иную динамику в 1927 г.: мероприятия САППа посещало около 1000 человек в месяц в городе с населением несколько более 200 тысяч жителей [10, с. 316]. Причину подобного роста интереса массового читателя и зрителя к деятельности САППа можно связать с общим ростом политического влияния ВАППа в 1927 г. На этот год приходится ряд знаковых событий в жизни всесоюзной ассоциации, свидетельствующих о достижении ею гегемонии на литературном фронте: идеологическое руководство в Федерации объединений советских писателей берет на себя новообразованная в марте 1927 г. коммунистическая фракция ФОСП во

главе с секретарем ВАППа А.А. Фадеевым [22], поддержку которого осуществлял Отдел печати ЦК ВКП (б). Из состава Правления был выведен разбитый крайний левый фланг ВАППа, группа Вардина — Лелевича — Родова, объявленных троцкистами; А.К. Воронский был отстранен от редакторской деятельности, а затем исключен из партии. Обновленный секретариат ВАППа во главе с Авербахом, Киршоном, Либединским взял литературную политику в стране в свои руки.

С 1927 г. совпадает конец формативного периода саратовской АПП, начавшегося, как мы показали, в 1924 г. Во второй половине 1926 г. в Саратов прибывает изгнанный из руководящих органов ВАППа Г. Лелевич, и САПП выходит на новую ступень эволюции.

Приезд Лелевича всколыхнул и обновил литературную жизнь города. Напрямую это обновление коснулось и САППа: стала избыточной установка на необходимость учебы в Пролеткульте у «мастеров слова», поскольку теперь можно было учиться у Лелевича. Постепенно увеличилась в четыре раза численность ассоциации. Согласно данным «Саратовских известий», за два сезона 1926–1928 гг. сапповцы провели 22 литературных мероприятия, одно из которых собрало 200 человек.

Закат саратовского Пролеткульта начался в 1927 г. Еще в начале 1926 г. «Саратовские известия» рапортовали об общей активности Пролеткульта, наличии в нем действующих литературной, изобразительной и музыкальной студий. Последнее упоминание об организации датируется 28 июня 1927 г., после чего, как следует из архивного документа, фиксируется нецелесообразность дальнейшего существования объединения. Исчезновение Пролеткульта с культурного горизонта Саратова не связано с государственными или партийными директивами. Как известно, Пролеткульт как отдел Наркомпроса существовал вплоть до 1932 г. Именно активность САППа и Лелевича как лектора, организатора, идеолога перетянула на себя общественный интерес.

Не только вытеснение Пролеткульта из саратовской культурной жизни характеризует отрезок длиной в полтора года — с января 1926 г. до конца июня 1927 г.: знаковым является и резкое увеличение состава САППа. В январе 1926 г. в нем состоит 11 человек, через год в САППе уже 22 представителя, спустя еще шесть месяцев — в июне 1927 г. в нем числится 42 участника.

Как отмечалось выше, саратовский «Октябрь», основатель САППа, в 1924 г. насчитывал 18

участников. В связи с этим отдельной проблемой является постоянное изменение состава САППа, принявшее форму резкого роста в 1927 г. Этот рост может объясняться мифотворчеством — номинальным приписыванием к САППу остатков Пролеткульта, а также рабочих кружков или уездных организаций АПП. Причиной резкого роста САППа за шесть первых месяцев 1927 г. мог быть приезд в провинциальный Саратов ссыльного Лелевича. Внешняя вербовка на деле представляла собой регулярную агитационную деятельность Лелевича на культурных площадках города и в литературных кружках САПП. Можно предположить, что лекционная работа Лелевича выходила за пределы программы для руководителей кружков, которая спускалась из центра через Бюллетени ВАППа [23, с. 189] и выполнение которой можно было бы ожидать на территории провинции. Очевидно, что курс, прочитанный Лелевичем в течение 1927 г., был авторским и независимым от вапповских циркуляров. Для САПП им было разобрано более 10 тем: социальное назначение искусства, личность художника и класс, содержание и форма художественной литературы, словесный материал и изобразительные средства, основы стихосложения, развертывание сюжета, литературные жанры, буржуазно-дворянский период литературы (от Г. Державина к Л. Толстому), народнический период, пролетарская литература до Октября, от Октября до НЭПа, послеоктябрьская буржуазная литература, политика партии в литературе. Разрозненные упоминания о деятельности Лелевича, найденные в мемуарах и автобиографических документах, свидетельствуют об исключительно высокой оценке лектора саратовской средой. Высоко аттестуют слушавшие его лекции работники СГУ П. Бугаенко, А. Скафтымов и А. Жук.

Читателям «Саратовских известий» он адресовал цикл литературно-критических статей, посвященных пролетарским писателям — Ф. Гладкову, А. Безыменскому, А. Серафимовичу, А. Новикову-Прибою, а также классикам русской литературы, оставаясь верным своей основной установке — поиску стержневого образа как способа обобщения классовой психоидеологии писателя. «Каждый писатель воплощает в своих произведениях тот или иной основной социально-психологический образ. У романистов и новеллистов всегда можно обнаружить основного героя, стержневой тип, проходящий через все творчество автора», — пишет Лелевич. Он развивает свою мысль, концентрируясь на художественных образах: «порхающий яркий мотылек, изменчивая очаровательница, непоседа, кокетка, любительница

увлечений» — таким представляется ему облик героини дворянской литературы. Другим обличьем оказывается «томная и кроткая мечтательница, полная романтизма, верная супруга и добродетельная мать...» [24, с. 3]. Заметим, что в современном литературоведении практически полностью игнорируется теоретическое ядро статей Лелевича — его размышления о стиле как единстве тематических и идейных элементов психоидеологии определенной социальной группы; об упомянутом ранее «основном герое» как скрепляющем элементе этого стиля.

Юбилейный для советской власти 1927 г. отмечен ростом культурного уровня САППа: на страницах «Большевистского молодняка» появляется постоянная литературная консультация Ассоциации, члены ассоциации вступают в диалог с центральными органами ВАПП. Л. Борзов пишет «Письмо другу» как отклик на «Свидание» Молчанова, несколько смягчая критическое отношение к этому автору. Произведение Молчанова стало для журнала «На литературном посту» поводом объявить войну литературному мещанству, а заодно и либеральной, попутнической позиции А.М. Горького. Возрастает интерес к саратовской читательской аудитории со стороны известных писателей: провинциальный Саратов становится ближе к культурной жизни столицы. В январе 1927 г. в городе выступил В. Маяковский. В июне того же года здесь был тепло встречен коллега Лелевича по левому блоку — А. Безыменский. «Саратовские известия» сообщили о приезде Безыменского громким заголовком «Передовой трубач поэзии, первым откликающийся на новые моменты жизни». Автор публикации, Лелевич надеялся своего соратника по политико-литературной борьбе гипертрофированными эпитетами: ставил выше Маяковского, убеждал, что Безыменский своим творчеством приближал мировую победу пролетариата. «А читатель всегда находил и всегда найдет у Безыменского не только звучный стих и красивые обороты, но и ответы на жгучие, волнующие вопросы современности:

Только тот наших дней не мельче,
Только тот на нашем пути
Кто умеет за каждой мелочью
Революцию мировую найти.

Подогретое вниманием Лелевича выступление Безыменского вызвало ажиотаж. Как сообщали газеты, после второго отделения саратовцы подняли поэта на руки и долго качали. Скандалом было отмечено выступление в Саратове еще одного выдающегося пролетарского поэта И. Уткина. О реакции на его гастрولي свидетельствует

сообщение, что милиционер был вынужден охранять дверь, дабы пресечь попытки попасть на мероприятие многочисленных желающих, для которых уже не было места в зале. Как отмечено в газетах, Уткин вел себя экстравагантно, залез на стол, несколько агрессивно преподносил аудитории свои оценки современных поэтов, в том числе, Маяковского. Зал вел себя столь же агрессивно: слушатели обвиняли Уткина в контрреволюции, непонимании того, что в стране идёт классовая борьба; упрекали поэта в отсутствии тем, интересных пролетариату, требовали от него большей связи с массами. Позже саратовские гастролы Уткина стали предметом обсуждения на одном из совещаний секретариата РАПП. Уткину поставили в упрек его индивидуализм: в своем выступлении в Саратове он выражал собственное мнение, а не коллективную позицию ассоциации. В резолюции секретариата РАПП озвучивается решение отмежеваться от Уткина, поместив в журнале «На литературном посту» письмо о том, что РАПП не несет ответственности за выступления Уткина, не являющегося членом РАПП.

Широкое освещение в газетах получило мероприятие 1928 г. — литературный вечер с участием И. Молчанова. Встреча проходила по отработанной схеме — в программе значились два отделения: одно для приглашенного выступающего (в данном случае Молчанова), другое — для местных литературных сил. Очевидно, что САПП ставил задачу обучения своего молодняка в творческом соревновании с состоявшимся писателем.

К 1928 г. САПП добился видимых успехов: были созданы три литературных кружка по профессиональному профилю — мельников, печатников, рабочих электромастерских. Численность последнего поражает: в кружок вошли 40 человек, что сопоставимо, как видим, с численностью самой организации.

С 1928 г. работу по приему рукописей начинает редакция издания «Молодой ленинец», ставшего официальным печатным органом Нижне-Волжского бюро ЦК ВЛКСМ. Постепенно она начинает противопоставлять себя АПП как более деятельная и заинтересованная группа энтузиастов, демонстрируя приоритетную роль комсомола в культурном строительстве. Постепенно вокруг «Молодого ленинца» сгруппировалась первая волна сапповцев, самый ранний состав членов САПП, включавший Н. Королькова, Л. Борзова, Н. Иванова. Важным событием марта 1928 г. стала Первая поволжская конференция пролетарских писателей, на которую саратовцы прибыли

с самым большим по Поволжью количеством решающих голосов, которые достались литературным критикам В. Бочкареву, П. Нагулевичу, Л. Борзову и А. Курчавову. Перемены в жизни САППа, проявившиеся в росте его численности, активности его членов и внимании к литературной жизни Саратова со стороны центральных органов ВАПП, безусловно определены влиянием Лелевича. Но столь же значительную роль сыграла возрастающая значимость РАППа в литературной жизни страны [22].

Начало реконструктивного периода остро поставило вопрос о политической активности местных ассоциаций и их личном составе. ВАПП обновляет организационные принципы Ассоциации: отныне местные отделения разбиты по районам, и к каждому району прикреплены группа товарищей актива ВАППа, на которых возлагается обязанность поддерживать постоянную связь и помогать группе в ее работе. 30 апреля 1928 г. проходит Первый Всесоюзный съезд пролетарских писателей, принявший решение о реорганизации ВАППа в ВОАПП — во Всесоюзное Объединение Ассоциаций Пролетарских Писателей, создается РАПП. Был выкинут боевой лозунг «РАПП на предприятия», принято решение «ввести в практику работы проведение своих очередных заседаний от времени до времени на предприятиях или в рабочих клубах — с привлечением большого числа рабочих; организовать кружки АПП на предприятиях, там, где имеются для этого возможности (наличие выявленных творческих сил), однако, при обязательном условии обеспечения этих кружков достаточным и умелым руководством». Шахтинское дело научной интеллигенции дало основание пролетарским ассоциациям вести особо тщательный учет собственных кадров, организовать поиск в своих рядах вредителей. В этих условиях благонадежность САПП обеспечивалась участием 19 членов партии и 8 комсомольцев. Однако с 1928 г. деятельность САПП подверглась резкой критике Москвы. Во-первых, сапповцы ошибочно «выбросили лозунг о “напостовском руководстве”» вместо партийного, во-вторых, не справились с призывами «РАПП — на предприятия» и «Ударник в литературу», а также с организацией литературного дела у национальных меньшинств, в частности, у татарского населения. Местнические настроения САППа, обусловившие, по мнению руководства РАПП, его отставание в решении актуальных политических задач, поставленных Секретариатом Ассоциации, были зафиксированы во время проверки САППа комиссией из центра и вызвали острую реакцию журнала «На литературном

посту»: «Что нам до мировой революции — мы расейские. Что нам до Расеи — мы саратовские. Что нам до Саратова — мы балашовские. А там наша хата с краю» [25, с. 169].

Появление в этом критическом пассаже города Балашова объясняется тем, что обязанности главного редактора «Саратовских известий» несколько лет исполнял уроженец Балашова Марк Савельевич Гельфанд, член САППа с 1928 г. 19-й номер журнала «На литературном посту», где Авребах разразился критикой САППа, в 1929 г. [25] был посвящен анализу литературоведческих академических амбиций Гельфанда и его претензий на звание «защитника ленинизма в литературоведении». Гельфанда осуждали и за связь с путническим журналом «Печать и революция», до начала 1929 г. руководимым В. Полонским. В 1929–1930 гг. Гельфанд отметил своей связью с Литфронтом, куда входили, с одной стороны, левое меньшинство членов Ассоциации, отстраненных от руководящих постов еще в ноябре 1926 года (Г. Лелевич, С. Родов, Г. Горбачев, А. Безыменский), с другой — представители ленинградской группы критиков и писателей, объединившихся вокруг Г. Горбачева (А. Камегулов, А. Горелов, А. Прокофьев, Вс. Вишневский, В. Саянов и др.), а также бывшие ученики В.Ф. Перверзева из Коммунистической академии и Института красной профессуры. Лишь покаянное письмо литфронтовцев в «Правду» восстановило в ноябре 1930 г. Гельфанда в рядах РАПП, после чего он продолжил свою деятельность литературного критика и теоретика на страницах журнала «На литературном посту» и в РАППе.

Идеологический накал Москвы сказался на взаимоотношениях внутри саратовского отделения РАПП, разделенного на интеллигентов и пролетариев. Последовала череда скандалов, участились доносы. Так, член САПП Чувахин сообщает в открытом письме в «Саратовские известия» о том, что к руководству в ассоциации пришли интеллигентски дряблые люди, не умеющие управлять и, главное, не подходящие САППу по своему происхождению и тематике проводимых мероприятий. Чувахина не устраивало, например, что ему рассказывают про В. Брюсова и его эксперименты с художественной формой. Письмо содержит и другие важные сведения к истории САПП. Выясняется, что после прошедшего в ноябре 1928 г. съезда нижеволжских АПП, САПП покинула пятая часть его членов, недовольная расслоением внутри организации. Члены САПП из числа бывших детдомовцев, осознавшие новые социальные возможности,

протестовали против «благополучно-академической» прослойки организации, получившей якобы лучшие условия для творческого роста. В дальнейшем конфликт приобрел отчетливую форму противостояния комсомольца Курчавова, воспринимавшего себя как «старожила» САПП, и Друзина как автора нового, якобы изобилующего политическими ошибками учебного пособия по литературе. Друзина обвинили в троцкизме. Тем не менее в 1929 г. именно Курчавов был выведен из состава правления САПП. Орган обновленного САПП, «Молодой ленинец», призывал к восстановлению литературной работы, налаживанию связи со сталинградской и астраханской организациями, проведению чистки и перерегистрации кружков и АПП в крае.

Что касается публикационной активности САПП, то, по-видимому, продукция саратовских пролетариев была настолько слабой, что ни одно из их произведений не было принято в серию «Новинок пролетарской литературы», выпускаемой в Москве издательством «Федерация».

В 1930 г. положение в СарРАПП (после создания в 1928 г. РАПП САПП поменял свое название, став с 1930 г. Саратовским отделением РАПП) стабилизировалось. В январе прошел вечер Ассоциации в Клубе строителей, где присутствовало около 300 человек. На собрание членов СарАПП в соответствии с лозунгом «Ударник в литературу» приглашались не только начинающие литераторы, кружковцы, но и рабочие от станка. Бригада САППа выезжала в колхозы. В 1930 г. проходят совместные вечера общества литературоведения и СарАПП, на которых, в частности, звучат доклады Машбиц-Верова «О ближайших задачах АПП», Цвелёва (МАПП) — «О положении современной поэзии». В декабре был собран первый и единственный номер журнала Нижне-Волжской АПП «За пролетарскую литературу» (вышел в марте 1932).

Литературный процесс в Саратове был провинциальной версией большой столичной культурной, идеологической и политической истории. До того момента, когда саратовская ассоциация не получила властной и финансовой поддержки из центра, она не обладала достаточной энергией для своей организационной, пропагандистской, агитационной и литературно-творческой деятельности, оставив ее Пролеткульту. Обретя поддержку, она оказалась в зависимости от властных директив руководящих органов. САППу не удалось создать на родной земле выдающихся художественных произведений, существенно обновить дореволюционное саратовское литературное гнездо, придать ему новое местное своеобразие.

Создание Союза советских писателей освободило Саратов от необходимости локальной борьбы за марксистские социалистические ценности в литературе — саратовские писатели растворились в общесоюзном потоке литературно-художественного творчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мандельштам Р.С.* Художественная литература в оценке русской марксистской критики. 4-е перераб. изд. М.: Госиздат, 1928. 151 с.
2. Рабочая книга по литературе народов СССР для VII гр. ФЗС и III гр. ШКМ / сост. В. Бочкарев, И. Кравченко, А. Медведев, И. Пехтелев; под ред. А.П. Скафтымова. Саратов: Нижневолжское краевое изд-во, 1932. 78 с.
3. *Сушицкий В.А.* Саратов в беллетристике. Библиографический указатель. Саратов: Саратовское гос. изд-во, 1934. 136 с.
4. *Касович А.С.* Книгоиздание в Саратовской губернии 1918–1928 как объект научных исследований // Сфера культуры. 2022. № 1. С. 75–87.
5. *Жуйкова А.К.* Литературная жизнь Саратова первого октябрьского десятилетия (хроника) // Рожденные революцией. Сборник литературоведческих статей-очерков о писателях Поволжья / под ред. и со вступ. ст. П. Бугаенко. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1968. С. 230–237.
6. *Гермашева Ф.В.* Саратовские издания в первые годы советской власти (1918–1921 гг.) // Опыт работы Зональной научной библиотеки Саратовского университета. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1980. Вып. 23. С. 29–45.
7. *Рыженков С.* Литературный регионализм: путь Саратова // Новое литературное обозрение. 2000. № 5. С. 256–273.
8. Губернская власть и словесность: литература и журналистика Саратова 1920-х годов / под ред. Е.Г. Елиной, Л.Е. Герасимовой, Е.Г. Трубецковой. Саратов: Изд-во СГУ, 2003. 428 с.
9. *Добренко Е.* (Рец.) Губернская власть и словесность: литература и журналистика Саратова 1920-х гг. / Под ред. Е.Г. Елиной, Л.Е. Герасимовой, Е.Г. Трубецковой. Изд-во Сарат. ун-та, Саратов // Новое литературное обозрение. 2005. № 3 (73). С. 59.
10. *Хрусталева А. В.* Провинциальная печать и цензура в годы НЭПа (на примере Саратовской, Самарской губерний и АССР НП) // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 3. С. 392–411.
11. Из архива Госиздата в ОР ИМЛИ РАН / Вступ. ст. Московская Д.С. *Codex Manuscriptus*. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 14–41.
12. *Авербах Л.* О пометках Ленина на статье В. Плетнева // На посту. 1926. № 5–6. С. 3–11.
13. Материалы Первой Московской конференции пролетарских писателей // На посту. 1923. № 1. С. 193–195.
14. *Лелевич Г.* Нам нужна партийная линия. От Московской Конференции к Всероссийскому Съезду // На посту. 1923. № 1. С. 101–108.
15. *Московская Д.С.* Пролетарская литература как проект // Новое литературное обозрение. 2021. № 5. С. 80–93.
16. Устав САПП // Саратовские известия. 1925. 1 февраля.
17. *Серафимович А.С.* Читатель и писатель. Из выступлений и ответов на вопросы на вечерах рабочей критики в Ленинграде 11–13 февраля 1927 // На литературном посту. 1927. № 22–23. С. 49–52.
18. *Добренко Е.А.* Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб.: Академический проект, 1999. 558 с.
19. *Авербах Л.* Современная литература и очередные задачи ВАППа // На литературном посту. 1927. № 4. С. 63–67.
20. *Хрусталева А.В.* «Я тоже хочу работать, учиться и жить»: переписка А. Северного с А.М. Горьким // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 255–261. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-255-262>
21. *Шафранский Д.О.* О некоторых политических и практических задачах культурного строительства губернии // Коммунистический путь. 1928. № 1. С. 23–25.
22. *Московская Д.С.* Федерация объединений советских писателей как модель литературного процесса 1926–1932 гг. — организационная, финансовая, идеологическая и эстетическая составляющие (по архивным первоисточникам из Отдела рукописей ИМЛИ РАН) // Филологические науки. 2020. № 6 (ноябрь). С. 135–146.
23. *Московская Д.С., Романова О.В.* Литературные кружки как инструмент строительства пролетарской культуры. 1920–1932 гг. (по документам отдела рукописей ИМЛИ РАН) // Вестник славянских культур. 2021. Т. 61. С. 189–198. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-189-198>
24. *Лелевич Г.* От Татьяны Лариной к Даше Чумаковой // Саратовские известия, 1927. 8 марта. С. 3.
25. *Авербах Л.* О целостных масштабах и частных Макарах // На литературном посту. 1929. № 21–22. С. 11–17.

REFERENCES

1. Mandelstam, R.S. *Khudozhestvennaia literatura v otsenke russkoi marksistskoi kritiki. 4-e pererab. izd.* [Fictional Literature in Evaluation of Russian Marxist

- Criticism. The 4th Ed.]. Moscow: Gosizdat Publ., 1928. 151 p. (In Russ.)
2. *Rabochaia kniga po literature narodov SSSR dlia VII gr. FZS i III gr. ShKM*, sost V. Bochkarev, I. Kravchenko, A. Medvedev, I. Pekhtev; pod red. A.P. Skaftymova [Workbook on the Literature of Soviet Nations for 7th Group FZS and 3rd Group ShKM. Compl. by V. Bochkarev, I. Kravchenko, A. Medvedev, I. Pekhtev; Ed. A.P. Skaftymov]. Saratov: Nizhnevolzhskoe kraevoe izd-vo Publ., 1932. 78 p. (In Russ.)
 3. Sushitskiy, V.A. *Saratov v belletristike. Bibliograficheskie ukazatel* [Saratov in Belletristics. Bibliographical References]. Saratov: Saratovskoe gos. izd-vo Publ., 1934. 136 p. (In Russ.)
 4. Kasovich, A.S. *Knigoizdanie v Saratovskoi gubernii 1918–1928 kak objekt nauchnykh issledovaniy* [Book Publishing in Saratov County 1918–1928 as an Object of Research]. *Sfera kul'tury* [Cultural Sphere]. 2022, No. 1, pp. 75–87. (In Russ.)
 5. Zhuikova, A.K. *Literaturnaia zhizn Saratova pervogo oktiabrskogo desiatiletiia (khronika)* [Literature Life of Saratov during the First October Decade]. *Rozhdeniye revoliutsiei. Sbornik literaturovedcheskikh statei-ocherkov o pisateliakh Povolzhia*, pod red. i so vstup. st. P. Bugaenko [Born of the Revolution. Collection of Literary Articles-Essays on Writers of the Volga Region. Ed. and with an introduction by P. Bugayenko]. Saratov: Privolzhskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1968, pp. 230–237. (In Russ.)
 6. Germasheva, F.V. *Saratovskie izdaniia v pervye gody sovetskoi vlasti (1918– 1921 gg.)* [Saratov Publishers during the First Years of Soviet Rule]. *Opyt raboty Zonalnoi nauchnoi biblioteki Saratovskogo universiteta* [Work Experience of the Saratov University Zonal Scientific Library]. Saratov: Izdatl'stvo Saratovskogo universiteta Publ., 1980. Vol. 23, pp. 29–45. (In Russ.)
 7. Ryzhenkov, S. *Literaturnyi regionalizm: put Saratova* [Literature Regionalism: Way of Saratov]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. [New Literary Review]. 2000, No. 5, pp. 256–273. (In Russ.)
 8. *Gubernskaia vlast i slovesnost: literatura i zhurnal'stika Saratova 1920-kh godov*. Pod red. E.G. Elinoi, L.E. Gerasimovoi, E.G. Trubetskoi [County Rule and Language Arts: Saratov Literature and Journalism. Ed. E.G. Elina, L.E. Gerasimova, E.G. Trubetskova]. Saratov: Izd-vo SGU Publ., 2003. 428 p. (In Russ.)
 9. Dobrenko, E. (Rev.) *Gubernskaia vlast i slovesnost: literatura i zhurnal'stika Saratova 1920-kh gg*. Pod red. E.G. Elinoi, L.E. Gerasimovoi, E.G. Trubetskoi [County Rule and Language Arts: Saratov Literature and Journalism. Ed. E.G. Elina, L.E. Gerasimova, E.G. Trubetskova]. Saratov: Izd-vo SGU Publ., 2003. 428 p. *Novoe literaturnoe obozrenie*. [New Literary Review]. 2005, No. 3(73), p. 59. (In Russ.)
 10. Khrustaleva, A. V. *Provintsialnaia pechat i tsenzura v gody NEPa (na primere Saratovskoi, Samarskoi gubernii i ASSR NP)* [Provincial Printing and Censorship during the NEP Years (In the Context of Saratov, Samara County and Volga German ASSR)]. *Studia Litterarum*. 2020, Vol. 5, No. 3, pp. 392–411. (In Russ.)
 11. *Iz arkhiva Gosizdata v OR IMLI RAN. Vstup. st. Moskovskaia D.S.* [From Gosizdat Archives at Manuscript Department of the Institute of World Literature of the RAS. Introduction by Moskovskaya, D.S.]. *Codex Manuscriptus*. Moscow; IMLI RAN Publ., 2019, pp. 14–41. (In Russ.)
 12. Averbakh, L. *O pometkakh Lenina na stat'ie V. Pletneva* [On Lenin's Remarks in the Article of V. Plentev]. *Na postu* [At the Post]. 1926, No. 5–6, pp. 3–11. (In Russ.)
 13. *Materialy Pervoi Moskovskoi konferentsii proletarskikh pisatelei* [Materials of the First Moscow Conference of the Proletarian Writers]. *Na postu* [At the Post]. 1923, No. 1, pp. 193–195. (In Russ.)
 14. Lelevich, G. *Nam nuzhna partiinaia liniia. Ot Moskovskoi Konferentsii k Vserossiiskomu Sjezdu* [We need a Party Line. From the Moscow Conference to All-Russian Congress]. *Na postu* [At the Post]. 1923, No. 1. pp. 101–108. (In Russ.)
 15. Moskovskaya, D.S. *Proletarskaya literatura kak proekt* [Proletarian Literature as a Project]. *Novoe literaturnoe obozreniye* [New Literary Review]. 2021, No. 5, pp. 80–93. (In Russ.)
 16. *Ustav SAPP* [SAPP Charter]. *Saratovskie izvestiia* [Saratov News]. 1925, 1st (February). (In Russ.)
 17. Serafimovich, A.S. *Chitatel i pisatel. Iz vystuplenii i otvetov na voprosy na vecherakh rabochei kritiki v Leningrade 11–13 fevralia 1927* [Readers and Writers. Based on Addresses and Answers during the Workers Critics Evenings in Leningrad]. *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1927, No. 22–23, pp. 49–52. (In Russ.)
 18. Dobrenko, E.A. *Formovka sovetskogo pisatel'a. Sotsialnye i esteticheskie istoki sovetskoi literaturnoi kul'tury*. [Formation of a Soviet Writer. Social and Aesthetic Sources of the Soviet Literature Culture]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 1999. 558 p. (In Russ.)
 19. Averbakh, L. *Sovremennaia literatura i ocherednye zadachi VAPPA*. [Modern Literature and New Tasks of VAPP]. *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1927, No. 4, pp. 63–67. (In Russ.)
 20. Khrustaleva, A.V. *"Ia tozhe khochu rabotat', uchitsia i zhit": perepiska A. Severnogo s A.M. Gorkim* ["I also Want to Work, Study and Live": Letters of A. Severny and A.M. Gorky]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*. [Bulletin of Slavic Cultures]. 2022, Vol. 66, pp. 255–261. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-255-262> (In Russ.)
 21. Shafranskiy, D.O. *O nekotorykh politicheskikh i prakticheskikh zadachakh kul'turnogo stroitel'stva gubernii*. [On some Political and Practical Tasks of Cultural Development of Counties]. *Kommunisticheskii put* [Way of Communism]. 1928, No. 1, pp. 23–25. (In Russ.)

22. Moskovskaya, D.S. *Federatsiia objedinenii sovetskikh pisatelei kak model literaturnogo protsessa 1926–1932 gg. – organizatsionnaia, finansovaia, ideologicheskai i esticheskai sostavliaiushchie (po arkhivnym pervoistochnikam iz Otdela rukopisei IMLI RAN)* [Federation of Unions of Soviet Writers as the Model of Literature Process of 1926–1932 – Organizational, Financial, Ideological and Aesthetical Components (Based on Archival Sources of Manuscript Department of the Institute of World Literature of the RAS)]. *Filologicheskie nauki* [Philological Studies]. 2020, No. 6 (November), pp. 135–146. (In Russ.)
23. Moskovskaya, D.S., Romanova, O.V. *Literaturnye kruzhki kak instrument stroitelstva proletarskoi kultury. 1920–1932 gg. (po dokumentam otdela rukopisei IMLI RAN)* [Literary Circles as a Means of Forming Proletarian Culture. 1920–1923 (based on documents of manuscript department of IWL RAS)]. *Vestnik slavianskikh kultur* [Bulletin of Slavic Cultures]. 2021, Vol. 61, pp. 189–198.
<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-189-198> (In Russ.)
24. Lelevich, G. *Ot Tatiany Larinoi k Dashe Chumakovo* [From Tatiana Larina to Dasha Chumakova]. *Saratovskie izvestiia* [Saratov News]. 1927, 8 March, p. 3. (In Russ.)
25. Averbakh, L. *O tselostnykh masshtabakh i chastnykh Makarakh* [About Holistic Scales and Private Makars]. *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1929, No. 21–22, pp. 11–17. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 23 октября 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 7 декабря 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 июня 2024 г.

Дата публикации: 31 августа 2024 г.

Received by Editor on October 23, 2023

Revised on December 7, 2023

Accepted on June 15, 2024

Date of publication: August 31, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024040037

Феномен персонажа художественной прозы Чехова

© 2024 г. Э. С. Афанасьев

Доктор филологических наук,
профессор Ярославского государственного
педагогического университета им. К.Д. Ушинского,
Россия, 150000, Ярославль, Которосльная наб., д. 66
edg_afanasyev@mail.ru

Резюме. Тема настоящей статьи принадлежит к кардинальным проблемам эстетики и поэтики Чехова. Исследовательская литература по этой теме обширна, однако её научная значимость обесценивается вследствие недостаточного внимания учёных к научной методологии литературоведения, предписывающей изучение творчества писателя как художественно-эстетической системы в контексте историко-литературного процесса. По этой причине номинация чеховского персонажа как единичного человека (А.П. Чудаков, В.Б. Катаев, В.Я. Линков) не внесла ясности в проблему его специфики, его онтологического и эстетического статуса. Мы исходим из специфики чеховского, постклассического реализма, в котором художественный мир референтен миру действительному, а чеховский персонаж — реальному, единичному человеку, что позволяет нам осветить эти и сопутствующие им проблемы чеховской эстетической концепции человека. В заключении статьи мы суммируем наши наблюдения в форме методического алгоритма научной интерпретации чеховских художественных текстов.

Ключевые слова: постклассический реализм, онтологический статус, эстетический статус, личное бытие, экзистенция, иронический модус.

Для цитирования: Афанасьев Э.С. Феномен персонажа художественной прозы Чехова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 4. С. 31–39. DOI: 10.31857/S1605788024040037

The Phenomenon of the Character of Chekhov's Fiction

© 2024 Edgard S. Afanasyev

Doct. Sci. (Philol.),
Professor of K.D. Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogical University,
66 Kotorosl'naya Embankment, Yaroslavl, 150000, Russia
edg_afanasyev@mail.ru

Abstract. The topic raised in this article reflects the specificity of Chekhov's artistic and aesthetic system. The research literature on this topic is extensive; however, its scholarly significance is not fully appreciated due to the insufficient attention of scholars to the methodology of literary studies, which puts stock into addressing a writer's work as an artistic and aesthetic system considered in the context of the historical and literary process. For this reason, taking a Chekhov's character as a single person all by himself (A.P. Chudakov, V.B. Kataev, V.Y. Linkov) has not brought clarity to the problem of the specificity of the Chekhov's personage, its ontological and aesthetic status. We proceed from the specificity of Chekhov's postclassical realism, in which the artistic world is referential to the real world, and the character is a real 'single person', which allows us to illuminate, the above mentioned and related problems of Chekhov's aesthetic conception of man. In our conclusion, we summarize our observations in the form of a methodological algorithm, which would facilitate approaching and scholarly interpreting of Chekhov's literary texts.

Key words: postclassical realism, ontological status, aesthetic status, personal being, existence, ironic modus.

For citation: Afanasyev, E.S. *Fenomen personazha hudozhestvennoj prozy Chekhova* [The Phenomenon of the Character of Chekhov's Fiction]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 4, pp. 31–39. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024040037

Персонаж произведений Чехова принципиально отличается от героев русского классического реализма не только его онтологическим статусом, но и способом его репрезентации. Персонаж Чехова — понятие не только индивидуальное, но и родовое: те признаки, которые присущи всем этим персонажам, весомее признаков, которые их отличают. Какие же признаки присущи каждому чеховскому персонажу? Эту проблему не обошел ни один серьёзный исследователь творчества Чехова.

«В лучших рассказах Антоши Чехонте комический персонаж предстаёт перед нами как нарушение идеала, как отрицательное напоминание о том, каким должен быть герой» [1, с. 16]. Комический герой — таким вошёл персонаж раннего Чехова во все учебники и монографии в 1960-е — 1970-е годы. По М.Л. Семановой, «человек обезличен в такой мере, что исчерпан своим местом, своей профессией. Сущность человека как бы совпадает с его функцией в государственной машине» [2, с. 14]. Предполагается, что внутренний мир чеховского персонажа настолько ничтожен, что им можно пренебречь. Впрочем, и при интерпретации М.Л. Семановой «Рассказа неизвестного человека» зрелого периода творчества Чехова исследователь объясняет мотивов «отступничества» Владимира Иваныча факторами не личностными, а эпохальными. Л.Я. Гинзбург идёт в том же направлении, обнаруживая в чеховских персонажах «единство эпохального сознания» [3, с. 75]. Такое единство трудно предположить, если даже иметь в виду только интеллигенцию.

В 1970-е годы социологический подход к трактовке творчества Чехова преодолевается. Всё больший интерес вызывают внутренние мотивы поведения чеховских персонажей. При этом чеховский персонаж мыслится как индивид, единичный человек. Ещё Н.К. Михайловский сделал своего рода открытие, увидев странное сходство художественного мира Чехова с миром действительным, за что он порицал молодого писателя: «для него существует только действительность <...>» [4, с. 599]. Его наблюдение имело продолжение в трудах А.П. Чудакова 1970-х — 1980-х годов. Впрочем, заявления учёного об «адогматичности бытия» [5, с. 263] в мире Чехова, об

отсутствии единства между центром и периферией художественной системы Чехова [5, с. 281] не обещали решения проблемы идейно-художественной специфики чеховского персонажа. «Как бытие в целом у Чехова — царство индивидуальных форм, так и часть его — герой — прежде всего индивидуальность со всем единственным в своём роде сочетанием черт, и в этом качестве включённая в поток бытия» [6, с. 302]. По этой причине учёный не сумел объяснить причину эстетической значимости единичного человека и даже как будто бы не ставил перед собой такой цели. Для этого необходимо было поместить чеховского персонажа в контекст художественно-эстетической системы писателя, семантическим центром которой является эстетическая концепция человека, а саму эту систему — в историко-литературный контекст. В.Б. Катаев, разделяя с А.П. Чудаковым представление о единичности ипостаси чеховского персонажа, так же, как и его предшественник, умалчивает о чеховской эстетической концепции мира и человека, ставя акцент на гносеологической нацеленности чеховского персонажа: «Процесс познания человеком мира и форм этого познания, осмысления представляют для Чехова первостепенный интерес» [7, с. 64]. Соответствует ли этой цели внутренний потенциал чеховского единичного человека, аналога реального индивида? Не противоречит ли сам себе исследователь, утверждая: «Человек в чеховском мире не просто зависим, бесправен, несчастлив — ему не под силу понять (разрядка В.Б. Катаева. — Э.А.) законы, управляющие жизнью и человеческими отношениями» [7, с. 76]. Станным представляется и заявление этого учёного о том, что единичное в мире Чехова исключает его «подведение под общие и универсальные решения» [7, с. 138]. Как же в таком случае быть с целостностью художественного мира писателя, на которой основывается само понятие художественности? В более поздней работе учёный заявляет о том, что «счастье, одиночество, смысл жизни — такая обращённость индивидуальных судеб к общечеловеческим вопросам станет существенной чертой чеховских пьес» [8, с. 99]. Обращённость всех и каждого? И почему только пьес? Словом, получается, что чеховский персонаж

нацелен на решение проблем надындивидуальных, будучи единичным человеком.

Гносеологическую немощность чеховского персонажа объясняет В. Я. Линков: «В художественном мире Чехова нет сверхличной ценности, что и становится главным источником трагизма жизни героев писателя» [9, с. 126]. Именно: единичному человеку сверхличные ценности внеположны. Исследователи явно не соотносят чеховского единичного человека с человеком реальным, не обнаруживая в нём самости. А ведь чеховские персонажи — референтны всем нам. Автор поместил их в мир действительный. Между тем *эмоциональные* состояния чеховских персонажей номинируются как *эстетические* категории в художественном мире (драматическое, трагическое и т.д.), прежде всего в драматургии.

Иначе понимает единичность чеховского персонажа В.И. Тюпа: «Личность человека есть его единичность, но одновременно и всеобщность, поскольку быть личностью — это специфический человеческий способ существования. На этой всеобщности единичного человеческого бытия и основывается, по-видимому, чеховский метод типизации» [10, с. 36]. Учёный разделяет в чеховском персонаже его внутренний мир, мир души, как объединяющее людей начало, и его индивидуальность, его «футляр». Динамика внутренней жизни персонажа — это движение от индивидуальности к душевному напряжению. Справедливо, что душа человека является тем общим, что объединяет род людской (и даже теплокровных животных). Однако динамику внутреннего мира чеховских персонажей В.И. Тюпа только констатирует, но не объясняет её причины, утверждая, что у учителя словесности Никитина душевное напряжение «возникает и обостряется, а в жизни Ионыча — ослабевает и исчезает» [10, с. 55]. Таким образом, Ионыч сначала был личностью, а потом перестал ею быть? Обратное произошло с Никитиным? На самом деле внутренняя, душевная жизнь чеховских персонажей спонтанна и объясняется факторами возрастными. В «Учителе словесности» представлен мотив ухода, хорошо известный нам по русской классике. Причины ухода — избыток внутреннего потенциала героя по отношению к социальной среде и поиск иного мира. Учитель Никитин таким избытком неотягощён; ему, заурядному индивиду, повезло прекрасно устроиться в губернском городе учителем гимназии, жениться по любви на дочери генерала и быть хорошо принятым в обществе. Когда наступает пора зрелости сознания, человек обращает внимание на свой внутренний мир. Увы,

к Никитину приходит сознание своей заурядности. В то же время наступает усталость от однообразного благополучия, при котором душа дремлет и человек устремляет свой взор вовне. Но здесь автор рассказа ставит точку. Читателю, однако, должно быть ясно, что такой приспособленец, как Никитин, не соблазнится заманчивыми мечтами. Но такой вывод читатель обязан обосновать. Так Чехов вовлекает читателя в творческий процесс. Также фактором возрастной динамики человека обусловлены расставание Ионыча с романтическим мировосприятием, присущим молодому человеку, и естественное превращение его в раздражительного, необщительного обывателя. Подобную эволюцию совершает и профессор Николай Степанович из «Скудной истории», личностные качества которого несомненны. Во всех этих случаях контекст, в котором рассматривается проблема феномена чеховского персонажа, слишком узок.

Каким образом писатель при сотворении художественного мира способен избавиться от собственного посредничества в оценке сотворённого им мира? Каким образом представить мир художественный миром действительным? Эту вековую проблему решал и решил Чехов-художник, поместив персонажа в мир действительный. Так в русскую литературу XIX века пришёл реализм постклассический¹.

Реальный человек представляет собой комплекс факторов его жизнедеятельности — природных и социальных. При этом факторы природные универсальны, социальные — избирательны. Чеховский персонаж референтен именно реальному, следовательно, единичному человеку, онтологический статус которого складывается из *природных, родовых* его свойств — физических, душевных и умственных. Эти свойства и реализуются в процессе *первичного, личного* уровня его бытия. Таким образом, личное его бытие во многом обусловлено объективными, независимыми от субъекта факторами. По этой причине функция автора в произведениях Чехова не *оценочная*, а *изобразительная*.

В раннем творчестве писателя его персонажи представлены их *натурой*, что во многом объясняет парадоксы их поведения, не умаляя значения факторов социальных и профессиональных. Почему унтер Пришибеев, лишённый полицейских полномочий, продолжает отдавать толпе

¹ Афанасьев Э.С. Постклассический реализм Чехова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2004. Т. 63. № 4.

команды? Натура! Почему талантливый токарь по дереву Григорий Петров, женившийся на красавице, запил горькую и бьёт жену («Горе»)? Натура! Почему коллежский асессор Кирыков мелочно въедлив по отношению даже к домашним («Необыкновенный»)? Натура! И сколько таких персонажей в ранних произведениях молодого писателя! Эти натуры отсылали читателя к действительности. И многие алогичные поступки чеховских персонажей в зрелый период творчества, в том числе в пьесах, сами они объясняют свойством своей натуры. Чехов стирал с персонажей привычный читателю литературный грим.

Также в зависимости от онтологического статуса чеховского персонажа формируется его социально-профессиональный статус и его индивидуальное «я», что обеспечивает ему относительную автономность от автора. Модус личного бытия чеховского персонажа — *экзистенция*, по преимуществу эмоциональное отношение к миру, а отнюдь не познавательное; в процессе личного бытия самоидентификация, самопознание, совершаемые чеховским персонажем, реализуются через ощущения и чувства, о чём писал ещё Д.Н. Овсянко-Куликовский, который видел в персонаже Чехова «среднего человека», осуществляющего своё бытие на уровнях физическом и психологическом [11, с. 226], что Чехов виртуозно продемонстрировал в новелле «Студент». Как видим, внутренняя свобода чеховского персонажа весьма ограничена, зато нет границ воображению, которое рисует ему престижные роли, и в них персонаж охотно воплощается — виртуально. На этой почве и возникают коллизии в чеховских сюжетах. Утомлённый обыденной жизнью, чеховский индивид копит в себе эмоциональную энергию, которая и выплёскивается перед лицом дурно устроенного общества и несовершенного человека, а этого материала в жизни сколько угодно. Отпылав, чеховский персонаж вновь обретает свой «футляр», возможно, до следующей эмоциональной встряски. Таковы, например, фабулы таких рассказов, как «Припадок», «Княгиня», «Жена», «Соседи», «Чёрный монах», «Супруга», «Ариадна», «В родном углу», «По делам службы» и других, а также чеховских пьес. Не автор, а порядок вещей, судьба направляют личное бытие чеховских персонажей. Не в гносеологическом, а в экзистенциальном модусе представлен чеховский персонаж.

Первичный уровень бытия чеховских персонажей, их онтологический статус — свидетельство их неразрывной связи с природой. Также и на уровне экзистенциальном, что особенно очевидно в таких повестях, как «Гусев», «Мужики»,

«В овраге», в которых полная жизни природа контрастирует с убогим существованием человека. Именно онтологический статус объединяет чеховских персонажей и словно бы предписывает им нормы поведения. Жизненный путь индивида заключается в обустройстве личного бытия. Для этого ему даны определённые ресурсы. По этой причине ему противопоставлены претензии к людям и к обществу. Так, в мире Чехова не героизируются бунтовщики, напротив, эмоциональные срывы персонажей по отношению к их окружению — это явный знак отсутствия у них полномочий решать социальные вопросы. Таковы, к примеру, земский врач Григорий Овчинников («Неприятность»), студенты Васильев («Припадок») и Великопольский («Студент»), ветеринар Иван Иванович («Крыжовник»), следователь Лыжин («По делам службы»)... Общность онтологического статуса чеховских персонажей повелевает им жить в мире. Общение чеховских персонажей осуществляется на уровне симпатий и антипатий; понятно, почему метафизика в мире Чехова не в ходу. Такой предел поставлен чеховскому персонажу. Вот почему их постигает неудача, когда они пытаются выйти за пределы личного бытия. Как, например, Андрей Коврин («Чёрный монах»), профессор Николай Степанович, который спасовал перед «общей идеей» («Скучная история»). И архиерей Пётр, наследник многих поколений священнослужителей, душа которого воспаряет во время церковных богослужений, маётся от одиночества, завидуя самым простым людям, которым доступно общение, в то время как он, церковный иерарх, отпугивает людей своим высоким саном.

Миру Чехова органичен жанр новеллы. В однолинейном, сжатом сюжете чеховской новеллы персонаж постоянно пребывает в состоянии претензий к природе, к человеку, к обществу, к мироустройству в целом вследствие своей единичности, внутренней несвободы. Разумеется, он не чужд философских устремлений. Предшественник таких персонажей, как ни странно, урядник Войска Донского Василий Семи-Булатов, изыскавшийся в своём письме высоким стилем. Результат — энтропия текста. Таков порядок вещей.

Конфликтая с себе подобными, чеховский персонаж переживает внутренний подъём и пытается внести в мир гармонию, взваливая на себя непосильное бремя и подвергая себя стрессу. Художественному миру Чехова присущ пафос иронии: чеховский персонаж рвётся из тисков внутренней несвободы — порядок вещей ставит его на место. И в целом чеховский персонаж ищет

своё индивидуальное место в мире. И обретение этого места — категорический императив. По этой причине произведениям Чехова не свойственны открытые финалы, на чём настаивают многие чеховеды. Как пишет В.И. Тюпа, «предлагаемый чеховским нарративом читатель — не адресат смысла (авторского), а субъект смысла (соавторского) <...>» [12, с. 50]. Чехов «вовлекает читателя в состав самого рассказываемого события, наделяя инстанцию адресата <...> свойствами свидетеля происходящего» [Там же]. Наблюдение очень ценное, но требующее продолжения. И один из таких способов вовлечения — «открытые финалы» [Там же]. В финалах чеховских новелл учёный усматривает наличие «модальности субъективной кажимости» [12, с. 48]. Например, в новелле «Студент»: «и невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного счастья, овладевали им мало-помалу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла» [13, т. 8, с. 306]. При интерпретации чеховских новелл следует иметь в виду, что автор не только вводит читателя во внутренний мир произведения, побуждая относиться к миру художественному как к миру действительному, то есть опираясь при оценке событий на свой личный опыт, но и обязывает его понимать художественный язык данного произведения. Новелла «Студент» — о молодом человеке, каким мы знаем его в реальной жизни. Его отличительные признаки — легкомыслие (охотится в страстную пятницу, будучи студентом духовной академии), зависимость внутреннего состояния от погоды, лёгкость, с которой студент духовной академии отрекается от мира (а это грех для его профессионального положения), его духовное воскресение через преодоление одиночества и своеобразное покаяние, восстановление душевного равновесия и юношеский восторг перед лицом природы. Ирония пафоса новеллы состоит в том, что все эти перипетии внутренней жизни студента осуществляются на протяжении одного дня. Где здесь открытый финал? При этом следует учесть: за текстом чеховской новеллы незримо присутствуют романы о духовном воскресении человека (Достоевский, Толстой). Студент духовной академии Иван Великопольский мыслится автором новеллы не как герой в духе Достоевского или Толстого, мучительно ищущий источник благодати, а как реальный человек определённого профессионального положения, а главное — возраста, в динамике его внутреннего мира. И в «Даме с собачкой» финал означает, что влюблённых ждёт нелёгкое счастье, ибо это подлинная любовь, которая пришла к Гурову после многочисленных

флиртов. Иного им не дано. Virtuозно построен финал повести «Моя жизнь»: влюблённая пара — Мисаил и Анюта Благово ласкают на могиле сестры Мисаила Клеопатры её дочь; когда же они возвращаются в город, Анюта переходит на другую сторону улицы и делает вид, что с Мисаилом она незнакома. Так распорядился порядок вещей. И этим всё сказано. Этот порядок вещей справедливо распределяет блага среди чеховских персонажей. В отличие от людей с их шаткими представлениями о справедливости.

Чехов возвышал читателя-любителя до читателя-профессионала. Хотя и эти читатели-профессионалы допускают ошибки в трактовке чеховских произведений, например, упрекая Владимира Иваныча, рассказчика и ведущего персонажа «Рассказа неизвестного человека» в отступничестве. Между тем идеология не играет в мире Чехова той конструктивной роли в судьбе героя, как это мы наблюдаем в произведениях классического реализма. Чеховским персонажем движет желание внутренней свободы, границы которой ему неизвестны. И его жизненный путь к осознанию своего призвания состоит из проб и ошибок. При этом его сознание — литературно, стереотипно. Он пользуется приоритетными для века моделями поведения, не отдавая себе отчёта в их соответствии его натуре. Вот Зинаида Фёдоровна, как её иногда называют, «тургеневская женщина»². Она покончила с семейной неволей, выйдя замуж. Реминисценции читателю известны. И ожидаемо не сошлась с мужем характером. Не желая скрывать от него свою любовную связь с чиновником Орловым, ушла к любовнику, надеясь построить с ним семью. Орлов меньше всего мог обрадоваться такой перспективе и стал обманывать несчастную женщину, вынудив её покинуть обманщика и связать судьбу с революционером Владимиром Иванычем в надежде на приобщение к героической деятельности. И здесь она обманулась, больной чахоткой революционер нуждался скорее в любовнице, чем в боевом товарище. Уставшая от потрясений Зинаида Фёдоровна после рождения ребёнка отравилась. Такова была её судьба, с которой она не смирилась. Владимир Иваныч некогда служил царю и отечеству в качестве морского офицера. Затем стал революционером и получил задание внедриться к сыну важного чиновника, лютого врага революционеров. Что он и сделал в качестве слуги. Тяжёлой, унижительной была эта служба. Затем ему пришлось прислуживать несчастной

² Ребель Г.М. Чеховские вариации на тему «Тургеневские женщины» // Русская литература. 2012. № 2.

женщине, а после её смерти ухаживать за её ребёнком. И здесь ему показалось, что вся его жизнь была дорогой к этому маленькому, беззащитному существу. Быть слугой — его судьба. Так познают свою судьбу чеховские персонажи. Такова роль подтекста в произведениях Чехова.

Термин «подтекст» как один из признаков чеховских художественных текстов чеховедам хорошо известен. О специфике подтекста в художественном произведении писал Ю.Н. Тынянов: «Использование какого-либо произведения как макета для нового произведения — очень частое явление <...>, макет — очень удобный знак, знак прикрепления к литературе вообще; кроме того, оперирование сразу двумя семантическими системами, даваемые на одном знаке, производит эффект, который Гейне называл техническим термином живописцев — “подмалёвка” и считал необходимым условием юмора» [14, с. 290]. Соотнесённость двух текстов в одном структуралисты обозначали термином «поливалентность» [15, с. 58]. Применительно к Чехову под «новым» текстом следует понимать текст, созданный согласно эстетике и поэтике Чехова, под «старым» текстом — реминисценции из литературы классического реализма, вообще всякий текст, который располагает читателя к его прочтению согласно парадигме художественности классического реализма. Задача интерпретатора художественного текста Чехова состоит в том, чтобы доказательно разделить «старый» и «новый» тексты. Такого рода работу мы продемонстрировали на материале «Рассказа неизвестного человека» и отчасти новеллы «Студент».

Рассказ «Новая дача» отсылает читателя к повести Льва Толстого «Утро помещика». Молодой помещик, желающий своим крестьянам добра, намерен реформировать традиционные отношения помещика с крестьянами, однако его намерения встречают упорное сопротивление его подопечных: молодой барин чудит, а кто будет расплачиваться? Руссоистская идея Нехлюдова повисает в воздухе. В повести Толстого чётко расставлены все точки над *i*. И в «Новой даче» её владелец инженер Кучеров благожелательно настроен по отношению к крестьянам деревни Обручановка, вежлив с ними, предоставляет им работу, его жена занимается благотворительностью. Что побуждает его вести себя таким образом? Желание жить с ними в мире и согласии. И вдруг крестьяне без видимых причин проявляют враждебность по отношению к хозяевам дачи, воруют у них инструмент, угрожают судом за мнимую потраву луга. Что же произошло? Интрига

новеллы — ни владелец дачи, ни сами крестьяне не могут понять причину этой вражды. «В их деревне, думают они (крестьяне. — Э.А.), народ хороший, смирный, разумный, бога боится, и Елена Ивановна (жена Кучерова. — Э.А.) тоже смирная, добрая, кроткая, было так жалко глядеть на неё, но почему же они не ужились и разошлись как враги?» [13, т. 10, с. 127]. В личном бытии чеховского персонажа значим фактор «слабого звена». Стоило умереть жене писца Путохина, как вся семья, он сам, его мать и четверо его детей пошли по миру («Старый дом»). Стоило умереть Марфе, жене гробовщика Якова Иванова по прозвищу Бронза (ввиду присутствия в его большом теле маленькой души), как он охладил к своему ремеслу. Его тело стало разрушаться, зато выпросталась из заточения его душа и выразила себя в тоскливой скрипичной мелодии. В рассказе «Новая дача» виновником вражды крестьян с владельцем дачи, помимо инженера Кучерова, изменившего своему социально-профессиональному статусу, оказался отставной крестьянин Козов, по немощи своей ведущий праздный образ жизни и компенсирующий эту не свойственную крестьянину праздность озлобленностью на весь мир. Козов возненавидел роскошную дачу Кучеровых — дом с башней и флагом на шпилье, словно на рыцарском замке, пару белоснежных лошадей и пони в придачу; словом, дача инженера стала местом, предназначенным для отдохновения, экзотическим, недоступным крестьянам миром. На штурм этой дачи и повёл Лыков набранное им войско из пьянствующих отца и сына Лычковых и беспутного парня Володьки. Враждебно настроенные по отношению к новоявленному помещику, они даже симитировали бунт по поводу потравы крестьянского луга бычком и пони инженера, спровоцированной самими бунтовщиками.

«Этого так оставить я не желаю! — кричал Лычков-сын <...>. Моду какую взяли! Дай им волю, так они все луга потравят! Не имеете полного права обижать народ! Крепостных теперь нету!» [13, т. 10, с. 118]. Вероятно, роскошная дача Кучерова ассоциируется в сознании крестьян с барской усадьбой. Неслучайно Лычковы приходят к инженеру с просьбой решить их семейный спор, как это было во времена крепостного права. Только если Кучеров невольно спровоцировал крестьян постройкой роскошной дачи и неуместным либерализмом по отношению к крестьянам-маргиналам, то и крестьяне Обручановки опрометчиво покуражились над инженером, вынудив его продать дачу. Новый хозяин дачи ведёт себя по отношению к крестьянам как типичный чиновник. И ещё. В окрестностях Обручановки строится

мост. Казалось бы, к крестьянам он не имеет никакого отношения. Но по какой-то причине некоторых крестьян этот мост раздражает:

— Жили без моста, — сказал Володька, ни на кого не глядя, — и не желаем.

— Чего там! Мост казённый.

— Не желаем.

— Тебя не спросят. Чего ты!» [13, т. 10, с. 120].

«Тебя не спросят»... Сознание непричастности к тому, что происходит вокруг них, крестьян раздражает, что и становится одной из причин их бунта. Как видим, в художественном мире Чехова мотивы поведения его персонажей обусловлены их онтологическим статусом, своеобразным сводом правил поведения.

Русская литература XIX века, предъявляя претензии государственному и общественному устройству России, не оставляла без внимания и вину самого россиянина. В личном бытии индивида его ответственность за собственное благополучие очевидна, хотя, казалось бы, его зависимость от внешних факторов тоже очевидна. Между тем порядок вещей наказывает его за претензии на несбыточные желания и тем самым его предостерегает. В противном случае... В широко известной повести «Палата № 6» два равнозначных персонажа — доктор Андрей Рагин и психически больной Иван Громов. В.Б. Катаев обнаружил между ними «поразительное сходство» [7, с. 189]. Так, «оба героя разбиты, раздавлены грубой жизнью... Оба бессильны в этом неравном поединке...» [Там же]. И «объективный вывод из истории двух героев <...>: кем бы ни был каждый из них, какие бы философские принципы ни взял себе в руководство каждый из этих людей <...> она (действительность. — Э.А.) неминуемо загонит его в тюрьму, на каторгу, в сумасшедший дом, бросит под кулаки Никиты» [7, с. 192]. Учёный не видит в судьбе персонажей повести личную их вину. На самом деле оба этих персонажа неудачники, они ложно поняли свой имидж, Громов — протестанта, Рагин — философа и духовника. В этом и состоит их вина. У Громова — неуживчивый характер, сколько ни менял он мест службы, нигде он не уживался. На нервной почве расстроился его рассудок, и он оказался в палате для душевнобольных. Кто виноват? Когда он требует от доктора освободить его из неволи, тот приводит ему веские доводы — твоё место в палате № 6. С чем Громов вынужден согласиться. Путь Рагина в эту палату оказался более сложным и причудливым. Склонный к философской мечтательности, он намеревался поступить в духовную академию. Отец, учёный-естественник,

пригрозил ему проклятием и принудил поступить в академию медицинскую. Дорого обошлось Андрею это малодушие. Не состоявшись как врач, он не состоялся и как философ, и как духовник в тщетной попытке приобщить душевнобольного к духовным ценностям, сам имея о них смутное представление. Но нужно же человеку с кем-то общаться! Хотя бы и с колючим Громовым. Потеряв место службы, он согласился на компанию с душевнобольными. Сам Рагин и поставил диагноз себе и своему товарищу по несчастью: «Слабы мы, дрянные мы... И вы тоже, дорогой мой. Вы умны, благородны, с молоком матери всосали благие порывы, но едва вступили в жизнь, как утомились и заболели... Слабы, слабы!» [13, т. 8, с. 132]. Так где же искать виновных в судьбах этих горемык? Таков порядок вещей.

Едва ли не в каждой своей новелле автор задаёт читателю загадку. В «Попрыгунье» Чехов обыгрывает фабулу басни Крылова «Стрекоза и муравей». В Ольге Ивановне, женщине яркой, артистичной читатель легко узнаёт Стрекозу. Непонятно только стремление Ольги Ивановны знакомиться со знаменитостями и всё время искать новых знакомств. И непонятно, почему она вышла замуж за Дымова, ничем не примечательного доктора. Хотя она и пыталась найти в муже что-то замечательное, хотя бы в его внешности. Ничего не получалось, и она оказывала предпочтение художникам и людям с артистическим талантом. Как сложно, однако, найти в широком мире родственную душу! Понятно, почему Ольга Ивановна стала крыловской стрекозой. Но почему, однако, Дымов не оказался взыскательным Муравьём, даже когда измена жены стала для него очевидной? Идеальный муж, он сотворил из жены кумира. Что делать! Человеку свойственно стремиться оказаться хотя бы в тени знаменитости. И когда коллеги Дымова, собравшиеся возле постели умирающего доктора, скорбели об этом замечательном человеке и враче, Ольга Ивановна поняла, что она не распознала знаменитость, живя с ней бок о бок, и бросилась тормозить умирающего в тщетной надежде пробудить его к жизни. Какой бы верной женой она тогда стала! Так виновата ли Ольга Ивановна в том, что среди эскулапов она была чужим человеком?

Чехов создал художественные тексты, художественный язык которых поставил читателя в тупик. Нечто подобное произошло с пушкинскими «Повестями Белкина», доставившими пушкинистам немало хлопот. Автор произведения для читателя безусловный авторитет. Вроде опытного проводника в незнакомой местности. Однако

бывает так, что автор не принимает этой иждивенческой позиции читателя и побуждает его ориентироваться не на авторские оценки поведения персонажей, а целиком на художественный язык произведения. Читатель чеховских произведений, оказываясь во внутреннем их мире, легко узнаёт художественный язык произведений писателей классического реализма. Только следует знать, что этот художественный мир отражает кругозор не автора, а персонажа, референтного реальному единичному человеку. Так читатель оказывается в мире действительном. В этом мире онтологический статус человека включает в себя только те способности, необходимые для бытия, которые присущи и многим существам природным. А потому и модус существования человека — экзистенция — это первичный уровень сознания. И уровень личного бытия человека также первичный. Теперь читатель получает возможность при интерпретации чеховских произведений опираться на собственный жизненный опыт. Очевидно, что первостепенная забота субъекта личного бытия заключается в самоидентификации, в познании своего «я». И здесь возникает конфликт между порядком вещей, судьбой человека, которая предписывает ему границы личного бытия и правила общежития, и воображением субъекта, рисуящим ему желаемые представления об этом «я». И если в своём поведении этот субъект пойдёт на поводу чуждых его натуре жизненных ролей и окажется за границами своего личного бытия, его поведение приобретёт деструктивный характер. Впрочем, в процессе приобретения жизненного опыта чеховский персонаж возвращается к утраченной жизненной стезе. Здесь источник рафинированной иронии, присущей творчеству Чехова: в процессе становления своего жизненного статуса субъект спорит со своей судьбой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Паперный З.С. А.П. Чехов. Очерк творчества. М.: Гослитиздат, 1960. 302 с.
2. Семанов М.Л. Чехов-художник. М.: Просвещение, 1976. 223 с.
3. Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Л.: Советский писатель, 1975. 221 с.
4. Михайловский Н.К. Об отцах и детях и о г. Чехове // Литературно-критические статьи. М.: ГИХЛ, 1957. 663 с.
5. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971. 290 с.
6. Чудаков А.П. Мир Чехова. Возникновение и утверждение. М.: Сов. Писатель, 1986. 379 с.
7. Катаев В.Б. Проза Чехова: Проблемы интерпретации. М.: Изд-во Московского ун-та, 1979. 326 с.
8. Катаев В.Б. К пониманию Чехова. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 247 с.
9. Линков В.Я. Художественный мир прозы А.П. Чехова. М.: Изд-во Московского ун-та, 1982. 126 с.
10. Тюпа В.И. Художественность чеховского рассказа. М.: Высшая школа, 1989. 133 с.
11. Овсянко-Куликовский Д.Н. Вопросы психологии творчества. Пушкин. Гейне. Гёте. Чехов. М.: ЛКИ, 2008. 599 с.
12. Тюпа В.И. Функция читателя в чеховском нарративе // Русская литература. 2010. № 3. С. 45–50.
13. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1986. Все ссылки на это издание даны в тексте с указанием тома и страницы.
14. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 572 с.
15. Цветанов Т. Поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. 468 с.

REFERENCES

1. Paperny, Z.S. A.P. Chekhov. Ocherk tvorchestva [A.P. Chekhov. An Essay on Creativity.]. Moscow: Goslitizdat Publ., 1960. 302 p. (In Russ.)
2. Semanov, M.L. Chekhov-khudoznik [Chekhov, the Artist]. Moscow: Prosveschenie Publ., 1976. 223 p. (In Russ.)
3. Ginzburg, L.Ja. O literaturnom geroje [About the Literary Hero]. Leningrad: Sovetsky pisatel Publ., 1975. 221 p. (In Russ.)
4. Mikhaylovsky, N.K. Ob ottsakh i detjakh i o g. Chekhove [About Fathers and Children and about Mr. Chekhov]. Literaturno-kriticheskie statji [Literary and Critical Articles]. Moscow: GICHL Publ., 1957. 663 p. (In Russ.)
5. Chudakov, A.P. Poetica Chrkhova [Chekhov's Poetics]. Moscow: Nauka Publ., 1971. 290 p. (In Russ.)
6. Chudakov, A.P. Mir Chekhova. Vozniknovenie i utverzdenie [Chekhov's World. Occurrence and Approval]. Moscow: Sov. Pisatel Publ., 1986. 379 p. (In Russ.)
7. Kataev, V.B. Proza Chekhova: Problemy interpretatsii [Chekhov's Prose: Problems of Interpretation]. Moscow: Izd. Mosk. un-ta Publ., 1979. 326 p. (In Russ.)
8. Kataev, V.B. K ponimaniju Chekhova. Statji [Towards Understanding Chekhov]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2018. 247 p. (In Russ.)
9. Linkov, V.Ja. Chdozestvenny mir prozy A.P. Chekhova [The Artistic World of Prose by A.P. Chekhov]. Moscow: Izd. Mosk. un-ta Publ., 1982. 126 p. (In Russ.)

10. Tyupa, V.I. *Chudozestvennost chekhovskogo rasskasa* [The Artistry of Chekhov's Story]. Moscow: Vysshaja shkola Publ., 1989. 133 p. (In Russ.)
11. Ovsyaniko-Kulikovskiy, D.N. *Voprosy psichologii tvorchestva. Pushkin. Geyne. Gete. Chekov* [Questions of the Psychology of Creativity. Pushkin. Heine. Goethe. Chekhov]. Moscow: LKI Publ., 2008. 599 p. (In Russ.)
12. Tyupa, V.I. *Funktsija chitatelja v chekhovskom narrative* [The Reader's Function in the Chekhov Narrative]. *Russkaja literatura* [Russian Literature]. 2010, No. 3, p. 50. (In Russ.)
13. Chekhov, A.P. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t.* [Complete Collection of Works and Letters: In 30 Volumes]. Moscow, 1986. Works: in 18 Vols. Vol. 8, p. 306. All references to this publication are given in the text indicating the volume and page. (In Russ.)
14. Tynyanov, Ju.N. *Poetica. Istorija literatury. Kino* [Poetics. The History of Literature. Cinema]. Moscow: Nauka Publ., 1977. 290 p. (In Russ.)
15. Tsvetanov, T. *Poetica* [Poetics]. *Strukturalizm: "za" i "protiv"* [Structuralism: "For" and "Against"]. Moscow: Progress Publ., 1975. 468 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 23 января 2024 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 15 апреля 2024 г.
Статья принята к публикации: 15 июня 2024 г.
Дата публикации: 31 августа 2024 г.

Received by Editor on January 23, 2024
Revised on April 15, 2024
Accepted on June 15, 2024
Date of publication: August 31, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024040048

Мотив бездетности в мифе о первопредках бурят

© 2024 г. Л. С. Дампилова

Доктор филологических наук,
главный научный сотрудник Института монголоведения,
буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН,
Россия, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6
ORCID ID: 0000-0003-0917-5432
dampilova_luda@rambler.ru

Резюме. Из многочисленных вариантов мифа о происхождении предков бурят в работе анализируются эпизоды, касающиеся мотива наказания бездетной шаманки (двух шаманок), и обряды, связанные с получением ребенка. В композиции фольклорного дискурса выявляется семантическая и семиотическая специфичность вариативных текстов. В статье востребованы методы сравнительного, семантико-герменевтического и семиотического анализа для выявления особенностей структуры текста, определения трансформации текста и контекста в разное время и в разных этнических традициях. В итоге исследования выявлено, что в структуре текста неизменными остаются изначальная сюжетная канва и персонажи: шаманка как мать, бык как отец и дети — первопредки бурятских племен. Мотив наказания и описание обряда для получения ребенка присутствуют во всех вариантах мифа, кроме краткой селенгинской версии. В инварианте мотива наказания выявлены варианты мотива изгнания, умерщвления, удушения. Установлено, что в разных вариантах мифа перекодировка, трансформация и уточнение касаются образов, мотивов и мнемонических символов. В композиции анализируемых эпизодов выявлена перекодировка мнемонических символов, которые расшифровываются в контексте традиционных легенд и преданий, относящихся к ритуальным событиям. С семиотической точки зрения установлено, что искры от пламени / угольки от огня, кость и стрела в данном случае являются вместилищем душ будущих детей.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона» (№ 121031000259-6).

Ключевые слова: сюжет, вариант мотива, обряд, традиция, наказание, шаманка, ребенок.

Для цитирования: Дампилова Л.С. Мотив бездетности в мифе о первопредках бурят // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 4. С. 40–46. DOI: 10.31857/S1605788024040048

The Motive of Childlessness in the Myth of the Ancestors of the Buryats

© 2024 Ludmila S. Dampilova

Doct. Sci. (Philol.),
Head Researcher at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6 Sakhyanova Str., Ulan-Ude, 670047, Russia
ORCID ID: 0000-0003-0917-5432
dampilova_luda@rambler.ru

Abstract. On the base of the numerous variants of the myth of the origin of the ancestors of the Buryats, the author analyzes episodes concerning the motive for punishing a childless shaman (two shamanesses), and the rituals associated with receiving a child. The composition of folklore discourse reveals the semantic and semiotic specificity of variable texts. Methods of comparative, semantic-hermeneutic and semiotic analysis to identify the features of the text structure and definition of transformations of text and context at different times and in different ethnic traditions are used. As a result of the study, it was revealed that the original plot outline and characters remain unchanged in the structure of the text: the shaman as a mother, the bull as a father and the children — the first ancestors of the Buryat tribes. The motive of punishment and description of the rite for obtaining a child is present in all versions of the myth, except for the brief Selenga version. In the invariant of the motive of punishment, variants of the motive of exile, mortification, and strangulation are revealed. In different versions of the myth, recoding, transformation and refinement relate to images, motifs and mnemonic symbols. In the composition of the analyzed episodes, the author reveals the transcoding of mnemonic symbols, which are deciphered in the context of traditional stories and legends related to ritual events. From a semiotic point of view, it has been established that sparks from a flame / embers from a fire, a bone and an arrow in this case are the receptacle of the souls of future children.

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000259-6 “Peoples of the Baikal: Ethnocultural Identity in Architectonics of Folklore and Literary Texts”.

Key words: plot, motif variant, rite, tradition, punishment, shaman, child.

For citation: Dampilova, L.S. *Motiv bezdetnosti v mife o pervopredkah buryat* [The Motive of Childlessness in the Myth of the Ancestors of the Buryats]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 4, pp. 40–46. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024040048

Введение

Для выявления истоков мотива наказания бездетных и обрядов, связанных с получением ребенка, уникальным материалом представляются разные варианты генеалогического мифа о происхождении двух больших бурятских племен — булагат и эхирит. Мотив бездетности в структуре произведения является эпизодическим вставным нарративом, поэтому впервые предлагается как объект исследования. В архитектонике, т.е. в построении фольклорного дискурса (композиции сюжета, мотива и образа), рассматривается семантическая и семиотическая специфичность вариативных текстов. Материалами исследования выбраны отличающиеся по семиотическим составляющим западно-бурятские варианты мифа, записанные в разное время в Иркутской области. Для сравнения привлекается миф в традиции хоринских бурят, записанный у шэнэхэнских бурят в автономном округе Внутренняя Монголия КНР. Из многочисленных полных и кратких вариантов мифа под разными названиями о зооморфном происхождении предков бурят в работе анализируются эпизоды, касающиеся мотива наказания бездетной шаманки (или шаманок), и обряды, связанные с получением ребенка. Для сравнительного анализа временных и ареальных изменений в сюжете текста специально приводятся доступные паспортные данные.

В традиции монгольских народов с древних пор бытовало негативное отношение к бездетным

женщинам как людям грешным, опасным, которых надо избегать, изгонять и умерщвлять. Современные информанты подтверждают, что раньше строго запрещалось говорить о бездетной женщине или семье, чтобы не притянуть к себе, своим близким несчастье. В связи с запретами обсуждения негативной темы и шепотливости вопроса «активно приступили к сбору материалов по родильной и детской обрядности монгольских народов лишь с середины XX в.» [1, с. 48]. В этнографических трудах С.П. Балдаева, Г.Р. Галдановой, К.Д. Басаевой, Т.Д. Скрынниковой, М.М. Содномпиловой, Д.Б. Батоевой и др. с разных точек зрения рассмотрены материалы по обрядам жизненного цикла бурят с включением вопроса бездетности. В статье востребованы методы сравнительного, семантико-герменевтического и семиотического анализа для выявления особенностей структуры текста, определения трансформации текста и контекста в разное время и в разных этнических традициях.

Инвариант мотива наказания бездетных женщин

В фольклоре монгольских народов мотив появления ребенка необычным путем является одной из самых востребованных тем: в эпосе у бездетных стариков рождается ребенок по воле небесных божеств, в сказках немало детей, рожденных/полученных от животных и птиц или воспитанных ими. В мифах используется этот же традиционный мотив, но их особенность в том, что чаще всего дети, полученные бездетными женщинами,

как бы находятся у истоков жизни, становясь первопредками определенных племен и родов. В данной статье выявляются варианты мотива к инварианту мотива наказания «с учетом частотности вариантов мотива по отношению к его инварианту» [2, с. 22].

Одним из первых записей мифа является текст «Буха-ноин», предоставленный Г. Матхановым из Алари Г.Н. Потанину в 1864 г.: «Владетельница улуса была шаманка Асуй-хан, которая была бездетна, почему родственники хотели развести ее с мужем и выгнать из улуса, так как бездетная женщина у бурят в презрении. Асуй-хан знала это и молилась Богу о защите» [3, с. 267]. Следует обратить внимание, что в коротком эпизоде констатируется только факт существования традиции о греховности бездетной женщины и появляется вариант мотива изгнания.

Наиболее распространенным является миф «Буха ноён» в записи С.П. Балдаева со слов 83-летнего Мадаса Хантханова I холтубаевского рода из улуса Гуртуйский (бывшего Бильчирского инородческого ведомства) Иркутской области в мае 1911 года: «В атагановом роде была большая шаманка, звали ее Асуйхан, в хотогоновом роде тоже была шаманка, звали ее Хусуйхэн. Обе шаманки были вдовами, мужья их умерли, не оставив себе наследников. Таких вдов по обычаю умерщвляли, а имущество родственники делили между собой. Шаманок давно хотели умертвить, но они предсказывали, что по откровению тэнгэринов у них должно быть по одному сыну, что домашние очаги их мужей (*гал гуламта*) не развеются и что будут продолжатели рода их» [4, с. 34].

По статусу главные персонажи здесь перекодируются во вдов, поэтому не могут иметь детей. В инварианте мотива наказания вариант мотива изгнания переходит в более суровую форму — умерщвление. Число главных героинь удваивается, но от этого их действия и события почти не меняются. Если Асуй-хан была предводителем племени хотогойд, то в дальнейшем они представляются как сильные шаманки родов атагад и хотогод. Количество дворов (20 и 10) не имеют символического подтекста, поскольку, согласно правилам бурятского стихосложения, формульные выражения подчиняются правилам аллитерации (*арбан атагад, хорин хотогод*).

В мифе из этой же этнической традиции, записанном почти через сто лет после первого нарратива и через сорок лет после второго варианта, эпизод о бездетности героини значительно трансформируется. В тексте «Родословная эхиритов и булагатов» (*Эхирид-булагадай удха*

узуур) записанном К. Болдохоновым в 1954 г. от М.М. Хилханова в улусе Булаг, Боханского района Иркутской области, «сородичи бездетную шаманку после смерти ее мужа хотят изгнать, залив ее очаг водой и заперев двери. Но когда заливали ее очаг, одна искорка отлетела на правую сторону. И шаманка взмолилась о пощаде, говоря, что ей боги посылают ребенка» [5, с. 39]. Выражение «гасить очаг» обозначает именно вариант мотива умерщвлением, но в импровизации данного информанта или в записи собирателя наблюдается некоторое противоречие. Если гасят очаг и запирают дверь снаружи, то человек умирает от голода, но тут еще глагол «изгнать», поэтому напрашивается вывод, что образное словосочетание употреблено в его прямом значении: хотят изгнать шаманку, просто погасив очаг.

Впервые появляется мотив очага, значимый в семиотическом контексте. Горящий очаг символизирует продолжение рода, самым страшным у бурят считалось проклятие: «Пусть потухнет домашний очаг, развеется отцово пепелище». «Огонь как олицетворение женского начала считался источником плодородия, богатства, а очаг (место обитания огня) представлялся хранящим и дарующим *сүлдэ* детей и животных» [6, с. 60]. Залив водой очаг, лишают их будущего, памяти о предках. Новый мотив отлетевшей искры является знаком от божества огня, к которому трафаретно обращаются: *Гал ехэ гуламта*, / *Зол ехэ Заяаша* 'Великий очаг огня, / Великая дарительница судьбы', т.е. божество дарует потомство. В данном случае *сүлдэ* можно переводить как душу не родившегося еще дитя.

В мифе «Булагат и Эхирит», записанном в этой же этнической традиции И.Е. Тугутовым от Е.К. Харламова, 1901 г.р., в с. Бильчир Осинского района Иркутской области, в 1961 г. сюжет повторяется с изменением некоторых семиотических составляющих. «На западном берегу Байкала жили две бездетные шаманки Асуйхан и Хусыйхан. Асуйхан была из атагатского рода, состоящего из двадцати дворов, Хусыйхан была из хотоготского рода, состоящего из десяти дворов. У атагатов и хотогодов был такой обычай: у престарелых бездетных людей сверху через дымовое отверстие гасили очаг, а имущество делили между родичами» [7, с. 156]. В данном варианте «гасить очаг» означает именно наказание умерщвлением, и традиция умерщвления имеет узколокальное значение, касаясь только их родов.

Повторяется мотив искры от огня, но конкретизируются символы появления детей: «от очага взлетели им на подол тлеющие угольки» [7, с. 157].

Анализируя подобный вариант мифа, Г.Р. Галданова приходит к выводу: «...два уголька отскочило, огонь не потух, потому что Асуйхан день и ночь просила Заяши послать ей счастье стать матерью. Заяши, вняв ее мольбам, послала ей двух детей. Здесь отскочившие угольки олицетворяли *сүлдэ* – жизненную силу этих детей» [6, с. 64]. В тексте, записанном С.П. Балдаевым, поклоняются отдельному божеству судьбы, в данном варианте стоит обратить внимание, что бог огня имеет функцию божества судьбы, дарителя потомства.

В разных этнических группах бурят в структуре мифа неизменной остается тема получения ребенка шаманкой Асуйхан от мифологического антропоморфного или зооморфного быка. В летописи «История селенгинских монгол-бурят» вставлен миф о появлении их предков: «Шаманка Асуйхан, происходившая из ойрат-бурят, подчиненных Чингис-хану, обитала на берегу Байкал-моря. Однажды она встретила ревущего сивого быка. Поскольку не имела мужа, подумала, не совокупиться ли с ним. Подумала про себя и поверила в мысль, что Бурхан-Тэнгри послал ей быка в мужья. Задуманное свершила. Вскоре шаманка забеременела и родила двух сыновей: старшему дала имя Бурядай, младшему – Хоридой» [8, с. 103]. В данном случае сюжет повествования меняется, героиня без всяких посредников сама рождает детей, поэтому здесь полностью снимается проблема бездетности, отсутствуют обрядовые действия по получению детей. Востребован известный мифологический мотив рождения ребенка от совокупления женщины с животными и птицами.

Шэнэхэнские буряты из автономного округа Внутренняя Монголия КНР, состоящие в основном из восточных хоринских родов, намного лучше сохранили древние традиции и обряды. Для сравнительного анализа ареальных особенностей и трансформации фольклорных нарративов значимым представляется следующий устный рассказ «Миф одной шаманки о появлении ребенка у сивого порога» (*Хүхэ бухын хүбүүтэй болоһон нэгэ удганай домог*). В данном мифе у истоков рождения мальчика сохраняется мифологическое отцовство быка как зооморфного предка.

В нарративе восточных бурят трансформируется основная цель повествования, концентрируя внимание на мотиве наказания бездетных. В развитии сюжета красной нитью проходит идея борьбы шаманки с бесчеловечной традицией, она считает своим долгом навсегда изменить такое положение. В этом варианте устного рассказа меняется имя шаманки согласно буддийским именам восточных бурят (Янжил). Как вводный эпизод в ходе сюжетного развития вставляется

красочное описание жестокого наказания: *Үри хүүгэдгүй эхнэрнүүдэй гэрэй үрхыен уруун татажа, үүдэ сонхыен бүглэжэ хаагаад, үхэр хонинхоон гаргажа, мяха шанаад, бүхэли-хахалар эдюулэжэ, хоолой руун хониной шагайтаар түлтижэ, шаажэ, хахаажэ, бүтөөжэ буруу харуулдаг байһан юм гэнэ* [9, ПМА, 2018] – ‘С юрты бездетной женщины сдирали кошму, прикрывающую дымоходное отверстие, закрывали снаружи двери и окна, забивали ее овец и коров, варили их мясо и заставляли ее есть большими кусками, толкая в горло костью барана, пока не задохнется и умрет’ [перевод наш. – Л.Д.]. Возможно, здесь включается импровизация рассказчика, и подробное описание мотива убийства женщин является трансформацией известного метода умерщвления стариков.

В мифе дополнительно к известным в западно-бурятской традиции вариантам мотива наказания добавляется древний вариант мотива умерщвления стариков методом удушения (длинную кишку толкали в рот берцовой костью, пока человек не подавится). «Берцовая кость барана наиболее популярный атрибут при исполнении обрядов жизненного цикла – укладывании ребенка в колыбель, сочетании новобрачных, а в далекие времена эта кость использовалась для предания почетной смерти глубоких старцев, затем ее клали в могилу вместе с покойным» [10, с. 74]. В эпилоге сюжета констатируется победа шаманки, именно ей приписывается заслуга в изменении отношения к несчастным женщинам.

Следует подчеркнуть, что роль мужчин в развитии сюжета не имеет оценочной коннотации, или хотя бы развести их с бездетными женами, или они уже умерли. В проблеме бездетности виновными считаются женщины, и только их преследуют и наказывают родственники. Выявлено, что во всех рассмотренных текстах шаманка является обязательным героем как личность, наделенная особыми способностями. Бык как предок племен олицетворяет мифологическое оплодотворяющее начало.

Обряды для получения детей

Главная героиня должна быть именно шаманка, умеющая налаживать связь между разными мирами, ибо доступ к ребенку открывается только при проведении обрядов. В сюжете мифа «Буха-ноин» стоит обратить внимание на то, что весть о ребенке шаманка получает от реальной личности: «Царевна, возвращаясь домой, зашла к шаманке Асуй-хан и рассказала ей обо всем. Асуй-хан, призвав родственников, объявила, что к ней снизошел ребенок, но чтобы достать его,

нужно сначала сделать тайлаган небесному порогу Буха-ноину» [3, с. 267].

Шаманка проводит два обряда с кровавым жертвоприношением для усыновления ребенка. Первый обряд (*тайлаган*) посвящается Буха-нойону, чтобы допустил людей к люльке, а второй обязательный обряд, чтобы взять ребенка: «Шаманка снова собрала родственников, заколола двухгодовалого бычка белой шерсти и мозговую костью правозаднего стегна (под названием *шата семигын*) пилила железные ремни» [3, с. 268].

В бурятской традиции кость, которою распилили ремни люльки, до сих пор остается символическим защищающим предметом для детей, о чем нами записано в экспедиции у западных бурят: «Берцовую кость *сумгэ* вешали на зыбку, когда ребенка укладывали в нее, чтобы ребенок был сильным, не болел, чтобы его *ада* не задавили» [11, ПМА, 2010]. Возможно, это еще связано с концепцией: «мозг бедренной и берцовой костей содержит жизненную силу — *сүлдэ*» [12, с. 107], что увеличивает символическую функцию сакрального атрибута обряда. Обыкновенная кость в обрядовом событии получает двойной семиотический статус как предмет, связанный с обрядом получения ребенка и как хранилище души (*сүлдэ*) и судьбы ребенка.

По сведениям Г.Н. Потанина, в дальнейшем обряд поклонения Асуйхан как покровительнице деторождения стал традиционным в западно-бурятском шаманизме. Примечательно, что традиция не прерывается, у западных бурят до сих пор бездетные семьи молятся двум шаманкам, называя их кодовым именем: «Асуйхан и Хусуйхан капают эхириты в Кудинской долине. Называют их так — *арбан атгатан*, *хорин хушуутан*. Когда нет детей или не могут родить, капают Булган Солбон, покровительнице маленьких детей. Она помогает бездетным женщинам, чтобы дети появились. Деторождению способствуют бабушки Хоригтын төөдэй, Хоогой төөдэй, Албани төөдэй, их называют бабушками-повитухами» [13, ПМА, 2010]. По западно-бурятской мифологии Булган Солбон считается дочерью Буха-нойона, первопредка булагатов. В каждой локальной традиции свои покровители детей, которым молятся бездетные супруги.

Если в предыдущем нарративе шаманка о ребенке узнает естественным путем, то в последующих анализируемых текстах две шаманки весть получают от небесных божеств в измененном состоянии сознания (в экстазе), что подчеркивает необходимость именно шаманки: «Обе шаманки постоянно приносили жертвы тэнгэринам, камлали и призывали своих предков, в экстазе предсказывали, что и у них будет по одному сыну» [4, с. 37].

В этом варианте шаманки посвящают обряд определенному божеству: «Принесли жертву Заян саган тэнгэри и узнали от него, что Асуйхан найдет сына в яме порога (*бухайн малтаари*), что Хусуйхан найдет сына в щели берега реки» [4, с. 37]. Бог судьбы входит в пантеон древнемонгольских божеств, в своей женской ипостаси называется Эмэгэльджи-дзаягачи (*эмгэн* — женщина) — богиней детей, хранительницей домашнего благополучия [14, 1997, с. 45]. Небожитель, определяющий судьбу людей, не только их охраняет, но дает жизнь, что является главным в обряде для бездетных: «Одон Заян тэнгри (“Звезда судьбы”) — гений-хранитель всех живых существ, находится над головой каждого и охраняет его. Пятый тэнгри, Заяши тэнгри, дает жизнь всем существам» [15, с. 79]. Семиотический статус божества раскрывает значение проводимого обряда.

В сюжете мифа «Булагат и Эхирит» при проведении обряда для получения ребенка появляется новый мотив: «После они открыли священную книгу» [7, с. 157]. Текст издан на русском языке, нет оригинального варианта, поэтому данное выражение вызывает некоторые сомнения. Следует предположить, что мотив книги по семантике связан со священной «книгой судьбы» (*Заяанай сагаан ном*) в бурятских версиях Гэсэриады. Мотив священной книги, называемой еще книгой Майдари (бог грядущего), предсказывающей будущее, относится к буддийской традиции и является более поздним нововведением в развитие сюжета.

В структуре предыдущих вариантов текста дважды проводят обряд, тут также два раза открывают священную книгу, которая предсказывает, где найти ребенка и как открыть колыбель: «Когда они освятили ее горящей стрелой, колыбель звучно отворилась» [7, с. 157]. Образ стрелы достаточно широко изучен в этнографии и фольклористике монгольских народов, в данной работе останавливаемся на функции стрелы как продолжателя рода и деторождения, в свадебных обрядах «подразумевалось, что стрелы олицетворяют души или жизненную силу (*сүлдэ*) будущих детей молодоженов» [16, с. 98]. Появление новых символов в архитектонике обрядового действия зачастую связано с локальными традициями и временными социальными изменениями.

Если в западно-бурятских вариантах шаманка просто камлает и узнает о ребенке, то в шэнэхэнской версии восточных бурят сюжет разворачивается подробно и красочно: *Оргойгоо үмэдэжэ, хэсээ сохижо, онго тэнгэрэз дуудажэ, галзуу доихоноор бөөлэбэ ха даа. Удангуй онгоииин ороно* [9, ПМА, 2018] — «Надевает свой шаманский шлем, бьет в бубен и, призывая

небесных покровителей, безумно камлает. Вскоре входит в измененное состояние сознания'. Шаманский шлем с оленьими рогами получал шаман с высшей степенью посвящения, и это дает нам возможность предположить силу ее сверхъестественных способностей.

Шэнэхэнский вариант мифа интересен эмоциональной окраской в описании образа шаманки, рассказчик употребляет ряд глаголов-синонимов для усиления эмоционального накала: *хаишхарха* 'кричать, вопить', *хуугайлха* 'кричать', *дэбхэрхэ* 'прыгать', *хобхоржо* 'скакать'. Обряд проводится также с перекодировкой символических имен по традиции восточных бурят: *Заяан сагаан юэн тэнгэрьдэ дун сагаан хуһа үргэжэ, тахилга, даллага абажа, хубууе гуйба гэнэ* — 'Девяти белым *тэнгри* судьбы, преподнеся девять белых берез, проведя жертвоприношение, просит ребенка' [9, ПМА, 2018]. Как и в западно-бурятской традиции божество судьбы, дарующее детей, остается неизменным, число «девять» связано с локальными особенностями мифологического пантеона божеств. В шаманских обрядах береза чаще символизирует связь между мирами. Мнемонико-сакральные символы в ходе разных обрядов, сохраняя известную свободу, могут менять свою коннотацию.

Заключение

Главной героиней мифа является именно шаманка, имеющая мифологическую власть. Владея сверхъестественными данными, она могла преодолеть проблему бездетности. В разных вариантах мифа героиня выступает в роли предводительницы рода, шаманки хатагатского/атагатского родов, приемной матери двух детей. Из бездетной, гонимой ее образ меняется до прародительницы племен, покровительницы деторождения. Образ шаманки приобретает черты культурного героя, устанавливающего правила проведения обрядов при рождении детей в западно-бурятской традиции. Особенностью в традиции восточных бурят (шэнэхэнский вариант) мифа является ее заслуга в отмене наказания для бездетных женщин.

Установлено, что структура традиционно близких (аларский, боханский и осинский/бильчирский) вариантов мифа и шэнэхэнской версии по главным параметрам не меняется, изначальная сюжетная канва, персонажи: шаманка как мать, бык как отец и дети — первоначально бурятских племен остаются неизменными. Мотив наказания и мотив проведения обряда для получения ребенка присутствует во всех вариантах мифа, кроме краткой селенгинской версии, которая может быть не полным текстом. В инварианте мотива наказания

выявлены варианты мотива изгнания, умерщвления через погашение очага, удушения пищей.

В ходе анализа выявлено, что перекодировка, трансформация и уточнение касаются персонажей, мотивов и символов. В композиции анализируемых эпизодов в генеалогическом мифе определена перекодировка мнемонических символов в зависимости от локальных традиций. Мнемонические символы расшифровываются в контексте традиционных легенд и преданий, относящихся к ритуальным событиям. С семиотической точки зрения установлено, что искры от пламени / угольки от огня, кость и стрела в данном случае являются вместилищем душ будущих детей. Определено, что трансформация символов в архитектонике обрядового действия также связана с временными изменениями: весть о ребенке получить от реального человека, у небесных божеств, в священной книге.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Содномпилова М.М., Нанзатов Б.З. Народная гинекология монгольских народов: перинатальный период, роды и лечение бесплодия // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2015. № 2(18). С. 39–54.
2. Силантьев И.В. Сюжетологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2009. 224 с.
3. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб.: Тип. Киршбаума, 1883. 1026 с.
4. Балдаев С.П. Родословные предания и легенды бурят. Ч. I. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. 364 с.
5. Гунгаров В.Ш. Буряад домогууд. Улан-Удэ: АО «Ула-сай типографи», 2024. 208 х. [на бурятском языке]
6. Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 116 с.
7. Небесная дева лебедь: Бурятские сказки, предания и легенды / Сост., запись И.Е. Тугутова, А.И. Тугутова; пер. и предисл. А.И. Тугутова; коммент. И.Е. Тугутова, А.И. Тугутова, Л.Н. Нуркаевой. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. 368 с.
8. Ломбоцыренов Д.-Ж. История селенгинских монголо-бурят // Бурятские летописи. Улан-Удэ: Курумканское книжное изд-во, 1995. 198 с.
9. ПМА, 2018 — Зап. Цыбиковой Б.-Х.Б., Дампиловой Л.С. от Сэбээнэй Нордобой Эрлэни, 1950 г.р., хори бурят, г. Хулун-Буйр, АРВМ КНР, 2018.
10. Галданова Г.Р. Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки. Новосибирск: Наука, 1992. 173 с.
11. ПМА, 2010 — Зап. Николаевой Н.Н., Дампиловой Л.С. от Богомоловой В.И., 1930 г.р., булагат,

- III готольский род; с. Хохорск, Боханский район, Иркутская область, 2010.
12. Балдаев С.П. Избранное. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961. 256 с.
 13. ПМА 2010 – Зап. Л.С. Дампиловой от Хамгушкеева И.Х., 1936 г.р., булагат, онгой, механизатор, шаман черного кузнечного рода, с. Обуса Осинского района Иркутской области, 2010.
 14. Банзаров Д. Собрание сочинений. Изд. 2-е, доп. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 239 с.
 15. Нацов Г.-Д. Материалы по истории и культуре бурят / Пер. со ст.- монг. и прим. Г.Р. Галдановой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. Ч. I. 156 с.
 16. Обряды в традиционной культуре бурят / Д.Б. Батоева, Г.Р. Галданова, Д.А. Николаева, Т.Д. Скрынникова. М.: Вост. лит., 2002. 222 с.
- REFERENCES
1. Sodnompilova, M.M., Nanzatov, B.Z. *Narodnaya ginekologiya mongolskikh narodov: perinatalnyi period, rody i lechenie besplodiya* [Folk Gynecology of the Mongolian Peoples: Perinatal Period, Childbirth and Infertility Treatment]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN* [Bulletin of the Buryat Scientific Center SB RAS]. 2015, No. 2(18), pp. 39–54. (In Russ.)
 2. Silantiev, I.V. *Syuzhetologicheskie issledovaniya* [Plotological Research]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury Publ., 2009. 224 p. (In Russ.)
 3. Potanin, G.N. *Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. Vyp. IV. Materialy etnograficheskie* [Essays on Northwestern Mongolia. Issue IV. Ethnographic Materials]. St. Petersburg: Tip. Kirshbauma Publ., 1883. 1026 p. (In Russ.)
 4. Baldaev, S.P. *Rodoslovnye predaniya i legendy buryat* [Ancestral Stories and Legends of the Buryats]. Part I. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo Publ., 1970. 364 p. (In Russ.)
 5. Gungarov, V.Sh. *Buryaad domoguud* [Buryat Legends]. Ulan-Ude: AO \Ulasai tipografi Publ., 2024. 208 p. (In Buryat)
 6. Galdanova, G.R. *Dolamaistskie verovaniya buryat* [The Pre-Islamic Beliefs of the Buryats]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1987. 116 p. (In Russ.)
 7. *Nebesnaya deva lebed: Buryatskie skazki, predaniya i legendy. Sost., zapis I.E. Tugutova, A.I. Tugutova; per. i predisl. A.I. Tugutova; komment. I.E. Tugutova, A.I. Tugutova, L.N. Nurkaevoy* [Heavenly Swan Maiden: Buryat Fairy Tales, Stories and Legends. Compl. by I.E. Tugutov, A.I. Tugutov; Translation and Introduction by A.I. Tugutov; komment. by I.E. Tugutov, A.I. Tugutov, L.N. Nurkaeva]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo Publ., 1992. 368 p. (In Russ.)
 8. Lombotsyrenov, D.-Zh. *Istoriya selenginskikh mongoloburyat* [The history of the Selenga Mongol Buryats]. *Buryatskie letopisi. Ulan-Ude, Kurumkanskoie knizhnoie izd-vo*, 1995, 198 p. (In Russ.)
 9. ПМА, 2018 – Зап. Tsybikovoi B.-Kh.B., Dampilovoi L.S. ot Sebeenei Nordoboi Erdeni, 1950 g.r., khori buryat, g. Khulun-Buir, KNR [The Authors' Field Materials. Notes of Tsybikova, B.-Kh.B., Dampilova, L.S. from Sebeenei Nordoboi Erdeni, born 1950, khori buryat, Khulun-Buir, CPR]. 2018. (In Buryat)
 10. Galdanova, G.R. *Zakamenskie buryaty. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Zakamensk Buryats. Historical and Ethnographic Essays]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1992. 173 p. (In Russ.)
 11. ПМА, 2010 – Зап. Nikolaevoi N.N., Dampilovoi L.S. ot Bogomolovoi V. I., 1930 g.r., bulagat, III gotolskii rod; s. Khokhorsk, Bokhanskii raion, Irkutskaya oblast [The Authors' Field Materials. Notes of Nikolaeva, N.N., Dampilova, L.S. from Bogomolova V.I., born 1930, bulagat, Khokhorsk, Bokhanskii district, Irkutskaya region]. 2010. (In Buryat)
 12. Baldaev S. P. *Izbrannoe* [Selected Works]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo Publ., 1961. 256 p. (In Russ.)
 13. ПМА 2010 – Зап. L.S. Dampilovoi ot Khamgushkeeva I. Kh., 1936 g.r., bulagat, ongoi, mekhanizator, shaman chernogo kuznechnogo roda, s. Obusa Osinskogo raiona Irkutskoi oblasti [The Authors' Field Materials. Notes of Dampilova, L.S. from Khamgushkeeva I.Kh., born 1936, bulagat, ongoi, Obusa village, Osinskii district, Irkutskaya region]. 2010. (In Buryat)
 14. Banzarov, D. *Sobranie sochinenii. Izd. 2-e, dop.* [Collection Works. The 2nd Ed.]. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN Publ., 1997. 239 p. (In Russ.)
 15. Natsov, G.-D. *Materialy po istorii i kulture buryat* [Materials on the History and Culture of the Buryats]. Per. so st.-mong. i prim. G. R. Galdanovoi. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN Publ., 1995, Part 1. 156 p. (In Russ.)
 16. *Obryady v traditsionnoi kulture buryat* [Rituals in the Traditional Culture of the Buryats]. D.B. Batoeva, G.R. Galdanova, D.A. Nikolaeva, T.D. Skrynnykova. Moscow: Vost. lit. Publ., 2002. 222 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 26 апреля 2024 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 10 мая 2024 г.

Статья принята к публикации: 15 июня 2024 г.

Дата публикации: 31 августа 2024 г.

Received by Editor on April 26, 2024

Revised on May 10, 2024

Accepted on June 15, 2024

Date of publication: August 31, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024040056

Гамлет и игра (комментарий к двум словам в пьесе «Гамлет»: кварто vs фолио)

© 2024 г. Н. Э. Микеладзе

Доктор филологических наук,
профессор кафедры зарубежной журналистики и литературы
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова,
Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9
fornatalia@bk.ru

Резюме. Тексты прижизненных кварто шекспировского «Гамлета» и первого посмертного фолио 1623 года существенно отличаются друг от друга. На их анализе и сопоставлении основываются гипотезы и представления ученых об «авторских» рукописях, «театральных» экземплярах, «пиратских» изданиях, специфике авторской лексики, правописания и пунктуации, ошибках и небрежностях наборщиков, «авторских» правках, обоснованных и не вполне вмешательствах редакторов. Но прежде всего они определяют наше понимание мировосприятия Шекспира, законов жизни и культуры его эпохи, во многом актуальных и сегодня. Два исследованных в статье разночтения: sanctity — sanitie (II, 2, 207); gamgiuing — gain-giuing (V, 2, 194) — в современных изданиях обычно воспроизводятся не «по хорошему» кварто 1604 г. (Q2, слева), а в варианте первого фолио (F1, справа), по нему сделаны и русские переводы. Сопоставительное изучение текста и контекста этих мест привело нас к следующим выводам: 1) в обоих случаях предпочтение следует отдавать «полному и полному» тексту кварто 1604 г. и исходить из него при переизданиях и новых переводах «Гамлета»; 2) оба места нуждаются в подробном комментарии, важном для шекспировских исследований; кроме того, *gamgiuing* требует исправления на *gaming* с обоснованием вероятной причины опечатки; 3) оба слова поясняют развертывание сложного мотива игры в пьесе, и конкретно отношения Гамлета к игре: предрасположенность героя к мудрой игре словами и смыслами, почитаемой «плотскими» людьми «безумием» (I Кор 2: 12–15), и неприятие им азартных игр в логике трактата Р. Эшема «Любитель стрельбы из лука» (1545).

Ключевые слова: разночтения шекспировских изданий, мотив игры в «Гамлете» Шекспира, «хорошее» кварто 1604 г., «плохое» кварто 1603 г., посмертное фолио 1623 г., «здравомыслие» или «святость» (II, 2, 207), тема «мудрого безумия» в Новом Завете, смысл «божьего шутовства» Гамлета, «предчувствие» или «игрища» (V, 2, 194), значение противопоставления мудрых и азартных игр в «Гамлете», влияние трактата Р. Эшема «Любитель стрельбы из лука».

Для цитирования: Микеладзе Н.Э. Гамлет и игра (комментарий к двум словам в пьесе «Гамлет»: кварто vs фолио) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 4. С. 47–52. DOI: 10.31857/S1605788024040056

Hamlet and Ludi (Commentary on Two Words in *Hamlet*: Quarto vs Folio)

© 2024 Natalia E. Mikeladze

Doct. Sci. (Philol.),
Professor of the Department of Foreign Journalism and Literature,
Lomonosov Moscow State University,
9 Mokhovaya Str., Moscow, 125009, Russia
fornatalia@bk.ru

Abstract. The texts of the lifetime quartos of Shakespeare's *Hamlet* and the first posthumous folio of 1623 differ significantly. Their analysis and comparisons underlies the researchers' assumptions and hypotheses about the "author's" manuscripts, "foul papers", prompt-books, "pirated" editions, the specifics of author's vocabulary, spelling and punctuation, different kinds of emendations: typists' errors and negligence, "author's" edits, justified and unjustified interventions of editors, etc. But above all they determine our idea of Shakespeare's worldview, the laws of life and culture of his time, often relevant today. In modern editions two discrepancies we examined are usually reproduced not from the good quarto of 1604 (Q2, left), but according to the First folio version (F1, right): *sanctity* — *sanitie* (II, 2, 207); *gamgiuing* — *gain-giuing* (V, 2, 194). Russian translations are also made from it.

A comparative study of the text and the context of these passages led us to the following conclusions. In both cases preference should be given to the "true and perfect" text of the Second quarto (Q2) and proceed from it in reprints and new translations of *Hamlet*. In scholarly editions of the play both places need detailed commentary, which is important for Shakespearean studies. *Gamgiuing* requires a correction to *gaming* with justification of the probable cause of the typo. Both words explain the development of the complex motive of game and gaming in the play, and specifically Hamlet's attitude towards the game: his penchant for wise play with words and meanings, considered as "madness" by "carnal" men (1Cor 2: 12–15), and his rejection of gambling in the logic of Roger Ascham's treatise *Toxophilus* (1545).

Key words: discrepancies in Shakespeare's editions, motive of the game in *Hamlet*, "good" quarto of 1604, "bad" quarto of 1603, posthumous folio of 1623, "sanity" or "sanctity" (II, 2, 207), theme of wise madness (or "spiritual wisdom as folly") in the New Testament, meaning of Hamlet's "God's buffoonery", "gain-giving" or "gaming" (V, 2, 194), meaning of contrast "iocis Dei — gambling" in *Hamlet*, influence of R. Ascham's treatise *Toxophilus*.

For citation: Mikeladze, N.E. *Gamlet i igra (kommentarij k dvum slovam v pjese "Gamlet": kvarto vs folio)* [Hamlet and Ludi (Commentary on Two Words in *Hamlet*: Quarto vs Folio)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 4, pp. 47–52. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024040056

На сопоставлениях текстов прижизненных кварио пьес Шекспира и первого посмертного фолио 1623 г. базируются многие наши представления, догадки, гипотезы об «авторских» рукописях, «театральных» экземплярах, «пиратских» изданиях, специфике авторской лексики, правописания и пунктуации, ошибках и небрежностях наборщиков, предположительных авторских правках, обоснованных и нет вмешательств редакторов¹. В конечном счете, внимательное изучение существующих ранних редакций текстов Шекспира дает нам свидетельства мировосприятия этого глубочайшего художника, в прямом смысле слова ведет нас от «буквы» к «духу» его произведений.

Оба исследуемых в статье вариативных места в пьесе «Гамлет» в подавляющем большинстве случаев воспроизводятся в версии фолио 1623 года (F1), по нему сделаны и русские переводы. Мы же, напротив, обнаруживаем здесь преимущества прочтения, предложенного вторым кварио «Гамлета» (Q2). Оно открывает важные нюансы в образе Гамлета как «человека играющего», согласно широчайшему определению Й. Хейзинги [3].

¹ Из недавно опубликованных собраний исследований этого типа отметим кембриджское 2015 г. [1] и арденское 2021 г. [2].

Здравомыслие или святость?

Первое разночтение содержится в реплике Полония в сторону при встрече с Гамлетом с книгой:

"How pregnant sometimes his replies are — a happiness that often madness hits on, which reason and sanity [sanctity] could not so prosperously be delivered of" (II, 2, 205–208)².

«Как содержательны иной раз его ответы! Удача, нередко выпадающая на долю безумия и которой разум и здравия не могли бы разрешиться так счастливо» (Пер. М. Лозинского). Пер. Б. Пастернака: «Как пронизательны подчас его ответы! Находчивость, которая часто осеняет полоумных и которой люди в здравом уме иногда лишены».

Наиболее полный (на 160 строк длиннее фолио) и высокоавторитетный³ текст второго кварио 1604 года [6] дает *sanctity*. В версии первого кварио 1603 г. [7] сцена с Полонием и актерами

² Пьеса «Гамлет» цитируется с указанием акта, сцены, строки по изданию [4], основанному преимущественно на тексте фолио 1623 г., и сопровождается в квадратных скобках вариантом по кварио 1604 г.

³ Преобладающее мнение ученых о Q2: текст, «несомненно авторизованный драматургом и его коллегами» [5, p. xlviii], основанный на рукописи самого Шекспира, вероятнее всего, ее черновом варианте ("foul papers", "an author's uncorrected play manuscript") [4, p. 81].

значительно сокращена и переформатирована, и в ней исчезает данное разночтение. Редакторы же мемориального фолио 1623 г. [8], руководствуясь некими соображениями, заменили *sanctity* на *sanitie*.

В современных изданиях, предпочитающих вариант фолио (а их подавляющее большинство), редакторы либо ограничиваются самим указанием на исправление [9, р. 249], либо сопровождают его скупым комментарием, наподобие «*sanctity* Q2 представляется ошибочным» [4, р. 253]. Редактор единственного известного нам современного издания второго кварто «Гамлета» Джон Ф. Эндрюс сохраняет *sanctity* с кратким замечанием “*virtue, holiness of life, Here the Folio reads sanity*” [5, р. 104] и тут же отсылает к другому месту (I, 3, 20), где фолио, напротив, меняет *safety* на *sanctity* [5, р. 42].

В драме Шекспира, особенно обладающей качествами проблемной пьесы, обсуждающей идеи общественной значимости (“*some necessary question of the play... to be considered*” III, 2, 40–41), каковой является «Гамлет», принципиально важен субъект речи. Если высказывания Гамлета всегда исполнены смысла, даже когда кажутся нам «темными», то речь Полония насыщена алогизмами под маской логики и пафосной бессмыслицей. Это действенный способ характеристики персонажа, но также инструмент переключения внимания слушателя или фонетической фиксации на тех или иных ключевых словах. Редактор фолио определенно считал, что исправляет ошибку, заменяя в реплике Полония «святость» (*sanctity*) на «здравый ум» (*sanity*), апологетом которого выглядит придворный, и тем самым а) создал тавтологию, поскольку разум и здравомыслие примерно одно и то же; б) привнес слово, отсутствующее в словаре Шекспира (слова ‘*sanity*’ нет в его текстах, в отличие от слова ‘*sanctity*’, которое присутствует от «Как вам это понравится» и «Двенадцатой ночи» до «Зимней сказки»; в) и затемнил важную новозаветную аллюзию, указателем для которой, полагаю, служило слово ‘*sanctity*’.

В Q2 здесь а) отсутствует тавтология, б) употреблено слово из шекспировского лексикона, и главное, в) вечный путаник «хитрец» Полоний противопоставляет язык безумия, оборачивающегося мудростью, языку разума и... святости. Тогда как в Священном Писании они связаны. Этой нелепостью, оксюмороном, звучащим из уст «умудренного и дальновидного» царедворца, Шекспир отсылает «имеющую уши» аудиторию к известным рассуждениям ап. Павла в Первом послании Коринфянам:

«Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога, что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святого, соображая духовное с духовным. Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сём надобно судить духовно. Но духовный судит о всём, а о нём судить никто не может»⁴ (1Кор 2: 12–15).

Гамлет и прямо называет Полония «большим младенцем», не вышедшим из пеленок (“*That great baby ... not yet out of his swaddling clouts*” (II, 2, 319–320)), что также отсылает к проповеди ап. Павла о духовной мудрости Божией:

«И я не мог говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе» (1Кор 3:1). Так и Гамлет говорит с Полонием не как с духовным (*as unto spiritual men*), а как с плотским (*as unto carnal*), с «младенцем во Христе» (*even as unto babes in Christ*) [10, 1Кор 3:1].

Таким образом, мы видим, как произвольная замена, допущенная редакторами фолио, нивелирует второй намек на мудрое безумие, присутствующий в реплике чуткого к словам, но не их сути, небрежно поигрывающего словами «мудреца» Полония. Первым указателем двумя строками выше был подмеченный Полонием «метод» в «безумии» Гамлета: “*Though this be madness yet there is method in’t*” (II, 2, 202–203).

И конечно, данный смысловой обертон исключительно важен драматургу: он подсказывает публике правильное понимание «причуд», в которые после встречи с призраком отца начал облекаться Гамлет: “*As I perchance hereafter shall think meet / To put an antic disposition on*” (I, 5, 169–170). И в целом поясняет смысл «божьего скоморошества» героя, на которое он сам недвусмысленно укажет очень скоро, в сцене придворного спектакля-«мышеловки»: “*O God, your only jig-maker!*” (III, 2, 118). Надетый Гамлетом по собственной воле шутовской колпак позволит ему

⁴ Примечания Женевской Библии [10] к этому месту поясняют: (14) “...This is not to be marveled at, sayeth the Apostle, seeing that men in their natural powers (as they termed them) are not endued with that faculty, whereby spiritual things are discerned (which faculty cometh another way) and therefore *they accompt spiritual wisdom as folly*: and it is as if he should say, It is no marvel that blind men cannot judge of colors, seeing that they lack the light of their eyes, and therefore light is to them as darkness”. (15) “*The wisdom of the flesh*, saith Paul, determined nothing certainly, no not in its own affairs, much less can it discern strange, that is, spiritual things. But the Spirit of God, wherewith spiritual men are endued, can be deceived by no means, and therefore be reprov’d of no man” (1Кор 2:14–15; курсив мой — *Н.М.*).

на протяжении всего действия говорить правду, оставаться честным [11, с. 482–483].

Подытоживая эту часть рассуждения, отметим, что данная правка редакторов фолио не представляется нам обоснованной и может быть сочтена ошибочной⁵. При переизданиях и новых переводах «Гамлета» в этом месте нужно следовать, как сказано на его титуле, “true and perfect”⁶ тексту второго кварто: *sanctity*. Сопровождая подробным комментарием о мотиве «мудрого безумия», который имеет в пьесе Шекспира евангельское происхождение, и при этом сходен, а возможно, и восходит к софистическому (сократическому) игровому философскому любомудрию, описанному Хейзингой [3, с. 143–146].

Предчувствие или игрище?

Второе разночтение — это загадочное слово Гамлета после полученного от Короля приглашения состязаться на рапирах с Лэртом:

“It is but foolery, but it is such a kind of gain-giuing [gamgiuing] as would perhaps trouble a woman” (V, 2, 193–194).

«Это, конечно, глупости; но это словно какое-то предчувствие, которое, быть может, женщину и смутило бы» (пер. М. Лозинского). Пер. Б. Пастернака: «Совершенные глупости. И вместе с тем какое-то предчувствие, которое остановило бы женщину».

В «плохом» кварто 1603 года (Q1) отсутствует данное разночтение по причине предельной сжатости самого рассматриваемого эпизода. Второе кварто 1604 года (Q2) содержит загадочное *gamgiuing*. Редакторы же посмертного Первого фолио исправили это слово на *gain-giuing*, образовав его по типу *gainsaying* («отрицание», с *gain-* в значении “in opposition to”).

Проблема, однако, в том, что слово *gaingiving* в словаре Шекспира отсутствует. Нет его и у современных драматурга: глоссарий слов эпохи Тюдоров и

⁵ Первое кварто (Q1 1603) в своем кратком переложении этой сцены тоже отсылает к «мудрому безумию», используя такие выражения, как “full of wits” и “shrewd”:

How pregnant his replies are, and full of wits...
...Very shrewd answers [7, p. 34–35].

⁶ Титул кварто 1604 года описывает пьесу как ‘Newly imprinted and enlarged to almost as much againe as it was, according to the true and perfect Coppie’ [6]. “True and perfect” обычно переводят как «подлинный и точный», однако “perfect Coppie” может пониматься и как «полный», и как «законченный», но также и как «чистый» список, что не вполне совпадает с представлением о «не выправленном авторском черновике» [4, p. 81].

Стюартов дает его единственное употребление, и это шекспировское первое фолио [12, p. 162]. Оксфордский словарь английского языка [13] знает два значения *gain-giving*: 1) «отдача взамен, возврат» (a giving in return, making return), изредка встречающееся с конца XV века и 2) «опасение», «предчувствие» (a misgiving), первый и единственный раз употребленное именно в шекспировском фолио 1623 года. Словарь Мэррион–Уэбстер отмечает, что «представление о том, что это слово означает «предчувствие», является всецело предположительным (completely conjectural, as gain- does not have the meaning ‘mis-’») [14].

Общим местом при переизданиях и переводах, тем не менее, стало признание варианта фолио и трактовка «предчувствие», «опасение». Х. Дженкинс, всецело принимая *gaingiving*, комментирует так: «неправильное прочтение Q2 и предположительная поправка Q3 говорят о том, что слово было непривычным» [9, p. 406 fn]. Редакторы Ардена третьей серии, «учитывая редкость слова», стоящего в фолио, иронически называют вариант Q2 «минимальной ошибкой» в его воспроизведении [4, p. 447 fn]. Даже подготовитель научного издания второго кварто Дж. Эндрюс прочитывает это слово как *misgiving*, объясняя тем, что орфография Q2 может быть «диалектным вариантом *gaingiving* фолио». Вместе с тем он допускает и то, что ‘gam’ в ‘gamgiving’, возможно, происходит от ‘game’, особенно от игр, связанных со ставками и опасениями от исхода азартных игр» [5, p. 312]. Это последнее допущение Дж. Эндрюса аналогично варианту, который давало Q3 «Гамлета» (кварто 1611 года, представлявшее собой переиздание Q2 с незначительными изменениями). Оно заменило неясное *gamgiuing* на *game-giving* [15]. Дело, однако, в том, что и такое слово отсутствует в словаре шекспировской эпохи и ранее, современные лексикографы также его не фиксируют.

Наша версия, разумеется, тоже предположительна. Мы исходим из общей с редакторами фолио предпосылки, что в Q2 была допущена опечатка, небрежность наборщика. Следовательно, нужно понять, что стояло в оригинале. Вместо фантастического *gain-giuing* я предлагаю прочтение *gam<giu>ing*, допустив, что наборщик по невнимательности мог добавить лишние буквы (заключенные в угловые скобки). Ошибка наборщика привела к искажению слова *gaming*, совершенно логичного и уместного в контексте обсуждаемого Гамлетом и Горацио приглашения к игре, придворному состязанию на рапирах. Это всего лишь глупая игра, но такая, в которой его

интуиция (обычно свойственная женщинам) угадывает опасность.

Следует учесть и такой аргумент. В староанглийском языке существовало слово *gamen*⁷ (вариант *game*), ко времени Шекспира оно уже вышло из употребления, но встречалось в религиозной литературе, в жестах и романах (о разрушении Трои, о Тристане, у Томаса Мэлори). Его глагольные формы *gamning* и *gamnian*. Первую использовал учитель королевы Елизаветы Роджер Эшем в «Любителе стрельбы из лука» (*Toxophilus*) в 1545 г.: “To him that compared gamning with shoting somewhat wyll I answere...” [16, p. 51], там же встречаем и слово *gamnes* (мн. ч. для *gamen*, *game*) [16, p. 52]. Шекспир определенно читал это сочинение, написанное в форме диалога между Любителем лука (*Toxophilus*) и Любителем слов (*Philologus*). Один из его разделов — “Agaynste vnlawfull gammes and namelye cardes and dife” [16, p. 23] — посвящен дискуссии о природе, достоинствах (или вреде) игр и спортивных упражнений, развивающих (или развращающих) человека⁸. Вскоре, в самом начале состязания на рапирах, Гамлет уподобит себя не самому искусному лучнику, невольно ранившему брата (так в Q2 и Q1) или мать (так в F1)⁹.

Так что в рукописи «Гамлета», с которой набиралось «хорошее» кварио 1604 года, могло стоять даже не привычное нам *gaming*, а устаревшее *gamning*, претерпевшее дополнительное искажение при наборе. Не исключено, что в самой рукописи слово было написано неразборчиво.

⁷ Old English. n. gen. An activity which provides amusement or fun; an amusement, a diversion, a pastime. Formerly also as a mass noun: †play, diversion (obsolete); Old English. v. intransitive. To amuse oneself; to play, sport, jest; (occasionally) to indulge in amorous or flirtatious play [13].

⁸ К популярному дидактическому сочинению Роджера Эшема, полагаю, отсылает внушительный каталог азартных игр, выявляемый в пьесе «Гамлет»: игра в кости (I, 3, 127; III, 4, 43), игра в шары (II, 1, 62; III, 1, 64), игра в монеты (III, 3, 58), игра с деревянными то ли кеглями, то ли фишками (V, 1, 87), заклады, ставки и пари, как на скачках и турнирах (типа тотализатора: IV, 5, 141–142; IV, 7, 132, 153; V, 2, 88 и далее 4 раза; см. также IV, 4, 55). Особого упоминания заслуживает мотив охоты (олень, лиса) и сквозная тема преследования и убийства оленя (II, 2, 502, 518; III, 2, 263–264; V, 2, 348), которые, однако, не обнаруживают связи с азартными играми. Особняком стоит инструментарий профессионального шута, чей перечень дан в сцене на кладбище с черепом Йорика: Jest, Fancy, Gibes, Gambols, Songs, flashes of Merriment, Grinning (V, 1, 175–182).

⁹ That I have shot my arrow o’er the house
And hurt my brother [F1: Mother].
(V, 2, 220–221)

Дополнительным аргументом является то, что ‘gaming’ — слово пьесы «Гамлет» (встречается в ней еще трижды, помимо рассмотренного места), больше Шекспир нигде его не употребляет. Пристрастие к игре (азартным играм) предстает в «Гамлете» — в полном согласии с рассуждением Роджера Эшема! — как дурное пристрастие. По мнению Полония, не настолько порочное, чтобы обесчестить его сына (II, 1, 24, 56), но по убеждению Гамлета, препятствующее спасению (“no relish of salvation in’t”) и способное утянуть отягощенную другими грехами душу в ад (III, 3, 91–95). Таким образом, при выборе *gaming*, в рассматриваемой фразе Гамлета подходящими русскими эквивалентами, в зависимости от стилистического регистра, могут быть как «игрище», так и «заигрывание» (которое «возможно, женщину и смутило бы»).

Какие выводы позволяет сделать наше сопоставительное исследование двух конкретных различий, проведенное в несколько более широком, чем чистая текстология, идейном контексте эпохи?

Гамлет — особый тип «человека играющего», действующий внутри публичной театральной игры, каковой является сама пьеса «Гамлет» [17, с. 51–63]. Если он играет, то «в трудные игры», как сказал Парменид, включаясь в рассуждения о глубочайших вопросах бытия [3, с. 146]. Лживость «посулов игрока» (“false as Dicer’s Oaths” — III, 4, 43) отвратительна Гамлету, его шутовство и мудрое безумие — способ оставаться честным на всем протяжении действия. Он стремится сохранить свой духовный стержень, не желает растворять его во всеобщности и амбивалентности игры: “But I have that within that passes show” (I, 2, 85). У этого «скомороха Господня» (joculator Domini) особая миссия: он пытается исцелить само время, вправив его сустав (I, 5, 186–187). Его тревожит игра, в которую его втягивает преступный шулер на троне со своим слабодушным «орудием». И после поездки в Англию — на казнь — он уже вполне ясно понимает, что такое *их* игры.

В обоих рассмотренных случаях предпочтение следует отдавать «подлинному и полному» тексту кварио 1604 г. и исходить из него при переизданиях и новых переводах «Гамлета». Оба места в научных изданиях пьесы нуждаются в подробном комментарии,

важном для понимания мировоззрения Шекспира; кроме того, *gamgiuing* требует исправления на *gaming* с обоснованием вероятной причины опечатки. Наконец, оба слова поясняют развертывание сложного мотива игры в пьесе и конкретно отношение Гамлета к игре: предрасположенность героя к мудрой игре словами и смыслами, почитаемой «плотскими» людьми «безумием» (1 Кор 2: 12–15), и неприятие им азартных игр в логике, сходной с трактатом Р. Эшема «Любитель стрельбы из лука» (1545).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Shakespeare and Textual Studies. Ed. by Margaret J. Kidnie and Sonia Massai. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2015. xiv, 467 p.
2. The Arden Research Handbook of Shakespeare and Textual Studies. Ed. Lukas Erne. London: Bloomsbury Publishing, 2021. 408 p.
3. Хейзинга Йохан. Homo Ludens. Статьи по истории культуры. / Пер., сост., вступ. ст. Д.В. Сильвестрова; коммент. Д. Э. Харитоновича. М.: Прогресс – Традиция, 1997. 416 с. [Hejzinga, Johan. *Homo Ludens. Statji po istorii kultury* [Homo Ludens. Articles on Cultural History]. Moscow: Progress – Tradicija Publ., 1997. 416 p. (In Russ.)]
4. *Shakespeare William*. Hamlet. Ed. by Ann Thompson, Neil Taylor. London: Cengage Learning, 2006. 613 p. (The Arden Shakespeare, 3rd ser.)
5. *Shakespeare William*. Hamlet. Ed. John F. Andrews. London: Everyman. J.M. Dent, Vermont: C.E. Tuttle. 1993. lxxiii + 370 p.
6. The tragicall historie of Hamlet, Prince of Denmarke. By William Shakespeare. Newly imprinted and enlarged to almost as much againe as it was, according to the true and perfect coppie (Second Quarto). London: printed by I. R. [James Roberts] for N.L. [Nicholas Ling] and are to be sold at his shoppe vnder Saint Dunstons Church in Fleetstreet, 1604. [102] p.
7. The Tragicall Historie of Hamlet, Prince of Denmarke. By William Shakespeare. As It hath beene Diuerse Times Acted by His Highnesse Seruants in the Cittie of London: As also in the Two Vniuersities of Cambridge and Oxford, and Else-where (First Quarto). London: Printed [by Valentine Simmes] for N[icholas] L[ing] and Iohn Trundell, 1603. 78 p.
8. *Shakespeare William*. The Tragedie of Hamlet, Prince of Denmarke. The First Folio of Shakespeare. Prepared by C. Hinman. New York; London: W.W. Norton & Company, 1996. P. 760–790. 928 p.
9. *Shakespeare William*. Hamlet. Ed. Harold Jenkins. London; New York: Methuen, 1982. 574 p. (The Arden Shakespeare, 2nd ser.)
10. The Bible: The Holy Scriptures, contained in the Olde and Newe Testament (Geneva Bible 1560–1599 with footnotes). [Электронный ресурс]: <https://www.biblegateway.com>
11. Микеладзе Н.Э. Милосердие сильнее мести. Время и вечность в театре Шекспира. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. (Mediaevalia) 624 с. [Mikeladze, N.E. *Miloserdie silnee mesti. Vremja i vechnost v teatre Shekspira*. [In Virtue than In Vengeance. Time and Eternity in the Theatre of Shakespeare]. Moscow, St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2019. 624 p. (In Russ.)]
12. A Glossary of Tudor and Stuart words. Collected by Walter W. Skeat. Ed. A.L. Mayhew. Oxford: Clarendon Press, 1914. 462 p.
13. Oxford English Dictionary (OED) Oxford University Press, 2023. [Электронный ресурс]: <https://www.oed.com>
14. Merriam-Webster Dictionary, 2023. [Электронный ресурс]: <https://www.merriam-webster.com>
15. The tragedy of Hamlet Prince of Denmarke. by VWilliam Shakespeare. At London: Printed for Iohn Smethwicke, and are to be sold at his shoppe in Saint Dunstons Church yeard in Fleetstreet. Vnder the Diall, 1611. [104] p. Folger Digital Image Collection. STC 22277 copy 1, N3v. [Электронный ресурс]: <https://luna.folger.edu>
16. *Ascham Roger*. Toxophilus, 1545. Ed. by Edward Arber. Westminster: A Constable & Co., 1895. 201 p.
17. Микеладзе Н.Э. Слово Горацио, или «Гамлет» как психодрама // Эпох скрещения. Литературные исследования от Средневековья до Нового времени. Сборник памяти Андрея Николаевича Горбунова. М.: Литфакт, 2023. С. 51–63. (408 с.) [Mikeladze, N.E. *Slovo Goracio, ili "Gamlet" kak psihodrama* [Horatio's Word, or Hamlet as Psychodrama]. *Jepoh skreshhenja. Literaturnye issledovanija ot Srednevekovja do Novogo vremeni. Sbornik pamjati Andreja Nikolaevicha Gorbunova* [Crosses of Time. Studia Litterarum from Middle Ages to Modernity. In Memoriam Andrey Nikolaevich Gorbunov]. Moscow: LitFact Publ., 2023, pp. 51–63. (In Russ.)]

Дата поступления материала в редакцию: 26 апреля 2024 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 10 мая 2024 г.
Статья принята к публикации: 15 июня 2024 г.
Дата публикации: 31 августа 2024 г.

Received by Editor on April 26, 2024
Revised on May 10, 2024
Accepted on June 15, 2024
Date of publication: August 31, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024040066

О некоторых особенностях глагольного словообразования с приставкой *ИЗ-* в архангельских говорах

© 2024 г. Е. А. Нефедова

Доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка филологического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские Горы, д. 1
eanefedova@gmail.com

Резюме. Статья посвящена изучению особенностей глагольного словообразования с приставкой *ИЗ-* в говорах архангельского региона. На основе соотнесения значений мотивированного и мотивирующего глаголов и их распределения по семантическим группам определены значения приставки *ИЗ-* и описаны системные связи между ними. Выявлена синонимичность видового значения приставки *ИЗ-* другим приставкам русского языка, на базе которой в говорах функционируют синонимичные пары и тройки глаголов (*извы́кнуть* — *привы́кнуть*, *изгуля́ть* — *нагуля́ть*, *изму́читься* — *приму́читься* — *исприму́читься*). Охарактеризованы некоторые условия контекстного употребления *ИЗ-*глаголов. Предложены критерии определения продуктивности словообразовательных типов глагольной *ИЗ-*префиксации.

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00027, <http://rscf.ru/project/23-18-00027>

Ключевые слова: диалектология, говоры архангельского региона, глагольная префиксация.

Для цитирования: Нефедова Е.А. О некоторых особенностях глагольного словообразования с приставкой *ИЗ-* в архангельских говорах // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 4. С. 53–62. DOI: 10.31857/S1605788024040066

About Some Features of Verb Word Formation with the Prefix *ИЗ-* in Arkhangelsk Dialects

© 2024 Elena A. Nefedova

Doct. Sci. (Philol.),
Professor of the Russian Language Department
of the Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow, 119991, Russia
eanefedova@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the verbal word features formation with the prefix *ИЗ-* in the Arkhangelsk region dialects. Based on the correlation of the meanings of the motivated and motivating verbs and their distribution into semantic groups, the prefix *ИЗ-* meanings are determined. The systemic connections between them are also described. The synonymy of the specific meaning of the prefix *ИЗ-*, on the basis of which synonymous pairs and triplets of verbs function in dialects (*izvýkнут'* — *privýkнут'*, *izgulyát'* — *nagulyát'*, *izmúchit'sya* — *primúchit'sya* — *isprimúchit'sya*), with other prefixes of the Russian language has been revealed. Some conditions of the contextual use of *ИЗ-*verbs are characterized. Criteria for determining the productivity of word-formation types of verbal prefix are proposed.

Acknowledgements. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-18-00027, <http://rccf.ru/project/23-18-00027>

Key words: dialectology, dialects of the Arkhangelsk region, verbal prefixation.

For citation: Nefedova, E.A. *O nekotoryh osobennostyah glagolnogo slovoobrazovaniya s prstavkoj IZ- v arhangelskikh govorah* [About Some Features of Verb Word Formation with the Prefix IZ- in Arkhangelsk Dialects]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 4, pp. 53–62. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024040066

Как известно, морфемная организация слов, функционирующих в говорах, изучена недостаточно. Полного описания состава приставок и их значений на русском диалектном материале еще не проводилось. Очевидно, их отсутствие объясняется тем, что состав префиксальных морфем русского языка обладает значительным единством. Представленное в [1, с. 98–99] описание префиксального способа образования показало, что различия говоров русского языка касаются прежде всего семантики приставок и особенностей их употребления со словами разных частей речи.

Обзор работ, посвященных проблемам словообразования славянских языков, также свидетельствует о том, что словообразовательные различия, характеризующие пространство Славии, исследовались преимущественно на материале суффиксальных образований [2, с. 3–24].

Префиксальному словообразованию посвящен целый ряд исследований, проведенных на материале древнерусского и старорусского языка, например, [3, с. 103–109]; [4, с. 101–112]; [5, с. 135–150]; [6, с. 14–31] и др.

Глагольная префиксация, характерная для современного русского языка, описана в толковых словарях литературного языка [7, с. 237]; [8, с. 634]; [9, с. 85–86], в «Словаре словообразовательных аффиксов современного русского языка» [10, с. 43–242], а также в «Русской грамматике» [11, с. 355–374].

В монографии М.А. Кронгауза «Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика» исследуется «комплекс весьма различных семантических проблем, которые связаны с глагольной префиксацией в русском языке. Причем основная цель книги как раз и состоит в структурировании данной проблемной области» [12, с. 14]. Автор монографии предлагает подход к значениям приставки как к связанной семантической системе. Ее модель определяется как семантическая сеть, в которой значения приставки связаны между собой непосредственно или опосредованно [Там же, с. 110–111].

Диалектные словари, как правило, не ставят перед собой задачи описания семантики приставок. Исключением является «Архангельский областной словарь» (АОС), в шестом [13, с. 92–95], одиннадцатом [14, с. 17–173], пятнадцатом [15, с. 19–25] выпусках которого подробно, с значительным количеством примеров их соединения с разными частями речи, описана семантика приставок *вы-*, *до-*, *за-*, а также их бипрефиксальных и полипрефиксальных образований. Особенности глагольной префиксации на материале архангельских говоров рассмотрены в нескольких работах автора. Это статьи, посвященные семантике ДО-глаголов [16, с. 189–196], глагольной бипрефиксации с приставкой ЗА- [17, с. 108–116], а также собственно диалектной приставке З- [18, с. 88–102].

В настоящей статье на материале архангельских говоров, представленном в 23-м [19, с. 74–329] и 24-м [20, с. 52–236] выпусках АОС и его картотеке¹, рассматриваются особенности глагольного словообразования с приставкой ИЗ-. На основе соотнесения значений мотивированного и мотивирующего глаголов, а также с учетом связи словообразовательных типов с семантическими группами глаголов определяются значения этой приставки и выявляются системные связи между ними.

Приставка ИЗ- соединяется в говорах с глаголами переходными и непереходными, возвратными, а также образованными префиксально-постфиксальным способом.

Типы актантных структур ИЗ-глаголов:

Sub (лицо) – V – Adr (лицо): *издивить, извыхулить, избидеть кого-н.*

Sub (лицо) – V – Obj (предмет): *иззакрывать, извыписать, испродавать что-н.*

Sub (лицо) – V(ся) – Obj (лицо, предмет): *издомагаться кого-н., чего-н.*

¹ Картотека АОС включает около 5 млн словарных карточек и является самой богатой диалектной словарной картотекой в России и за рубежом. Электронная картотека АОС составляет более 2 млн карточек.

Sub (лицо) – V(ся) – Aud (группа лиц): *избра- ниться, испередра́ться, испригре́шиться с кем-н.*

Sub (лицо, предмет) – V: *излететь, избы́ть от- куда-н., изветоша́ть, исто́щать, истометь.*

Sub (лицо) – V(ся) (*испережива́ться, испостни- чаться, исстонать*ся).

I. Значения приставки ИЗ-

(1). ‘Удаление откуда-н. с помощью действия, названного мотивирующим глаголом’: *избагри́ть* – извлечь из воды с помощью багра, *избе́гчи* – стечь, вытечь, *избира́ть* – убирать, удалять откуда-н., *избы́ть* – отбыть, уехать откуда-н., *изгонить* – выгнать, прогнать откуда-н., *изде́ргать* – вырвать с корнем, выдернуть, *изжы́ть* – прогнать откуда-н., выжить, *излететь* – улететь откуда-н., *изы́мать* – вывести, увести откуда-н., *исчерпа́ть* – черпать, удалить, вычерпать.

(2). ‘Интенсивное совершение действия или протекание процесса, названного мотивирующим глаголом’.

Приставка в этом значении вносит семы ‘очень’, ‘сильно’, ‘много’: *издивить* – сильно удивить, *издорожа́ть* – сильно подняться в цене, вздорожать, *изма́ять* – привести в состояние сильной усталости, *истолка́ть* – толкнуть много раз, затолкать, *изгва́здаться* – перепачкаться, *издомогать*ся – приложить много усилий для достижения желаемого, *изматери́ться* – грубо выругаться, *изнаря- диться* – одеться очень нарядно.

Приставка с значением интенсивности используется в говорах при префиксально-постфиксальном способе словообразования: *избрыча́ться* – много и долго стуча, достичь высокой интенсивности действия, *изга́вкаться, изла́яться* – потратить много времени и сил, громко лая, *изду́маться* – провести много времени в тревожном раздумье, *изгуля́ться* – вдоволь нагуляться, *измахать*ся – интенсивно отмахиваясь от чего-н., провести так долгое время, *исстонать*ся – провести много времени в жалобах на кого-н., что-н., *исхохотать*ся – посмеяться от души, *исхулига́ниться* – совершить много нарушений общественного порядка.

В рассматриваемом значении приставка ИЗ- обладает широкими возможностями сочетаемости с мотивирующими глаголами, обозначающими физические действия. Менее типичной является сочетаемость с глаголами ментальной семантики.

(3). ‘Достижение высокой степени состояния², названного мотивирующим глаголом’: *избелеть* –

покрыться бледностью, сильно побледнеть, *изжалеть* – проникнуться чувством сильной жалости, *изветоша́ть, иссо́хнуть, истометь, исто- щать* – сильно похудеть, исхудать, *иззя́бнуть, изме́рзнуть* – сильно озябнуть, замерзнуть, *избес- поко́иться* – испытать сильное беспокойство, *изгорячи́ться* – прийти в возбужденное состояние, разгорячиться, *издивить*ся – сильно удивиться, *иззудить*ся – измучиться от желания облегчить зуд, почесаться, *иссерди́ться* – сильно рассердиться.

Примеры реализации данного значения с помощью префиксально-постфиксального способа словообразования: *изболеть*ся – испытать сильную боль, *издрема́ться* – впасть в непреодолимую дремоту, *издрожать*ся – испытать сильную дрожь, *изду́маться* – провести долгое время в тревожном раздумье, *иззевать*ся – впасть в состояние непреодолимой зевоты, *исспать*ся – долго пробыть в состоянии сна, *исстра́даться* – перенести много страданий, *иссуши́ться* – полностью высохнуть, *истоскнётся* – истосковаться.

Употребление приставки ИЗ- в этом значении характерно для глаголов, обозначающих физическое или моральное состояние человека: *тоща́ть, со́хнуть* (худеть), *белеть* (бледнеть), *зевать, дре- ма́ть, дрожа́ть, беспоко́иться, горячи́ться, сер- диться, страда́ть, тоскова́ть* и др.

(4). ‘Возникновение, достижение нежелательного или чрезмерного состояния в результате частого или интенсивного совершения действия, названного мотивирующим глаголом’: *изморó- зить* – постоянно подвергая воздействию холода, простудить, *изобидеть* – нанести материальный ущерб, обделив чем-н., *исповáдить, испота́кать* – потакая любому желанию, капризам, сильно избаловать, *избы́ться, изма́яться, испе́таться, ис- пласта́ться, испо́рхаться, иструди́ться* – находясь в постоянных хлопотах, много и тяжело работая, сильно устать, измучиться, выбиться из сил, *из- волочи́ться* – прийти в негодное состояние в результате длительной носки, *изде́ргаться* – стать нервным, раздражительным.

Примеры реализации данного значения с помощью префиксально-постфиксального способа словообразования: *изодра́ться, излежа́ться* – испортиться, потерять вид в результате длительного хранения, *испережива́ться* – измучиться от многочисленных, долгих переживаний, *ис- питься* – долго и много употребляя спиртное, стать алкоголиком, спиться, *испла́каться* – долго горя, плача, прийти к плохому состоянию,

² В «Русской грамматике» мотивирующие глаголы, обозначающие действие и состояние, рассматриваются в рамках

общего словообразовательного типа [11, с. 361].

испóстничаться — прийти до плохого состояния в результате соблюдения поста.

Употребление приставки ИЗ- в этом значении характерно преимущественно для глаголов, обозначающих физические действия, процессы или состояния человека: *трудо́ться, дра́ться, пить, пла́кать, пережива́ть, де́ргаться*.

(5). 'Приобретение какого-н. свойства, признака, становление каким-н. или кем-н., названным мотивирующим глаголом': *избалова́ться, избодри́ться, избойчи́ться* — стать слишком бойким, озорным, *изболта́ться* — привыкнув к праздной, разгульной жизни, стать распушенным, *исцеремо́ниться* — стать слишком разборчивым, *изгорба́титься* — стать сутулым, сгорбиться, *изленить́ся* — стать очень ленивым, облениться.

Примеры реализации данного значения с помощью префиксально-постфиксального способа словообразования: *избу́рлачиться* — стать бродягой, *исхуда́ться* — стать ветхим, обветшать, *издра́вничаться* — стать избалованным.

Семантика мотивирующих глаголов в этом значении относится преимущественно к предикатам поведения — *балова́ться, болта́ться, церемо́ниться, бойчи́ться, бодри́ться, бу́рлачить*.

(6). 'Распространение действия, названного мотивирующим глаголом, на много мест в пределах объекта или субъекта действия': *избодáть* — исколоть рогами, *избрызга́ть* — обрызгать, забрызгать, *изборозди́ть* — исцарапать, *изваля́ть, изга́дить, изгрязни́ть, изма́зать* — испачкать все, всего, перепачкать, *изглода́ть* — обглодать, *изжа́лить* — сильно покусать, искусать, *излизáть* — облизать, вылизать, *измозо́лить* — натереть много мозолей, *измо́кнуть* — вымокнуть, *испинáть* — нанести много ударов ногами, пинков, *испо́рхать* — разгребая, разрыть, разбросать в стороны, *иссе́чки, истеса́ть* — обтесать, *исты́кать* — нанести много ран чем-н. острым, *исцара́пать* — нанести много царапин.

Употребление приставки ИЗ- в этом значении характерно для глаголов, обозначающих физические действия: *брызга́ть, па́чкать, пина́ть, цара́пать* и др.

(6.1). 'Распространение действия, названного мотивирующим глаголом, на нескольких (многих) субъектов действия: *избрани́ться* — побраниться всем, со всеми, переругаться, *исспори́ться* — провести много времени в жарких спорах с кем-н., *испригreshи́ться* — разругаться с кем-н.

Мотивирующие глаголы обозначают речевые действия субъекта: *спóрить, брани́ться, руга́ться*.

(7). 'Полный охват объекта действием, названным мотивирующим глаголом': *издо́упать, изброди́ть, истопта́ть* — все потоптать, вытоптать, *изжа́ть* — полностью сжать, скосить.

Мотивирующие глаголы обозначают физические действия.

(7.1). 'Полный охват какого-н. пространства действием, названным мотивирующим глаголом': *избе́гать, изброди́ть, излета́ть, испо́лзать* — обогнать, обогнать, облететь много мест.

Мотивирующие глаголы относятся к глаголам движения.

(7.2). 'Полный охват какой-н. поверхности тем, что названо мотивирующим существительным или мотивирующим глаголом': *изузо́рить* — покрыть узорами, *издожди́ть* — обильно полить дождем, *иссини́ть* — покрыть синяками, *испеча́тать* — покрыть печатями, *исполосова́ть* — покрыть полосами, исчертить.

Пример реализации данного значения с помощью префиксально-постфиксального способа словообразования: *изморщи́ниться* — покрыться морщинами.

Особенность этого подзначения состоит в том, что глаголы *изузо́рить испеча́тать изморщи́ниться*, мотивированы существительными, а такие, как *издожди́ть, иссини́ть* — бесприставочными глаголами, в свою очередь мотивированными существительными.

(8). 'Полное израсходование, использование на что-н. посредством действия, названного мотивирующим глаголом': *извари́ть* — использовать при варке, *избели́ть* — израсходовать на побелку, *изжа́рить* — израсходовать для жарки, *извяза́ть* — израсходовать на изготовление вязаных изделий, *издержáть, истрята́ть* — истратить на что-н., *испирова́ть* — истратить на пирушки, гулянье, *исписа́ть* — израсходовать на записи, *иссоли́ть* — израсходовать на соленье, *исстира́ть* — израсходовать на стирку.

Семантика мотивирующих глаголов в основном относится к конкретным действиям бытового характера: *вари́ть, жа́рить, бели́ть, стира́ть, вяза́ть*.

(8.1). 'Прекращение действия, названного мотивирующим глаголом, в результате полного использования объекта действия': *издои́ться* — перестать доиться перед отелом.

(9). 'Полная завершенность, законченность, полнота действия, названного мотивирующим глаголом': *избуди́ть* — разбудить, *избужа́ть* — испугать, *извережа́ть* — изуродовать, *изгото́вить* — сделать

годным, готовым к употреблению, использованию, *изграть* — подвергнуть надругательству, *издрочить* — избаловать, *изладить* — сделать, смастерить, *изогнуть* — искривить, *испазгать*, *исхрястать* — избить, *испозорить* — испортить, *истлеть* — прийти в негодность.

В собственно видовом значении приставка *ИЗ-* обладает очень широкой сочетаемостью с глаголами, при этом она синонимична большинству общерусских приставок:

ВЗ-: *избулькать* — взболтать, *извесьить* — взвесить, *изглядеть* — взглянуть, *издуть* — побить, вздуть, *испотеть* — вспотеть, *испомнить* — вспомнить;

ВЫ-: *изладить* — выгладить, *изжить* — остаться в живых, выжить, *излакать*, *испить* — выпить, *излечить* — вылечить, *изловить* — выловить, поймать, *изнянчить* — вынянчить, воспитать, *испрямить* — выпрямить;

ЗА-: *излезть* — залезть, *изгрузить* — наполнить грузом, загрузить, *издушить* — задушить, *исчакнуть* — зачакнуть;

НА-: *изгулять* — нагулять (о беременности вне брака), *издумать* — надумать, решить, *испечатать* — напечатать, *испоить* — напоить, *испрясть* — напрядь, *истереть* — натереть;

О-: *изгородить* — огородить;

ОТ-: *избыть* — отбыть, уехать;

ПО-: *изжелтеть* — пожелтеть, *изжениться* — пожениться, *изложить* — положить, *изобронить* — побранить, *испробовать* — попробовать, *истелить* — постелить;

ПРИ-: *извыкнуть* — привыкнуть, *изготовить* — приготовить, *излипать* — прилипать;

ПРО-: *изборонить* — проборонить, *извять* — провять, *изгореть* — прогореть, *изжить* — прожить, *истухнуть* — протухнуть;

РАЗ-: *избить* — размять, растолочь, *избудить* — разбудить, *изогладить* — разгладить, *издрать* — разодрать, *испилить* — распилить, *испороть* — распороть, *истаять* — растаять;

С-: *избыться* — сбыться, *извалить* — свалить, *изварить* — сварить, *изворовать* — украсть, своровать, *извить* — скрутить, *извязать* — связать, *изделать* — сделать, *изгнить* — сгнуть, *изгноить* — сгноить, *извязать* — связать, *изгнунуть* — потеряться, сгнунуть, *изгореть* — сгореть, *изгрести* — сгрести, *изладить* — сделать, *изляпать* — слепить, *изожёгчи* — сжечь, *испеть* — спеть, *испахать* — спехнуть, *испелсти* — сплести, *испросить* — спросить, *исхватать* — схватить, *исчавкать* — съесть, сжевать, *изжерать* — съесть, сожрать;

У-: *избить* — убить, *извидеть* — увидеть, *изгаснуть* — умереть, угаснуть, *издаться* — удалиться, *издобрить* — удобрить, *испреть* — упреть³.

О продуктивности словообразовательных типов, выделенных на материале архангельских говоров

Вопрос о продуктивности словообразовательных типов, формируемых разными значениями приставки *ИЗ-*, решается с учетом такого важного фактора, как устная форма существования говоров. При наличии общего для говоров архангельской территории инвентаря корневых и аффиксальных морфем в условия устности диалектной речи говорящими легко создаются по готовым словообразовательным моделям новые единицы, удовлетворяющие их коммуникативные потребности. Достаточное количество таких единиц, зафиксированных в говорах нескольких (не единичных) населенных пунктов архангельской территории⁴, послужило основанием для признания продуктивности соответствующего словообразовательного типа. Остановимся на их рассмотрении.

1. В тексте статьи представлены практически все глаголы с значением приставки (1), отмеченные в АОС и его картотеке, что говорит о непродуктивности этого типа в говорах. В современном литературном языке (ЛЯ) он также непродуктивен, глаголы с приставкой *ИЗ-* относятся к книжной лексике, а соответствующее значение выражается продуктивным типом глаголов с приставкой *ВЫ-* [11, с. 361].

2. Собственно диалектное значение приставки (8.1.) реализовано в говорах единичным глаголом, что позволяет определить соответствующий словообразовательный тип как непродуктивный.

3. Словообразовательный тип, сформированный значением (9) приставки *ИЗ-*, в литературном языке является непродуктивным [11, с. 361]. В говорах же его можно с полным правом отнести к продуктивным. Продуктивность этого типа сформирована коммуникативными условиями, в контексте которых допустима синонимичность употребления приставки *ИЗ-* большинству общерусских приставок и образование на этой основе рядов синонимичных глаголов (см. об этом далее).

4. Словообразовательные типы, сформированные значениями (2)–(8) приставки *ИЗ-*, в говорах,

³ О семантической соотнесенности приставок *ИЗ-* и *З-* (см. [19, с. 94]).

⁴ Эта информация содержится в тексте словарных статей, представленных в [20] и [21] и картотеке АОС.

как и в литературном языке [11, с. 361], являются продуктивными. Их объединяет признак интенсивности действия, процесса, состояния, представленный в семантике ИЗ-глаголов.

II. Системность связей значений приставки ИЗ-⁵

Системные связи и отношения между значениями приставки ИЗ-, выявленными на значительном по объему материале современных русских говоров, рассматриваются далее по методике, аналогичной описанию семантической структуры многозначного слова. Речь идет о возможности обнаружения у непосредственно связанных значений некоей семантической общности, при переосмыслении которой на основе смежности или сходства, формируются семантические группы глаголов с опосредованными вторичными значениями приставки.

Пространственное значение приставки (1) 'удаление откуда-н. с помощью действия, названного мотивирующим глаголом', признано первичным для приставок (см. об этом [5, с. 135–150]). Оно является базой для развития более абстрактных значений, в которых локальное пространство переосмысливается как временное, а само понятие пространства сужается до сферы, области распространения чего-н. (например, сферы действия, деятельности, сферы социальных, этических и др. отношений). Понятие сферы, области распространения имплицитно присутствует в производных значениях приставки ИЗ-.

Значения (2) 'интенсивное совершение действия или протекание процесса, названного мотивирующим глаголом' и (3) 'достижение высокой степени состояния, названного мотивирующим глаголом' объединяет признак интенсивности, различает сфера его проявления: 'действие, процесс' или 'состояние'.

Значение (4) 'возникновение, достижение нежелательного или чрезмерного состояния в результате частого или интенсивного совершения действия, названного мотивирующим глаголом', связано с (2) по схеме 'действие' – 'результат действия'.

В семантике группы глаголов с значением (5) 'приобретение какого-н. свойства, признака, становление каким-н. или кем-н., названным мотивирующим глаголом' имеется признак 'очень,

слишком', что свидетельствует о связи с (2) значением приставки ИЗ-. Приобретение нового свойства, признака предполагает изменение прежнего состояния – связь с (4) значением на основе общности признака 'состояние'.

В значениях (6) 'распространение действия, названного мотивирующим глаголом, на много мест в пределах объекта или субъекта действия', (7) 'полный охват объекта действием, названным мотивирующим глаголом' и его подзначениях (7.1) 'полный охват какого-н. пространства действием, названным мотивирующим глаголом' и (7.2) 'полный охват какой-н. поверхности тем, что названо мотивирующим существительным или мотивирующим глаголом', содержатся семы 'много', 'полностью', определяемые связью со значением (2). При этом семантика интенсивности действия в этих значениях распространяется на некое пространство, что свидетельствует и о их связи с значением (1).

Значение (8) 'полное израсходование, использование на что-н. посредством действия, названного мотивирующим глаголом' также связано со значением (2).

В подзначении (8.1) 'прекращение действия, названного мотивирующим глаголом, в результате, полного использования объекта действия' следствием полноты совершения действия является его полное прекращение.

И наконец, последнее значение приставки 'полная завершенность, законченность, полнота действия, названного мотивирующим глаголом' выглядит как логическое завершение, конец всего того, что произошло после выхода откуда-н., то есть перехода в другое пространство.

III. Бипрефиксальные комплексы с приставкой ИЗ-

Вторичная глагольная префиксация – это яркая особенность словообразовательной системы диалекта. Приставка ИЗ- в целом ряде значений активно участвует в бипрефиксальных образованиях. Рассмотрим их.

а) Приставка ИЗ- с семантикой интенсивности действия (2) употребляется в составе таких приставочных комплексов, как **ИЗБЕЗ-**: *избесчестить* – обесчестить, опозорить; **ИЗВЫ-**: *извыбучить* – занимаясь кипячением в зольном растворе, хорошо отбелить, *извыхулить* – резко осудить за что-н., поругать; **ИЗЗА-**: *иззакручивать* – плотно скрутить, закрутить, *иззакрывать* – запереть все двери, *иззамёрзнуть* – сильно замерзнуть; **ИЗПО-**: *испокоренить* – полностью истребить,

⁵ Опыт системного синхронно-диахронического описания значений приставки ИЗ- представлен в [3, с. 103–109]. Задача установления путей развития ее вторичных интенсивных значений решается автором на основе их соотношенности со способами глагольного действия.

искоренить всё, *испоругать* — обесчестить, опозорить; **ИЗПРИ-**: *исприломать* — искалечить, *испримочить* — сильно намочить, *испригáлиться* — подвергнуть неоднократным злым издевательствам, *испримúчиться* — сильно измучиться, *исприждáться* — провести много времени в ожидании, *исприплáкаться* — пролить много слез, наплакаться, *исприспешíться* — постараться сделать что-н. очень быстро, поспешить;

б) **ИЗ-** с семантикой достижения высокой степени состояния (3) в составе приставочных комплексов **ИЗВЫ-**: *извыхудать* — сильно похудеть, исхудать; **ИЗНА-**: *изнаму́читься* — сильно устать, измучиться; **ИЗПО-**: *испоугаться* — сильно испугаться; **ИЗПЕРЕ-**: *испередрожа́ться* — замёрзнув, испытать сильную дрожь; **ИЗПРИ-**: *испримúчиться* — испристáть, *исприхлóпаться* — сильно устать, выбиться из сил;

в) **ИЗ-** с семантикой возникновения нежелательного состояния (4) **ИЗПРИ-**: *исприбегáться*, *исприбýться* — находясь в постоянных хлопотах, сильно устать, выбиться из сил;

г) **ИЗ-** с семантикой распространения действия на много мест (6) в составе приставочных комплексов **ИЗЗА-**: *иззакропáть* — покрыть заплатами, залатать; **ИЗНА-**: *изнакрасíть* — покрасить всё; **ИЗПЕРЕ-**: *исперешива́ть* — перешить все; **ИЗПО-**: *испомáзать* — обмазать; **ИЗПРИ-**: *исприси́нить* — покрыть синяками; **ИЗПРО-**: *испростегáть* — простегать, *испроты́кать* — проткнуть во многих местах, проделать много дыр, продырявить;

д) **ИЗ-** с семантикой распространения действия на нескольких (многих) субъектов (6.1) в составе приставочных комплексов **ИЗПЕРЕ-**: *испередра́ться* — в драке нанести сильные побои друг другу; **ИСПРИ-**: *испримерéть* — умереть (всем);

е) **ИЗ-** с семантикой полного охвата объекта действием, названным мотивирующим глаголом⁶ (7) в составе приставочного комплекса **ИЗВЫ-**: *извы́писать* — все, полностью отразить в письменном виде, написать, *извы́строгать* — полностью обработать строгальным инструментом, *извыти́рать* — использовать для вытирания все имеющееся в наличии.

Модели образований бипрефиксальных комплексов

Обнаружены две модели бипрефиксальных ИЗ-глаголов.

Модель 1-я: Бипрефиксальный глагол образуется с помощью приставки ИЗ- от ВЫ-, ЗА-, ПО-, ПРИ-глаголов:

Закропáть — *иззакропáть*: Натъ вёрви — сапоги шýть, вáленки закропáть. НЯНД. Врл⁶. Ф старину́ говорят, дак фсё штаны́ иззакро́паны, и не зашýваны, а кропáть. КОН. Твр.

Вы́строгать — *извы́строгать*: Иго́лки на́до но́вые вы́строгать. ХОЛМ. Прм. Вот то́д же те́с да ве́сь извы́строган дак гла́дкой-перегла́ткой. УСТЬ. Бст.

Закрывать — *иззакрывать*: Когда́ со́нце зайде́т во фсё око́шко — телеви́зор закрывáть на́до. ПРИМ. ЛЗ. Так он то́же фсё круго́м иззакрывáю, да то́же и до́м поджо́к. КОН. Твр.

Поругать — *испоругать*: Поругáла до опусы́тила, Ва́ська бу́рой зы́делался. КАРГ. Нкл. Ребе́нка зы́делал, а взáмуш не берёт, де́фку испоругáл. МЕЗ. Длг.

Пригрешиться — *испригрешиться*: В го́сти прие́ду да пригрешу́сь. ОНЕЖ. УК. — Я софсе́м испригрешы́лася с нým. ОНЕЖ. Врз. *Приспешиться* — *исприспешиться*: Фсе бо́льше приспешы́лись. ПИН. Пкш. — Ну́, исприспешы́лся. ОНЕЖ. Прн. *Приплáкаться* — *исприплáкаться*: Фсы́ у нас де́фка приплáкалась. ЛЕШ. Шгм. Я фсы́ уш исприплáкалась. КАРГ. Ус.

Модель 2-я: Бипрефиксальный глагол образуется от ИЗ-глагола путем усложнения его структуры внесением приставки ПРИ- в ситуации отсутствия однокоренного ПРИ-глагола

Исхлóпаться — *исприхлóпаться*: Фсё-то испóртица, фсё исхлóпаитца. КОН. Твр. — Му́ш-то ху́денькой, ве́сь исприхлóпался, а она́-то сла́вна. КРАСН. Прм. *Изгаля́ться* — *испригáлиться*: Фсё над му́жэм изгаля́лась. КАРГ.Ус. Онí там испригáляцца над э́тим де́тком. ОНЕЖ. АБ. *Исплáкаться* — *исприплáкаться*: Вíть онé фсё исплáкался, плáчют об йóм. ВИЛ. Пвл. — Я фсы́ уш исприплáкалась. КАРГ. Ус.

IV. Синонимия ИЗ-глаголов

Как было показано выше, приставка ИЗ- в собственном видовом значении синонимична большинству общерусских приставок. С помощью синонимичных приставок в говорах образуются пары и тройки синонимичных словообразовательных вариантов с тождественными или близкими значениями, например:

Изгуля́ть — *нагуля́ть*: Пу́сь я дефчёнкой жы́ла и изгуля́ла, таг земли́ не даду́т. КРАСН. ВУ. — *Нагуля́ла* де́фкой, па́рень омману́л йе́й, не взял. ЛЕШ. Смл. *Извы́кнуть* — *привыкнуть*: Он торгова́л,

⁶ Список сокращенных названий районов и населенных пунктов Архангельской области представлен на заднем форзаце 24-го вып. «Архангельского областного словаря» [20].

извѣик пить в магазѣне. КРАСН. Брз. — Потѡм-то онѣ (огурцы) заколѣют, нѣ, *привѣикнут* к хѡлоду-то. ВИН. Брк. *Изнуждѣть* — *принуждѣть*: Вѡт как краснормѣйску семью *изнуждѣют*. КОТЛ. Збл. — Ф партию записѣли, *принуждѣли*. ОНЕЖ. Прн.

Избѣгаться — *прибѣгаться* — *исприбѣгаться*: Ну дѣдушко весь избѣгался. ШЕНК. Ктж. — Он весь прибѣгался. ВИН. Зстр. — Я сегодѣня исприбѣгался. ОНЕЖ. Врз. *Избѣться* — *прибѣться* — *исприбѣться*: Мѡжэт, учѣлизь бы — не тѣг бы избѣлись. КРАСН. ВУ. — Плѣтъя прибыѡцца, дак на морхѣ. ОНЕЖ. Хчл. — Я в мѡлодѡсѣти фсѣ исприбѣлась. ПРИМ. ЛЗ. *Измучиться* — *примучиться* — *испримучиться*: Измѣциссе до полусмѣрѣти сѣ имѣ. ЛЕШ. Плщ. Што зѣп изгнѣл, я фсѣ примучилась. В-Т.Пчг. — Я по тебѣ весь испримучился, испереживѣлся, мѡя лѣпушка. ПРИМ. ЗЗ.

V. Контекстное употребление ИЗ-глаголов

В диалектной речи ярко проявляется действие одного из основных законов синтагматики, который заключается в том, что слова, образующие синтагму, кроме различающих их признаков, должны иметь хотя бы один общий семантический признак [20, с. 23]; [21, с. 79–80]. Так, семантика приставки ИЗ-, вносящей в глагольные значения смы 'очень, много, сильно', как правило, поддерживается контекстным употреблением с интенсификаторами.

С местоимением *весь*: Шшѣс-то *весь избѣгался*. ЛЕН. Пст. *Фсѣ избѣдилась*, бедѣ. ЛЕШ. Юр. Мужыкѣ вѣть не помогѣют, дак онѣ *фсѣ избѣлас*. ВИЛ. Пвл. Я *фсѣю избранила*, изругѣла. ВЕЛЬ. Лхд. Да я *фсѣя извѣтошѣла*, у менѣ как на колѣ пальтишко-то вѣсне. ПИН. Влт. *Фсѣю извѣхулил*. УСТЬ. Снк. *Вѣсь издрѣх*, не могу сидѣть. ШЕНК. ВП. Я *фсѣя издѣмалась*, гдѣ он. КОН. Твр. Фчерѣ хоронѣли ѣтово Кѡлю, я *фсѣя ижжалѣлась*-от. КОН. Твр. Нѡцѣю-то хѡлодно, *фсѣя иззамѣрзла*. КАРГ. Оз. Тѡжѣ *фсѣя иззевѣлась*. КАРГ. Ош. Пойдѣ спѣ, скажѣ, хватѣт матюгѣце, *изматюгнулась фсѣя*. ПИН. Яв.

С наречиями *дотого, совсем*: Внѣчка *дотогѡ былѣ изошлѣ* — крѣшѣ в грѡп кладѣт. МЕЗ. Дрг. Сапогѣ *дотогѡ износѣл*, тѡлько голяшки однѣ были. КРАСН. ВУ. *Дѡтовѡ изорѣлась* за дѣсядѣ дѣн. ВЕЛЬ. Сдр. Дак ѣ *дѡтовѡ извижжѣла*, што он сѣм испугѣся. УСТЬ. Флн. Сѣп не дойѣла, *софсѣм издрѣвничѣлась* (избаловалась). ПИН. Чкл.

Выводы

1. Анализ значений глагольной приставки ИЗ- с помощью методики, аналогичной описанию структуры многозначного слова, показал системность

отношений между приставочными значениями, состоящую в общности, повторяемости семантических признаков, а также в их переосмыслении на основе смежности или сходства глагольных действий.

2. Значения приставки ИЗ- обнаруживают зависимость нежесткого характера от семантики мотивирующих глаголов, относящихся к одной семантической группе.

3. Структура значений приставки ИЗ-, описанная на диалектном материале, имеет определенные отличия от ее представления в [11, с. 361]. Так, продуктивный тип 'распространение действия, названного мотивирующим глаголом, на много мест в пределах объекта или субъекта действия' представлен в работе с большей дифференциацией глагольной семантики. Как отдельные значения и их подзначения подаются различия в субъекте или объекте глагольного действия, в полном охвате действием или его распространении на много мест в пределах объекта или субъекта действия.

4. Приставка ИЗ- активно участвует в бипрефиксальных образованиях. Продуктивность формирования бипрефиксальных образований объясняется большей выразительностью глагольных форм с удвоенной приставкой по сравнению с одноприставочными глаголами, возможностью словообразовательными средствами определить действие как более интенсивное.

5. Рассмотренный материал свидетельствует о синонимичности приставки ИЗ- в ее собственном видовом значении практически всем русским приставкам, следствием чего является функционирование в архангельских говорах синонимичных пар и троек приставочных глаголов с общей мотивирующей основой.

6. На базе видового значения приставки ИЗ-, синонимичного многим приставкам русского языка, сформировался продуктивный словообразовательный тип, отличающий говоры от литературного языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гецова О.Г. К проблеме диалектного словообразования. Словообразование наречий // Материалы и исследования по русской диалектологии II (VIII). М.: Наука, 2004.
2. Вендина Т.И. Дифференциация славянских языков по данным словообразования. М.: Наука, 1990. 168 с.
3. Годизова З.И. Развитие интенсивных значений приставки *из-* в русском языке XI–XVII вв. // Вестник

Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Вып. 3. Ч. II. 2007.

REFERENCES

4. Ежкова С.С. Соотношение глагольных префиксов вы- и из- в русском языке XVII в. // Русистика сегодня. 1998. № 3–4.
5. Кукушкина О.В. О механизме развития непространственных значений у приставок // Актуальные проблемы современной русистики. Диахрония и синхрония. М.: МГУ, 1996.
6. Саккини Мирко. Приставки из/вы в древнерусском языке // Слово. Грамматика. Речь: сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. Выпуск XVIII. М.: МАКС-ПРЕСС, 2017.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 939 с.
8. Словарь русского языка. Том 1. М.: Русский язык, 1981. 696 с.
9. Словарь современного русского литературного языка. Том 5. М.-Л.: Академия наук СССР, 1956. 1918 с.
10. Лопатин В.В., Улукханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Азбуковник, 2016. 812 с.
11. Русская грамматика. Том 1. М.: Наука, 1980. 783 с.
12. Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 286 с.
13. Архангельский областной словарь // Под ред. О.Г. Гецевой. Вып. 6. М.: МГУ, 1990. 298 с.
14. Архангельский областной словарь // Под ред. О.Г. Гецевой. Вып. 11. М.: Наука, 2001. 479 с.
15. Архангельский областной словарь // Под ред. О.Г. Гецевой. Вып. 15. М.: Наука, 2013. 479 с.
16. Нефедова Е.А. ДО-глаголы в говорах архангельского региона: семантика и функционирование // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 12. Диалектология. Том 12. М.: Наука, 2017.
17. Нефедова Е.А. О некоторых особенностях глагольной бипрефиксации в современных русских говорах // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. № 4.
18. Нефедова Е.А. Приставка 3-: между фонетикой и морфемикой // Вопросы языкознания. 2023. № 1.
19. Архангельский областной словарь // Под ред. Е.А. Нефедовой. Вып. 23. М.: Наука, 2022. 399 с.
20. Архангельский областной словарь // Под ред. Е.А. Нефедовой. Вып. 24. М.: Наука, 2023. 399 с.
21. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 763 с.
22. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 367 с.
1. Getszova, O.G. *K probleme dialektного slovoobrazovaniya. Slovoobrazovanie narechij* [On the Problem of Dialect Word Formation. Word Formation of Adverbs]. *Materialy i issledovaniya po russkoj dialektologii II (VIII)* [Materials and Research on Russian Dialectology II (VIII)]. Moscow: Nauka Publ., 2004. (In Russ.)
2. Vendina, T.I. *Differenciatsiya slavyanskikh yazykov po dannym slovoobrazovaniya* [Differentiation of Slavic languages According to Word Formation Data]. Moscow: Nauka Publ., 1990. (In Russ.)
3. Godizova, Z.I. *Razvitie intensivnykh znachenij pristavki iz- v russkom yazyke XI–XVII vv.* [The Development of Intensive Meanings of the Prefix iz- in the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9. Vyp. 3. Ch. II* [Bulletin of the St. Petersburg University. Ser. 9. Issue 3. Part II]. St. Petersburg, 2007. (In Russ.)
4. Ezhkova, S.S. *Sootnoshenie glagolnykh prefiksov vy- i iz- v russkom yazyke XVII v.* [The Ratio of Verb Prefixes vy- and iz- in the Russian Language of the 17th Century]. *Rusistika segodnya* [Russian Studies Today]. 1998, No. 3–4. (In Russ.)
5. Kukushkina, O.V. *O mexanizme razvitiya neprostranstvennykh znachenij u pristavok* [On the Mechanism of Development of Non-Spatial Meanings in Prefixes]. *Aktualnye problemy sovremennoj rusistiki. Diakhroniya i sinkhroniya* [Actual Problems of Modern Russian Studies. Diachrony and Synchrony]. Moscow: Moscow State University Publ., 1996. (In Russ.)
6. Sakkin, Mirko. *Pristavki iz-, vy- v drevnerusskom yazyke* [Prefixes iz-, vy- in the Old Russian Language]. *Slovo. Grammatika. Rech: sbornik nauchno-metodicheskix statej po prepodavaniju RKI. Vypusk XVIII* [Word. Grammar. Speech. Collection of Scientific and Methodological Articles on Teaching Russian as a Foreign Language. Issue XVIII]. Moscow: MAKSPRESS Publ., 2017, pp. 14–31. (In Russ.)
7. Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu. *Tolkovy slovar russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Azbukovnik Publ, 1997. 939 p. (In Russ.)
8. *Slovar russkogo yazyka. Tom 1* [Dictionary of the Russian Language. Volume 1]. Moscow: Russkij yazyk Publ., 1981. 696 p. (In Russ.)
9. *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Tom 5* [Dictionary of Modern Russian Literary Language. Volume 5]. Moscow, Leningrad: Akademiya nauk SSSR Publ., 1956. 1918 p. (In Russ.)
10. Lopatin, V.V., Ulukhanov, I.S. *Slovar slovoobrazovatelnykh affiksov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of Word-Formation Affixes of the Modern Russian Language]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2016. 812 p. (In Russ.)

11. *Russkaya grammatika. Tom 1* [Russian Grammar. Volume 1]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 783 p. (In Russ.)
12. Krongauz, M.A. *Pristavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika* [Prefixes and Verbs in the Russian Language: Semantic Grammar]. Moscow: Shkola Yazyki russkoj kultury Publ., 1998. 286 p. (In Russ.)
13. *Arxangelskij oblastnoj slovar. Pod red. O.G. Geczovoj. Vyp. 6* [Arkhangelsk Regional Dictionary. Edited by O.G. Getsova. Issue 6]. Moscow: Moscow State University Publ., 1990. 298 p. (In Russ.)
14. *Arxangelskij oblastnoj slovar. Pod red. O.G. Geczovoj. Vyp. 11* [Arkhangelsk Regional Dictionary. Edited by O.G. Getsova. Issue 11]. Moscow: Nauka Publ., 2001. 479 p. (In Russ.)
15. *Arxangelskij oblastnoj slovar. Pod red. O.G. Geczovoj. Vyp. 15* [Arkhangelsk Regional Dictionary. Edited by O.G. Getsova. Issue 15]. Moscow: Nauka Publ., 2013. 479 p. (In Russ.)
16. Nefedova, E.A. *DO-glagoly v govorax arxangelskogo regiona: semantika i funkcionirovanie* [DO-Verbs in the Dialects of the Arkhangelsk Region: Semantics and Functioning]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. Vyp. 12. Dialektologiya. Tom 12* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language. Issue 12. Dialectology. Volume 12]. Moscow: Nauka Publ., 2017. (In Russ.)
17. Nefedova, E.A. *O nekotorykh osobennostyax glagolnoj biprefiksacii v sovremennykh russkikh govorakh* [On Some Features of Verbal Biprefixation in Modern Russian Dialects]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 4. (In Russ.)
18. Nefedova, E.A. *Pristavka Z-: mezhdû fonetikoj i morfemikoj* [Prefix Z-: Between Phonetics and Morphemics]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2023, No. 1. (In Russ.)
19. *Arxangelskij oblastnoj slovar. Pod red. E.A. Nefedovoj. Vyp. 23* [Arkhangelsk Regional Dictionary. Edited by E.A. Nefedova. Issue 23]. Moscow: Nauka Publ., 2022. 399 p. (In Russ.)
20. *Arxangelskij oblastnoj slovar. Pod red. E.A. Nefedovoj. Vyp. 24* [Arkhangelsk Regional Dictionary. Edited by E.A. Nefedova. Issue 24]. Moscow: Nauka Publ., 2023. 399 p. (In Russ.)
21. Gak, V.G. *Yazykovye preobrazovaniya* [Linguistic Transformations]. Moscow: Shkola Yazyki russkoj kultury, 1998. 763 p. (In Russ.)
22. Apresyan, Yu.D. *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical Semantics. Synonymous Means of Language]. Moscow: Nauka, 1974. 367 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 18 января 2024 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 21 мая 2024 г.
 Статья принята к публикации: 15 июня 2024 г.
 Дата публикации: 31 августа 2024 г.

Received by Editor on January 18, 2024
 Revised on May 21, 2024
 Accepted on June 15, 2024
 Date of publication: August 31, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024040079

Российская ассоциация пролетарских писателей: материалы к истории литературной организации

© 2024 г. О. В. Быстрова

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института мировой литературы
им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ORCID ID: 0000-0003-1542-2516
bystrova63@mail.ru

Резюме. В статье анализируются архивные материалы по истории Российской Ассоциации пролетарских писателей (РАПП), представляющие ее от истоков в виде Секции пролетарских писателей при ЛИТО НКП РСФСР и Всероссийского союза пролетарских писателей к Всероссийской/Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей (ВАПП) и окончательному организационному оформлению как РАПП на Первом Всесоюзном съезде пролетарских писателей (1928 г.). Представлены внутренние процессы становления АПП: организационное отмежевание от МАПП, борьба с напостовским меньшинством, «Литературным фронтом». Архивные данные по ликвидации РАПП позволяют сделать вывод, что Оргкомитет Союза писателей СССР не смог в дальнейшей своей деятельности обойтись без опыта и наработанных литературных практик РАПП. Исследуемая в рамках статьи история пролетарской писательской Ассоциации базируется на уставных документах, стенограммах заседаний, резолюциях, докладных записках этой институции, являющихся важным источником для общего понимания отечественного пореволюционного литературного процесса. Служат они также источником данных по творческой биографии писателей 1920–1930-х годов.

Благодарность. Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 20-18-00394) «“Стенограмма”: Политика и литература. Цифровой архив литературных организаций 1920–1930-х гг.». <https://rscf.ru/project/20-18-00394/>

Ключевые слова: РАПП, ВАПП, Пролеткульт, литературная институция, постановления ЦК ВКП(б), Оргкомитет СП СССР.

Для цитирования: Быстрова О.В. Российская ассоциация пролетарских писателей: материалы к истории литературной организации // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 4. С. 63–73. DOI: 10.31857/S1605788024040079

Russian Association of Proletarian Writers: Materials for the History of the Literary Organization

© 2024 Olga V. Bystrova

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ORCID ID: 0000-0003-1542-2516
bystrova63@mail.ru

Abstract. The article analyzes archival materials on the history of the Russian Association of Proletarian Writers (RAPP), representing it from its origins in the form of the Section of Proletarian Writers at the LITO of the NCP of the RSFSR and the All-Russian Union of Proletarian Writers to the All-Russian / The All-Union Association of Proletarian Writers (VAPP) and the final organizational design as a RAPP at the First All-Union Congress of Proletarian Writers (1928). The internal processes of the formation of the APP are presented: organizational dissociation from the MAPP, the struggle against the Napost minority, the “Literary Front”. Archival data on the liquidation of the RAPP allow us to conclude that the Organizing Committee of the USSR Writers’ Union could not do without the experience and accumulated literary practices of the RAPP in its further activities. The history of the Proletarian Writers’ Association studied in the article is based on the statutory documents, transcripts of meetings, resolutions, memos of this institution, which are an important source for a general understanding of the domestic post-revolutionary literary process. They also serve as a source of data on the creative biographies of writers of the 1920s and 1930s.

Acknowledgements. The research was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (RNF, project No. 20-18-00394) «“Transcript”: Politics and Literature. Digital archive of literary organizations of the 1920s–1930s». <https://rscf.ru/project/20-18-00394/>

Key words: RAPP, VAPP, Proletkult, literary institution, resolutions of the Central Committee of the CPSU(b), Organizing Committee of the Joint Venture of the USSR.

For citation: Bystrova, O.V. *Rossijskaya assotsiatsiya proletarskikh pisatelej: materialy k istorii literaturnoj organizatsii* [The Russian Association of Proletarian Writers: Materials for the History of the Literary Organization]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 4, pp. 63–73. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024040079

В начале февраля 1920 г. группа пролетарских поэтов и писателей объявила о своем выходе из Пролеткульта, опубликовав открытое письмо в «Правде»: «Мы, группа пролетарских писателей при Московском Пролеткульте, обсудив на своем заседании 1-го февраля с.г. условия работы в Пролеткульте, которые по целому ряду причин тормозят выявление творческих возможностей пролетарских писателей, постановили: оставаясь на точке зрения пролетарской культуры, выйти из Московского Пролеткульта и образовать секцию пролетарских писателей при литературном отделе Наркомпроса» [1]. Письмо подписали М. Герасимов, Г. Санников, С. Родов, С. Обродович, В. Казин, Н. Дегтярев и В. Александровский.

Первое заседание заявленной в письме Секции пролетарских писателей при ЛИТО НКП РСФСР состоялось 11 февраля 1920 г. Председателем заседания был избран М. Герасимов, секретарем — В. Александровский; членами секции — поэты и писатели М. Александровская, М. Волков, Н. Дегтярев, В. Казин, В. Кириллов, В. Кузьмин, Н. Ляшко, Е. Нечаев, А. Новиков-Прибой, С. Обродович, Н. Полетаев, А. Поморский, С. Родов, Г. Санников, М. Сивачев, И. Филипченко, Ф. Шкулев.

Первым и главным вопросом повестки дня было обсуждение выхода из состава Пролеткульта. На предложение Исполнительного бюро Московского пролеткульта вернуться в организацию,

члены секции ответили отказом. Вторым вопросом стояло создание собственного пролетарского журнала. Решение было принято, и журнал «Кузница» с редколлегией в лице В. Александровского, В. Казина, Н. Полетаева С. Обродовича и Гр. Санникова был создан, став объединяющим центром для пролетарских писателей Секции при ЛИТО НКП¹. Первый номер увидел свет в мае 1920 г. С 18-го по 20-е октября 1920 г. в Москве состоялся I (объединительный — под эгидой «Кузницы») Всероссийский съезд пролетарских писателей. Его организаторами выступили Всероссийский Пролеткульт и ЛИТО Наркомпроса. Секция пролетарских писателей была на нем заявлена как подотдел ЛИТО НКП (Положение о Подотделе пролетарской литературы Лито НКП было подписано А.В. Луначарским 17 марта 1920 г. (об этом см.: [3, с. 62]). В первый день работы съезда с приветственным словом к участникам от Секции пролетарских писателей Лито НКП выступил М. Герасимов.

¹ В 1921 г. была принята Декларация московских пролетарских поэтов и писателей группы «Кузница»: «Мы не признаем вывесок, кричащих самое лучшее, самое новейшее — футуризм, имажинизм и проч., ибо знаем, что самая совершенная школа не оправдывает бездарности. Наш лозунг — изучение и преодоление всех предшествующих нам художественных школ для новых достижений и для создания искусства, отвечающего идеалам коммунистического общества» [2, с. 151].

Основной доклад «Текущий момент и задачи пролетарской литературы» делал на съезде «кузнец» В. Кириллов. В ходе обсуждений по докладу была подготовлена резолюция, констатирующая решение Съезда, что «объединение пролетарских писателей должно вестись по линии классово-идеологической, оставляя полную свободу внутри союза для новых художественных форм» [4, с. 34].

В ходе съезда состоялись заседания членов Всероссийского союза пролетарских писателей (ВСПП). Важным итогом одного из них, от 20 октября стал избрание Правления ВСПП, в состав которого вошли «кузнецы» В. Кириллов (председатель), М. Волков, М. Герасимов, А. Маширов-Самобытник, И. Садофьев, С. Обрадович и И. Филипченко. На следующий день, 21 октября 1920 г., был поднят вопрос о самостоятельности ВСПП как организационной единицы. Было решено «поручить Правлению добиваться признания перед Всероссийским советом профсоюзов самостоятельности союза»². Вместе с тем, Секция пролетарских писателей продолжала работать в ЛИТО Наркомпроса³.

К июню 1921 г. стало очевидным, что Секция пролетарских писателей и Всероссийский союз пролетарских писателей дублируют друг друга.

14 июня на заседании Подотдела пролетарской литературы с докладом выступал В. Кириллов, который поднял вопрос о реорганизации Секции и создании Ассоциации пролетарских писателей. После прений было решено: «Основные положения организации Всероссийской ассоциации пролетарских писателей вместо существующих параллельно Секции пролетарских писателей и Всероссийского союза пролетарских писателей принять»⁴.

23 июня 1921 г. ЛИТО НКП утвердило Положение о Всероссийской ассоциации пролетарских писателей. Таким образом, Всероссийский союз пролетарских писателей был преобразован во Всероссийскую Ассоциацию пролетарских писателей (ВАПП):

...организация пролетарских писателей, намеченная на I-м Всероссийском Съезде писателей, получила

² РГАЛИ. Ф. 1638. Оп. 1. Ед. хр. 8.

³ Художественная секция в феврале 1921 г. была преобразована и вошла в состав Главного художественного комитета Наркомпроса; в начале 1922 г. на его базе был создан Институт художественной литературы и критики, который в марте 1922 г. вошел как Литературная секция в Государственную академию художественных наук (ГАНХ).

⁴ РГАЛИ. Ф. 1638. Оп. 1. Ед. хр. 2.

за последние дни окончательное, утвержденное Наркомпросом, оформление как Всероссийская Ассоциация пролетарских писателей. В задачи Ассоциации вошли основные положения, утвержденные Съездом пролетарских писателей в октябре прошлого года: развитие и пропаганда пролетарского творчества путем издания журналов, книг, устройства диспутов, лекций и пр., предоставление возможностей для творческой работы пролетарскому писателю и улучшение его материальных условий. В настоящее время Ассоциацией в Москве организована Коммуна пролетарских писателей (Арбат, Старо-Конюшенный и клуб «Кузница» (Тверская 33), при клубе сосредоточено: Правление Ассоциации, секретариат и редакция журнала «Кузница», ставшего ныне центральным органом Всероссийской Ассоциации [5, с. 35].

В Правление ВАПП были избраны В. Кириллов (председатель), С. Обрадович (секретарь), И. Садофьев, А. Маширов-Самобытник, М. Герасимов, И. Филипченко, В. Александровский, В. Плетнев и П. Воеводин.

25 июня 1921 г. Лито Наркомпроса РСФСР утверждает «Положения о Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП)» [6, с. 102].

К середине 1922 г. в «Кузнице» начинаются идейные разногласия, которые приводят к расколу. 12 декабря 1922 г. на страницах «Правды» публикуется письмо членов новообразованной пролетарской литературной группы «Октябрь»:

Группа пролетарских писателей «Кузница», образованная в начале 1920 г., в последнее время обратилась, по нашему убеждению, в немногочисленный замкнутый кружок товарищей с интересами, далеко не совпадающими с задачами развивающейся борьбы пролетариата на идеологическом фронте.

В виду того, что при таком положении «Кузница» является организацией, тормозящей развитие свежих, молодых сил пролетарской литературы, — часть нижеподписавшихся заявляет о своем выходе из «Кузницы» и вместе с другими пролетарскими писателями, подписавшими настоящее заявление, образует группу пролетарских писателей «Октябрь», каковая ставит своей ближайшей целью укрепление коммунистической линии в пролетарской литературе и организационное укрепление Всероссийской и Московской Ассоциации пролетарских писателей [7].

Заявление подписали: «Сергей Малашкин, Семен Родов, А. Дорогойченко, Геннадий Коренев, А. Безыменский, А. Тарасов-Родионов, А. Жаров, Ю. Либединский, Артем Веселый, А. Соколов, Исбах, Н. Кузнецов, Г. Лелевич, Г. Шубин, Иван Доронин» [7].

В состав «Октября» от «Кузницы» вошли — С. Родов, С. Малашкин, А. Дорогойченко; от группы «Молодая гвардия» (1922 г.) — Артем Веселый, А. Безыменский, А. Жаров, Г. Шубин, Н. Кузнецов; от группы «Рабочая весна» (1922 г.) —

А. Соколов, Александр Исбах, И. Доронин; и в качестве «одиночек» — Ю. Либединский, Г. Лелевич и А. Тарасов-Родионов.

Эти три группы составили организационную базу «объединения всех сил пролетарской литературы в Москве»⁵, т.е. Московской Ассоциации пролетарских писателей (МАПП). Её организационное оформление произошло на Первой Московской конференции 15–17 марта 1923 г. Тогда же было избрано Правление МАПП, в которое вошли А. Безыменский, Х. Гильдин, Г. Коренев, Б. Леви, Г. Лелевич, Ю. Либединский, В. Плетнев, С. Родов и А. Соколов; в Президиум правления МАПП вошли Ю. Либединский, С. Родов и А. Соколов.

В ходе работы дали о себе знать резкие противоречия между МАПП и старым ВАПП: «МАПП придется поневоле расширить рамки своей деятельности и заняться организацией пролетарской литературы во Всероссийском масштабе, т.к. правление Всероссийской Ассоциации пролетарских писателей (ВАПП), как будто только тем и занято, чтобы дезорганизовать и окончательно разрушить ту организацию, которую возглавляет» [8, стлб. 201]. Для разрешения организационных противоречий был необходим Всероссийский съезд пролетарских писателей⁶, но его созыв был сорван Правлением ВАПП: «Пока вопрос о проявлении инициативы во всероссийском масштабе пред МАПП стоит не так остро, но если саботаж и стремление к срыву всероссийского съезда со стороны правления ВАПП будет продолжаться и впредь, Московской ассоциации не останется другого выхода, как стать на путь, рекомендованный частью конференции» [8, стлб. 202]. Речь шла об «перехвате» инициативы от ВАППа МАППом по созыву Всероссийского организационного съезда пролетписателей.

Основным печатным органом МАПП стал литературно-критический журнал «На посту», в состав редколлегии которого входит Б. Волин, Г. Лелевич, С. Родов. Первый номер выходит в июне 1923 г. В программной статье «От редакции» редколлегия провозглашала: «Отрицать существование пролетарской литературы никто уже в настоящее время не возьмется <...> Нужно расширить рамки содержания пролетарской литературы, имевшей до сих пор две основные темы: труд и

борьбу. Необходимо наряду с трудом поставить строительство пролетариата <...> Ближе к живой, конкретной современности» [10, стлб. 6–7]. Считая себя «общественной группой в пролетарской литературе», они ставили перед собой несколько целей: «...Мы будем беспощадно бороться, с одной стороны, с застоём и перепеванием самих себя некоторых групп пролетарских писателей и с крайним увлечением формой и отдельными элементами ее, с другой <...> мы считаем своим долгом бороться не только с явно-белогвардейскими и окончательно дискредитировавшими себя в глазах масс литературными течениями, но и с теми писательскими группировками, которые выступают под ложной маской революционности, а по существу являются реакционными и контрреволюционными» [10, стлб. 7–8]. В своей борьбе за литературу руководящим принципом журнал становилась «ясная, твердая, строго-выдержанная коммунистическая линия в художественной литературе» [10, стлб. 8].

10 февраля 1924 г. состоялось общее собрание членов МАПП, на котором стал вопрос об обновлении на базе МАППа Правления ВАПП и было принято решение об образовании нового (временного) правления Всероссийской Ассоциации:

Принимая во внимание <...> в течение истекшего 1923 года во всех крупных центрах СССР (Ленинград, Ростов н/Д, Харьков, Киев, Екатеринослав, Екатеринобур, Пермь, Архангельск, Ново-Николаевск, Тверь, Царицын и т.д.), вновь возникли и развивают свою деятельность группы и ассоциации пролетписателей на основе идеологической и художественной платформе МАПП (гр. «Октябрь») <...> Всероссийский съезд, который должен разрешить целый ряд теоретических и тактических вопросов пролетлитературы, а также организационно закрепить строительство ВАППа, до сих пор не созван <...> что отсутствие руководства и центра при неопределенности срока созыва Всероссийского съезда грозит новым распадом с таким трудом налаженной организации пролетлитературы [11].

И как итог, общее собрание МАПП берет на себя функции временного правления ВАПП.

Состав правления МАПП, в который были избраны А. Безыменский, Ф. Березовский, Е. Ефремов, А. Жаров, Г. Лелевич, Ю. Либединский, В. Плетнев, С. Родов, А. Соколов и Д. Фурманов, — автоматически становится составом Временного правления ВАПП.

В ответ 16 марта 1924 г. старое Правление ВАПП публикует опровержение: «Правление ВАПП, избранное всероссийским съездом, себя не распускало; правление продолжает работу и

⁵ ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 68.

⁶ Однако это положение было поставлено в приоритетные в своем исполнении: «Создание мощной, идеологически-твердокаменно Всероссийской Ассоциации Пролетарских писателей — очередная задача» [9, стлб. 106].

подобную выходку МАПП считает, по меньшей мере, юмористической» [12]⁷.

Но 5 апреля 1924 г. состоялось совещание представителей старого состава правления ВАПП и временного правления ВАПП. От старого состава присутствовали И. Филиппченко, Г. Санников, Г. Якубовский и от нового состава — С. Родов, Д. Фурманов, А. Безыменский. Единственный вопрос, который решался на этой встрече, — объединение правлений ВАПП. В результате совещаний и консультаций было решено: «Упразднить оба существующие правления ВАПП и организовать из них новое Правление по 5 представителей от обоих упраздняемых правлений ВАПП, по их выбору, одного представителя от ЦК РКП(б) и одного от ЦБСРП, — с председателем от ЦК РКП(б), тов. председателя от старого правления ВАПП и секретарем от временного правления ВАПП» [13, с. 284]. Практическое исполнение этих обращений возложено на Филиппченко (в ЦБ СРП) и Родова (в ЦК РКП(б)).

Пожалуй, это было единственное «мировое» соглашение в истории ВАПП, когда стороны, не привлекая в качестве адвокатов ни ЦК партии, ни Наркомпрос, договорились между собой. Последующие события в истории ВАПП показывают иную стратегию членов ВАПП — постоянное обращение в ЦК за партийной поддержкой.

Второй главной задачей Правления ВАПП оставался созыв съезда. С просьбой рассмотреть решение этого вопроса ВАПП обратился в ЦК РКП(б). С вопросом о съезде на Оргбюро ЦК РКП(б), проходившем 3 ноября 1924 г., выступал заведующий отделом печати ЦК С.И. Канатчиков. Его предложение не было поддержано, хотя в решении записано: «не возражать против созыва небольшого совещания пролетарских писателей, относящихся к группе “Октябрь”» [15, с. 49]. Шедшая весь 1924 г. на страницах центральной прессы дискуссия стала катализатором дальнейших событий⁸.

⁷ На совещании пролетарских писателей и критиков в ЦК РКП(б) 9 мая 1924 г. основными докладчиками были оппозиционеры — И. Вардин и А. Воронский, выразившие полярные воззрения на искусство. В дискуссии приняли участие Н. Осинский, Ф. Раскольников, Л. Авербах, Вяч. Полонский, С. Родов, А. Луначарский, А. Безыменский, Демьян Бедный, П. Керженцев и др. По мнению публикатора Г.А. Белой, материалы стенограммы «внутренне объединены мыслью о двух моделях искусства при социализме и — соответственно — о борьбе сторонников “казарменного социализма” за “организованное упрощение культуры” с теми, кто выступал “в защиту эстетики”» [14, с. 159].

⁸ Съезд должен был легитимно подтвердить измененный статус организации. И потому вполне закономерным можно

С 6 по 11 января 1925 г. в Москве проходила I Всесоюзная конференция пролетарских писателей. Важной вехой в истории ВАПП стало решение, записанное в Резолюции, принятой по докладу И. Вардина: «...Ядром должна стать и уже становится Всесоюзная Ассоциация Пролетарских Писателей» [2, с. 208]. Этот факт, но уже как, якобы, оформленный был зафиксирован в программной статье журнала «На посту»: «В истекшем году окончательно оформилась Всесоюзная ассоциация пролетарских писателей, неуклонно развивающаяся на базе рабселькоровского движения» [16, стлб. 8]. На конференции было избрано новое Правление ВАПП, в которое вошли Демьян Бедный, И. Вардин, Ф. Раскольников, С. Родов, Г. Лелевич.

Буквально через месяц, 13 февраля 1925 г. состоялось заседание Политбюро, на которое были приглашены представители литературных организаций. От ВАПП были приглашены И. Вардин, С. Родов, Ф. Раскольников, Г. Лелевич; от «Перевала» — Артем Веселый, от «Кузницы» — Г. Якубовский, от ЛЕФ — В. Маяковский; персонально были приглашены критики Лебедев-Полянский, А. Воронский и др. На обсуждение был вынесен разработанный Н.И. Бухариным проект резолюции о политике партии в художественной литературе. Обсуждение показало, что проект надо доработать, что и было предложено: «проект резолюции внести на обсуждение вторичного заседания Комиссии в присутствии представителей литературных организаций» [17, с. 13].

Первый номер за 1925 год «На посту» показал изменение направления политики обновленного состава редколлегии. Помимо С. Родова, Б. Волина, Г. Лелевича, в состав вошли Л. Авербах, И. Вардин и Ф. Раскольников.

В программной статье «От редакции» были объяснены причины долгого — почти годового — молчания:

Ровно год тому назад вышел последний номер нашего журнала. Ровно год не выходил «На Посту» <...> направление развития, пройденный за год путь пролетарской литературой и попутчиками, всей массовой писателей нашей страны целиком подтвердили напостовский прогноз <...> Пролетарская литература все

считать утверждение 4 февраля 1928 г. новой редакции Устава ВАПП, на тексте которого стоят подписи Председателя Подготовительной комиссии СНК СССР Г. Леплевского, заместителя Председателя СНК СССР А. Цюрупы, Управляющими СНК СССР и Совета Труда и Обороны Н. Горбунова и Секретаря СНК СССР И. Мирошникова. Одним из главных положений этого Устава было утверждение: «Деятельность Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей распространяется на всю территорию СССР» [РГАЛИ. Ф. Ф. 631. Оп. 9. Ед. хр. 63].

более отчетливо становилась основной силой современной литературы. Даже антинапостовцы, после долгой эволюции, принуждены были признать ее ядром нашей литературы [16, стлб. 6, 7].

Программа журнала не осталась неизменной: подчиняясь логике партийной жизни, журнал менял свою литературную политику:

«На Посту» будет по-прежнему резко разоблачать и бичевать врагов и недоброжелателей рабочей и крестьянской литературы, врагов пролетарского искусства какими «словечками» они не прикрывались <...> наша партия все чаще, больше, систематичнее начинает уделять внимание вопросам партийной политики в художественной литературе. «На Посту» было и остается верным орудием большевизма, Ленинизма. «На Посту» — орган ортодоксально-марксистского искусствоведения, продолжатель большевистских литературных традиций [16, стлб. 8].

Вслед за обновлением организационного статуса ВАПП как всесоюзной ассоциации пролетарских писателей в секретариате правления ВАПП встал вопрос об организационном отмежевании от МАПП. 6 июня 1925 г. заведующему Отделу Печати ЦК РКП(б) И. Варейкису были представлены «соображения» об изменениях в организационной структуре МАПП:

Впервые организация пролетарских писателей возникла в феврале 1920 г. в лице группы «Кузница». После нее и особенно после Всероссийского съезда пролетарских писателей в октябре того же 1920 г., такие группы и Ассоциации стали возникать по всей Республике.

С 1920 по 1922 г. в Москве существовала только одна группа — «Кузница», насчитывавшая около 15 чел. В 1922 г. возникли еще 4 группы пролетписателей: «Твори», «Рабочая Весна», «Молодая Гвардия» и «Октябрь». В среде последних трех групп возникла и возрождалась мысль о необходимости объединения всех сил пролетарской литературы в Москве. И действительно, прежнеположение, при котором «Кузница» была единственной в Москвегруппой и заменяла собой лишь на бумаге значившуюся Московскую Ассоциацию, стало невозможным⁹.

Несомненно, изменению расположения литературных сил в стране поспособствовали постановления ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы», принятое 18 июня 1925 г., и Политбюро ЦК ВКП(б) «О писательских организациях», принятое 5 мая 1927 г.

В истории ВАПП постановление ЦК послужило поводом для раскола, который, в большей степени, был связан с реформированием журнала «На посту». В 1926 г. вышел первый номер двухнедельного журнала марксистской критики «На литературном посту», в состав редколлегии которого

входили Л. Авербах, Б. Волин, Ю. Либединский, М. Ольминский и Ф. Раскольников.

Свою задачу редколлегия видела следующим образом: «Историческая резолюция ЦК ВКП(б) о политике партии в области художественной литературы отчетливо подвела итоги бурной дискуссии, в которой мы, напостовцы, принимали немалое участие. Резолюция ЦК определила пути развития нашей художественной литературы, правильно поставила и разрешила очередные задачи. Пролетарская литература получила нужные ей условия для работы и роста. Партийная линия большевистски определена. Центр тяжести внимания должен быть перенесен в творческую область» [18, с. 2].

Однако сформулированная задача — внимание художественному творчеству — на деле обернулось многочисленными войнами и «драками»: «Многими болезнями переболели за пять лет пролетарские писатели и их организаторы. Не все дошли до конца пути» [19, с. 3].

В докладной записке, поданной Секретариатом ВАПП в ЦК ВКП(б) и датированной 20 января 1928 г., целый раздел был посвящен борьбе вапповской оппозиции против партийной линии в литературе: «Мы считаем необходимым особо остановиться на борьбе оппозиции против партийной линии на попытках ее завоевать на свою сторону беспартийного писателя-попутчика». Действительно, между лидерами вапповской оппозиции существовали дружеские связи с представителями партийной оппозиции, о чем сообщается в докладной записке Секретариата ВАПП:

Троцкий, Зиновьев, Радек, Лелевич и другие постоянно общаются с писателями, бывают у них и приглашают к себе <...> Второй момент, на котором следует остановиться — это работа оппозиции в издательствах и журналах. Осуществляя до последнего времени в издательстве «Круг» свое идеологическое влияние, Воронский использует свое положение для обработки писательства и вербовки его в лагерь оппозиции. Журналы «Новый мир» и «Печать и революция», которые ведутся, по-видимому, соединенными усилиями Полонского и Воронского, превращаются, по существу, в «Красную новь» старой формации. Полонский и Воронский собирают вокруг себя определенные группы писателей. Воронский и Полонский печатают в этих журналах статьи по вопросам литературы и культуры явно ревизионистские, пропагандирующие троцкистские теории в вопросах политики и культуры <...>. Одной из форм оппозиционного воздействия на писательство является также руководство со стороны Воронского группой «Передел». Коммунистическая верхушка той организации состоит целиком из оппозиционеров. Объединяя в своей среде некоторое количество беспартийного писательства и молодняка, эта

⁹ ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 68.

руководящая верхушка ведет бешеную борьбу против ВАПП¹⁰.

К марту 1928 г. в среде ВАПП сформировалось еще одно протестное движение, известное как напостовское меньшинство. Свое мнение они опубликовали в № 10 журнала «Читатель и писатель» за 1928 г.:

...Каждый рабочий, каждый коммунист, каждый пролетарский писатель может увидеть, что мы не выдумываем новых платформ, не выступаем с новой декларацией, а твердо продолжаем дело «На посту» и ВАППа, которых многие из напостовского меньшинства являлись основателями и активными борцами. Положения и линию напостовского меньшинства <...> разделяет ряд товарищей: А. Безыменский, Ив. Доронин, С. Родов, Ев. Мозольков, Анатолий Кудрейко, В. Цвелев, С. Валайтис, Л. Тоом, А. Бек, Ф. Шемякин (МАПП), Г. Горбачев, А. Тверяк, А. Крайский, Евг. Панфилов, Ив. Васильев, Б. Соловьев, Л. Грабарь, Евг. Мустангова, Ив. Кологривский, З. Штейман, И. Мазель (ЛАПП) и многие другие в ряде Ассоциаций <...>. По нашему мнению, все пролетарские писатели, справедливо считающие неправильными линию и методы руководства верхушки Правления ВАПП, должны оставаться в ВАПП'е, чтобы совместными усилиями выправить эту линию. Поэтому напостовское меньшинство, будучи твердо очерченным идейным литературным течением, не оформлялось до сих пор организационно и не видит пока необходимости в таком оформлении, если только нас к этому не вынудят репрессии со стороны Правления ВАПП или такое дальнейшее искажение им линии пролетарской литературы, которое сделает наше дальнейшее пребывание в ВАППе несовместимым с нашими принципами» [2, с. 218–219].

По поручению напостовского меньшинства эту декларацию подписали А. Безыменский, С. Валайтис, И. Доронин, Евг. Мозольков и В. Цвелев.

Эти жаркие дискуссии по идейным и творческим вопросам были, несомненно, связаны с предстоящим съездом, планировавшимся на апрель 1928 г.

В марте 1928 г. в Комиссию Оргбюро ЦК ВКП(б) С. Родовым была подана докладная записка, в которой сообщалось:

Нынешнему руководству ВАПП не удалось объединить всех пролетарских писателей. Наоборот. За последние два года мы имели ряд коллективных и персональных выходов из ВАПП <...> До сих пор далеко не налажены отношения с пролетарскими писателями, пишущими на нерусских языках и с их организациями в союзных и автономных республиках. Руководство ВАПП не сумело

превратить ВАПП во Всесоюзную организацию по существу, а не лишь по названию» [17, с. 49].

Рассматривая предложения Родова, думается, в ЦК не могли не вспомнить склоку старого и временного правлений ВАПП, а потому его просьба об изменении сроков съезда оставлена без внимания.

30 апреля 1928 г. в Москве начал работу Первый Всесоюзный съезд пролетарских писателей, в последний день работы съезда — 8 мая 1928 г. на заседании Бюро комфракции были утверждены важные вопросы реорганизации литературной институции ВАПП:

Первое: выделяется Российская ассоциация писателей с самостоятельным правлением. Намечается Секретариат.

Второе: создается Всесоюзное Объединение пролетарских писателей, в которое входят все республиканские ассоциации пролетарских писателей Украинская Ассоциация, Закавказская Ассоциация, Белорусская Ассоциация, Средне-Азиатская Ассоциация и Российская Ассоциация пролетарских писателей, они в целом составляют Всесоюзное Объединение Ассоциаций Пролетарских Писателей¹¹. Определенное количество делегатов выделяется в Совет ВОАПП, а Совет персонально ведает составом Секретариата. Вот то принципиальное предложение, с которым мы приходим на фракцию и которое представляет общее мнение всех тех товарищей, которое так горячо дискутировали в прениях по этому вопросу¹².

Несмотря на жаркие дебаты по организационным вопросам, вопросы организации новых литературных объединений был уже решен в другой организации. Об этом свидетельствует докладная заведующего Отделом печати ЦК Н.Н. Смирнова, отправленная 7-го мая 1928 г. в Секретариат ЦК ВКП(б) В.М. Молотову, в которой сообщалось:

Вместо ВАПП — Всесоюзной Ассоциации пролетарских писателей — теперь будет существовать ВОАПП — Всесоюзное Объединение Ассоциаций пролетарских писателей, куда вошли украинцы и «Кузница», и ассоциации других союзных республик. Таким образом, сделан значительный шаг вперед в деле объединения всех пролетарских писателей <...> Комиссией Организационно-Бюро ЦК по руководству съездом ВАППа намечены следующие органы: правление ВОАПП, куда входят представители ВАПП, «Кузницы», а также представители Ассоциаций Союзных республик, всего 52 человека, кроме того создается Секретариат ВОАПП <...> Что касается самого ВАППа, то он приобретает характер Всероссийской (а не Союзной организации), в связи с чем Секретариат РАППа создается как Всероссийский орган в составе Либединского, Раскольниково, Ермилова, Кострова («Комсомольская

¹⁰ ОР ИМЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 267. Л. 14–16. Стоит отметить, что не были забыты в этом документе и бывшие вапповцы, с которыми разошлись во мнениях: «Зиновьевы («левые») — Вардин, Лелевич и Горбачев», правда, были упомянуты только как протестующие против организации ФСП (Там же. Л. 13).

¹¹ Речь идет о противопоставлении вновь создаваемой организации уже существующей — ФОСП (подробнее см.: [20]).

¹² ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 292.

правда»), Караваевой (Ульяновск), Суркова (Ярославль) и Ставского (Сев. Кавказ) [17, с. 55].

Смирнов предлагал «утвердить состав Секретариата ВОАППа и ВАППа <как Всероссийской ассоциации — О.Б.>», т.к. «выборы на съезде будут завтра. Решение нужно сегодня» [17, с. 55]. Постановление Секретариата ЦК ВКП(б) было принято в этот же день в соответствии с рекомендациями, изложенными в докладной записке.

По результатам выборов в состав Правления созданной Российской ассоциации пролетарских писателей вошло 48 человек¹³.

На заседании 8 мая 1928 г. был составлен проект устава Всесоюзного Объединения Пролетарских Писателей, принятый единогласно делегатами съезда¹⁴.

Таким образом главным итогом съезда стало решение о создании новых организационных структур, которое было подтверждено разработкой и принятием Устава ВОАППа. Однако Устав РАПП не только не был разработан — он даже не был предложен к разработке и утверждению. Дело в том, что Устав представляется и утверждается высшим органом организации — съездом, тогда как съезда вновь образованного РАППа не было и не могло пока быть.

В Отделе рукописей Института мировой литературы имени А.М. Горького (Москва) в фонде «РАПП» хранится Устав РАПП¹⁵, датированный 1930 г. Однако, события 1930 г., когда все внимание и действия РАПП были брошены на борьбу с «Литературным фронтом» (подробнее см.: [21]), не позволили созвать съезд. После победы над Литфронтом первый съезд РАПП планировался на февраль 1932 г., о чем было записано в протоколе комфракции Секретариата РАПП от 12 августа 1931 г.: «Слушали: о сроке созыва Всероссийского съезда и пленума правления РАПП. Постановили: Всероссийский съезд созвать в феврале 1932 г., проводя его одновременно с Всесоюзным»¹⁶.

Тем не менее РАПП существовал де факто, приобретая колоссальное влияние на литературном фронте, разрабатывая разнообразные литературные практики, и к 1930 г. РАПП представлял собой прообраз единого Союза СП. Руководство РАПП можно представить как партийных чиновников, напрямую проводивших политику ЦК

в литературную жизнь. Об этом свидетельствует «Отчет о деятельности Российской ассоциации пролетарских писателей (за период с июля 1925 по 1 ноября 1929 г.)»: «К данному времени имеется уже 8 областных и краевых Ассоциаций: Ленинградская, Северо-Кавказская, Сибирская, Уральская, Нижне-Волжская, Средне-Волжская, ЦЧО и Северная. Кроме того — в процессе организации еще 5 обл<астных> и краевых АПП: Дальне-Восточная, Нижегородская, Московская, Западная область и Ивано-Вознесенская»¹⁷. И вся эта армия рапповцев подчинялась партийной номенклатуре. В литературоведении впервые о том, что РАПП можно и нужно считать «инструментом» партийной политики, заговорил Эдвард Браун (об этом см.: [22]; альтернативной точки зрения на ВАПП и РАПП придерживается Д.С. Московская, проследившая иную линию взаимодействия ВАППа с партийными институциями (см.: [23]).

23 апреля 1932 г. было опубликовано постановление Политбюро ЦК ВКП(б) («О перестройке литературно-художественных организаций») о ликвидации литературных организаций, с том числе РАПП: «В настоящее время, когда успели уже вырасти кадры пролетарской литературы и искусства, выдвинулись новые писатели и художники с заводов, фабрик, колхозов, рамки существующих пролетарских литературно-художественных организаций (ВОАПП, РАПП, РАПМ и др.) становятся узкими и тормозят серьезный размах художественного творчества» [24].

Свою задачу РАПП выполнил — и потому его необходимо было «ликвидировать», а писателей «поддерживающих платформу Советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве» необходимо объединить в «единый союз советских писателей» [24]. По замечанию Д.С. Московской, «можно утверждать, что после успешного завершения первой пятилетки “корпорация РАПП” стала лишним звеном

¹³ Об этом см.: ОР ИМЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 517.

¹⁴ См.: ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 292.

¹⁵ См.: ОР ИМЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 533.

¹⁶ ОР ИМЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 50.

¹⁷ ОР ИМЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 527. Отметим, РАПП во всех крупных городах имела свои центры. Но это не являлось показателем литературного качества и количества. Так, «в январе 1926 г., согласно данным фонда партийного отдела печати Саратова, в саратовском объединении было всего 11 участников. В архивном документе, датированном 1928 г., стремительный рост саратовской ячейки ВАПП в течение двух лет и ее выход с максимальным количеством решающих голосов на Поволжскую конференцию пролетарских писателей лаконично объясняется тем, что “произошел поворот от внутреннего собирания к внешней вербовке и росту”» [25, с. 383]. Благодаря этой «внешней» вербовке ряды РАПП пополнялись. Однако лишь немногие авторы остались в литературной истории, а остальных можно смело причислять к категории профессиональных графоманов.

в деловой коммуникации между писателем и государством» [23, с. 92].

Создавалось впечатление, что структура и опыт РАПП больше были не нужны. Однако, в тексте Постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) «Практические мероприятия по проведению в жизнь решения ПБ “О перестройке организации писателей”», принятого 7 мая 1932 г., было указано: «Создание оргкомитета оформить от имени соответствующих литературных организаций (бывш. РАПП <...>) Всероссийский оргкомитет принимает все дела и имущество РАППа и до созыва съезда писателей РСФСР осуществляет руководство всеми существующими организациями писателей, а также и всей сетью руководящих кружков» [17, с. 134]. И это же постановление фиксировало, как самое первое в череде практических мероприятий, создание и утверждение организационного комитета Союза советских писателей (по РСФСР) (подробнее о составе Оргкомитета ССП см.: [15, с. 175–176]).

В состав вновь созданного Оргкомитета СП СССР комитета вошли 9 человек рапповцев: Фадеев, Панферов, Киришон, Серафимович, Ставский, Чумандрин, Безыменский), Жига, Бахметьев. Таким образом, треть состава новой руководящей структуры была связана с РАППом, и потому «концепция идеологического надзора над процессами литературного творчества — и разработанные РАППом адекватные этому ядру литературные практики» [23, с. 92] были поставлены ею на службу при формировании Союза советских писателей.

И завершая документальный экскурс в историю ВАПП–РАПП, отметим, что в 1934 г. на Первом съезде советских писателей был избран новый состав Правления СССР; в Президиум Правления ССП, состоящий из 37 членов, вошли бывшие рапповцы А. Афиногенов, В. Бахметьев, В. Киришон, Ф. Панферов, А. Серафимович, В. Ставский, Ф. Фадеев [26, с. 711].

История литературной организации РАПП как посредника между писателями и государственной властью продолжает привлекать внимание исследователей, с одной стороны, как феномен эффективного применения инструмента «контроля и руководства литературным процессом» (Е. Добренко (см.: [27, с. 419]), с другой — как история отдельно взятой литературной организации, отражающей историю советского литературного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Письмо в редакцию // Правда. 1920. № 25. С. 2.

2. Литературные манифесты. От символизма к Октябрю: сборник материалов / Сост. Н.Л. Бродский, В. Львов-Рогачевский, Н.П. Сидоров. М.: Федерация, 1929. 300 с.
3. Ефимов В.В. А.В. Луначарский и литературное движение: Хроника. 1917–1933 годы. Душанбе: ТГУ, 1991. 437 с.
4. Первый Всероссийский съезд // Кузница. 1921. № 7. С. 32–36.
5. Всероссийская Ассоциация пролетарских писателей // Кузница. 1921. № 8. С. 35–36.
6. Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография / Отв. редактор А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 1. Ч. 2. 704 с.
7. Письмо в редакцию // Правда. 1922. № 281. С. 5.
8. Московская Ассоциация пролетарских писателей (МАПП) // На посту. 1923. № 1. Стлб. 201–202.
9. Лелевич Г. Нам нужна партийная линия: от Московской конференции к Всероссийскому съезду // На посту. 1923. № 1. Стлб. 101–108.
10. От редакции // На посту. 1923. № 1. Стлб. 5–8.
11. К организации Всероссийской организации пролетарских писателей // Правда. 1924. № 48. С. 3.
12. Всероссийская Ассоциация пролетарских писателей // Правда. 1924. № 62. С. 5.
13. К созданию единого фронта пролетарской культуры // На посту. 1924. № 1(5). С. 279–284.
14. О политике партии в художественной литературе. Материалы совещания в ЦК РКП(б) 9 мая 1924 года / Вступ. ст., публ. и коммент. Г. Белая // Вопросы литературы. 1990. № 3. С. 154–187.
15. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: МФД, 1999. 872 с.
16. От редакции // На посту. 1925. № 1(6). Стлб. 5–8.
17. «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938. Документы / Сост. Д.Л. Бабиченко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 319 с.
18. На путях культурной революции // На литературном посту. 1926. № 1. С. 1–3.
19. Передовая: Редакционная статья // На литературном посту. 1927. № 24. С. 1–4.
20. Московская Д.С. Федерация объединений советских писателей как модель литературного процесса 1926–1932 гг. — организационная, финансовая, идеологическая и эстетическая составляющие (по архивным первоисточникам из Отдела рукописей ИМЛИ РАН) // Филологические науки. 2020. № 6. С. 135–145.

21. Быстрова О.В., Кутейникова А.А. «Литературный фронт»: хроника противостояния // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. М.: ИМЛИ РАН, 2012. Кн. 2. С. 779–814.
22. Brown E., 1953. The Proletarian Episode in Russian Literature, 1928–1932. New York: Columbia University Press, 1953. 89 p.
23. Московская Д.С. Пролетарская литература как проект // Новое литературное обозрение. 2021. № 5 (171). С. 80–93.
24. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций». 23 апреля 1932 г. // Партийное строительство. 1932. № 9. С. 62.
25. Хрусталева А.В. Г. Лелевич в Саратове: из хроники Саратовской литературной жизни 1926–1928 гг. // Studia Litterarum. 2021. Т. 6. № 3. С. 380–393.
26. Первый всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М.: ГИХЛ, 1934. 720 с.
27. Попова В. Эстетика коммунизма. Современные прочтения: Международная научная конференция «Эстетика коммунизма: Теории и институции» (ИМЛИ РАН, Венецианский университет, 1–3 октября 2021 года) // Новое литературное обозрение. 2022. № 176. С. 412–425.
8. Moskovskaya Associaciya proletarskih pisatelej (MAPP) [Moscow Association of Proletarian Writers (MAPP)]. *Na postu* [On the Post]. 1923, No. 1. Columns 201–202. (In Russ.)
9. Lelevich, G. *Nam nuzhna partijnaya liniya: ot Moskovskoj konferencii k Vserossijskomu sjezdu* [We Need a Party Line: From the Moscow Conference to the All-Russian Congress]. *Na postu* [On the Post]. 1923, No. 1, Columns 101–108. (In Russ.)
10. *Ot redakcii* [From the editorial office]. *Na postu* [On the post]. 1923, No. 1, Columns 5–8. (In Russ.)
11. *K organizacii Vserossijskoj organizacii proletarskih pisatelej* [To the Organization of the All-Russian Organization of Proletarian Writers]. *Pravda* [Truth]. 1924, No. 48, p. 3. (In Russ.)
12. *Vserossijskaya Associaciya proletarskih pisatelej* [All-Russian Association of Proletarian Writers]. *Pravda* [Truth]. 1924, No. 62, p. 5. (In Russ.)
13. *K sozdaniyu edinogo fronta proletarskoj kultury* [Towards the Creation of a United Front of Proletarian Culture]. *Na postu* [On the Post]. 1924, No. 1(5), pp. 279–284. (In Russ.)
14. Belaya, G. (Ed.) *O politike partii v hudozhestvennoj literature. Materialy soveshchaniya v CK RKP(b) 9 maya 1924 goda* [On Party Politics in Fiction. Materials of the Meeting in the Central Committee of the RCP (b) on May 9, 1924]. *Voprosy literatury* [Topics in the Study of Literature]. 1990, No. 3, pp. 154–187. (In Russ.)
15. Yakovlev, A.N. (Ed.) *Vlast i hudozhestvennaya intelligenciya. Dokumenty CK RKP(b) – VKP(b), VCHK – OGPU – NKVD o kulturnoj politike. 1917–1953* [Power and Artistic Intelligentsia. Documents of the Central Committee of the RCP(b) – the CPSU (b), the Cheka – OGPU – NKVD on Cultural Policy. 1917–1953]. Moscow: MFD Publ., 1999, 872 p. (In Russ.)
16. *Ot redakcii* [From the editorial office]. *Na postu* [On the post]. 1925, No. 1(6), Columns 5–8. (In Russ.)
17. Babichenko, D.L. (Ed.) “*Schastje literatury*”. *Gosudarstvo i pisateli. 1925–1938. Dokumenty* [“Happiness of literature”. The State and Writers. 1925–1938. Documents]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) Publ., 1997. 319 p. (In Russ.)
18. *Na putyah kulturnoj revolyucii* [On the Paths of the Cultural Revolution]. *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1926, No. 1, pp. 1–3. (In Russ.)
19. *Peredovaya. Ot redakcii* [Editorial Board: Advanced]. *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1927, No. 24, pp. 1–4. (In Russ.)
20. Moskovskaya, D.S. *Federaciya objedinenij sovetskih pisatelej kak model literaturnogo processa 1926–1932 gg. – organizacionnaya, finansovaya, ideologicheskaya i esteticheskaya sostavlyayushchie (po arhivnym pervoistochnikam iz Otdela rukopisej IMLI RAN)* [Federation of Associations of Soviet Writers as a Model of the Literary Process of 1926–1932 – Organizational,

REFERENCES

1. *Pismo v redakciyu* [Letter to the Editor]. *Pravda*. [Truth]. 1920, No. 25, p. 2. (In Russ.)
2. Brodsky, N.L., Lvov-Rogachevsky, V., Sidorov, N.P. (Ed.). *Literaturnye manifesty. Ot simbolizma k Oktyabryu: Sbornik materialov* [Literary Manifestos. From Symbolism to October: A Collection of Materials]. Moscow: Federation Publ., 1929. 300 p. (In Russ.)
3. Efimov V.V. *A.V. Lunacharskij i literaturnoe dvizhenie: Hronika. 1917–1933 gody* [A.V. Lunacharsky and the Literary Movement: Chronicle. 1917–1933]. Dushanbe: TSU Publ., 1991. 437 p. (In Russ.)
4. *Pervyj Vserossijskij sjezd* [The First All-Russian Congress]. *Kuznica* [Kuznitsa]. 1921, No. 7, pp. 32–36. (In Russ.)
5. *Vserossijskaya Associaciya proletarskih pisatelej* [All-Russian Association of Proletarian Writers]. *Kuznica* [Kuznitsa]. 1921, No. 8, pp. 35–36. (In Russ.)
6. Galushkin, A.Y. (Ed.) *Literaturnaya zhizn Rossii 1920-h godov. Sobytiya. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiya* [The Literary Life of Russia in the 1920s. Events. Reviews of Contemporaries. Bibliography]. Moscow: IMLI RAS Publ., 2005, Vol. 1, No. 2. 704 p. (In Russ.)
7. *Pismo v redakciyu* [Letter to the Editor]. *Pravda* [Truth]. 1922, No. 281, p. 5. (In Russ.)

- Financial, Ideological and Aesthetic Components (According to Archival Primary Sources from the Department of Manuscripts of IMLI RAS)]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences]. 2020, No. 6, pp. 135–145. (In Russ.)
21. Bystrova, O.V., Kuteynikova, A.A. “*Literaturnyj front*”: *hronika protivostoyaniya* [“Literary front”: Chronicle of Confrontation]. *Tekstologicheskij vremennik. Russkaya literatura XX veka: Voprosy tekstologii i istochnikovedeniya* [Textual Timeline. Russian Literature of the 20th Century: Issues of Textual and Source Studies]. Moscow: IMLI RAS Publ., 2012, Vol. 2, pp. 779–814. (In Russ.)
 22. Brown, E., 1953. *The Proletarian Episode in Russian Literature, 1928–1932*. New York: Columbia University Press, 1953. 89 p.
 23. Moskovskaya, D.S. *Proletarskaya literatura kak proekt* [Proletarian Literature as a Project]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. 2021, No. 5 (171), pp. 80–93. (In Russ.)
 24. *Postanovlenie Politbyuro CK VKP(b) “O perestrojke literaturno-hudozhestvennyh organizacij”*. 23 aprelya 1932 g. [Resolution of the Politburo of the Central Committee of the CPSU(b) “On the restructuring of literary and artistic organizations”. April 23, 1932]. *Partijnoe stroitelstvo* [Party Construction]. 1932, No. 9, p. 62. (In Russ.)
 25. Khrustaleva, A.V. *G. Lelevich v Saratove: iz hroniki Saratovskoj literaturnoj zhizni 1926–1928 gg.* [G. Lelevich in Saratov: from the Chronicle of Saratov Literary Life 1926–1928]. *Studia Litterarum*. 2021, Vol. 6, No. 3, pp. 380–393. (In Russ.)
 26. *Pervyj vsesoyuznyj sjezd sovetskikh pisatelej. Stenograficheskij otchet* [The First All-Union Congress of Soviet Writers. Verbatim report]. Moscow: GIHL Publ., 1934, 720 p. (In Russ.)
 27. Popova, V. *Estetika kommunizma. Sovremennye prochteniya: Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya “Estetika kommunizma: Teorii i institucii” (IMLI RAN, Venecianskij universitet, 1–3 oktyabrya 2021 goda)* [Aesthetics of communism. Modern readings: International Scientific Conference “Aesthetics of Communism: Theories and Institutions” (IMLI RAS, University of Venice, October 1–3, 2021)]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. 2022, No. 176, pp. 412–425. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 23 октября 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 25 декабря 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 июня 2024 г.

Дата публикации: 31 августа 2024 г.

Received by Editor on October 23, 2023

Revised on December 25, 2023

Accepted on June 15, 2024

Date of publication: August 31, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024040086

Синтаксическая оппозиция имен и глаголов как аргументов в китайском позднеклассическом тексте «Луньхэн» I в. н. э.

© 2024 г. А. Д. Дурыманова

Преподаватель Российского государственного
гуманитарного университета,
Россия, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6;
преподаватель Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»,
Россия, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1
durymanova.a.d@mail.ru

Резюме. В данной статье анализируются синтаксические особенности употребления предположительно именных и глагольных лексем в аргументных позициях на материале позднеклассического текста I в. н. э. «Луньхэн». Основным предлагаемым инструментом синтаксического анализа — система дистинктивных контекстов, которая позволяет определять синтаксическую позицию исследуемой лексемы. Данный принцип позволил разметить и проанализировать более двадцати пяти тысяч вхождений. Помимо частотной разницы в количестве глагольных и именных лексем встретившихся в заданных аргументных контекстах (69,48% и 87,84% соответственно), также есть и другие различия в частотности, условиях и ограничениях употребления. Потенциально полученные результаты могут свидетельствовать о наличии ограничений у лексических категорий на свободный синтаксический сдвиг и, как следствие, косвенно указывать на ограниченную, а не полную, подвижность системы категорий древнекитайского.

Ключевые слова: лексические категории, глагол, имя, Луньхэн, дистинктивный контекст, аргумент.

Для цитирования: Дурыманова А.Д. Синтаксическая оппозиция имен и глаголов как аргументов в китайском позднеклассическом тексте «Луньхэн» I в. н.э. // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 4. С. 74–85. DOI: 10.31857/S1605788024040086

Syntactic Opposition for Nouns and Verbs as an Argument of a Clause in Late Classical Chinese Text *Lunheng* I A. D.

© 2024 Anastasia D. Durymanova

Lecturer at the Russian State University for the Humanities,
6 Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia;
Lecturer at the National Research University
“Higher School of Economics”,
21-4 Bld. 1 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russia
durymanova.a.d@mail.ru

Abstract. This article analyzes the syntactic features of presumably nominal and verbal lexemes in argument positions based on the material of a late classical text of the 1st century AD. “Lunheng”. The main proposed tool for syntactic analysis is a system of distinctive contexts (allow to determine the syntactic position of the lexeme under study). Such acriteriahelped to parse and analyze more than twenty-five thousand clauses. It appeared that there is a great frequency difference in the number of verb and noun lexemes encountered in given argument contexts (69.48% and 87.84%, respectively), there are also other differences in contexts’ frequency, conditions and restrictions of use. Potentially, these results may highlight some restrictions of free

syntactic shift, and as a result indirectly indicate rigid flexibility of the system of categories in Old Chinese with a number of limitations.

Key words: lexical categories, verb, noun, Lunheng, distinction context, argument.

For citation: Durymanova, A.D. *Sintaksicheskaya oppozitsiya imen i glagolov kak argumentov v kitajskom pozdneklassicheskom tekste "Lunhen" I v. n.e.* [Syntactic Opposition for Nouns and Verbs as an Argument of a Clause in Late Classical Chinese Text Lunheng I A.D.]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 4, pp. 74–85. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024040086

1. Постановка проблемы

Формальное выделение частей речи в древне-китайском языке практически невозможно ввиду отсутствия словоизменительной морфологии, что заставляет ряд исследователей утверждать о принципиальной неприменимости частеречной классификации к древнекитайскому языку. С другой стороны, некоторые исследователи все же выделяют в нем как минимум два класса (существительные и глаголы), используя при этом не столько морфологические, сколько семантические и синтаксические критерии. Однако при этом остается неясным, насколько жестким оказывается закрепление за каким-либо словом той или иной конкретной частеречной характеристики и возможно ли явление свободного изменения частеречной принадлежности словом как следствие отсутствия словоизменительной или словообразовательной (за редким исключением) морфологии [1]–[5].

Не все периоды развития древнекитайского языка одинаково пригодны для проведения на их основе детальных исследований по лексике и грамматике этого языка. Так, например, учитывая факт того, что памятники цзягувэнь не отличаются многообразием и вариативностью, поскольку все они подчинены единой теме (общение с духами предков, гадания с целью узнать будущее) и написаны в соответствии со строгими шаблонами, по ним достаточно трудно судить о языковых особенностях грамматики или лексики древнекитайского языка архаичного периода. Таким образом, при анализе лексико-грамматических особенностей древнекитайского языка (в данной работе в частности) целесообразнее исключить этот этап, начав с периода X–VI вв. до н. э. (в системе периодизации [6, с. 7] – раннедревнекитайский язык, или, в англоязычной традиции – Early Zhou Chinese, т.е. раннечжоуский китайский язык [7, с. 9]). Объектом же данного исследования является язык памятника Луньхэн I в. н. э., представителя конца позднеклассического этапа.

Согласно Крофту [8], синтаксический подход, где имя, глагол и прилагательное являются категориями отдельного языка, но не являются лингвистическими универсалиями (т.к. не обнаруживаются в некоторых языках), не может быть верным. Имя, глагол и прилагательное стоит рассматривать как лингвистические универсалии (типологические прототипы, которые стоит называть именем, глаголом и прилагательным), но при этом три данные категории не являются категориями, характерными для отдельных языков. Умозрительный анализ, где имена обозначают лица, места или предметы, глаголы обозначают действия или события, а прилагательные – свойства или качества, признается несостоятельным, т.к. учитываются лишь их семантические характеристики и игнорируются морфосинтаксические [9].

2. Задачи и материал исследования

Задача данного исследования – проанализировать синтаксические функции аргументов и особенности лексем, способных употребляться в аргументных позициях.

Один из важнейших критериев классификации лексем в данном исследовании – *дистинктивные контексты*¹.

Дистинктивные контексты – место в предложении рядом с определенной лексемой, которое позволяет определять синтаксическую функцию лексемы (аргумент или предикат), находящейся в пределах контекста. Фактически ДКон помогает идентифицировать позицию, занимаемую лексемой справа или слева от него, как аргументную или предикативную. Один и тот же ДКон не может идентифицировать позицию и аргумента, и предиката одновременно (на базе исследуемого материала) [10].

В процессе выбора лексем, которые способны задавать ДКон, следует учитывать исторические процессы грамматикализации, омонимию,

¹ Далее ДКон / DCon.

процессы замещения и вытеснения одного знака другим и др. [11].

При помощи алгоритма на базе Python было проанализировано 243 лексемы, составившие 84 241 вхождение. Для анализа были отобраны 9 групп ДКон для идентификации аргументной позиции. При помощи ДКон 9810 вхождений анализируемых лексем были размечены как занимающие позицию предиката (11,64%), 15 965 – занимающие позицию аргумента (18,95%), 58 186 вхождений остались не размеченными ввиду отсутствия ДКон в клаузе. При этом каждую из 243 лексем удалось разметить хотя бы в нескольких случаях.

Общее число лексем Луньхэна – 3182 (имена, глаголы, прилагательные, местоимения, служебные частицы, эмфатические частицы и т.д.). Для анализа были отобраны только 243 знаменательные лексемы, обозначающие действия и понятия (как физические, так и абстрактные). Все 243 лексемы были разделены на две группы [12]: предположительно именные (148 лексем) и предположительно глагольные (95 лексем).

В данном исследовании ниже представлен анализ таких возможных ситуаций:

1. Предположительно именная лексема в позиции аргумента.
2. Предположительно глагольная лексема в позиции аргумента.

3. Анализ позиции аргумента

3.1. Дистинктивные контексты аргументной позиции

1. Для анализа аргументной позиции использовалось 10 групп ДКон:
2. Атрибутивный показатель 之 zhī (позиция после атрибутивного показателя – аргумент)
3. Рефлексивное притяжательное местоимение 2/3 лица 其 qí (позиция после притяжательного местоимения – аргумент)
4. Рефлексивное местоимение 1 лица 己 jǐ (позиция после рефлексивного местоимения – аргумент)
5. Демонстратив 彼 bǐ, 斯 sī, 此 cǐ (позиция после демонстратива – аргумент)
6. Кванторное местоимение 每 měi, 諸 zhū (позиция после кванторного местоимения – аргумент)
7. Обстоятельство времени 今 jīn, 昔 xī (позиция после придаточного времени – аргумент)

8. Переходный глагол 入 rù, 取 qǔ, 有 yǒu, 治 zhì, 用 yòng, 至 zhì, 被 bèi, 見 jiàn (позиция после переходного глагола – аргумент)

9. Определение без атрибутивного показателя 小 xiǎo, 大 dà, 美 měi, 聖 shèng, 高 gāo, 老 lǎo (позиция после определения – аргумент)

10. Числительное 四 sì, 五 wǔ, 六 liù, 七 qī, 八 bā, 九 jiǔ, 十 shí, 百 bǎi, 千 qiān, 万 wàn (позиция после числительного – аргумент)

Стоит помнить, что в одной клаузе лексема не может употребляться одновременно в двух и более аргументных контекстах.

Атрибутивный показатель 之 zhī

之 zhī – показатель атрибутивного отношения, стоит после определения перед определяемым:

Посессивно-атрибутивное отношение, возникающее между определением и определяемым, а также актантно-атрибутивное отношение, возникающее между определением и определяемым, где предикат становится субъектом, а субъект – определением, чаще всего маркируется при помощи показателя 之 zhī.

Рефлексивное притяжательное местоимение 2/3 лица 其 qí

其 qí – притяжательное местоимение третьего лица ‘свой’, кореферентно подлежащему предложения.

Рефлексивное местоимение 1 лица 己 jǐ

Данное местоимение способно выступать только в функции атрибута.

己 jǐ ‘себя (меня), свой’ (объект, атрибут) – возвратное местоимение первого лица, кореферентно подлежащему предложения, если подлежащие ИГ 1 лица.

Демонстратив 彼 bǐ, 斯 sī, 此 cǐ

Данные указательные местоимения способны выступать в функции атрибута.

彼 bǐ (субъект, объект, атрибут) ‘тот, там’ используется для указания на объект, находящийся вдали от говорящего;

此 cǐ (субъект, объект, атрибут) ‘этот, здесь’ используется для указания на объект, находящийся вблизи от говорящего;

斯 sī является аналогом 此 cǐ;

Кванторное местоимение 每 měi, 諸 zhū

Данные местоимения способны выступать только в функции атрибутов.

諸 zhū ‘весь, все’;

每 měi ‘каждый’;

Обстоятельство времени 今 jīn, 昔 xī (показатель придаточного)

今 jīn ‘сейчас’;

昔 xī ‘когда-то’.

Данные контексты можно назвать ситуативными ДКон, т.к. подобных контекстов гораздо больше, однако именно данные лексемы являются наиболее частотными в тексте Луньхэн, поэтому было принято решение использовать именно 今 jīn ‘сейчас’ и 昔 xī ‘когда-то’;

Переходный глагол 入 rù, 取 qǔ, 有 yǒu, 治 zhì, 用 yòng, 至 zhì, 被 bèi, 見 jiàn

Выбор именно данных восьми переходных глаголов продиктован их высокой частотностью в тексте, поэтому их также можно назвать ситуативными ДКон.

入 rù ‘входить в’;

取 qǔ ‘брать’;

有 yǒu ‘иметь(ся)’ можно расценивать не просто как переходный глагол, но как служебный глагол, способный управлять любым дополнением. Конструкция А 有 В, в зависимости от значения актантов, может переводиться либо как ‘А имеет В’, либо как ‘среди (у, в) А существует В’;

治 zhì ‘править, управлять’;

用 yòng ‘использовать’, в период классического китайского практически вытесняется служебным глаголом 以 yǐ ‘использовать’, ‘действовать при помощи’, основное отличие от прочих глаголов — то, что, вступая в сочинительную связь с другим предикатом, они не имеют после себя (или перед собой) показателя сочинительно-предикативной связи 而 ér. В постклассическом китайском 用 yòng ‘использовать’ вновь становится высокочастотным, в отличие от 以 yǐ ‘использовать’ [13];

至 zhì ‘доходить, достигать’;

被 bèi ‘надевать, покрывать’. Несмотря на то, что в современном китайском 被 bèi является грамматикализированным показателем пассива, постепенный процесс грамматикализации 被 bèi начался приблизительно в IV–III в.в. до н.э., к моменту написания текста Луньхэн в I в. н.э. процесс не закончен [11];

見 jiàn ‘видеть’, существует также омонимичный 見 jiàn показатель пассивной диатезы, образованный от знаменательного ‘видеть’.

Определение без атрибутивного показателя 小 xiǎo, 大 dà, 美 měi, 聖 shèng, 高 gāo, 老 lǎo

Определений, способных присоединяться к определяемому без показателя атрибутивного отношения 之 zhī, гораздо больше, чем в указанном списке из шести лексем. Данную группу ДКон можно считать ситуативной, так как вышеуказанные прилагательные являются наиболее частотными, в частности в тексте Луньхэн.

小 xiǎo ‘маленький’;

大 dà ‘большой’;

美 měi ‘красивый’;

聖 shèng ‘святой’;

高 gāo ‘высокий’;

老 lǎo ‘старый’.

Числительное 四 sì, 五 wǔ, 六 liù, 七 qī, 八 bā, 九 jiǔ, 十 shí, 百 bǎi, 千 qiān, 万 wàn

四 sì ‘четыре’;

五 wǔ ‘пять’;

六 liù ‘шесть’;

七 qī ‘семь’;

八 bā ‘восемь’;

九 jiǔ ‘девять’;

十 shí ‘десять’;

百 bǎi ‘сто’;

千 qiān ‘тысяча’;

万 wàn ‘десять тысяч’.

3.2. Ограничения и специальные условия использования и интерпретации результатов, полученных после разметки при помощи дистинктивных контекстов

В список не включались двузначные числа, так как при необходимости использовать двузначное число, его можно составить из простых знаков, обозначающих цифры 1–9, то есть оно в любом случае будет заканчиваться одним из знаков в списке.

В группу числительных не включены 一 yī ‘один’, 二 èr ‘два’, 三 sān ‘три’. ‘Два’ и ‘три’ часто являются составной частью имен собственных, как 前二, 三符 и т.д.

Полученный перечень ДКон может помочь в создании автономного алгоритма на базе языка программирования Python (или любого другого языка, способного выполнить подобную задачу), дифференцирующего именные и глагольные лексемы. Однако проблема немаркированного употребления, где синтаксическая функция определяется в контексте и только после экспертного

анализа, остается нерешенной. Частично данную проблему решили ситуативные ДКон (например, названия царств 梁 Liáng ‘Лян’, 鄭 zhèng ‘Чжэн’, 吳 wú ‘У’, которые могут быть включены в группу определений без маркера, устойчивые сочетания 天下 Tiānxià ‘Поднебесная / Мир’, 天地 tiāndì ‘Небо и земля / Мир’, в которых обе лексемы расцениваются как именные и т.д.), которые были введены в анализ исключительно в целях более полной и точной разметки, но не для дальнейшего анализа особенностей использования данных ДКон. Всего для большей точности разметки было отобрано 64 ситуативных маркера.

Безусловно, количество ДКон, способных частично решить эту задачу, довольно велико. Однако стоит учитывать и исторические особенности развития языка, диалектизмы, разнописи, зависимости от контекста, жанра стиля. Так, например, 斯 sī в некоторых диалектах может обладать результативным смыслом типа ‘это значит, что’ вместо ‘этот (-о, -а, -и)’. Поэтому при выборе спектра дистинктивных контекстов необходимо учитывать множество факторов, таких, как указаны выше. Вопрос частичной применимости и эффективности остается нерешенным. Поэтому в процессе формирования списка ДКон мы руководствовались принципом максимальной точности. Список формировался непосредственно с ориентацией на текст Луньхэн, учитывая тематику, авторские особенности языка и период написания. Не все потенциально подходящие под критерии отбора ДКон были включены в список, так как именно в Луньхэн использование некоторых ДКон дало бы большую погрешность в итоговой разметке лексем. В данном анализе погрешность близка к одному проценту, когда алгоритм размечает одну лексему как занимающую и предикативную, и аргументную позицию одновременно (когда в одном вхождении присутствуют и предикативный ДКон, и аргументный ДКон), плюс локальные ошибки в разметке из-за омонимии (как 之 zhī объектное местоимение третьего лица и показатель атрибутивного отношения или 見 jiàn ‘видеть’ и показатель пассивной диатезы, образованный от знаменательного ‘видеть’). В алгоритме были прописаны процессы, максимально снижающие вероятность ошибочной разметки вследствие омонимии, но полностью решить данный вопрос не удалось. Таким образом погрешность в среднем не превышает 5%, что статистически дает возможность считать метод подобной разметки достоверным и пригодным для проведения дальнейшего анализа.

Рис. 1. Частотность групп аргументных ДКон для именных лексем²

Fig. 1. Noun lexemes' frequency in argument DCon

Четко отобранные контексты могут помочь получить картину зависимостей, где, например, именные лексемы в именной позиции активнее употребляются в аргументных контекстах, нежели глагольные лексемы, окказионально оказавшиеся в аргументной позиции. Данный факт может говорить о разном функционале именных и глагольных лексем, несмотря на то, что и имена, и глаголы могут не маркировано менять свою категориальную принадлежность в зависимости от употребления в предложении.

3.3. Общая частотность аргументных дистинктивных контекстов

Результаты автоматического парсинга показывают, что все 148 именных лексем оказались размечены как имя хотя бы в одной клаузе (что означает, что в рамках заданных контекстов все анализируемые лексемы функционировали как аргумент предложения), все 95 глагольных лексем хотя бы один раз также были размечены как имя.

На основании результатов частотного анализа 15 965 клауз можно построить гистограмму, наглядно демонстрирующую частотность употребления лексем в аргументных контекстах (рис. 1, рис. 2):

² Абсолютное количество случаев употребления **именных** лексем в аргументных контекстах

возвратное местоимение	19
кванторное местоимение	120
придаточное времени	139
демонстратив	175
определение без маркера	220
притяжательное местоимение	778
числительное	984
переходный глагол	1019
атрибутивный показатель	3519

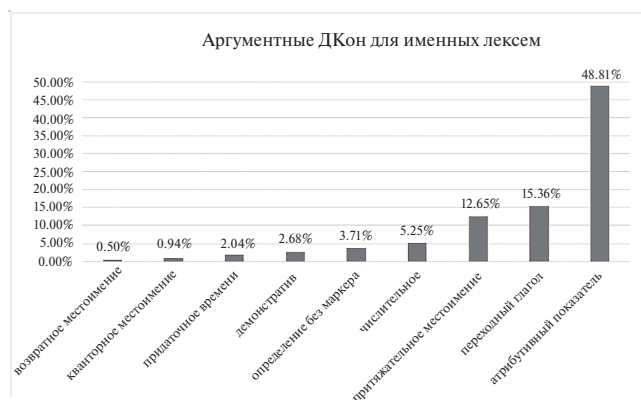

Рис. 2. Частотность групп аргументных ДКон для глагольных лексем³

Fig. 2. Verb lexemes' frequency in argument DCon

Наиболее частотные аргументные ДКон на гистограмме именных и глагольных лексем одинаковы, различия их частотность и позиция в соответствии с частотностью: атрибутивный показатель, переходный глагол, числительное, притяжательное местоимение, определение без маркера. Суммарная частотность отдельных ДКон, входящих в одну группу, формирует общую частотность единой группы. Частотность отдельных ДКон, входящих в группу, также может различаться. Повышенный процент может обуславливаться высокой частотностью всего одного или нескольких ДКон из группы, в то время как другие ДКон той же группы могут быть крайне низкочастотными.

Так, например, группа числительного по частотности занимает третью позицию, а вторую позицию — переходные глаголы, однако исключительно совокупная частотность переходных глаголов (как 有 yǒu 'иметь', 用 yòng 'использовать', 見 jiàn 'видеть' и т.д.) позволяет данной группе ДКон иметь более высокую частотность по сравнению с группой числительного (рис. 3).

Подобная ситуация наблюдается и среди аргументных контекстов для глагольных лексем. Притяжательное местоимение по частотности

³ Абсолютное количество случаев употребления глагольных лексем в аргументных контекстах

возвратное местоимение	15
кванторное местоимение	28
придаточное времени	61
демонстратив	80
определение без маркера	111
числительное	157
притяжательное местоимение	378
переходный глагол	459
атрибутивный показатель	1459

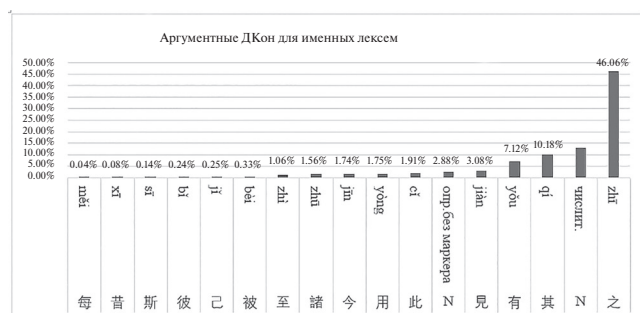

Рис. 3. Частотность отдельных аргументных контекстов, в которых употребляются именные лексемы (см. список пункта 1)⁴

Fig. 3. Specific argument DCon frequency in which noun lexemes occur (paragraph № 1)

Рис. 4. Частотность отдельных аргументных контекстов, в которых употребляются глагольные лексемы

Fig. 4. Specific argument DCon frequency in which verb lexemes occur

занимает третью позицию, а вторую позицию — переходные глаголы, однако исключительно совокупная частотность переходных глаголов (как 有 yǒu 'иметь', 用 yòng 'использовать', 見 jiàn 'видеть') позволяет данной группе ДКон иметь более высокую частотность по сравнению с притяжательным местоимением (рис. 4).

Все вышеуказанные статистические данные могут служить основанием для анализа позиции аргумента.

3.4. Импликации аргументных контекстов

Следующим этапом анализа является разметка всех 143 лексем, вне зависимости, приписываются ли им именные или глагольные характеристики, по пяти наиболее частотным аргументным ДКон: атрибутивный показатель, переходный глагол,

⁴ На гистограммах рис. 3 и рис. 4 не дается полный перечень определений без маркера и числительных, так как знаки были выбраны ситуативно, с ориентацией на особенности текста Луньхэн. Фактически нет разницы, чаще ли встречается 'большой' или 'маленький' в качестве определения без маркера, основным фактом для исследования является то, что лексема в принципе способна принимать определение без маркера и т.п.

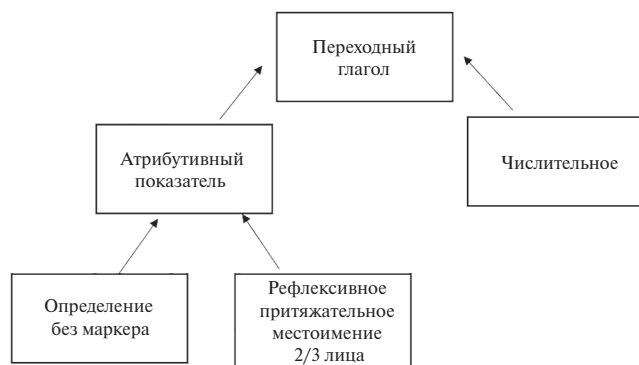

Рис. 5. Импликации аргументных контекстов
Fig. 5. Argument DCon implication

числительное, притяжательное местоимение, определение без маркера.

В результате мы получаем таблицу из пяти колонок, каждая из которых соответствует одной из пяти выбранных групп ДКон, с лексемами, встретившимися в каком-либо контексте из группы. На основании данных таблицы можем выявить некоторые импликации (рис. 5):

а) Те лексемы, которым предшествует атрибутивный показатель, могут быть оформлены и переходным глаголом в препозиции (56 из 93 лексем, встретившихся в контексте *Атрибутивный показатель*, т.е. 32,36% от всех лексем, встретившихся в контекстах *Атрибутивный показатель* и *Переходный глагол*).

б) Те лексемы, которым предшествует определение без маркера, могут быть оформлены и атрибутивным показателем в препозиции (21 из 45 лексем, встретившихся в контексте *Определение без маркера*, т.е. 18% от всех лексем, встретившихся в контекстах *Атрибутивный показатель* и *Переходный глагол*).

с) Те лексемы, которым предшествует числительное, может быть оформлена и переходным глаголом в препозиции (26 из 42 лексем, встретившихся в контексте *Числительное*, т.е. 17% от всех лексем, встретившихся в контекстах *Числительное* и *Переходный глагол*).

д) Те лексемы, которым предшествует притяжательное местоимение, могут быть оформлены и атрибутивным показателем в препозиции (48 из 63 лексем, встретившихся в контексте *Притяжательное местоимение*, т.е. 44,44% от всех лексем, встретившихся в контекстах *Притяжательное местоимение* и *Атрибутивный показатель*).

3.5. Некоторые условия и ограничения употребления лексем в аргументных контекстах

3.5.1. Именные лексемы и аргументные контексты

Все 148 именных лексем оказались размечены как имя хотя бы в одной клаузе, все 95 глагольных лексем хотя бы один раз также были размечены как имя. Однако, если говорить о разметке при помощи исключительно пяти наиболее высокочастотных групп аргументных ДКон, то размеченными оказываются 87,84% именных лексем, ни разу, крайне редко или вообще не сочетающихся хотя бы с одним ДКон из пяти групп, немного, это такие лексемы, как

傷 shāng ‘рана’ (абсолютное количество 123 употреблений),

和 hé ‘гармония’ (абсолютное количество 105 употреблений),

北 běi ‘север’ (абсолютное количество 141 употребление),

俗 sú ‘обычай’ (абсолютное количество 196 употреблений),

土 tǔ ‘земля’ (абсолютное количество 207 употреблений),

天 tiān ‘небо’ (абсолютное количество 1724 употребления).

Среди всех именных лексем 59,45% могут употребляться в двух и более контекстах, что соответствует импликациям e-h (рис. 5). В качестве примера можно рассмотреть группу именных лексем (табл. 1), наиболее часто встретившихся в аргументных контекстах (95,65%–98,25% всех употреблений).

Таблица 1. Примеры вариаций аргументных контекстов для определенных именных лексем

Table 1. Examples of variations in argument DCons for noun lexemes

‘тело’	體 tǐ	переходный глагол; атрибутивный показатель; притяжательное местоимение
‘год’	年 nián	переходный глагол; притяжательное местоимение; числительное
‘цвет’	色 sè	атрибутивный показатель; притяжательное местоимение; определение без маркера
‘звезда’	星 xīng	переходный глагол; числительное

‘мать’	母 mǔ	атрибутивный показатель; притяжательное местоимение
‘промежуток’	間 jiān	переходный глагол; атрибутивный показатель; притяжательное местоимение
‘время’	時 shí	переходный глагол; атрибутивный показатель
‘гора’	山 shān	переходный глагол; определение без маркера; числительное
‘беда’	禍 huò	переходный глагол; атрибутивный показатель; притяжательное местоимение
‘ворота’	門 mén	переходный глагол; атрибутивный показатель

Например, 山 shān ‘гора’ встретила в контекстах, соответствующим импликациям с, b-a (рис. 5):

(1) с, b-a

入	山	見	木
rù	shān	jiàn	mù
входить	гора	видеть	дерево
‘уйти в горы и увидеть деревья’			

(2) с, b-a

如	大	山	有	神
rú	dà	shān	yǒu	shén
если	большой	гора	иметь	дух
‘если на великой горе есть духи’				

(3) с

四	山	之	表
sì	shān	zhī	biǎo
NUM.4	гора	ATR	наружная сторона
‘за четырьмя горами’			

Вариации сочетаний ДКон разнятся (табл. 2). Одно из наиболее высокочастотных сочетаний: один из контекстов переходный глагол, второй либо атрибутивный показатель, либо (в редких случаях) притяжательное местоимение, третьим ДКон может быть любой из пяти групп. Таких сочетаний 35,81%. Также есть возможность сочетания, где один ДКон обязательно переходный глагол, второй (в некоторых случаях и третий) — определение без маркера и/или числительное, общее количество 10,13%, то есть в данном сочетании нет ни атрибутивного показателя, ни притяжательного местоимения. Последнее возможное сочетание ДКон: либо атрибутивный показатель, либо

притяжательное местоимение — 12,16%. В остальных случаях лексемы встречаются лишь в единичных контекстах — 28,37% от общего числа (табл. 3).

Таблица 2. Частотность одиночных аргументных контекстов (именные лексемы)

Table 2. Number (%) of single argument DCons (noun lexemes)

Контекст	Процент	Абсолютное количество (для 148 лексем)
атрибутивный показатель	4,05%	6
переходный глагол	16,21%	24
числительное	3,37	5
притяжательное местоимение	0%	0
определение без маркера	4,05%	6

Таблица 3. Количество (%) именных лексем, способных употребляться в нескольких аргументных контекстах

Table 3. Number (%) of noun lexemes that can be used in several argument DCons

Контекст (2 и более)	Процент	Абсолютное количество (для 148 лексем)
Переходный глагол И атрибутивный показатель / притяжательное местоимение	35,81%	53
Переходный глагол И определение без маркера / числительное	10,13%	15
Атрибутивный показатель ИЛИ притяжательное местоимение	12,16%	18
Атрибутивный показатель И притяжательное местоимение	7,43%	11

3.5.2. Глагольные лексемы и аргументные контексты

Глагольные лексемы в 69,48% всех употреблений встретились в выбранных аргументных контекстах, то есть являлись аргументами предложения. Всего 22,10% глагольных лексем могут

встречаться в двух и более аргументных контекстах (для сравнений именные лексемы в двух и более аргументных контекстах встречаются в 59,45% случаев). Среди них самое частотное: один из контекстов переходный глагол, второй либо атрибутивный показатель, либо (в редких случаях) притяжательное местоимение, третьим ДКон может быть любой из пяти групп – 12,63%.

Рассмотрим группу глагольных лексем (табл. 4), которые чаще всего встречались в аргументных контекстах в принципе (более 50% употреблений).

Таблица 4. Примеры вариаций аргументных контекстов для определенных глагольных лексем
Table 4. Examples of variations in argument DCons for verb lexemes

‘приходить’	來 lái	переходный глагол; притяжательное местоимение
‘проверять’	驗 yàn	переходный глагол; атрибутивный показатель; притяжательное местоимение; числительное
‘обучать’	教 jiào	переходный глагол; атрибутивный показатель; притяжательное местоимение; определение без маркера
‘гневаться’	怒 nù	атрибутивный показатель; определение без маркера
‘двигаться’	行 xíng	атрибутивный показатель; притяжательное местоимение; числительное
‘изменяться’	變 biàn	переходный глагол; атрибутивный показатель
‘быть искусным в’	善 shàn	переходный глагол; числительное
‘находиться’	處 chù	переходный глагол; атрибутивный показатель; притяжательное местоимение

Так, например, лексема 處 chù ‘находиться’ встретилась в контекстах, соответствующим импликациям a, d (рис. 5).

(4) a

若 於 齊 , 則 未 有 處 也
guò yú qí zé wèi yǒu chù yě
если направляться Ци CONJ NEG иметь место PTCL
‘если направиться в царство Ци, то места не будет’

(5) a, d

祭 祀 之 處
jì sì zhī chù
поклоняться жертвоприношение ATR место
‘[это] место молебн и жертвоприношений’

(6) d

妻 向 城 哭 , 非 其 處 也
qī xiàng chéng kū fēi qí chǔ yě
жена DIR стена плакать NEG PRON.POSS место PTCL
‘жена повернулась к стене и заплакала, их больше не было здесь’ (не их место)

Глагольные лексемы, также как и именные, могут встречаться как в единичных аргументных контекстах (47%) (табл. 5), так и в двух и более контекстах (22,10%) (табл. 6).

Таблица 5. Частотность одиночных аргументных контекстов (глагольные лексемы)
Table 5. Frequency of single argument DCons (verb lexemes)

Контекст	Процент	Абсолютное количество (для 95 лексем)
атрибутивный показатель	8,42%	8
переходный глагол	26,31%	25
числительное	4,21%	4
притяжательное местоимение	5,26%	5
определение без маркера	3,15%	3

Таблица 6. Количество (%) глагольных лексем, способных употребляться в нескольких аргументных контекстах
Table 6. Number (%) of verb lexemes that can be used in several argument DCons

Контекст (2 и более)	Процент	Абсолютное количество (для 95 лексем)
Переходный глагол И атрибутивный показатель / притяжательное местоимение	12,63%	12
Переходный глагол И определение без маркера / числительное	4,21%	4
Атрибутивный показатель ИЛИ притяжательное местоимение	4,21%	4
Атрибутивный показатель И притяжательное местоимение	3,15%	3

4. Интерпретация результатов

На основании вышеприведенных данных можно сделать некоторые выводы об особенностях аргументной позиции и контекстах, в которых чаще могут встречаться либо глагольные, либо именные лексемы.

Сравним в общих таблицах (табл. 7, 8) данные количества (%) именных и глагольных лексем, встречающихся в одиночных контекстах (табл. 2, 5) и в двух и более контекстах (табл. 3, 6).

Таблица 7. Общая таблица количества (%) одиночных аргументных контекстов

Table 7. General table of the number (%) of single argument DCons for nouns and verbs

Контекст	Глагольные лексемы		Именные лексемы	
	Процент	Абсолютное количество (для 95 лексем)	Процент	Абсолютное количество (для 148 лексем)
атрибутивный показатель	8,42%	8	4,05%	6
переходный глагол	26,31%	25	16,21%	24
числительное	4,21%	4	3,37%	5
притяжательное местоимение	5,26%	5	0%	0
определение без маркера	3,15%	3	4,05%	6

На основании полученных данных можно построить диаграммы для сравнения трендов и условий употребления глагольных и именных лексем в единичных контекстах и в двух и более контекстах (рис. 6, 7).

Помимо частотной разницы в количестве глагольных и именных лексем, встретившихся в заданных аргументных контекстах (69,48% и 87,84% соответственно), также есть и другие различия в частотности, условиях и ограничениях употребления.

Именные лексемы с наибольшей вероятностью встретятся в двух и более контекстах, один из которых обязательно Переходный глагол, а второй либо Атрибутивный показатель, либо притяжательное местоимение. Также именные лексемы часто употребляются в одиночном контексте Переходный глагол. В остальных одиночных контекстах (Определение без маркера, Притяжательное местоимение, Числительное, Атрибутивный показатель)

Таблица 8. Общая таблица количества (%) лексем, способных употребляться в нескольких аргументных контекстах

Table 8. General table of the number (%) of lexemes that can be used in several argument DCons

Контекст (2 и более)	Глагольные лексемы		Именные лексемы	
	Процент	Абсолютное количество (для 95 лексем)	Процент	Абсолютное количество (для 148 лексем)
Переходный глагол И атрибутивный показатель / притяжательное местоимение	12,63%	12	35,81%	53
Переходный глагол И определение без маркера / числительное	4,21%	4	10,13%	15
Атрибутивный показатель ИЛИ притяжательное местоимение	4,21%	4	12,16%	18
Атрибутивный показатель И притяжательное местоимение	3,15%	3	7,43%	11

именные лексемы встречаются реже всего (менее 4%). Более ожидаемо встретить именную лексему в двух и более контекстах. Статистические пики наблюдаются в контексте Переходный глагол и Переходный глагол И атрибутивный показатель / притяжательное местоимение.

Глагольные лексемы с наибольшей вероятностью встретятся в одиночном аргументном контексте Переходный глагол. Наблюдается небольшое частотное увеличение употребления в двух и более контекстах, один из которых обязательно Переходный глагол, а второй либо Атрибутивный показатель, либо притяжательное местоимение, однако повышение процента не такое резкое, как у именных лексем. Фактически употребление глагольных лексем во всех остальных аргументных контекстах видится равновероятным. Ярко выраженный статистический пик приходится

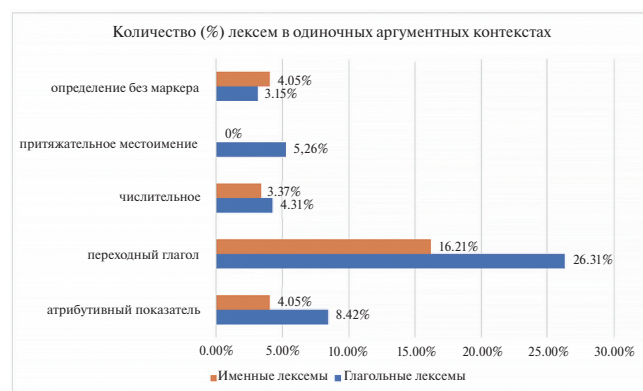

Рис. 6. Сравнительная гистограмма условий употребления именных и глагольных лексем в одиночных аргументных контекстах

Fig. 6. Comparative histogram: noun and verbal lexemes occurring in single argument DCons

Рис. 7. Сравнительная гистограмма условий употребления именных и глагольных лексем в двух и более аргументных контекстах

Fig. 7. Comparative histogram: noun and verbal lexemes occurring in more than two argument DCons

на контекст Переходный глагол, остальные статистические показатели сглаженные.

Можно предположить, что именные лексем тяготеют к аргументным контекстам Переходный глагол и Переходный глагол И атрибутивный показатель / притяжательное местоимение, в наименьшей степени — к единичным контекстам. Глагольные лексем тяготеют к одиночному аргументному контексту Переходный глагол, остальные контексты являются равновероятными, однако статистически редкими в принципе по сравнению с именными лексемами.

Вероятно, различия в функционировании глагольных и именных лексем в качестве аргумента предложения все же существуют. Согласно нашему исследованию, одним из критериев будет статистическая и вероятностная разница в употреблении в тех или иных дистинктивных

контекстах. В связи с этим, мы предполагаем, что называть систему лексических категорий древне-китайского гибкой было бы не в полной мере правомерным утверждением. Результаты выше могут указывать на наличие объективных ограничений употребления предположительно именных и глагольных лексем в позиции аргумента, на это указывает не только общая разница в частотности, но и различие в наборе дистинктивных контекстов, сочетающихся с потенциальными именами и глаголами.

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

3.PRON — объектное местоимение третьего лица; NEG — отрицание; MOD — модальный глагол; CONJ — союз; ADV — наречие; ATR — атрибутивный показатель; NUM — числительное; PTCL — конечная частица; DIR — директив; PRON.POSS — притяжательное местоимение третьего лица.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Zádrapa L.* Word-Class Flexibility in Classical Chinese. Leiden: Brill Academic Publishers, 2011. 256 p.
2. *Sun L.* Flexibility in the Parts-of-Speech System of Classical Chinese. Berlin: De Gruyter Mouton, 2020. 334 p.
3. *Bisang W.* Precategoriality and argument structure in Late Archaic Chinese // *Constructional approaches to language*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin's Publishing Company, 2008, pp. 55–88.
4. *Bisang W.* Precategoriality and syntax-based parts of speech: The case of Late Archaic Chinese // *Studies in Language*. 2008. Vol. 32, pp. 568–589.
5. *Durymanova A.D.* Nouns and verbs' syntactic shift: some evidences against Old Chinese parts-of-speech system's flexibility (analysis of Lunheng I A.D) // 34th Paris Meeting on East Asian Linguistics. CRLAO, 2021, p. 22.
6. *Крюков М.В., Хуан Шуин.* Древнекитайский язык. М.: ГРВЛ, 1978. 497 с.
7. *Schuessler A.A.* Dictionary of Early Zhou Chinese. Honolulu: University of Hawaii Press, 1987. 876 p.
8. *Croft W.* Parts of speech as language universals and as language-particular categories / *Approaches to the Typology of Word Classes*. Vogel, Comrie (eds). Berlin: Mouton de Gruyter, 2000, pp. 65–102.
9. *Radford A.* Transformational grammar: A first course. Cambridge: Cambridge University Press. 1988, p. 640.
10. *Дурыманова А.Д.* Противопоставление имен и глаголов в древнекитайском памятнике «Луньхэн»

- Г. В. Н. э.: науч. докл. к дис. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2021. 63 с.
11. Дурьманова А.Д. Функция аргументного дистриктивного контекста у 被 бэй (на материале китайского позднеклассического текста «Лунь-хэн») // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2022. № 21(4). С. 114–127.
 12. Большой китайский словарь. Ханьюй да цыдянь [汉语大词典. 四川: 四川辞书出版社]. в 11 т. Сычуань: Сычуань цышучубаньшэ, 1993. 2555 с. [на китайском языке]
 13. Старостин С.А. Заметки о древнекитайском языке // Знак: сб. ст. по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А.Н. Журина. М., 1994. С. 93–125.
 - 34th Paris Meeting on East Asian Linguistics. CRLAO, 2021, p. 22.
 6. Kryukov, M.V., Huang Shuin. *Drevnekitajskij yazyk* [Ancient Chinese]. Moscow: Main editorial office for oriental literature, 1978. 497 p. (In Russ.)
 7. Schuessler, A.A. Dictionary of Early Zhou Chinese. Honolulu: University of Hawaii Press, 1987. 876 p.
 8. Croft, W. Parts of Speech as Language Universals and as Language-Particular Categories. Approaches to the Typology of Word Classes. Vogel, Comrie (eds). Berlin: Mouton de Gruyter, 2000, pp. 65–102.
 9. Radford, A. Transformational Grammar: A First Course. Cambridge: Cambridge University Press, 1988, p. 640.
 10. Durymanova, A.D. *Protivopostavlenie imen i glagolov v drevnekitajskom pamjatnike Lunheng I v. n.e.* [Nouns and Verbs' Opposition in Lunheng I A.D]. Thesis Synopsis. ... PhD. Russian State Uni. for the Humanities, 2021. 63 p. (In Russ.)
 11. Durymanova A.D. *Funkciya argumentnogo distinktivnogo konteksta u 被 bej (na materiale kitajskogo pozdneklassicheskogo teksta "Lunhen")* [Argument Distinctive Context Functioning of 被bei (Based on the Material of the Late Classical Chinese Text – "Lunheng")]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of the NSU. Series: History and Philology]. 2022, No. 21(4), pp. 114–127. (In Russ.)
 12. Big Chinese Dictionary. Sichuan: Sichuan cishuchubanshe, 1993. 2555 p. (In Chin.)
 13. Starostin, S.A. *Zametki o drevnekitajskom yazyke* [Ancient Chinese Notes]. *Znak: Sb. st. po lingvistike, semiotike i poetike pamyati A.N. Zhurinskogo* [Sign: Collection of Articles on Linguistics, Semiotics and Poetics in Memory of A.N. Zhurinsky]. Moscow, 1994, pp. 93–125. (In Russ.)

REFERENCES

Дата поступления материала в редакцию: 18 марта 2024 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 30 мая 2024 г.
 Статья принята к публикации: 15 июня 2024 г.
 Дата публикации: 31 августа 2024 г.

Received by Editor on March 18, 2024
 Revised on May 30, 2024
 Accepted on June 15, 2024
 Date of publication: August 31, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024040098

Первые шаги к «всечеловеческому братству»: Эпизод из истории издания иностранной литературы в Советской России (1917–1922 годы)

© 2024 г. Д. М. Цыганов

Научный сотрудник Отдела рукописей
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ORCID ID: 0000-0002-6633-3401
tzyganoff.mitia@yandex.ru

Резюме. В статье прослеживается история издания иностранной литературы в первое пореволюционное пятилетие (1917–1922) — от ленинского Декрета о печати, положившего начало советскому книгоизданию, до книжной выставки во Флоренции, подведшей промежуточные итоги раннесоветской книгоиздательской политики. Институциональное оформление издательской индустрии в те годы шло параллельно с процессом преодоления репутационного кризиса, ставшего следствием революционных событий. Одной из главных задач в условиях переопределения политических ориентиров Советской России становился поиск международных «союзников». Поэтому издание иностранной литературы оказывалось включенным не только в культурный контекст, но и в контекст дипломатический. Производство иностранной литературы, в отличие от производства литературы советской, молодая власть под свой контроль взять не могла, хотя и неустанно пыталась (порой безуспешно) влиять на неподконтрольную творческую практику. Эта невозможность реструктурировать литературную жизнь за границами СССР стала важным поводом к смене стратегии взаимодействия с ней. Эстетическая политика всеми доступными средствами формировала у «массового» читателя альтернативное, оторванное от действительности представление о структуре «большого» литературного процесса и расстановке сил на мировой культурной карте первой половины XX века. Итогом работы власти в этом направлении стало довольно скорое проникновение советской книжной продукции в общеевропейскую культурную среду. Статья основана на многочисленных материалах по истории раннесоветского книгоиздания и книжной статистики и сопровождается приложением, в котором приведен библиографический список всех книг иностранной литературы (опубликованных в Госиздате и «Всемирной литературе»), представленных на флорентийской книжной выставке 1922 года.

Благодарность. Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00393, «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке», <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>

Ключевые слова: раннесоветское книгоиздание, Госиздат, «Всемирная литература», иностранная литература, советско-западные литературные связи, культурная дипломатия.

Для цитирования: Цыганов Д.М. Первые шаги к «всечеловеческому братству»: Эпизод из истории издания иностранной литературы в Советской России (1917–1922 годы) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 4. С. 86–101. DOI: 10.31857/S1605788024040098

The First Steps Towards “All-Human Brotherhood”: An Episode from the History of Foreign Literature Publishing in Soviet Russia (1917–1922)

© 2024 Dmitry M. Tsyganov

Researcher of the Manuscripts Department
of A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ORCID ID: 0000-0002-6633-3401
tzyganoff.mitia@yandex.ru

Abstract. The article traces the history of foreign literature publishing in the first post-revolutionary five-year period (1917–1922) – from Lenin’s Decree on the Press, which initiated Soviet book publishing, to the book exhibition in Florence, which summarised the interim results of the early Soviet book publishing policy. The institutionalisation of the publishing industry in those years went hand in hand with the process of overcoming the reputational crisis resulting from the revolutionary events. One of the main tasks in the conditions of redefining the political orientations of Soviet Russia was the search for international “allies”. Therefore, the publication of foreign literature was included not only in the cultural context, but also in the diplomatic context. The young regime could not control the production of foreign literature, unlike the production of Soviet literature, although it tried tirelessly (sometimes not unsuccessfully) to influence creative practice beyond its control. This inability to restructure literary life beyond the borders of the USSR became an important reason to change the strategy of interaction with it. The aesthetic policy used all available means to form in the “mass” reader an alternative, detached from reality idea of the structure of the “global” literary process and the balance of power on the world cultural map of the first half of the twentieth century. The result of the authorities’ work in this direction was a fairly rapid penetration of Soviet books into the pan-European cultural environment. The article is based on numerous materials on the history of early Soviet book publishing and book statistics, and is accompanied by an appendix containing a bibliographic list of all foreign literature books (published in Gosizdat and World Literature) presented at the Florence Book Fair of 1922.

Acknowledgments. The research was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (RNF, project No. 23-18-00393) “Russia / USSR and the West: A counter-view. Literature in the Context of Culture and Politics in the Twentieth Century”. <https://rscf.ru/en/project/23-18-00393/>

Key words: Rearly Soviet book publishing; Gosizdat; “World Literature”; foreign literature; Soviet-Western literary ties; cultural diplomacy.

For citation: Tsyganov, D.M. *Pervye shagi k “vsechelovecheskomu bratstvu”: Epizod iz istorii izdaniya inostrannoj literatury v Sovetskoy Rossii (1917–1922 gody)* [The First Steps Towards “All-Human Brotherhood”: An Episode from the History of Foreign Literature Publishing in Soviet Russia (1917–1922)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 4, pp. 86–101. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024040098

Не надо, чтобы русский писатель писал что хочет, надо, чтобы он переводил классиков, всех классиков, чтобы все переводили и чтобы все читали. Прочтут все и всё, всё узнают.
Не надо сотни издательств, нужно одно — Гржебина. И каталог издательства на сто лет, сто печатных листов каталога на английском, французском, индокитайском и санскритском языках.
И все литераторы, и все писатели по рубрикам, под наблюдением самого С. Ольденбурга и Александра Бенуа, запомнят схемы, и родятся шкапы книг, и всякий прочтет все шкапы, и будет всё знать.

В.Б. Шкловский

Сентиментальное путешествие (1923) Со второй половины 1910-х годов социокультурная ситуация начала меняться, а характерный для зрелой и позднимперской обстановки общественный интерес к иностранной культуре закономерно померк на фоне совершавшихся общественно

значимых изменений, приведших к Октябрьскому перевороту¹. В пореволюционной обстановке, ознаменованной ленинским Декретом о печати от

¹ Симптоматичным поэтому стало закрытие в 1916 г. издававшегося в Петрограде журнала «Вестник иностранной литературы».

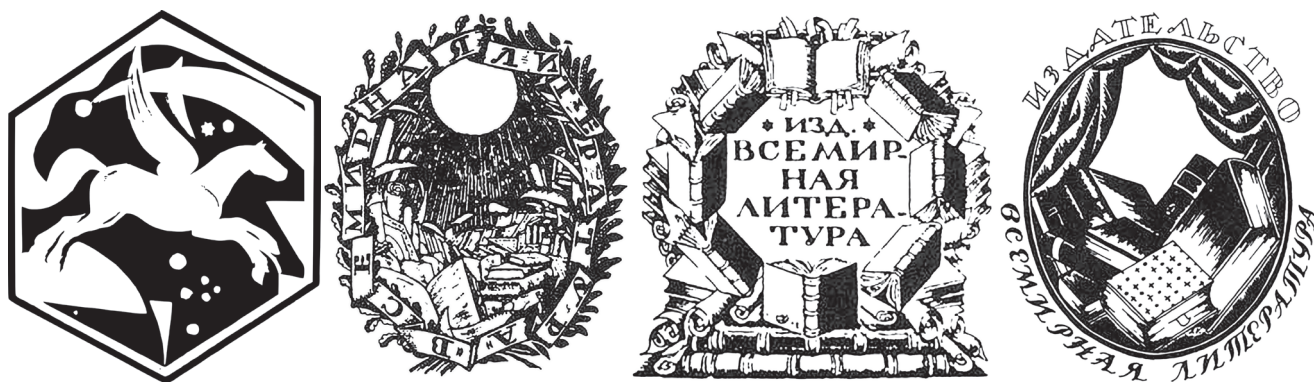

Рис. 1. Варианты издательских марок «Всемирной литературы» (работы Ю.П. Анненкова, С.В. Чехонина, М.В. Добужинского и С.Я. Видберга)

27 октября (9 ноября) 1917 г., рецептивные стратегии существенно усложнились, потому что литература оказалась вовлечена в идеологическую работу по «раздуванию мирового революционного пожара». Читательская реакция на появлявшиеся литературные произведения обрела статус политически важного жеста: санкционированная властью установка на интернационализм и уход от культурной замкнутости подвигали интеллектуалов формировать международный круг не столько сильных «союзников», сколько авторитетных «друзей»-контрагентов молодого большевистского режима². Стремительно возникавшие новые культурно-политические задачи по первости предполагалось решать *старыми* способами. Отчетливо этот парадокс виден по тому, как было организовано издание переводной иностранной литературы. Большинство выходивших в первый пореволюционный год книг — печатавшиеся по старым наборам стереотипные переиздания хорошо знакомых читателям текстов. Это обстоятельство объясняется не только политическими, социально-экономическими, но и культурно-идеологическими причинами. Дело в том, что для тщательного отбора пропагандистски «полезной» литературы идейных сторонников становящегося режима и ее подготовки к изданию необходимо было время, которым большевики на начальном этапе узурпации власти не располагали. Поэтому работа с иностранной литературой по большей

части ограничивалась «чисткой» издательских портфелей, исключением (зачастую не вполне мотивированным) из ранее утвержденных типографских планов отдельных наименований книг.

Скорый выход из мировой войны, затухание Гражданской войны и взятый курс на восстановление политико-социальных рамок государства обеспечили относительно стабильное существование сферы производства и распространения знания в условиях широкой национализации полиграфической базы при необходимости сохранения доли кооперативного и частного книгоиздания³. Уже в конце ноября 1917 г. по итогам заслушания доклада П.И. Лебедева-Полянского (1881–1948) Совнарком своим решением учредил Литературно-издательский отдел Наркомпроса (ЛИО)⁴, ставший первым советским органом книгоиздания — «государственным издательством», первоначально состоявшим из трех подразделов («секций»). Соответственно, в ведение «секций» Отдела входили вопросы подготовки и издания не только собраний сочинений отечественных «классиков» и томов массовой «Народной библиотеки»⁵, но и естественно-исторической, общественно-политической литературы (в сентябре 1918 г. в ЛИО был создан третий — Педагогический — подраздел)⁶. Издательская программа Отдела⁷, как это видно уже из его организационной

² Уже в самом начале 1920-х по миру начинают возникать различные организационные объединения «друзей» Советской России. Так, например, в начале августа 1921 г. в Соединенных Штатах начала работу «массовая организация» The Friends of Soviet Russia (FSR), занимавшаяся сбором средств для оказания помощи во время голода. Немногом позже, в июне 1923 г., в ответ на проявленную СССР инициативу (30 марта 1922 года в Москве было учреждено Общество русско-германского сотрудничества) в Веймарской республике было создано Общество друзей новой России (Die Gesellschaft der Freunde des neuen Rußland (GdF)). Подробнее о раннесоветской культурной дипломатии см.: [1, с. 61–114].

³ Подробнее об организации книгоиздания в первые пореволюционные годы см.: [2]; [3]; [4]. Также см.: [5].

⁴ Подробнее см.: [6]; [7]; [3, т. 3, с. 98–108].

⁵ Такой — изначально предложенный Лениным — способ издания литературных произведений был закреплен в Декрете о Государственном издательстве, принятом 11 января 1918 г. (документ опубликован в: [8, с. 174–175]). Подробнее см.: [3, т. 1, с. 108–115].

⁶ Подробнее см.: [3, т. 1, с. 115–117].

⁷ Как отмечает Т.Е. Давыдова, за два неполных года работы ЛИО успел выпустить около 330 наименований книг

структуры, нисколько не покрывала обширную область зарубежной литературы и, что оказывалось тогда более важным, *не учитывала интересы современных советских авторов, а подчас попросту игнорировала исходившую от них потребность в определении собственного места на глобальной культурной карте.*

В этой непростой обстановке 20 августа 1918 г. М. Горький (1868–1936), А.Н. Тихонов (1886–1956), З.И. Гржебин (1877–1929) и И.П. Ладыжников (1874–1945) пошли на вполне оправданный шаг и заключили соглашение об организации издательства «Всемирная литература», которое должно было осуществлять «перевод на русский язык избранных произведений иностранной художественной литературы второй половины XVIII в., всего XIX и начала XX в.», «снабжение этих произведений вступительными статьями, примечаниями и рисунками» и «издание вышеуказанных произведений, а также избранных произведений русских писателей XVIII, XIX и XX вв.» (цит. по: [10, с. 71])⁸.

Тогда же Горький, долгое время одолеваемый идеей «Интернационала духа», начал вести переговоры с Луначарским, следствием которых стала выработка издательской концепции «Всемирной литературы». Двумя неделями позднее, 4 сентября, Наркомпрос в лице комиссара просвещения А.В. Луначарского и литературно-издательская группа в лице Максима Горького заключили договор сроком на три года об организации издательства «Всемирная литература»⁹ (дополнительное соглашение было подписано 21 ноября 1918 г.). Планируемые публикационные объемы устанавливались заключенным договором:

...произведения издаются книгами двух типов: а) в форме брошюр, размером в среднем около двух печатных листов, считая в печатном листе 60 000 знаков, и б) в форме томов, содержащих в среднем около 20 печатных листов, считая в печатном листе 30 000 знаков. Общее количество брошюр должно быть не менее 2000 номеров, общее количество томов не менее 800 (цит. по: [10, с. 72])¹⁰.

тиражами от 50 000 до 100 000 экземпляров (см.: [9, с. 14]).

⁸ Подробнее об этом издательском начинании Горького см.: [11, с. 177–214].

⁹ Документ опубликован в: [10, с. 72–73]. Текст договора, присланный в Совнарком 10 сентября 1918 г., Луначарский сопровождал запиской (документ опубликован в: [12, с. 80]). Подробнее о бюрократических подробностях учреждения издательства и его последующей работе см.: [13]; [14]; [3, т. 1, с. 208–228]; [15]; [16]; [17]. Также см.: [18, с. 256–267].

¹⁰ К 1919 году заявленное количество томов возросло до 1500 (!), а количество брошюр — до 3 000–5 000.

И далее:

Из приведенного выше числа книг издательство «Всемирная литература» в течение первого года обязательно приготовить к печати не менее 800 брошюр и 200 томов, а в течение первых месяцев, считая от 1 сентября по 31 декабря 1918 г., не менее 200 брошюр и 60 томов (цит. по: [10, с. 72]).

О грандиозности издательских планов также свидетельствует вышедший вскоре 170-страничный сводный каталог издательства¹¹ с горьковской вступительной статьей на четырех языках. В ней Горький писал, что «[в]се вместе книги составят обширную историко-литературную хрестоматию, которая даст читателю возможность подробно ознакомиться с возникновением, творчеством и падением литературных школ, с развитием техники стиха и прозы, со взаимным влиянием литературы различных наций и, вообще, всем ходом литературной эволюции в ее исторической последовательности от Вольтера до Анатоля Франса, от Ричардсона до Уэльса, от Гёте до Гауптмана и т.д.» [19, с. 8]. В этой же статье Горький заявил о своей полумистической концепции «мировой литературы», воплощавшей в себе идею «планетарского гуманизма»¹² с его устремленностью к «всечеловеческому братству»: «Художественная литература, живая и образная история подвигов и ошибок, заслуг и заблуждений наших предков, обладая могучей способностью влиять на организацию мысли, смягчая грубость инстинкта, воспитывая волю, должна, наконец, исполнить свою планетарную роль, — роль силы, наиболее крепко и глубоко изнутри об[ъ]единяющей народы сознанием общности их страданий и желаний, сознанием единства их стремления к счастью жизни красивой и свободной»; и далее: «Область

¹¹ См.: [19] (в этот каталог «Основной серии» вошли произведения американской, английской, датской, испанской, итальянской, немецкой, португальской, шведской, норвежской и французской литератур с конца XVIII по начало XX в., а также произведения писателей из Аргентины, Бразилии, Венесуэлы, Доминго, Индии, Канады, Кубы, Мексики, Никарагуа, Перу, Сан-Колумбии; «Народная серия» в каталог не включена). Также см.: [20] (в этот каталог «Основной серии» вошли произведения ассирийской, арабской, еврейской, египетской, индийской, китайской, персидской, финикийской, японской и других восточных литератур). Отдельными оттисками тиражами от 115 до 70 экземпляров издавались перечни произведений американской, датской, немецкой, норвежской, португальской и шведской литератур.

¹² Подробнее об этой идее Горького см.: [21, с. 136–155]. Указанная статья явилась закономерным развитием идей, ранее сформулированных Шеррер (совместно с Даниэлой Стейла) в докладе «Идея “нового человека” на фоне сложной дружбы Максима Горького и Александра Богданова» на международной конференции «Мировое значение М. Горького», состоявшейся в конце марта 2018 г. в ИМЛИ РАН.

СПИСОК КНИГ, ВЫПУЩЕННЫХ «ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ» с 1919 по 1925 год.				- 2 -				- 2 -			
ОСНОВНОЕ ИЗДАНИЕ.				№ по пор.	Автор	Произведение	Тираж	№ по пор.	Автор	Произведение	Тираж
1.	Д'АНТУИШО	"Может быть да, может быть нет"	5.000	22.	ЗОЛИ	Записки	6.000	68.	ФРАНС	Посетение ангелов	10.000
2.	БАЙРОН	Дон-Квист, часть 1-ая	6.000	23.	"	Труд	10.000	69.	"	Остров пиявчатых	10.000
3.	"	" часть 2-ая	6.000	24.	ИВАНЕС	Беседы мертвых	10.000	70.	"	Рассказы	6.000
4.	"	Драмы	6.000	25.	"	Проклятый хутор	10.000	71.	Французская революция на фронте и в провинции	6.000	
5.	БАЛЬЗАК	Крестьяне	10.000	26.	КЛЕЙСТ	Собрание сочинений, том I	6.000	72.	Бернард Шо	Пьесы	6.000
6.	"	Патристическая повесть	6.000	27.	"	" том II	6.000				
7.	Сен ВЕНЕДИК	Пьесы	7.150	28.	КОНРАД	Каприз Оливера	6.000	73.	Принципы художественного перевода, ч. 1-ая	7.000	
8.	ЛЮДОВИКА БРАУН	Пьесы наизусть	10.000	29.	П. де-КОСТЕР	Легенда об Уленингтеде, т. I	10.000	74.	" ч. 2-ая	7.000	
9.	БЮХНЕР	Смерть Дантона	2.150	40.	"	" т. II	10.000	75.	Каталог Издательства "Всемирная Литература"		
10.	БЕРХАРД	Пьесы	6.000	41.	Зоя де-КОРБОН	Переписка Фредрика Шендлера	6.000	76.	со доступными статьями Н. Горького		
11.	ВОЛТЕР	Орлеанская девственница, ч. I	6.000	42.	"	"	6.000				
12.	"	" ч. II	6.000	43.	"	"	6.000				
13.	ГЕРНЕ	Путевые картины, том V	10.000	44.	ЛАРЕТТА	Полный дом Рамиро	6.000				
14.	"	" том VI	1.600	45.	ЛЕМОНИЕ	Возврат	4.000				
15.	ГАЛЬОС	Очарованный кавалер	7.000	46.	"	Рот пророка	6.000				
16.	ГЕРДЕР	Сия	2.000	47.	ЛЕСАК	Хроной бес	10.000				
17.	ГЕТЕ	Повесть и Проза, ч. 1-ая	6.000	48.	МАРАТ	Пьесы	4.000				
18.	"	" ч. 2-ая	6.000	49.	МЕРЕР	Новеллы	6.000				
19.	"	Странствия много Вертера	6.000	50.	МЕРИНО	Театр Кларис Равуль	10.000				
20.	"	Фигур, часть 1-ая	6.000	51.	МОПАСАН	Милый друг	10.000				
21.	"	" часть 2-ая	6.000	52.	"	Сильно как смерть	10.000				
22.	ГОЛЬДОН	Комедии, том I	6.000	53.	НОВАЛИС	Гейнрих фон-Остерлинген	6.500				
23.	"	" том II	6.000	54.	Эдгар По	Стихи	2.000				
24.	ГОНКУР	Братья Бенгенио	10.000	55.	РЕНЬЕ	Героическое напастание Тито Басон	4.000				
25.	ГОМАН	Фантастические пьесы	6.000	56.	Ронан РОЛАН	Театр революции	7.500				
26.	"	Музыкальные новеллы	2.000	57.	"	Трагедия веры	4.000				
27.	ГОШЕ	Сказки для детей, том I	4.000	58.	СКИНДЕР, Э.	Испитание любви	7.000				
28.	"	" том II	4.000	59.	ОТЦИДАЛЬ	Парисский монастырь, ч. 1-ая	6.000				
29.	ГРИЛПАРЦЕР	Пьесы	4.000	60.	"	" ч. 2-ая	6.000				
30.	ГЮГО	Давниного третий год	6.000	61.	ТАГОР	Пьесы	4.000				
31.	ДИКЕНС	Повесть о двух городах	10.000	62.	УИТЭН	Листья травы	4.000				
				63.	УОЛДС	Война в воздухе	10.000				
				64.	"	Любовь и мистификация	6.000				
				65.	"	Рассказы о времени и пространстве	6.000				
				66.	ФЛОБЕР	Воспитание чувств	10.000				
				67.	"	Саломея	10.000				

Рис. 2. Фрагмент списка книг, выпущенных «Всемирной литературой» с 1919 по 1925 год (АГ ИМЛИ)

литературного творчества — Интернационал духа, и в наши дни, когда идея братства народов, идея социального Интернационала превращается, повидимому, в действительность, в необходимость, — в наши дни необходимо приложить все усилия для того, чтобы усвоение спасительной идеи всечеловеческого братства развивалось возможно быстро, проникая в глубины разума и воли масс» [19, с. 9]¹³. Задуманная книжная серия должна была, с одной стороны, подытожить историю развития едва ли не всей мировой литературной культуры и, с другой — стать главным каналом трансляции заветной горьковской идеи. За строгими рамками издательского проекта, таким образом, таилась эстетическая, почти религиозная подоплека. Однако итоговый результат работы издательства оказался куда скромнее изначально заявленного: за все время независимого существования «Всемирной литературы» под ее грифом в свет вышло около двух с половиной сотен томов (несколько десятков из которых — с издательской маркой Госиздата в серии «Новости иностранной литературы» без всякого указания на преемственную связь с горьковским проектом). Неполный перечень на десяти листах, включающий 223 наименования вышедших в издательстве книг и журналов, сохранился в Архиве Горького в ИМЛИ РАН (АГ ИМЛИ)¹⁴.

¹³ Подробнее об этом см.: [22, р. 91–117].¹⁴ См.: Список книг, выпущенных «Всемирной литературой» с 1919 по 1925 г. // АГ. Ф. А. Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 530.

Примечательно, что процент (и наименований, и тиражей) намеченной к публикации и в итоге вышедшей в издательстве современной иностранной литературы был существенно меньше, чем «классической» литературы XVIII–XIX вв. Такое соотношение объясняется не только бюрократически (именно об этом шла речь в упомянутом договоре¹⁵), но и социально-культурными обстоятельствами. Именно в первые пореволюционные годы обострялась критическая дискуссия о «классике» и «классическом» и их месте в «новой» культуре, которая берет начало еще в модернистских исканиях рубежа веков. Ее содержание в те годы отнюдь не исчерпывалось стремлением наиболее радикальных авангардных групп «[б]росить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности». Почти каждое эстетически самостоятельное объединение

Пополняемый список изданных «Всемирной литературой» книг, сборников и периодики см. на сайте проекта «История издательства «Всемирная литература» в документах: Судьбы творческой интеллигенции России в постреволюционном пространстве сквозь призму издательского проекта Максима Горького» (URL: <https://vsemirka-doc.ru/izdaniya>).

¹⁵ Ср.: «А. М. Пешков берет на себя обязанность образовывать <...> издательство «Всемирная литература» для перевода на русский язык <...> избранных произведений иностранной художественной литературы конца XVIII и всего XIX в.» (цит. по: [10, с. 72]). Хотя в позднее составленном каталоге содержится поправка: «Издательство <...> выбрало <...> книги, изданные в разных странах с конца XVIII в. до сего дня, с начала Великой французской революции до Великой революции русской» [19, с. 8].

Рис. 3. Варианты издательских марок Госиздата

пыталось предложить собственную стратегию взаимодействия с художественной традицией; множество этих разнонаправленных стратегий оформили «дискурсивный арсенал» для работы с «наследием» в диапазоне от категорического отрицания (например, Пролеткультом или ЛЕФом) до производства ностальгических «ремейков». Революционные события существенно упростили «модернистскую» множественность апроприационных практик¹⁶ и свели их к нейтральной производственной логике напостовцев/рапповцев. И все же доля выходявшей в те годы русскоязычной — не говоря уже о переводной — художественной литературы в сравнении с агитационной по вполне понятным причинам оказывалась

ничтожной. Дело в том, что после произошедшего общественного слома в обстановке незавершенной стабилизации у художественной литературы пока еще попросту не было потребителя — «массового» читателя. Однако до отлаживания рецептивных практик следовало подготовить материальную базу — перевести и издать громадный корпус иностранной литературы, ранее не доступный читателям. Обозначившиеся еще на этапе подготовки каталогов организационные и финансовые трудности совпали с наметившейся вскоре централизаторской тенденцией, что не позволило горьковскому замыслу воплотиться в полной мере.

20 мая 1919 г. путем слияния покрывавших партийный спрос на идеологизированную печатную продукцию издательств ВЦИКа¹⁷,

¹⁶ Стефано Гардзонио и Мария Заламбани пишут о влиянии революционных событий на футуристическую стратегию работы с «культурным наследием» прошлого: «...когда после Октября партия оказалась вынужденной идти на компромиссы, постулируемый футуристами радикализм мог стать политически опасным. В результате отрицатели культурных традиций прошлого — футуристы — подверглись резкой критике со стороны власти, и дело закончилось закрытием в апреле 1919 года их главной трибуны — газеты “Искусство коммуны”» [23, с. 62].

¹⁷ Издательство ВЦИКа предпринимало попытки издания произведений зарубежной художественной литературы. Несмотря на весьма скромный процент удельного веса художественной литературы в общей массе издательской продукции, к 1919 г. в серии «Общая библиотека» тиражами от 25 000 до 50 000 экземпляров были (пере)изданы активно публиковавшиеся в те годы стихи Э. Верхарна, роман «Овод»

Московского¹⁸ и Петроградского¹⁹ Советов рабочих и красноармейских депутатов, специализированного издательства политической литературы «Коммунист»²⁰ и Литературно-издательского отдела Наркомпроса было образовано Государственное издательство РСФСР (Госиздат)²¹ — крупнейшее книгоиздательское предприятие, которое возглавил В.В. Воровский (1871–1923)²².

Согласно принятому тогда же Положению²³, не только почти вся издательская деятельность, но и работа по «распределению литературных и

(*The Gadfly*, 1897) Э. Войнич, пьесы «Потонувший колокол» (*Die versunkene Glocke*, 1896) и «Михаэль Крамер» (*Michael Kramer*, 1900) Г. Гауптмана, «социальный» роман «Железная пята» (*The Iron Heel*, 1908) и рассказы Дж. Лондона, романы «Борьба миров» (*The War of the Worlds*, 1897) и «Первые люди на Луне» (*The First Men in the Moon*, 1901; пер. с англ. В. Готвальда) Г. Уэллса.

¹⁸ В издательстве Моссовета, в чьи планы входил выпуск произведений современных западных писателей, к 1919 г. был издан лишь сатирический роман «Восстание ангелов» (*La révolte des anges*, 1914) А. Франса.

¹⁹ В издательстве Петросовета без предисловия и комментариев публиковались произведения тех иностранных авторов, которые имели репутацию «борцов за революционные идеалы». Так, к 1919 г. были изданы упомянутый роман «Овод» Э. Войнич, а также романы «В огне» (*Le Feu (Journal d'une escouade)*, 1916; пер. с фр. Г. Арденина) А. Барбюса, «Жан-Кристоф» (*Jean-Christophe*, 1904–1912) Р. Роллана, пьесы «Смерть Дантона» (*Dantons Tod*, 1835) Г. Бюхнера, «Ткачи» (*Die Weber*, 1892) Г. Гауптмана, «Жан и Мадлена» (оригинальное название — *Les Mauvais bergers*, 1898) О. Мирбо; в серии «Утопические романы» были опубликованы «Утопия» (оригинальное название — *Libellus vere aureus, nec minus salutaris quam festivus, de optimo rei publicae statu deque nova insula Utopia*, 1516) Т. Морра и «Город Солнца» (*Civitas Solis*, 1602) Т. Кампанеллы.

²⁰ Это издательство было образовано в конце июня 1918 года путем объединения «Прибоя», «Волны» и «Жизни и знания» (в этом издательстве вышли роман «Крестьянин» (*Der Büttnerbauer*, 1895; пер. с нем. В.М. Бонч-Бруевич (Величкина); 5-е изд.) В. фон Поленца, а также рассказы «Хирург» (*Kirurgen*, 1905; пер. с дат. В.М. Бонч-Бруевич (Величкина)) О. Рунга и «Уличный торговец» (оригинальное название — *L'Affaire Crainquebille*, 1901; пер. с фр. В.М. Бонч-Бруевич (Величкина)) А. Франса). Деятельность «Коммуниста» регулировали две коллегии — редакционная, в которую входили В.Д. Бонч-Бруевич, М.С. Ольминский и И.И. Скворцов-Степанов (кроме того, в редколлегия включили М. Горького), и хозяйственная, в состав которой вошли И.Э. Гуковский (1871–1921), Ф.И. Драбкина (1883–1957) и К.Т. Новгородцева-Свердлова (1876–1960) (подробнее см.: [24]; [25]; [3, т. 1, с. 132–139]). Проработало издательство всего 11 месяцев (до мая 1919 года). Издательский план выпуска художественной литературы был разработан Горьким; в него входили произведения Демьяна Бедного, С.И. Гусева-Оренбургского, С. Скитальца, А.С. Серафимовича и других.

²¹ О предыстории создания Госиздата см. в: [3, т. 1, с. 173–177].

²² Подробнее о первых годах работы Госиздата см.: [26]. Также см.: [27].

²³ Документ опублик. в: [8, с. 213–214].

художественных изданий» отныне курировались Госиздатом. (Позднее, уже в первой половине 1920-х, Госиздат выступит в роли институционального посредника между молодым советским государством и странами Запада²⁴.) В сформированную позднее Центральную редакционную коллегию помимо Воровского вошли М.Н. Покровский (1868–1932), И.И. Скворцов-Степанов (1870–1928) и В.И. Невский (наст. имя — настоящее имя Феофанович Кривоногов (1876–1937)). Однако вскоре состав этой редколлегии изменился в связи с уходом Воровского с поста руководителя Госиздата; его преемником стал Скворцов-Степанов, которого в июле 1920 г. командировали на фронт. Тогда же главой Госиздата был назначен Н.Л. Мещеряков (1865–1942). Изначально заданная публикационная многопрофильность, или, если быть точнее, *универсальность*, выразилась институционально. Структура Госиздата включала в себя шесть отделов: научный, агитационно-пропагандистский, научно-популярный по общественным наукам (с 1920 г. — политико-просветительный), педагогический и детский, литературно-художественный²⁵; позднее к ним прибавился и библиографический. (В 1920 году педагогический и детский, а также литературно-художественный отделы упразднили, а на его месте возник сельскохозяйственный.) Выпуск иностранной литературы в Госиздате не был приоритетным направлением его работы; более того, с достаточной долей уверенности можно говорить о том, что публикация произведений зарубежных авторов происходила по остаточному принципу. Так, в период с 1919-го по 1921 г. Госиздатом было выпущено больше 200 наименований книг, из которых всего 25 пришлось на зарубежную художественную литературу (включая книги, вышедшие в издательствах, с мая 1919 г. подведомственных Госиздату). Среди изданных произведений были романы «Еврей» (*En Jøde*, 1845) М. Гольдшмита, «Марсельцы» (оригинальное название — *Li Rouge dou Miejour*, 1896; 3-е изд.), «Борьба за огонь» (*La Guerre du feu*, 1909) Ж. Рони-старшего, «Джимми Хиггинс» (*Jimmie Higgins*, 1919) Э. Синклера, «Горные орлы» (оригинальное название — *Maryna z Hrubego*, 1910) К. Тетмайера, «Товарищ Иетта» (*Comrade Yetta*, 1913) А. Эдвардса,

²⁴ Подробнее об этом сюжете в истории советско-западных культурных взаимоотношений см.: [28]; [29]; [30].

²⁵ См.: [3, т. 1, с. 180]. В редколлегия Литературно-художественного отдела в августе 1919 г. были включены Ю.К. Балтрушайтис (1903–1988), В.Я. Брюсов (1873–1924), В.В. Воровский, И.В. Жолтовский (1867–1959), А.С. Серафимович (1863–1949) и В.М. Фриче (1870–1929). В 1920 году функции литературно-художественного отдела перешли к ЛИТО Наркомпроса.

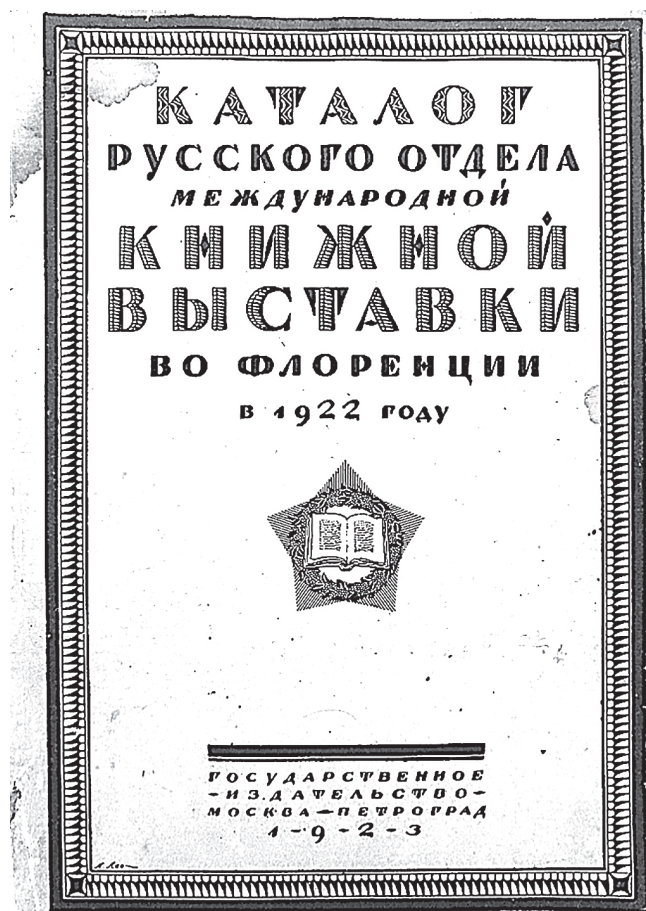

Рис. 4. Обложка каталога русского отдела международной книжной выставки во Флоренции в 1922 г. (М.; Пг., 1923)

а также пьеса «Перед восходом солнца» (*Vor Sonnenaufgang*, 1889) Г. Гауптмана. Столь незначительные в процентном отношении (за период с 1919-го по 1921 г. удельный вес изданных произведений зарубежной литературы составил около 10% от всей произведенной Госиздатом печатной продукции²⁶) показатели объясняются тем, что негласным монополистом в деле публикации произведений зарубежной литературы оставалась горьковская «Всемирная литература». Позднее, в конце 1924 – начале 1925 г., Госиздат поглотит «Всемирную литературу»; однако до этого горьковский проект будет сохранять известную автономию²⁷.

²⁶ Представление об объеме вышедшей в Госиздате в 1920-е печатной продукции позволяют сформировать многочисленные отчетно-справочные издания, появившиеся в те же годы; см., например: [31]; [32]; [33].

²⁷ Непростые взаимоотношения между «Всемирной литературой» и Госиздатом привели к тому, что автономный статус горьковского проекта потребовалось подтверждать на самом высоком уровне. Весной 1921 г. было утверждено предложенное Комиссией ЦК РКП(б) «Постановление о взаимоотношениях между Госиздатом и «Всемирной литературой» за подписями Каменева, Зиновьева и Преображенского

Итоги этого краткосрочного периода развития книгоиздательской индустрией были подведены на международной книжной выставке во Флоренции, которая открылась в Палаццо Романо в окрестностях Флоренции 7 мая 1922 г.²⁸ На этой выставке Советская Россия продемонстрировала достижения «нового» книгоиздания. Основную долю представленных книг составляла продукция Госиздата, отдельным пунктом учитывались издания «Всемирной литературы»; на выставке были представлены 6 ведомственных и 35 частных издательств. По сведениям из позднее изданного каталога (сост. Л.К. Ильинский (1878–1934); вступ. статья И.И. ИONOва (1887–1942)), «Русская секция была самым популярным пунктом всей выставки. Еще до того, как она стала доступной для обозрения (открытие русской части несколько запоздало по сравнению с другими отделами выставки), зала, убранная красным сукном и украшенная изображением серпа и молота, привлекала всеобщее внимание посетителей выставки. После открытия русской секции интерес, проявленный к ней, еще более возрос. Прежде всего поражало людей, впервые знакомящихся с издательским делом в России после революционного периода, обилие книг, вышедших за последние годы: русская секция заключала в себе свыше тысячи экспонатов, составляя один из самых обширных отделов выставки» [36, с. XII–XIII]²⁹. Закономерным был тот факт, что именно продукция Госиздата и подведомственных ему издательств стала основой показанной на выставке книжной коллекции. Переводные издания иностранной литературы составили около 12,5% от общего числа отобранных руководством Госиздата для выставки томов (80(81) из 638)³⁰ и были представлены книгами, вышедшими относительно небольшими тиражами под госиздатовской маркой, марками подведомственных издательств

(заверенную машинопись см.: АГ. Ф. М.Ф. Андреевой. КГ-изд 4-30-1). Однако это постановление оказалось лишь временной мерой; неослабевающая эскалация этого конфликта в итоге привела к закрытию «Всемирной литературы» 13 января 1925 года (подробнее об этом см.: [34]).

²⁸ До этого Россия участвовала на Международной выставке печатного дела и графики в Лейпциге в 1914 году (*Internationale Ausstellung für Buchgewerbe und Graphik, Leipzig 1914*); см.: [35].

²⁹ Там же были напечатаны выбранные фрагменты статей из итальянской периодики, содержащие положительную оценку Русской секции (см.: [36, с. XIII–XVI]).

³⁰ Примечательно, что книга *Kraskrem!* (1922) А. Гильбо была издана тиражом 2000 экземпляров по-французски. К числу иностранных произведений по ошибке была отнесена поэма «Уот Тайлер» (1922) А.П. Глобы.

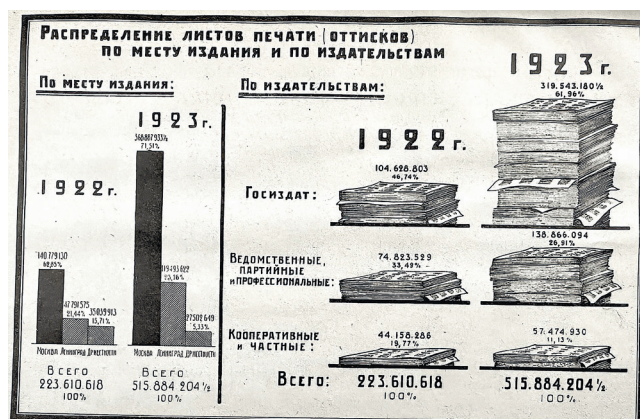
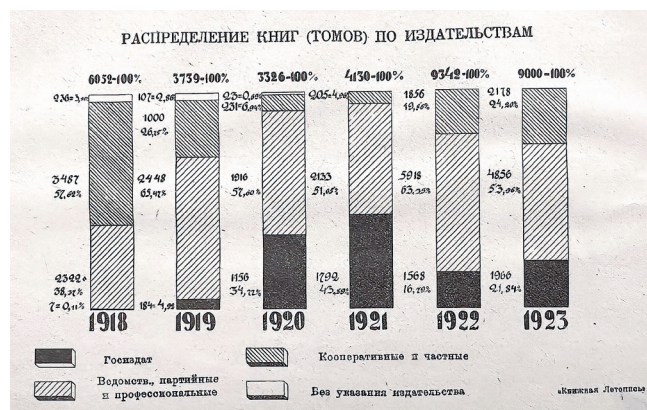

Рис. 5. Диаграммы по материалам «Книжной летописи» (из кн.: Яницкий Н.Ф. Книжная статистика Советской России: 1918–1923. М., 1924. [Б. с.])

(27 (28)), а также под маркой «Всемирной литературы» (53)³¹.

В рамках ленинского курса на новую экономическую политику (НЭП), начало которой связывают с декретом ВЦИК от 21 марта 1921 г., принятым на основании решений X съезда РКП(б), намечилось послабление партийной политики в области печати и, следовательно, нормализация издательского курса³². С конца сентября 1921 г. ЦО РСФСР позволил частным лицам арендовать для своих нужд государственные типографии, а уже 12 декабря Совнарком принял Декрет «О частных издательствах»³³ за подписями А.Д. Цюрупы (1870–1928), Н.П. Горбунова (1892–1938) и Л.А. Фотиевой (1881–1975). Согласно этому Декрету,

2. Для возникновения издательства требуется разрешение Государственного Издательства или соответствующего местного органа, которое немедленно сообщается Главному Управлению Государственного Издательства на утверждение.

3. Издательства могут иметь собственные типографии, конторы, редакторские и проч. кабинеты, склады, магазины и т.д., а также арендовать таковые у правительства и частных владельцев с соблюдением установленных на этот предмет правил. Приобретение или аренда типографии может осуществляться лишь с разрешения Президиума Высшего Совета Народного Хозяйства и согласия Государственного Издательства и Центрального Комитета Печатников <...>.

4. Издательствам предоставляется заготавливать за границей книги, картины и другие произведения печати и ввозить их в Россию с соблюдением действующих узаконений и правил о ввозе товаров из-за

границы и с разрешения в каждом случае Государственного Издательства.

5. Издательствам принадлежит право свободно сбывать по вольной цене произведения печати, изданные на собственные их средства, без субсидии со стороны государства. Государственное Издательство и его органы на местах имеют право преимущественной покупки всего издания или части его по ценам, установленным по соглашению, но не свыше оптовой цены.

6. Кооперативные издательства образуются в форме кооперативных товариществ авторов или в смешанном составе писателей, ученых, художников с труженниками печатного и книжного дела.

<...>

10. Книги, изданные без надлежащего разрешения, конфискуются и поступают в распоряжение Государственного Издательства, а издатели их привлекаются к судебной ответственности. <...>³⁴

С момента вступления в силу основных положений этого Декрета советское книгоиздание превратилось в индустрию, способную в короткие сроки «утолить» возникший еще в 1917–1918 гг. «книжный голод»³⁵ и наполнить рынок самой разнообразной книжной продукцией. Так, уже в конце 1921 — начале 1922 г. из общего числа книг, выпущенных частными и кооперативными издательствами,

³⁴ Цит. по: Там же.

³⁵ Именно так, по дневниковому свидетельству А.А. Блока, на первом заседании (17 января 1918 г.) Литературно-художественной комиссии при Литературно-издательском отделе Наркомпроса П.И. Лебедев-Полянский охарактеризовал обстановку пореволюционных лет: «Положение сейчас таково: книжный голод. Со всех сторон (Советы) — требование на книги. Книг нет, классиков можно доставать по чудовищным и произвольным ценам. Никто больше не имеет права издавать классиков без соблюдения известных условий (декрет). (То есть нельзя больше наживаться чрезмерно, можно оплачивать только труд.) Все издания, изданные без соблюдения этих условий (представления подробного расчета в министерство), будут конфисковываться» (цит. по: [39, т. 7, с. 320]).

³¹ Полный библиографический перечень см. в Приложении к настоящей статье.

³² Подробнее о партийной политике в области частного книгоиздания тех лет см.: [37]; [38].

³³ Документ опублик. в: Известия. 1921. № 284. 17 декабря.

художественная литература составляла 34%³⁶, книги по искусству — 23%, социально-политическая литература — 21%, техническая — 8%³⁷. Однако доля книжной продукции, вышедшей в частных и кооперативных издательствах в указанный период, все равно оставалась сравнительно небольшой, что подтверждается книжной статистикой тех лет³⁸. Так начался новый этап в истории советского книгоиздания, определивший перемену в отношении советских интеллектуалов к идее «мировой литературы» (см.: [41]).

Приложение

Произведения иностранной литературы, изданные Госиздатом и «Всемирной литературой» на книжной выставке во Флоренции (1922 год)

Библиографический список³⁹

Госиздат и подведомственные ему издательства

- 1) *Барбюс А.* В огне: (Дневник одного взвода) / Пер. с фр.; предисл. Максима Горького. 2-е изд. Пг.: Петроградский совет рабочих и красноармейских депутатов, 1919. 299, [5] с.;
- 2) *Барбюс А.* В огне: (Дневник одного взвода) / Пер. с фр.; предисл. Максима Горького. 3-е изд. Пг.: Петроградский совет рабочих и красноармейских депутатов, 1919. 299, [5] с.;
- 3) *Брамсон К.* Золото: Драма в четырех действиях / Пер. с дат. А.В. Ганзен. Пб.: Государственное издательство, 1920. 112 с.;
- 4) *Верхарн Э.* Черные факелы / Пер. с фр. М.: Государственное издательство, 1922. 41, [1] с.;
- 5) *Гауптман Г.* Пред восходом солнца: Драма в пяти действиях / Пер. с нем. Пг.: Петроградский совет рабочих и красноармейских депутатов, 1919. 79, [1] с. (переиздание: Пг.: Государственное издательство, 1920);
- 6) *Гольдшмидт М.* Еврей / Пер. с дат. М.П. Благовещенской. Пг.: Государственное издательство, 1919 (на обложке: 1920). 221, [3] с.;
- 7) *Гра Ф.* Марсельцы: Повесть из времен французской революции / Пер. с прованс. 3-е изд. [Пг.]: Петроградский совет рабочих и красноармейских депутатов, 1918 (на обложке: 1919). 128 с.;
- 8) *Лангман Ф.* Бартель Туразер: Драма из жизни рабочих / Пер. с нем. Пг.: Петроградский совет рабочих и красноармейских депутатов, 1919. 52 с. (переиздание: Пг.: Государственное издательство, 1920);
- 9) *Мериме П.* Жакерия / Пер. с фр. З.А. Венгеровой; под ред. Е.Г. Лундберга. М.: Государственное издательство, 1919 (на обложке: 1920). 169, [1] с. (Социально-исторические романы и драмы);
- 10) *Мирбо О.* Жанъ и Мадлена: Драма в пяти действиях / Пер. с фр. М.В. Ватсон. 2-е изд. Пб.: Государственное издательство, 1921. 84 с.;
- 11) *Мор Т.* Утопия / Пер. с латинск. А.Г. Генкель; С биографическим очерком и портретом Т. Мора. 3-е изд., испр. и доп. Пг.: Петроградский совет рабочих и красноармейских депутатов, 1918. 163, [1] с. (Серия утопических романов);
- 12) *Моррис В.* Вести ниоткуда: Утопия / Пер. с англ. Пг.: Петроградский совет рабочих и красноармейских депутатов, 1918. 163, [1] с.;
- 13) *Роллан Р.* В стороне от схватки / Пер. с фр. А.Ф. Даманской. Пг.: Петроградский совет рабочих и красноармейских депутатов, 1919. 160 с.;
- 14) *Роллан Р.* Жанъ Кристофъ / Пер. с фр. А.Ф. Даманской; предисл. Ю.И. Айхенвальда. [Пг.]: Петроградский совет рабочих и красноармейских депутатов, 1918. Т. 1. Заря. 164 с.;
- 15) *Роллан Р.* Жанъ Кристофъ / Пер. с фр. К.М. Жихаревой; предисл. Ю.И. Айхенвальда. [Пг.]: Петроградский совет рабочих и красноармейских депутатов, 1919. Т. 2. Утро. 127, [1] с.;
- 16) *Роллан Р.* Жанъ Кристофъ / Пер. с фр. А.Ф. Даманской и К.М. Жихаревой; предисл. Ю.И. Айхенвальда. [Пг.]: Петроградский совет рабочих и красноармейских депутатов, 1920. Т. 3. Юность. 170, [2] с.;
- 17) *Роллан Р.* Жанъ Кристофъ / Пер. с фр. К.М. Жихаревой; предисл. Ю.И. Айхенвальда. [Пг.]: Петроградский совет рабочих и красноармейских депутатов, 1918. Т. 5. Ярмарка на площади. 206, [2] с.;
- 18) *Роллан Р.* Жанъ Кристофъ / Пер. с фр. А.Ф. Даманской; предисл. Ю.И. Айхенвальда. [Пг.]: Петроградский совет рабочих и красноармейских депутатов, 1918. Т. 7. Сердце Франции. 200 с.;
- 19) *Роллан Р.* Жанъ Кристофъ / Пер. с фр. А.Ф. Даманской; предисл. Ю.И. Айхенвальда. [Пг.]:

³⁶ В обстановке «бумажного кризиса» иностранная литература в весьма ограниченном объеме выходила в 1918–1921 гг. в кооперативных и частных издательствах, среди которых: «Алконост» (1818–1923), «Альциона» (1910–1923), «Задруга» (1911–1922), Издательство М. и С. Сабашниковых (1891–1930), Издательство З.И. Гржебина (1919–1929), «Книгоиздательство писателей в Москве» (1912–1923), «Колос» (1918–1926), «Мир» (1906–1934), «Посредник» (1884–1935), Товарищество И.Д. Сытина (1883–1924), «Эпоха» (1921–1925).

³⁷ Данные приводятся по: [3, т. 2, с. 116].

³⁸ Диаграммы, основанные на данных «Книжной летописи», приводятся по: [5]. Для точности отметим, что методы статистики как научной дисциплины на тот момент еще не вполне устоялись. Именно поэтому иные данные на том же материале предложены в: [40].

³⁹ Список приводится по упомянутому каталогу выставки [36, с. 107–139]; библиографические описания даются в алфавитном порядке, тогда как в каталоге они рассредоточены по нескольким разделам и объединены с изданиями российских / советских авторов.

- Петроградский совет рабочих и красноармейских депутатов, 1919. Т. 9. Неопалимая купина. 228 с.;
- 20) *Роллан Р. Жанъ Кристофъ* / Пер. с фр. А.Н. Горлина; предисл. Ю.И. Айхенвальда. [Пг.]: Петроградский совет рабочих и красноармейских депутатов, 1922. Т. 10. Грядущий день. 224, [2] с.;
- 21) *Рони-старший Ж. Борьба за огонь: Доисторический роман* / Пер. с фр. М.: Государственное издательство, 1920. 107, [1] с.;
- 22) *Синклер У. Джимми Хиггинс* / Пер. с англ. М.А. Дьяконова. Пб.: Государственное издательство, 1922. 328, [2] с.;
- 23) *Стивенсон Р.Л. Детский цветник стихов* / Пер. с англ. Ю.К. Балтрушайтиса, К.Д. Бальмонта, В.Я. Брюсова, Я.П. Мексина, О.Б. Румера, В.Ф. Ходасевича. М.: Издательство Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (на обложке: Государственное издательство), 1920. 30, [1] с.
- 24) *Тетмайер К. Горные орлы: Повесть из времен восстаний карпатских крестьян в XVI столетии* / Пер. с польск. Пб.: Государственное издательство, 1920. 243, [1] с.;
- 25) *Фич-Перкинс Л. Маленькие японцы* / Пер. с англ. [М.]: Государственное издательство, 1921. 91, [1] с.;
- 26) *Эдвардс А. Товарищ Иетта* / Авториз. пер. с англ. М.А. Дьяконова; предисл. З.А. Венгеровой. Пб.: Государственное издательство, 1919. VIII, 268, [1] с.;
- 27) *Guilbeaux H. Kraskreml* / [На фр. языке]. Petersburg: Edition de la Librairie d'Etat, 1922. 13, [3] с.;
- «Всемирная литература»**
- 28) Баллады о Робин Гуде / [Пер. Вс.А. Рождественского, А.И. Пиотровского, Н.С. Гумилева, Г.В. Адамовича, Г.В. Иванова]; под ред. Н.С. Гумилева; предисл. М. Горького. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919. 97, [6] с. (Всемирная литература. [Англия]; Вып. № 8);
- 29) *Бальзак О. де. Собр. соч.* / Пер. с фр.; под ред. Ф.Д. Батюшкова. Пб.: Государственное издательство, 1920. Т. 12. Крестьяне / Пер. с фр.; предисл. Ф.Д. Батюшкова. (Всемирная литература. [Франция]);
- 30) *Банг Г. Четыре дьявола* / Пер. с дат. Ф.К. Сологуба; предисл. А.Я. Левинсона. Пб.: «Всемирная литература» при Государственном издательстве, 1919 (на обложке: 1920). 84, [4] с. (Всемирная литература. [Дания]; Вып. № 38);
- 31) *Беранже П.Ж. Песни* / Пер. с фр.; под ред. и с предисл. Н.О. Лернера. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919. 84, [12] с. (Всемирная литература. [Франция]; Вып. № 18);
- 32) *Бласко Ибаньес В. Валенсианские рассказы* / [Пер. с исп. А.И. Вальтер]; под ред. и с предисл. Е.А. Френкель. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919. 143, [1] с. (Всемирная литература. [Испания]; Вып. № 24);
- 33) *Бласко Ибаньес В. Избр. соч.* / Пер. с исп.; под ред. и с предисл. Е.А. Френкель. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919–1920. Т. 3. Проклятый хутор. 1919. 180, [4] с. (Всемирная литература. [Испания]);
- 34) *Бласко Ибаньес В. Избр. соч.* / Пер. с исп.; под ред. и с предисл. Е.А. Френкель. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919–1920. Т. 10. Власть мертвых / Пер. с исп. А.И. Вальтер; предисл. Е.А. Френкель. 312, [4] с. (Всемирная литература. [Испания]);
- 35) *Браун Л. Избр. соч.* / Пер. с нем.; под ред. Влад. Азова. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919. Т. 1. Письма маркизы / Пер. с нем. Э.К. Пименовой; предисл. Р. Григорьева. 310, [6] с. (Всемирная литература. [Германия]);
- 36) *Вольтер. Белый бык* / [Пер. с фр. В.И. Засулич]; под ред. и с предисл. Ф.Д. Батюшкова. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919. 84, [4] с. (Всемирная литература. [Франция]; Вып. № 23);
- 37) *Вольтер. Кандид* / Пер. с фр. Ф.К. Сологуба; под ред. и с предисл. Ф.Д. Батюшкова. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919. 143, [9] с. (Всемирная литература. [Франция]; Вып. № 16);
- 38) *Вольтер. Повести* / Пер. с фр. N.N., А.Л. Соколовского; под ред. и с предисл. Ф.Д. Батюшкова. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919. 135, [1] с. (Всемирная литература. [Франция]; Вып. № 17);
- 39) *Вольтер. Принцесса Вавилонская* / Пер. с фр.; под ред. и с предисл. Ф.Д. Батюшкова. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1920. 189, [5] с. (Всемирная литература. [Франция]; Вып. № 35).
- 40) *Гейерманс Г. Город брильянтов: (Сокращенное издание)* / Пер. с нидер. С.Ж.; под ред. и с предисл. А.Г. Горнфельда. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, МСМХХII [1922]. 188, [4] с. (Всемирная литература. [Голландия]; Вып. № 46);
- 41) *Гейерстам Г. Любовь и другие рассказы* / [Пер. со швед. А.Я. Острогорской]; предисл. А.В. Ганзен. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919. 88, [1] с. (Всемирная литература. [Швеция]; Вып. № 7);
- 42) *Гонкур Э. де. Избр. соч.* / Пер. с фр.; под ред. А.Я. Левинсона. Пб.: «Всемирная литература» при

- Народном комиссариате по просвещению, 1919. Т. 6: Братья Земганно / Пер. с фр. З.Н. Журавской; с послесл. А.Я. Левинсона. 163, [1] с. (Всемирная литература. [Франция]; Вып. [№ 9]);
- 43) *Гюго В.* Последний день осужденного / [Пер. с фр. А.Я. Брюсова]; под ред. и с предисл. В.Я. Брюсова. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919. 135, [1] с. (Всемирная литература. [Франция]; Вып. № 27);
- 44) *Д'Аннунцио Г.* Пескарские рассказы / [Пер. с итал. З.А. Венгеровой]; под ред. и с предисл. Р. Григорьева. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919. 143, [1] с. (Всемирная литература. [Италия]; Вып. № 4);
- 45) *Деледда Г.* Сардинские рассказы / Пер. с итал. и предисл. Р. Григорьева. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919. 103, [1] с. (Всемирная литература. [Италия]; Вып. № 9);
- 46) *Диккенс Ч.* Избр. соч. / Пер. с англ.; под ред. К.И. Чуковского. Пб.: «Всемирная литература» при Государственном издательстве, 1919 (на обложке: 1920). Т. 22: Повесть о двух городах / Пер. с англ. Е.Г. Бекетовой; вступ. ст. К.И. Чуковского. 461, [3] с. (Всемирная литература. [Англия]);
- 47) *Доде А.* Письма с моей мельницы / [Пер. с фр. Н.Е. Эфроса]; под ред. и с предисл. А.Н. Чеботаревской. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919. 176, [8] с. (Всемирная литература. [Франция]; Вып. № 29);
- 48) *Ибн Туфейль.* Роман о Хайе, сыне Якзана / Пер. с араб. И.П. Кузмина; под ред. И.Ю. Крачковского; предисл. И.П. Кузмина. Пб.: Государственное издательство, МСМХХ [1920]. 108, [4] с. (Всемирная литература. [Арабы]; [б. н.]);
- 49) *Йенсен Й.В.* Гиммерландские рассказы / Пер. с дат. А.В. и П.Г. Ганzenов; под ред. и с предисл. А.В. Ганzen. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919. 106, [6] с. (Всемирная литература. [Дания]; Вып. № 25);
- 50) *Колридж С.Т.* Поэма о старом моряке / Пер. с англ. и предисл. Н.С. Гумилева. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919. 39, [1] с. (Всемирная литература. [Англия]; Вып. № 19);
- 51) *Костер Ш. де.* Избр. соч. / Пер. с фр.; под ред. А.Г. Горнфельда. Пб.: «Всемирная литература» при Государственном издательстве, 1919. Т. 1. Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке, ихключениях, отважных, забавных и достославных, во Фландрии и иных странах / Пер. с фр. с примеч. и вступ. ст. А.Г. Горнфельда. 1919 (на обложке: 1920). 293 с. (Всемирная литература. [Бельгия]; Вып. [№ 11]);
- 52) *Лесаж А.Р.* Избр. соч. / Пер. с фр.; под ред. Ф.Д. Батюшкова. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1920. Т. 1. Хромой бес. Тюркаре / Пер. с фр.; вступ. ст. и примеч. Ф.Д. Батюшкова и В.П. Острогорского. 1920. 346, [6] с. (Всемирная литература. [Франция]);
- 53) Литература Востока: Сб. ст.: В 2 вып. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919–1920. 68, [12] с. + 174, [2] с.;
- 54) *Лондон Д.* Закон белого человека и другие рассказы / Пер. с англ. Е.Л. Бройдо; под ред. Е.И. Замятина. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919. 84, [12] с. (Всемирная литература. [Америка]; Вып. № 22);
- 55) *Лондон Д.* Путь морозных солнц: Рассказы / Пер. с англ. Н.А. Пушешникова; под ред. Е.И. Замятина. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1920. 102, [2] с. (Всемирная литература. [Америка]; Вып. № 43);
- 56) *Лондон Д.* Сын волка и другие рассказы / Пер. с англ. Е.Л. Бройдо; под ред. Е.И. Замятина. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919. 118, [10] с. (Всемирная литература. [Америка]; Вып. №. 13);
- 57) *Мирбо О.* Деревенские рассказы / [Пер. с фр. А.Н. Чеботаревской]; предисл. Р. Григорьева. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919. 76, [4] с. (Всемирная литература. [Франция]; Вып. № 1);
- 58) *Мишле Ж.* Жанна Д'Арк / Пер. с фр. Т.А. Быковой, Е.Ч. Скржинской, М. Клименко; под ред. и с предисл. О.А. Добиащ-Рождественской. Пб.: «Всемирная литература» при Государственном издательстве, 1920. 166, [2] с. (Всемирная литература. [Франция]; Вып. № 45);
- 59) *Мишле Ж.* Кордельеры и Дантон / Пер. с фр. Т.А. Быковой; под ред. и с предисл. О.А. Добиащ-Рождественской. Пб.: «Всемирная литература» при Государственном издательстве, 1920. 136, [8] с. (Всемирная литература. [Франция]; Вып. 44);
- 60) *Мопассан Г. де.* В деревне и другие рассказы / Пер. с фр. А.Н. Чеботаревской, Е.В. Святловского, С.М. Городецкого, А.С. Элиасберга, И.Г. Смилович; предисл. Р. Григорьева. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919 (на обложке: 1920). 125, [3] с. (Всемирная литература. [Франция]; Вып. № 32);
- 61) *Мопассан Г. де.* Избр. соч. / Пер. с фр.; под ред. Ф.К. Сологуба. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919. Т. 2. Милый друг / Пер. с фр. А.Н. Чеботаревской; [послесл. Ф.К. Сологуба]. 1919. 315, [5] с. (Всемирная литература. [Франция]);
- 62) *Мопассан Г. де.* Избр. соч. / Пер. с фр.; под ред. Ф.К. Сологуба. Пб.: «Всемирная литература» при

- Народном комиссариате по просвещению, 1919. Т. 5: Сильна как смерть / Пер с фр. Ф.К. Сологуба. 1919. 232, [8] с. (Всемирная литература. [Франция]);
- 63) *Мультатули*. Рассказы / Пер. с нидер. А.Н. Чеботаревской; предисл. Р. Григорьева. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919. 121, [7] с. (Всемирная литература. [Голландия]; Вып. № 2);
- 64) Мудрость Хикара и Басни Лукмана / Пер. с араб. И.П. Кузьмина и М.А. Салье; под ред. и с предисл. И.Ю. Крачковского. Пб.: Государственное издательство, 1920. 80, [1] с. (Всемирная литература. [Арабы]; Вып. № 54);
- 65) *Твен М.* Приключения Тома / Пер. с англ. З.Н. Журавской; под ред. и с предисл. К.И. Чуковского. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919. 271, [1] с. (Всемирная литература. [Америка]; Вып. № 3);
- 66) *Уайльд О.* Кэнтервильское привидение и другие сказки / Пер. с англ. М.Ф. Ликиардопуло, М. Ричардса (наст. имя — М.Ф. Ликиардопуло); под ред. К.И. Чуковского. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919. 105, [7] с. (Всемирная литература. [Англия]; Вып. № 12);
- 67) *Уайльд О.* Счастливый принц и другие сказки / Пер. с англ.; под ред. К.И. Чуковского. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1920. 74, [6] с. (Всемирная литература. [Англия]; Вып. № 10);
- 68) *Уэллс Г.* Избр. соч. / Пер. с англ.; под ред. Е.И. Замятина. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919. Т. 9. Война в воздухе / Пер. с англ. Э.К. Пименовой; предисл. Е.И. Замятина. 318, [2] с. (Всемирная литература. [Англия]);
- 69) *Уэллс Г.* Машина времени / [Пер. с англ. Э.К. Пименовой]; под ред. и со ст. Е.И. Замятина. Пб.: «Всемирная литература» при Государственном издательстве, 1920. 192 с. (Всемирная литература. [Англия]; Вып. № 36);
- 70) *Уэллс Г.* Спящий пробуждается / [Пер. с англ. Ек. Прейс]; под ред. Е.И. Замятина; предисл. Р. Григорьева. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919. 343, [9] с. (Всемирная литература. [Англия]; Вып. № 14);
- 71) *Федерер Г.* Прометей и другие рассказы / Пер. с нем. А.Ф. Даманской; под ред. А.Н. Тихонова. Пб.: «Всемирная литература»: Государственное издательство, МСМХХII [1922]. 131, [1] с. (Всемирная литература. [Германия]; Вып. № 33);
- 72) *Флобер Г.* Избр. соч. / Пер. с фр.; Под ред. А.Я. Левинсона. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919. Т. 2. Саламбо / Пер. с фр. Н.М. Минского; предисл. А.Я. Левинсона. 1919. 329, [7] с. (Всемирная литература. [Франция]);
- 73) *Флобер Г.* Избр. соч. / Пер. с фр.; под ред. А.Я. Левинсона. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919. Т. 3. Воспитание чувства / Пер. с фр. В.Н. Муромцевой. 1919. 456, [8] с. (Всемирная литература. [Франция]);
- 74) *Франс А.* Избр. соч. / Пер. с фр.; под ред. М.А. Кузьмина. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919—1922. Т. 6. Остров пингвинов / Пер. с фр. З.А. Венгеровой [на титульном листе ошибочно напечатано: «перевод Е. Бекетовой»]; предисл. М.А. Кузьмина. 1919. 260, [4] с. (Всемирная литература. [Франция]);
- 75) *Франс А.* Избр. соч. / Пер. с фр.; под ред. М.А. Кузьмина. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919—1922. Т. 9. Восстание ангелов: Повести и рассказы / [Пер. с фр. П.П. Муратова, З.Н. Журавской, Е.И. Маурина; предисл. М.А. Кузьмина. 1919 (на обложке: 1920). 354, [1] с. (Всемирная литература. [Франция]);
- 76) *Франс А.* Дело уличного торговца / Пер. с фр.; под ред. и с предисл. З.А. Венгеровой. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919. 54, [10] с. (Всемирная литература [Франция]; Вып. № 6);
- 77) *Франс А.* Сказка о сорочке / Пер. с фр. З.Н. Журавской; под ред. и с предисл. З.А. Венгеровой. Пб.: «Всемирная литература» при Государственном издательстве, 1920. 105, [7] с. (Всемирная литература. [Франция]; Вып. № 39);
- 78) *Франс А.* Чудо святого Николая / Пер. с фр.; под ред. и с предисл. З.А. Венгеровой. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919. 65, [7] с. (Всемирная литература. [Франция]; Вып. № 26);
- 79) *Шамиссо А. фон.* Чудесная история Петера Шлемиля / Пер. с нем.; под ред. и с предисл. Ф.А. Брауна. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919. 81, [7] с. (Всемирная литература. [Германия]; Вып. № 5);
- 80) *Шиллер Ф.* Разбойники / Пер. с нем. М.Е. Ратьковой; под ред. и с предисл. Б.М. Эйхенбаума. Пб.: «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, 1919. 203, [5] с. (Всемирная литература. [Германия]; Вып. № 21).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дэвид-Фокс М.* Витрины великого эксперимента: Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921—1941 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 561 с.

2. Издательское дело в первые годы Советской власти. (1917–1922): сб. документов и материалов. М.: Книга, 1972. 240 с.
3. История книги в СССР, 1917–1921: в 3 т. М.: Книга, 1983–1986.
4. Издание художественной литературы в РСФСР в 1919–1924 гг.: Путеводитель по фонду Госиздата М.: РОССПЭН, 2009. 462 с.
5. Яницкий Н.Ф. Книжная статистика Советской России: 1918–1923. М.: Госиздат, [1924]. 38 с.
6. Давыдова Т.Е. Литературно-издательский отдел Наркомпроса и его место в истории советской книги: Дис. ... канд. пед. наук. Л.: [б. и.], 1952. 454 с.
7. Динерштейн Е.А. Литературно-издательский отдел Наркомпроса (к истории создания отдела) // Вопросы литературы. 1970. № 7. С. 247–249.
8. О партийной и советской печати: Сб. документов. М.: Правда, 1954. 692 с.
9. Давыдова Т.Е. Литературно-издательский отдел Наркомпроса и его место в истории советской книги: Автореферат дис. ... канд. пед. наук. Л.: [б. и.], 1950. 15 с.
10. А.М. Горький — организатор издательства «Всемирная литература» // Исторический архив. 1958. № 2. С. 67–95.
11. М. Горький — издатель. М.: ИМЛИ РАН, 2024. 576 с.
12. В.И. Ленин и А.В. Луначарский: Переписка, доклады, документы. М.: Наука, 1971. 766 с. (Литературное наследство. Т. 80).
13. Шомракова И.А. Книгоиздательство «Всемирная литература» (1918–1924) // Книга: Исследования и материалы. М.: Книга, 1967. Сб. 14. С. 175–193.
14. Хлебников Л.М. Из истории Горьковских издательств: «Всемирная литература» и «Издательство З.И. Гржебина» // В.И. Ленин и А.В. Луначарский: Переписка, доклады, документы. М.: Наука, 1971. С. 668–703.
15. Никитин Е.Н. Книгоиздательство «Всемирная литература» (1918–1924) // Книга: Исследования и материалы. М.: Книга, 2008. Сб. 89. С. 188–214.
16. Никитин Е.Н. Книгоиздательство «Всемирная литература» (1918–1924) // Книга: Исследования и материалы. М.: Книга, 2009. Сб. 90. С. 158–183.
17. Ариас-Вихиль М.А., Полонский В.В. История издательства «Всемирная литература» в документах: Финансовый аспект (1918–1921 гг.) // Studia Litterarum. 2020. Т. 5. № 4. С. 374–393.
18. Зелинский К.Л. На рубеже двух эпох: Литературные встречи, 1917–1920. М.: Советский писатель, 1959. 337 с.
19. Каталог издательства «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению. Пб.: [б. и.], 1919. 170 с.
20. Литература Востока: Каталог изд-ва Всемирная литература при Нарком по просвещению. Пб.: [б. и.], 1919. 54 с.
21. Stalin Era Intellectuals: Culture and Stalinism. L., N.Y.: Routledge, 2023. XIV, 270 p.
22. World Literature in the Soviet Union / Ed. by G. Tihanov, A. Lounsbury, R. Djagalov. Boston: Academic Studies Press, 2023. 278 p.
23. История русской литературной критики: Советская и постсоветская эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 791 с.
24. Толмачев А.В. Издательство ЦК РКП(б) «Коммунист» // Вопросы истории КПСС. 1969. № 3. С. 103–105.
25. Динерштейн Е.А. К истории объединения партийных издательств в 1918 году // Книга и графика: сб. статей. М.: Наука, 1972. С. 29–35.
26. Динерштейн Е.А. Положившие первый камень: Госиздат и его руководители [В.В. Воровский, Н.Л. Мещеряков, О.Ю. Шмидт]. М.: Книга, 1972. 173 с.
27. Мещеряков Н. Государственное издательство и книжное дело в Советской России // Журналист. 1923. № 5. С. 10–17.
28. Kratz G. Russische Verlage und Druckereien in Berlin: 1918–1941 // Chronik russischen Lebens in Deutschland 1918–1941. Berlin: Akademie Verlag, 1999. S. 501–569.
29. Крац Г. Зарубежная русская книга на книжных выставках в Советской России (1921–1923) — Советская на выставках в странах русского зарубежья (1924–1928) // Toronto Slavic quarterly. 2010. № 34. С. 54–74.
30. Крац Г. Московская «Выставка немецкой книги» (1923 г.) // Книга: Исследования и материалы. М.: Книга, 2012. Сб. 95. С. 85–97.
31. Списки книг, изданных Государственным издательством до 1-го апреля 1920 года. М.: Госиздат, 1920. 13 с.
32. Государственное издательство: Отчет о деятельности на 1 декабря 1920 г. М.: Госиздат, 1920. 56 с.
33. Государственное издательство в 1922 г. М.: Госиздат, 1924. 139 с.
34. Иванова Е.В., Чечнёв Я.Д. Как и почему было закрыто издательство «Всемирная литература» (по материалам из Архива А.М. Горького ИМЛИ РАН) // Studia Litterarum. 2022. Т. 7. № 2. С. 366–391.
35. Международная выставка печатного дела и графики в Лейпциге. Каталог Русского отдела. [СПб.: Типография «Сириус», 1914]. 265 с.
36. Каталог русского отдела международной книжной выставки во Флоренции в 1922 году. М., Пг.: Госиздат, 1923. XXXIV, 321 с.
37. Горшков Ю.А. Государство и частные книгоиздательства в 20-е годы: Варианты регулируемых отношений // Книга: Исследования и материалы. М.: Книга, 1993. Сб. 65. С. 83–101.

38. Свиченская М.К. Кооперативное книгоиздание, 1917–1930 гг.: Основные этапы государственной политики // Книга: Исследования и материалы. М.: Книга, 1996. Сб. 72. С. 101–128.
39. Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1960–1963.
40. Ильинский Л.К. Книжная летопись за полтора года (1918 и 1919, № 1–24). Пг.: Госиздат, 1921. 72 с.
41. Франк С. Проект многонациональной советской литературы как нормативный проект мировой литературы (с имперскими импликациями) // Имагология и компаративистика. 2019. № 11. С. 230–247.

REFERENCES

1. Devid-Foks, M. *Vitriny velikogo eksperimenta: Kulturnaia diplomatiia Sovetskogo Soiuza i ego zapadnye gosti, 1921–1941 gody* [Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 561 p. (In Russ.)
2. *Izdatelskoe delo v pervye gody Sovetskoi vlasti. (1917–1922): Sb. dokumentov i materialov* [Publishing in the First Years Of Soviet Power. (1917–1922): Collection of Documents and Materials]. Moscow: Kniga Publ., 1972. 240 p. (In Russ.)
3. *Istoriia knigi v SSSR, 1917–1921: V 3 t.* [History of the Book in the USSR, 1917–1921: In 3 Vols.]. Moscow: Kniga Publ., 1983–1986. (In Russ.)
4. *Izдание khudozhestvennoi literatury v RSFSR v 1919–1924 gg.: Putevoditel po fondu Gosizdata* [Publishing Fiction in the RSFSR in 1919–1924: A Guide to the Gosizdat Fund]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2009. 462 p. (In Russ.)
5. Ianitskiy, N.F. *Knizhnaia statistika Sovetskoi Rossii: 1918–1923* [Book Statistics of Soviet Russia: 1918–1923]. Moscow: Gosizdat Publ., [1924]. 38 p. (In Russ.)
6. Davydova, T.E. *Literaturno-izdatel'skii otdel Narkomprosa i ego mesto v istorii sovetskoi knigi: Dis. ... kand. ped. nauk* [Literary and Publishing Department of Narkompros and Its Place in the History of the Soviet book: Thesis of Candidate of Pedagogical Sciences]. Leningrad: [no indication of the publisher], 1952. 454 p. (In Russ.)
7. Dinershtein, E.A. *Literaturno-izdatel'skii otdel Narkomprosa (k istorii sozdaniia otdela)* [Literary and Publishing Department of the Narkompros (to the History of the Department)]. *Voprosy literatury* [Topics in the Study of Literature]. 1970, No. 7, pp. 247–249. (In Russ.)
8. *O partiinoi i sovetskoi pechati: Sb. dokumentov* [On the Party and Soviet press: Collection of Documents]. Moscow: Pravda Publ., 1954. 692 p. (In Russ.)
9. Davydova, T.E. *Literaturno-izdatel'skii otdel Narkomprosa i ego mesto v istorii sovetskoi knigi: Avtoreferat dis. ... kand. ped. nauk* [Literary and Publishing Department of Narkompros and Its Place in the History of the Soviet book: Abstract of the Thesis of Candidate of Pedagogical Sciences]. Leningrad: [no indication of the publisher], 1950. 15 p. (In Russ.)
10. A.M. Gorky – organizator izdatelstva “Vsemirnaia literatura” [A.M. Gorky – Founder of the World Literature Publishing House]. *Istoricheskii arkhiv* [Historical Archive]. 1958, No. 2, pp. 67–95. (In Russ.)
11. M. Gorky – izdatel [M. Gorky – Publisher]. Moscow: IMLI RAS Publ., 2024. 576 p. (In Russ.)
12. V.I. Lenin i A.V. Lunacharskiy: *Perepiska, doklady, dokumenty* [V.I. Lenin and A.V. Lunacharsky: Correspondence, Reports, Documents]. Moscow: Nauka Publ., 1971. 766 p. (In Russ.)
13. Shomrakova, I.A. *Knigoizdatelstvo “Vsemirnaia literatura” (1918–1924)* [World Literature Book Publishing House (1918–1924)]. *Kniga: Issledovaniia i materialy* [Book: Studies and materials]. Moscow: Kniga Publ., 1967, Comp. 14, pp. 175–193. (In Russ.)
14. Khlebnikov, L.M. *Iz istorii Gorkovskikh izdatelstv: “Vsemirnaia literatura” i “Izdatelstvo Z.I. Grzhebina”* [From the History of Gorky Publishing Houses: “World Literature” and “Z.I. Grzebin Publishing House”]. V.I. Lenin i A.V. Lunacharskiy: *Perepiska, doklady, dokumenty* [V.I. Lenin and A.V. Lunacharsky: Correspondence, Reports, Documents]. Moscow: Nauka Publ., 1971, pp. 668–703. (In Russ.)
15. Nikitin, E.N. *Knigoizdatelstvo “Vsemirnaia literatura” (1918–1924)* [World Literature Book Publishing House (1918–1924)]. *Kniga: Issledovaniia i materialy* [Book: Studies and Materials]. Moscow: Kniga Publ., 2008, Comp. 89, pp. 188–214. (In Russ.)
16. Nikitin, E.N. *Knigoizdatelstvo “Vsemirnaia literatura” (1918–1924)* [World Literature Book Publishing House (1918–1924)]. *Kniga: Issledovaniia i materialy* [Book: Studies and Materials]. Moscow: Kniga Publ., 2009, Comp. 90, pp. 158–183. (In Russ.)
17. Arias-Vikhil, M.A., Polonskiy, V.V. *Istoriia izdatelstva «Vsemirnaia literatura» v dokumentakh: Finansovyi aspekt (1918–1921 gg.)* [The History of the Publishing House “World Literature” in Documents: Financial Aspect (1918–1921)]. *Studia Litterarum*. 2020, Vol. 5, No. 4, pp. 374–393. (In Russ.)
18. Zelinskiy, K.L. *Na rubezhe dyukh epokh: Literaturnye vstrechi, 1917–1920* [At the Turn of Two Epochs: Literary Meetings, 1917–1920]. Moscow: Sovetskii pisatel Publ., 1959. 337 p. (In Russ.)
19. *Katalog izdatelstva “Vsemirnaia literatura” pri Narodnom komissariate po prosveshcheniiu* [Catalogue of the publishing house “World Literature” under the Narkomproses]. Peterburg: [no indication of the publisher], 1919. 170 p. (In Russ.)
20. *Literatura Vostoka: Katalog izd-va Vsemirnaia literatura pri Narkom po prosveshcheniiu* [Literature of the East: Catalogue of the Publishing House “World Literature” under the Narkomproses]. Peterburg: [no indication of the publisher], 1919. 54 p. (In Russ.)

21. Stalin Era Intellectuals: Culture and Stalinism. London, New York: Routledge Publ., 2023. XIV, 270 p. (In English)
22. World Literature in the Soviet Union. Ed. by G. Tihanov, A. Lounsbury, R. Djagalov. Boston: Academic Studies Press, 2023. 278 p.
23. *Istoriia russkoi literaturnoi kritiki: Sovetskaia i post-sovetskaia epokhi* [History of Russian Literary Criticism: Soviet and Post-Soviet Era]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 791 p. (In Russ.)
24. Tolmachev, A.V. *Izdatelstvo TsK RKP(b) "Kommunist"* ["Communist" Publishing House of the Central Committee of the RCP(b)]. *Voprosy istorii KPSS* [Issues of the History of the CPSU]. 1969, No. 3, pp. 103–105. (In Russ.)
25. Dinershtein, E.A. *K istorii objedineniia partiinykh izdatelstv v 1918 godu* [Towards the History of the Unification of Party Publishing Houses in 1918]. *Kniga i grafika: Sb. statei* [Book and Graphics: Collection of Articles]. Moscow: Nauka Publ., 1972, pp. 29–35. (In Russ.)
26. Dinershtein, E.A. *Polozhivshie pervyi kamen: Gosizdat i ego rukovoditeli* [Those who Lay the First Stone: Gosizdat and its Leaders]. Moscow: Kniga Publ., 1972. 173 p. (In Russ.)
27. Meshcheriakov, N. *Gosudarstvennoe izdatelstvo i knizhnoe delo v Sovetskoj Rossii* [State Publishing and Book Business in Soviet Russia]. *Zhurnalists* [Journalist]. 1923, No. 5, pp. 10–17. (In Russ.)
28. Kratz, G. *Russische Verlage und Druckereien in Berlin: 1918–1941. Chronik russischen Lebens in Deutschland 1918–1941*. Berlin: Akademie Verlag, 1999, S. 501–569. (in German)
29. Kratz, G. *Zarubezhnaia russkaia kniga na knizhnykh vystavkakh v Sovetskoj Rossii (1921–1923) – Sovetskaia na vystavkakh v stranakh russkogo zarubezhia (1924–1928)* [Foreign Russian Books at Book Exhibitions in Soviet Russia (1921–1923) – Soviet at Exhibitions in Russian Abroad Countries (1924–1928)]. Toronto Slavic quarterly. 2010, No. 34, pp. 54–74. (In Russ.)
30. Kratz, G. *Moskovskaia "Vystavka nemetskoj knigi" (1923 g.)* [Moscow "Exhibition of German Books" (1923)]. *Kniga: Issledovaniia i materialy* [Book: Studies and materials]. Moscow: Kniga Publ., 2012, Comp. 95, pp. 85–97. (In Russ.)
31. *Spiski knig, izdannykh Gosudarstvennym izdatelstvom do 1-go apreliia 1920 goda* [Lists of Books Published by the State Publishing House before 1 April 1920]. Moscow: Gosizdat Publ., 1920. 13 p. (In Russ.)
32. *Gosudarstvennoe izdatelstvo: Otchet o deiatelnosti na 1 dekabria 1920 g.* [State Publishing House: Report on Activities as of 1 December 1920]. Moscow: Gosizdat Publ., 1920. 56 p. (In Russ.)
33. *Gosudarstvennoe izdatelstvo v 1922 g.* [State Publishing House in 1922]. Moscow: Gosizdat Publ., 1924. 139 p. (In Russ.)
34. Ivanova, E.V., Chechnev Ia.D. *Kak i pochemu bylo zakryto izdatelstvo "Vsemirnaia literatura" (po materialam iz Arkhiva A.M. Gor'kogo IMLI RAN)* [How and Why the Publishing House "World Literature" was Closed (Based on Materials from the Archive of A.M. Gorky IMLI RAS)]. *Studia Litterarum*. 2022, Vol. 7, No. 2, pp. 366–391. (In Russ.)
35. *Mezhdunarodnaia vystavka pechatnogo dela i grafiki v Leiptsige. Katalog Russkogo otdela* [International Exhibition of Printing and Graphics in Leipzig. Catalogue of the Russian Section]. [St. Petersburg: Tipografiia "Sirius" Publ., 1914]. 265 p. (In Russ.)
36. *Katalog russkogo otdela mezhdunarodnoi knizhnoi vystavki vo Florentsii v 1922 godu* [Catalogue of the Russian Section of the International Book Exhibition in Florence in 1922]. Moscow; Petrograd: Gosizdat Publ., 1923. XXXIV. 321 p. (In Russ.)
37. Gorshkov, Iu.A. *Gosudarstvo i chastnye knigoizdatel'stva v 20-e gody: Varianty reguliruemyykh otnoshenii* [The State and Private Book Publishers in the Twenties: Options for Regulated Relationships]. *Kniga: Issledovaniia i materialy* [Book: Studies and Materials]. Moscow: Kniga Publ., 1993, Comp. 65, pp. 83–101. (In Russ.)
38. Svichenskaya, M.K. *Kooperativnoe knigoizdanie, 1917–1930 gg.: Osnovnye etapy gosudarstvennoi politiki* [Cooperative Book Publishing, 1917–1930: Main Stages of State Policy]. *Kniga: Issledovaniia i materialy* [Book: Studies and materials]. Moscow: Kniga Publ., 1996, Comp. 72, pp. 101–128. (In Russ.)
39. Blok, A.A. *Sobr. soch.: V 8 t.* [Collected Works: In 8 Vols.]. Moscow; Leningrad: Goslitizdat Publ., 1960–1963. (In Russ.)
40. Ilyinskiy, L.K. *Knizhnaia letopis za poltora goda (1918 i 1919, № 1–24)* [Book Annals for a Year and a Half (1918 and 1919, Nos. 1–24)]. Petrograd: Gosizdat Publ., 1921. 72 p. (In Russ.)
41. Frank, S. *Proekt mnogonatsionalnoi sovetskoj literatury kak normativnyi proekt mirovoj literatury (s imperskimi implikatsiiami)* [The Project of Multinational Soviet Literature as a Normative Project of World Literature (with Imperial Implications)]. *Imagologiya i komparativistika* [Imagology & Comparativism]. 2019, No. 11, pp. 230–247. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 20 января 2024 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 26 марта 2024 г.
 Статья принята к публикации: 15 июня 2024 г.
 Дата публикации: 31 августа 2024 г.

Received by Editor on January 20, 2024
 Revised on March 26, 2024
 Accepted on June 15, 2024
 Date of publication: August 31, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024040106

Принципы и методы цифровой лексикографии

© 2024 г. Ю. Ю. Макаров

Научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2,
младший научный сотрудник Института языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1,
приглашенный исследователь НИУ ВШЭ, Россия, 115054,
Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4
yurmak@iling-ran.ru

Резюме. Статья описывает принципы и методы цифровой лексикографии, а также то, как они встраиваются в четыре основных этапа создания словарей: подготовку текста, редакционно-издательскую работу, публикацию и постпубликационный период. Обсуждаются преимущества онлайн-систем подготовки словарей (таких, как платформа OnLex), которые значительно упрощают все упомянутые этапы. Вводится классификация подходов к написанию текста словаря (файловый, табличный, основанный на TEI-разметке или базе данных). В заключение подчеркивается важность применения методов цифровой лексикографии, особенно в российской традиции, часто ограничивающейся малофункциональным файловым подходом.

Благодарность. Автор благодарен В.А. Плунгяну за ценные замечания к тексту статьи, а также Д.А. Рыжовой за помощь в поиске мотивации. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Ключевые слова: лексикография, словари, цифровые методы, системы подготовки словарей, OnLex.

Для цитирования: Макаров Ю.Ю. Принципы и методы цифровой лексикографии // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 4. С. 102–112. DOI: 10.31857/S1605788024040106

Principles and Methods of Digital Lexicography

© 2024 Yury Makarov

Research Fellow at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18-2 Volkhonka Str., Moscow, 119019, Russia,
Junior Researcher at the Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences,
1 Build. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia,
Visiting Scholar at the National Research University “Higher School of Economics”
21/4 Staraya Basmanaya Str., Moscow, 115054, Russia
yurmak@iling-ran.ru

Abstract. The article describes the principles and methods of digital lexicography. It begins by defining the four main stages of the lexicographic process: 1) writing up the dictionary, 2) editing and developing the book layout, 3) publishing, and 4) the post-publication period. The following section focuses on stage 1, comparing the compilation of example corpora for dictionary preparation in the past (using millions of cardboard cards) with modern tools for lexical analysis provided by web corpora like the Russian National Corpus (ruscorpora.ru). The overview of the advancements in finding examples illustrating word usage is followed by an exploration of the ways dictionary writing methods have evolved.

The analysis of computer-based dictionary writing methods starts with a discussion of the two most popular approaches: file-based and tabular. The former involves composing dictionary files with thousands of entries using text editors like Microsoft Word, resulting in poorly structured entries with inconsistent markup. The latter, however, represents each entry as a row with entry zones (forms, meanings, examples, etc.) arranged in separate columns. The section outlines the challenges of these methods, emphasizing their limitations in publishing options and handling complex linguistic data, often employing many-to-one relationships. Alternatives such as Text Encoding Initiative (TEI) formats and database utilization are discussed, highlighting their capacity for structured data representation.

Subsequently, dictionary writing systems (DWS) are introduced, with the OnLex platform serving as a primary example illustrating their functionality. It demonstrates how online editing interfaces streamline lexicographic processes, from data input to publication and feedback collection. By analyzing DWS features, the article emphasizes their efficacy in simplifying the editorial workflow and enhancing user experience.

A critical appraisal of the advantages of online DWS is provided, highlighting their role in addressing key challenges faced by traditional publishing methods. Notable advantages include seamless integration of search functionalities, support for multiple languages, and real-time error reporting mechanisms after publication.

In conclusion, the article advocates for the wider adoption of digital lexicography methods, particularly within the Russian tradition, emphasizing their potential to facilitate every stage of the dictionary creation process.

Acknowledgements. I would like to thank Prof. Vladimir Plungian for his valuable comments on this paper and Dr Daria Ryzhova for helping me find motivation for writing this article. Support from the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics is gratefully acknowledged.

Key words: lexicography, dictionaries, digital humanities, dictionary writing systems, OnLex.

For citation: Makarov, Y. *Printsipy i metody tsifrovoy leksikografii* [Principles and Methods of Digital Lexicography]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 4, pp. 102–112. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024040106

Этапы лексикографического проекта

Традиционный путь, который проделывает лексикографический проект, состоит из четырех этапов:

1. Подготовка текста словаря.
2. Макетирование и прочая работа с издательством.
3. Публикация книги.
4. Постпубликационный период.

Вкратце охарактеризуем каждый из них.

Этап **подготовки текста словаря** заключается в определении концепции будущего издания, обсуждении словника, сборе корпуса примеров, написании словарных статей, а также их последующем (обычно коллегиальном) редактировании.

Следующий этап, связанный с **редакционно-издательской подготовкой**, обычно касается различных аспектов взаимодействия авторского коллектива с внешними редакторами, корректорами и/или наборщиками. Во многих случаях подготовка макета сопровождается массой проблем: даже если отбросить всевозможные разногласия в стилистической правке, преобразование исходного текста в издательский формат, подходящий для отправки в типографию, занимает долгое время и часто проходит через несколько итераций. Более того, уже сверстаный макет перед утверждением снова приходится вычитывать.

Название предпоследнего этапа, **публикация книги**, говорит само за себя. Стоит отметить, что

в российской традиции основной акцент делается именно на издании бумажной версии, и лишь с недавнего времени крупные лексикографические проекты стали параллельно с физическими копиями подготавливать онлайн-версии [1]–[3].

Завершающий **постпубликационный период** характеризуется сбором обратной связи, отзывов о словаре, их осмыслением и, возможно, подготовкой нового издания, хотя в силу финансовых ограничений новое издание в большинстве случаев невозможно.

Цель данной статьи – описать, как каждый из перечисленных этапов преобразуется при использовании методов цифровой лексикографии, а также на конкретных примерах проиллюстрировать, как эти методы работают.

Подготовка текста словаря

Время, когда текст словаря подготавливался с использованием чернил и бумаги, осталось позади с приходом компьютерных технологий. Источниковые базы, представленные прежде миллионами примеров на картонных карточках, как правило¹, были заменены цифровыми инструментами наподобие Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru; [4]). Счет словоформ,

¹ Исключение составляют проекты, в картотеках которых собран уникальный материал, не загруженный на платформы типа НКРЯ в цифровом виде, например Словарь русских народных говоров.

составляющих современные онлайн-корпусы, ведется уже не на миллионы, а на миллиарды: на момент написания статьи суммарный объем под-корпусов НКРЯ составляет более двух миллиардов словоформ, а Генеральный интернет-корпус русского языка (webcorpora.ru; [5]; [6]) насчитывает больше 20 миллиардов слов. Помимо объема, важным преимуществом онлайн-формата является возможность гибких поисковых запросов, которые существенно упрощают комплексное изучение лексемы. Несмотря на то, что корпусные технологии являются примером оптимизации лексикографического процесса цифровыми методами, далее они рассматриваться не будут (они в деталях описаны среди прочего в указанных выше источниках).

Файловый подход

Если корпусы пришли на замену картонным карточкам, то что же стало альтернативой чернилам и бумаге? Можно констатировать, что наибольшее распространение в современной российской традиции имеет набор текста с помощью текстовых редакторов наподобие Microsoft Word, или **файловый подход**. Среди его преимуществ можно выделить легкость освоения и широкую доступность, однако нельзя не заметить существенно большее число его недостатков. Начать их рассмотрение стоит с замечания о плохой совместимости с масштабными проектами. При объеме хотя бы в несколько десятков тысяч словарных входов даже мощные компьютеры будут с трудом обрабатывать файлы формата *doc* и *docx*, наиболее распространенные среди пользователей Microsoft Word. Частым решением этой проблемы является разделение текста словаря на фрагменты, содержащиеся в разных файлах, однако стоит отметить, что такой модус работы едва ли надежен (файлы имеют свойство теряться) и удобен (обращение с десятками файлов приводит к путанице). Упомянутые неудобства становятся еще более критичными, если рассмотреть проблему версирования: сбор и хранение версий файлов для различных фрагментов излишне сближает работу лексикографа с работой архивариуса.

До сих пор рассматривались скорее проблемы с внешней стороной файлового подхода; обратимся теперь к недостаткам, связанным непосредственно с процессом подготовки текста. Даже если правила оформления различных элементов словарной статьи (заглавное слово, пометы, толкования, речения, идиомы...) были оговорены заранее, в итоговом файле все равно найдутся сотни примеров их нарушения. Отсутствующий курсив, пропущенное

отточие и некорректно расставленные переносы строк, хотя и не всегда критичны с содержательной точки зрения, существенно портят восприятие издания. Среди прочих проблем можно упомянуть плохой доступ к метainформации (кто, когда и что изменял в конкретной статье?), статистике (сколько словарных статей готовы?), невозможность удобного поиска (например, только среди значений или заглавных слов), часто блокируемого диакритиками, а также слабой конвертируемостью в издательские форматы².

Табличный подход

Проблема плохой структурированности менее выражена при **табличном подходе**, который отличается от файлового тем, что словарные статьи представляют собой строки таблицы, а словарные зоны — столбцы. Рисунок 1 иллюстрирует такой тип словаря.

Преимущества табличного подхода проистекают из более строгого контроля за структурой данных (в противном случае таблица просто не будет правильно отображаться): становится доступным поиск по конкретным словарным зонам (путем фильтрации по столбцам). Экспорт файлов формата *csv*, *tsv*, *xml*, *xls*, *xlsx* и проч. в виде онлайн-страницы с возможностью фильтрации по столбцам (ср. рис. 1) и даже для подготовки макета книги в табличном подходе существенно упрощены (видимо, по этой причине издания в табличном формате популярны среди авторов учебных пособий).

Недостатки же проистекают, как это ни парадоксально, из той же строгости организации данных. Если для небольших словарей типа [7] табличный подход может быть достаточным, в более комплексных проектах, где требуется, например, указание массы грамматических форм, перечисление фразеологических единиц, включение обильного иллюстративного материала и т.п., табличное представление вокабулы окажется неоправданно громоздким. Представим, что в словаре регулярно дается пять форм глагола, три формы существительного, а также четыре формы прилагательного. Согласно принципам табличного подхода, каждый тип форм, каждая глосса должна быть вынесена в отдельный столбец. Таблица таким образом увеличивается на 12 столбцов, большая часть которых будет всегда пустой (у глаголов нет именных форм и т.д.). Если же вспомнить о примерах и идиомах, а также прочих

² Верстка макета с помощью Microsoft Word возможна, но не слишком распространена в профессиональной среде.

	id	Russian	English	orthography	transcription	pos
	All	All	All	All	All	All
⊖	1	ЗЕМЛЯ (ПОВЕРХНОСТЬ)	GROUND	гӀунщи	ʃunʃi	n
forms: гӀунщик; гӀунщибади, гӀунщалди additional forms: context: Твёрдая поверхность земли; отличать от земли как материала и от почвы. meaning: Животные обитают на земле, рыбы — в воде. – Рух1ч1агольирди гӀумругирахе гӀунщила, ччуг1иби- лӀинл1и.						
⊕	2	ЗЕМЛЯ (ПОЧВА)	EARTH	гӀунщи	ʃunʃi	n
⊕	3	ПЫЛЬ	DUST	хӀури	ħuri	n
⊕	4	ГРЯЗЬ	MUD	хӀари	ħari	n
⊕	5	ПЕСОК	SAND	сали	sali	n

Рис. 1. Словарь тукитинского диалекта каратинского языка (lingconlab.ru/TukitaDict/; [7])

потенциальных зонах, то внешний облик максимально подробного словаря-таблицы оказывается за пределами возможностей восприятия³. Помимо этого, одна таблица априори не может успешно отображать many-to-one («многие к одному») отношения, которыми пронизан типичный словарь. Чтобы проиллюстрировать этот тип отношений, достаточно вспомнить о том, как заглавная лексема ('one') соотносится с ее значениями ('many') и как, в свою очередь, каждое значение ('one') соотносится с примерами и предложениями ('many'). В таблице как на рис. 1 отображение подобных связей вынуждено сведено к примитивному перечислению в одной ячейке, о проблематичности которого см. выше. Иными словами, табличный подход плохо совместим с полисемией, вариативностью и прочими атрибутами любого естественного языка.

Язык разметки XML и стандарт TEI

Стоит специально остановиться на определении XML (англ. *extensible markup language* 'расширяемый язык разметки') — метаязыка, с помощью которого делаются указания о том, как должен интерпретироваться тот или иной фрагмент цифрового текста (поэтому XML и называется языком разметки). Важнейший принцип организации XML — иерархичность; более того, метки, или тэги,

³ Следует отметить, что перечисление всех форм, примеров и прочих единиц в одной ячейке приведет к существенным потерям в организации данных, а также в возможностях поиска (так, если все именные формы перечислены через запятую, то нельзя выполнить поиск только среди, например, форм множественного числа).

используемые для разметки, могут быть вложены друг в друг, как показано на рис. 2а.

TEI (tei-c.org; англ. *text encoding initiative* 'инициатива по кодированию текста') представляет собой стандарт для создания, обмена и анализа текстовой информации в цифровой форме. В частности, TEI предоставляет рекомендации по разметки разнообразных текстовых документов с использованием XML. Среди сотен модулей (т.е. наборов тэгов и правил их использования) имеется и схема описания словарей, см. рис. 2а. Помимо этого, существует проект TEI-Lex-0⁴ (рис. 2б), на большом количестве примеров показывающий, как словарные статьи разных форматов могут быть представлены с помощью более продвинутого набора тэгов (при этом не нарушающих стандарт TEI).

TEI широко используется в сфере digital humanities (~ цифровых гуманитарных наук) для создания электронных архивов, текстовых корпусов и других проектов, требующих структурированного представления текста. Одним из преимуществ этого стандарта является представление каждого элемента словарной статьи как отдельной сущности (имеется свой набор тэгов для каждой словарной зоны). Если разные словарные проекты реализуются в соответствии с TEI, лексикографические процессы существенно упрощаются: достаточно лишь один раз разработать программное обеспечение, позволяющее записывать словарные статьи в формате TEI через удобный интерфейс,

⁴ <https://dariah-eric.github.io/lexicalresources/pages/TEILex0/TEILex0.html>


```

<body>
  <div>
    <head>English-French</head>
    <entry>
      <form>
        <orth>cat</orth>
      </form>
    <!-- ... -->
  </entry>
</div>
<div>
  <head>French-English</head>
  <entry>
    <form>
      <orth>chat</orth>
    </form>
  <!-- ... -->
</entry>
</div>
</body>

```

```

<entry xml:lang="en" xml:id="CH.gol"
  xml:base=".../TEILex0.examples/examples.stripped.xml">
  <form type="lemma">
    <orth>go</orth>
    <pron>gə</pron>
  </form>
  <lbl rend="sup">1</lbl>
  <gramGrp>
    <gram type="pos">vi</gram>
  </gramGrp>
  <pc></pc>
  <form type="inflected">
    <gramGrp>
      <gram type="participle">prp</gram>
    </gramGrp>
    <orth>gō'ing</orth>
  </form>
  <pc></pc>
  <form type="inflected">
    <gramGrp>
      <gram type="participle">pap</gram>
    </gramGrp>
    <orth>gone</orth>
    <pron>gon</pron>
    <note>(see separate entries)</note>
  </form>
  <pc></pc>
  <form type="inflected">
    <gramGrp>
      <gram type="participle">pat</gram>
    </gramGrp>
    <orth>went</orth>
    <note>(supplied from <xr type="related">
      <ref type="entry">wend</ref>
    </xr>)</note>
  </form>
  <pc></pc>
  <form type="inflected">
    <gramGrp>
      <gram type="person">3rd</gram>
      <gram type="tense">pers</gram>
      <gram type="number">sing</gram>
      <gram type="tense">pres</gram>
      <gram type="mood">indicative</gram>
    </gramGrp>
    <orth>goes</orth>
  </form>
  <pc></pc>
  <!-- ... -->
</entry>Chambers (2011)

```

go¹ /gō/ vi (prp gō'ing; pap gone /gon/ (see separate entries); pat went (supplied from wend); 3rd pers sing pres indicative goes) used

dariah-eric.github.io

Рис. 2. Примеры а) TEI-разметки (слева) и б) TEI-Lex-0-разметки (справа) фрагмента словарной статьи

а также автоматически конвертировать TEI-словарь в издательский макет. Пример проекта, использующего TEI при создании и публикации словаря, описан в [2]; [8].

База данных как основа словаря

Перед тем как перейти к рассмотрению систем подготовки словарей, стоит ввести понятие базы данных (БД). БД — это некоторая информация, которая хранится в соответствии со строгой схемой. В отличие от таблицы в табличном подходе (см. выше), где словарная статья соответствует одной строке, при использовании БД вокабула представима в виде нескольких таблиц с прописанными отношениями. БД, в отличие от табличного подхода, поддерживает many-to-one отношения между элементами словарной статьи. Предположим, что в некотором словаре имеется заглавная лексема, а также множество грамматических форм и множество значений, привязанных к заглавной лексеме; при этом у каждого значения есть множество речений и примеров. Выше было показано, что табличный подход не может эффективно отобразить подобную структуру. В БД же каждое из множеств представимо в виде отдельной таблицы, причем в этой таблице у каждой лексемы, формы, значения или примера / речения есть идентификационный номер (ID). Связи же между этими

множествами могут быть прописаны в отдельных таблицах, сопоставляющих, например, одному и тому же ID заглавной лексемы множество различных ID форм и значений.

По сравнению с файловым и табличным подходами БД могут хранить огромные массивы данных, а системы управления базами данных (СУБД) — эффективно управлять информацией в БД, см. рис. 3.

Несмотря на то, что использование БД в качестве основы словаря позволяет структурированно хранить данные с поддержкой различных типов отношений (в том числе many-to-one), а также легко конвертировать эти данные в другие форматы, обращение с (СУ)БД предполагает наличие ряда технических навыков (как минимум владение языком SQL от англ. *structured query language* ‘язык структурированных запросов’), что едва ли можно требовать от лексикографа. БД плохо совместима с медиафайлами (иллюстрации, аудио-приложения и проч.) и не может заменить собой публикацию словаря в интернете или в виде физического издания.

Системы подготовки словарей

Рассмотренный выше набор инструментов (TEI-разметка, БД) нельзя назвать дружелюбным

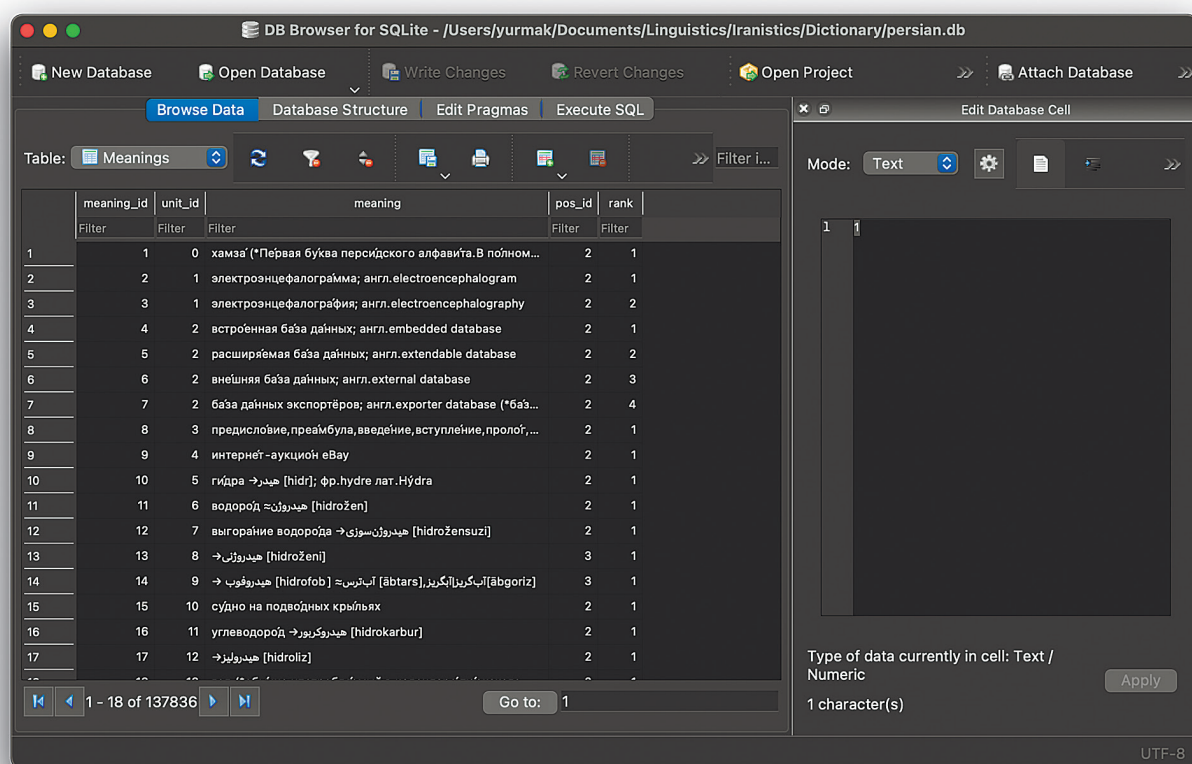

Рис. 3. Снимок экрана СУБД SQLite, показывающий таблицу значений онлайн-словаря персидского языка *iranica.space* [1], [9]; *meaning_id* – ID значения, *unit_id* – ID заглавной лексемы, *meaning* – текст значения, *pos_id* и *rank* – технические индексы

по отношению к лексикографу, от которого несправедливо было бы требовать владения массой технических компетенций в дополнение к лингвистическим и филологическим. Именно поэтому с 1990-х годов разрабатываются системы, упрощающие взаимодействие авторов словарей с цифровыми методами лексикографии, ср. [10]. Эти **системы подготовки словарей** (СПС; англ. *dictionary writing systems*) можно разделить на коммерческие (доступные для широкой аудитории; например, IDM DPS⁵ или TLex⁶) и внутренние (созданные для конкретных проектов и недоступные для прочих); дополнительно стоит различать СПС, ориентированные на работу в интернете (онлайн-СПС), и офлайн-СПС, требующие установки программ на компьютер. Общими составляющими СПС является некоторая система организации и хранения данных (таблица, БД...), редакторский интерфейс, а также модули управления проектом, экспорта данных в издательских форматах и иногда веб-модуль.

⁵ <https://dps.cw.idm.fr/>

⁶ <https://tshwanedje.com/tshwanelex/>

Проиллюстрируем работу СПС на примере редакторского интерфейса **платформы OnLex**⁷, с 2020 г. разрабатываемой автором данной статьи. OnLex представляет собой онлайн-СПС, т.е. все лексикографическими процессами можно управлять, используя браузер на любом устройстве. На рис. 4 представлен фрагмент страницы, используемой для редактирования словарных входов, а именно поля для оригинального текста статьи (скопированного из источника без изменений), значений заглавной лексемы, а также для идиом и сложных глаголов. Во все эти поля возможен ввод текста в произвольном формате, в то время как в случае со списком помет (например, грамматические пометы F, M и CAUS, т.е. мужской и женский роды, а также каузатив) и выбором части речи необходимо сделать выбор из предварительно заданных вариантов. Такой

⁷ На платформе OnLex в данный момент функционируют три словаря: памирских (*ramiri.online*; [11]), персидского (*iranica.space*; [1]; [9]; [12]; [13]) и осетинского (*ossetica.space*; [2]; [8]) языков. На стадии разработки находятся словари сербского языка [3], Академического толкового словаря русского языка [14]; [15]; [16], а также другие проекты.

Оригинальный текст статьи

ш. ДОД 1 отец; ш. ам тāt лўвām, ам дод (мы) и "тат" (отец) говорим и "дод"; брв. ху дод йах, ху холāk-ат мак ўйн-та виц лўвām сестру своего отца, жену своего дяди по матери и отцу мы называем "виц" (тетя); ш. дōд-ат нāн отец и мать, родители; ш. хāби-нди ар чāлак мā-ниѳ, бе дōд-ат нāн сāви в ночное время не садись у очага, (не то) останешься без родителей (народная примета); ш. ху дод гўхт хйдов сильно мучиться, терзаться; страдать; ш. wўз-ум wi қати ху дод гўхт хўўч я с ним измучился; ш. дод дивйхtow сильно измучить, истерзать, извести; ш. йид хйч му дōд-и му-рд дивйхт этот бык извел меня. Ср. тāt, пид, падар.

Значения заглавной лексемы

Добавить значение

Ранг	Пометы	Значение
1	Пометы сущ. нет F M CAUS	отец

Устойчивые сочетания и идиомы

Добавить идиому или устойчивое сочетание

№	Формы	Значения
1	№ Пометы Орфографические варианты ш. 1 Латиница dod-at nān Кириллица дōд-ат нāн	Ранг Пометы Значение 1 не ре отец и мать, родители

Добавить форму

Добавить значение

Сложные глаголы

Добавить сложный глагол

№	Формы	Значения
1	№ Пометы Орфографические варианты ш. 1 Латиница хu dōd гўхт хйдов Кириллица ху дод гўхт хйдов	Ранг Пометы Значение 1 сильно мучиться, терзаться; страдать

Добавить форму

Добавить значение

Рис. 4. Фрагмент редакторского интерфейса платформы OnLex, пример с сайта *pamiri.online* [11]

подход к регулярно повторяющимся элементам статьи позволяет минимизировать расхождения и опечатки (ср. невозможность выбрать помету CAUS для существительных, доступную лишь для глаголов), а также централизованно изменять соответствующие пометы во всех местах их употребления (например, при принятии решения о переименовании). Также стоит обратить внимание на возможность добавления неограниченного количества форм и значений (достаточно нажать на подходящую зеленую кнопку), которые впоследствии можно отсортировать с помощью

системы рангов (чем выше ранг, тем раньше элемент будет отображен на экране). Наконец, отметим поддержку в рассматриваемом словаре нескольких орфографий (шугнанский, относящийся к памирским языкам, не имеет кодифицированной системы письма) – платформа OnLex может быть настроена под нужды конкретного проекта, даже весьма специфичные.

На рис. 5 представлено то, как статья с рис. 4 отображается на сайте. Как видно, помимо соответствующих зон уже упомянутых элементов

ID: 4976	Формы и значения	Примеры	История	Создать задачу	Изменить орфографию
WORD	dod	Карамшоев	шугнанский	Ш.	
См. также		Значение	1. СУЩ. М отец		
♦ tāt			○ Ш., ām māt lūwām, ām dōd		
♦ pid			‘мы и “тат” (отец) говорим, и “дод”		
♦ padar			○ БРВ., ху дōд ūах, ху холāk-ат мак ūīн-та виц lūwām		
♦ dodej			‘сестру своего отца, жену своего дяди по матери и отцу мы называем “виц” (тетя)’		
Таксономия		Устойчивые сочетания и идиомы	Ш., dōd-at nān		
KINSHIP			1. отец и мать, родители		
			■ Ш., ПРИМЕТА хābī-нди ар чāлак мā-ниθ, бе dōd-ат nān cāwи		
			‘в ночное время не садись у очага, (не то) останешься без родителей’		
		Сложные глаголы	Ш., хu dōd gūxt xīdow		
			1. Г.Д., сильно мучиться, терзаться; страдать		
			■ Ш., wūz-ум wи қати хu dōd gūxt хўўч		
			‘я с ним измучился’		
			Ш., dōd divīxtow		
			1. Г.Д., сильно измучить, истерзать, извести		
			■ Ш., ūīd хīч му dōd-и му-рд divīxt		
			‘этот бык извел меня’		
		Оригинальный текст статьи			

Рис. 5. Статья *dod* из Шугнанско-русского словаря Д. Карамшоева, представленного на сайте *pamiri.online* [11]

редакторского интерфейса, в словаре *pamiri.online* имеется возможность делать гиперссылки на другие статьи, присваивать таксономические метки (в данном случае KINSHIP, т.е. термин родства) и добавлять примеры. Функционал платформы, однако, этим не ограничивается, и эта тема заслуживает подробного рассмотрения в отдельной статье. Сейчас же лишь упомянем то, что среди прочих доступных функций имеются: поисковый модуль (поддержка разных зон поиска, регулярных выражений, режим игнорирования диакритик, (не)полнословный поиск), система обратной связи для пользователей, система управления редакторскими задачами для команды проекта, медиаприложения (аудио, видео, изображения, карты), поддержка нескольких языков, система управления контентом и т.д.

В завершение раздела нужно еще раз подчеркнуть, что одна из главных задач СПС — минимизировать техническую нагрузку на лексикографа (в случае с интерфейсом OnLex она сводится, грубо говоря, к заполнению полей и нажатию на кнопки выпадающих меню).

Макетирование, публикация и постпубликационный период

При использовании файлового, а также табличного подходов этапы, наступающие после подготовки текста, следуют классическому сценарию: привлекается издательство, предоставляющее услуги верстальщика, редактора, корректора и

дистрибьютера выпущенной книги. Сфокусируемся на том, как эти этапы упрощаются при использовании СПС.

При наличии веб-модуля (как на платформе OnLex) весь издательский процесс сводится к нажатию кнопки «Опубликовать» в интерфейсе редактора. Несмотря на то, что достоинства бумажной книги хорошо известны, нельзя игнорировать слабые стороны этого традиционного формата, которые реже обсуждаются в русскоязычной традиции. Приведем некоторые из недостатков:

- 1. Поиск обычно возможен только среди заглавных слов.
- 2. Поиск может занимать много времени, что особенно заметно при необходимости быстро переключаться между статьями.
- 3. Не поддерживаются аудио- и видеоприложения.
- 4. Необходимо экономить место, а значит, использовать множество сокращений и часто урезать содержательную часть.
- 5. Во многих случаях отсутствует возможность поддерживать два языка (физические издания, эквивалентно предоставляющие информацию на нескольких языках, крайне редки).
- 6. Читатели не могут (или могут, но по неудобным каналам) передать свои отзывы о книге. При пользовании словарем замечания возникают не в результате постраничного чтения, а при постоянном переключении между

случайными вокабулами. Возникшая в моменте необходимость сообщить об ошибке не может быть легко удовлетворена: писать письмо про каждую статью расточительно, а собирать все ошибки в один файл больше напоминает обязанности редактора, а никак не добрую волю читателя.

7. После публикации книгу нельзя изменить (только переиздать с исправлениями).

В онлайн-СПС типа OnLex проблемы 1 и 2 полностью решены поисковым модулем: поскольку в БД каждый элемент вокабулы представлен изолированно, возможен поиск именно среди всех представителей некоторого класса (например, только среди значений или форм — отдельных таблиц в БД). Высокая скорость поиска нужных статей определяется, во-первых, возможностью перейти к упомянутой лексеме по нажатию гиперссылки, а во-вторых, тем, что поиск выполняется не читателем, а специальным алгоритмом. Недостатки 3, 4 и 5 отсутствуют в онлайн-формате. Помимо полного отказа от сокращений, можно сопоставить каждому из них «всплывающую подсказку» с расшифровкой. Что касается поддержки нескольких языков, то в онлайн-словаре имеется возможность предусмотреть параллельный ввод данных для нескольких версий вокабулы (аналогично нескольким орфографиям на рис. 4). Наконец, пункт 6 устраняется добавлением на страницу каждой словарной статьи поля «Сообщить об ошибке», нажав на которое пользователь может моментально отправить замечание, касающееся конкретной вокабулы. Редакторы сразу получают это сообщение и могут внести исправления, опубликовав новую версию нажатием одной кнопки, тем самым разрешая проблему 7.

Если же издание книги необходимо, то большинство СПС предоставляют возможность экспорта словарных статей из БД по заданным правилам композиции и оформления (например: заглавное слово полужирным, пометы курсивом, значения на новой строке и т.п.).

Заключение

В статье были описаны методы и принципы цифровой лексикографии. В частности, были введены понятия файлового и табличного подходов к составлению словарей, описаны лексикографические форматы TEI, основные особенности баз данных, а также рассмотрены функции и цели систем подготовки словарей, проиллюстрированные платформой OnLex. Было показано, чем полезно наличие онлайн-версии, во многих аспектах представляющей собой более удобный способ

представления словаря — и для пользователя, и для составителя. Преимущества использования систем подготовки словарей не должны игнорироваться лексикографическими проектами нашего времени, и хочется верить, что в ближайшие годы в русскоязычной словарной традиции частота использования продвинутых методов цифровой лексикографии будет стремительно возрастать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляев О.И., Макаров Ю.Ю., Новокшанов Д.А., Сеницына Ю.В., Хомченкова И.А.* Онлайн-словари иранских языков // 1-ая Международная научно-образовательная конференция «Пейсиковские чтения: проблемы современного академического востоковедения»: материалы конференции / ред. А. А. Маслов. М.: ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, 2023. С. 7–11. [Электронный ресурс]: <https://elibrary.ru/item.asp?id=58073241&pff=1>
2. *Беляев О.И., Хомченкова И.А., Сеницына Ю.В., Дьячков В.В., Бызова А.А., Бадеев А.О., Алексеев Д.А., Макаров Ю.Ю.* Историко-этимологический словарь осетинского языка В.И. Абаева: проблемы создания цифровой двуязычной версии // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. Вып. 2. С. 75–86. <http://dx.doi.org/10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-4>
3. *Dragičević R., Makarov Y., Ryzhova D., Shapich Y., Yakushkina E.* A new bilingual Serbian–Russian dictionary // *Lexicography and Semantics: Proceedings of the XXI EURALEX International Congress* / ред. K. Despot, I. Brač, A. Ostroški Anić. Zagreb: Institute for the Croatian Language, 2024. Pp. 93–100.
4. *Плунгян В.А.* Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // *Русский язык в научном освещении*. 2008. Т. 16. Вып. 2. С. 7–20.
5. *Беликов В.И., Копылов Н.Ю., Пиперски А.Ч., Сеlegeй В.П., Шаров С.А.* Корпус как язык: от масштабируемости к дифференциальной полноте // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. 2013. Т. 1. Вып. 12. С. 19.
6. *Piperski A., Belikov V., Kopylov N., Morozov E., Selegey V., Monakhov S.* Big and diverse is beautiful: A large corpus of Russian to study linguistic variation // *Proceedings of the 8th Web as Corpus Workshop (WAC-8) @ Corpus Linguistics 2013* / ред. S. Evert, E. Stemle, P. Rayson. 2013. С. 24–28.
7. *Magomedgazhieva P., Daniel M.* Dictionary of Tukita (v2.0.0). Linguistic Convergence Laboratory, HSE University, Moscow, 2023. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7803955>
8. *Belyaev O., Khomchenkova I., Sinitsyna J., Dyachkov V.* Digitizing print dictionaries using TEI: The Abaev Dictionary Project // *Proceedings of the Seventh International Workshop on Computational Linguistics*

- of Uralic Languages, Syktyvkar, Russia (Online): Association for Computational Linguistics. Сен. 2021. С. 57–64. [Электронный ресурс]: <https://aclanthology.org/2021.iwclul-1.7>
9. Иванов В.Б. Большой персидско-русский словарь. Т. 1. М.: Наука, 2020.
 10. Abel A. Dictionary writing systems and beyond // Electronic Lexicography / ред. S. Granger, M. Paquot. Oxford University Press, 2012. С. 83–106. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199654864.003.0005>
 11. Makarov Y., Melenchenko M., Novokshanov D. Digital Resources for the Shughni Language // Proceedings of The Workshop on Resources and Technologies for Indigenous, Endangered and Lesser-resourced Languages in Eurasia within the 13th Language Resources and Evaluation Conference, Marseille, France: European Language Resources Association. Июнь 2022. С. 61–64. [Электронный ресурс]: <https://aclanthology.org/2022.eurali-1.9>
 12. Иванов В.Б. Большой персидско-русский словарь. Т. 2. М.: Фонд Ибн Сины, 2023.
 13. Иванов В.Б. Большой персидско-русский словарь. Т. 3. М.: ООО «Садра», 2024.
 14. Крысин Л.П. (отв. ред.) Академический толковый словарь русского языка. Т. 1: А – ВИЛЯТЬ. М.: Издательский дом ЯСК, 2016.
 15. Крысин Л.П. (отв. ред.) Академический толковый словарь русского языка. Т. 2: ВИНА – ГЯУР. М.: Издательский дом ЯСК, 2016.
 16. Цумарев А.Э., Шестакова Л.Л., Нечаева И.В., Кулева А.С., Грунченко О.М. «Академический толковый словарь русского языка»: традиционное и новое // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76. № 5. С. 5–21.
 - a Digital Bilingual Edition]. *Vestn. Mosk. un-ta. Seriya 9. Filologiya* [Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology]. 2024, No. 2, pp. 75–86. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-4>
 3. Dragičević, R., Makarov, Y., Ryzhova, D., Shapich, Y., Yakushkina, E. A new bilingual Serbian–Russian dictionary. (Eds.) K. Despot, I. Brač, A. Ostroški Anić. Lexicography and Semantics: Proceedings of the XXI EURALEX International Congress. Zagreb: Institute for the Croatian Language, 2024, pp. 93–100.
 4. Plungian, V. A. *Korpus kak instrument i kak ideologija: o nekotorykh urokakh sovremennoj korpusnoj lingvistiki* [A Corpus as a Research Tool and Ideology: Some Lessons from Modern Corpus Linguistics]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory]. 2008, No. 16(2), pp. 7–20. (In Russ.)
 5. Belikov, V.I., Kopylov, N.Ju., Piperski, A.Ch., Selegey, V.P., Sharoff, S.A. *Korpus kak yazyk: ot masshtabiruemosti k differencialnoj polnote* [Corpus as Language: From Scalability to Register Variation]. *Kompiuternaia lingvistika i intellektualnye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intelligent Technologies]. 2013, No. 12(1), p. 19. (In Russ.)
 6. Piperski, A., Belikov, V., Kopylov, N., Morozov, E., Selegey, V., Monakhov, S. Big and diverse is beautiful: A large corpus of Russian to study linguistic variation. (Eds.) S. Evert, E. Stemle, P. Rayson. Proceedings of the 8th Web as Corpus Workshop (WAC-8) @ Corpus Linguistics 2013. 2013. P. 24–28.
 7. Magomedgazhieva, P., Daniel, M. Dictionary of Tukita (v2.0.0). Linguistic Convergence Laboratory, HSE University, Moscow, 2023. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7803955>
 8. Belyaev, O., Khomchenkova, I., Sinitsyna, J., Djachkov, V. Digitizing print dictionaries using TEI: The Abaev Dictionary Project. Proceedings of the Seventh International Workshop on Computational Linguistics of Uralic Languages, Syktyvkar, Russia (Online): Association for Computational Linguistics. 2021. P. 57–64. URL: <https://aclanthology.org/2021.iwclul-1.7>
 9. Ivanov, V.B. *Bolshoj persidsko-russkij slovar* [Persian-Russian Dictionary]. Vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 2020. (In Russ.)
 10. Abel, A. Dictionary writing systems and beyond. Electronic Lexicography. (Eds.) S. Granger, M. Paquot. Oxford University Press, 2012. P. 83–106. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199654864.003.0005>
 11. Makarov, Y., Melenchenko, M., Novokshanov, D. Digital Resources for the Shughni Language. Proceedings of The Workshop on Resources and Technologies for Indigenous, Endangered and Lesser-resourced Languages in Eurasia within the 13th Language Resources and Evaluation Conference, Marseille, France: European Language Resources Association, 2022. P. 61–64. URL: <https://aclanthology.org/2022.eurali-1.9>

REFERENCES

1. Belyaev, O.I., Makarov, Y., Novokshanov, D.A., Sinitsyna, Ju.V., Khomchenkova, I.A. *Onlajn-slovari iranskikh jazykov* [Online Dictionaries of Iranian Languages]. *1-aja Mezhdunarodnaja nauchno-obrazovatel'naja konferentsija "Pejsikovskie chtenija: problemy sovremennogo akademicheskogo vostokovedenija": materialy konferentsii* [1st International Scientific and Educational Conference "Peisikov Readings: Problems of Modern Academic Oriental Studies": Conference Materials]. Ed. A.A. Maslov. Moscow: ISAA MGU imeni M.V. Lomonosova Publ., 2023, pp. 7–11. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=58073241&pf=1> (In Russ.)
2. Belyaev, O.I., Khomchenkova, I.A., Sinitsyna, J.V., Dyachkov, V.V., Byzova, A.A., Badeev, A.O., Alekseev, D.A., Makarov, Y. *Istoriko-etimologicheskij slovar osetinskogo jazyka V.I. Abaeva: problemy sozdanija tsifrovaj dvujazyčnoj versii* [V.I. Abaev's Historical-Etymological Dictionary: Issues in the Development of

12. Ivanov, V.B. *Bolshoj persidsko-russkij slovar* [Persian-Russian Dictionary]. Vol. 2. Moscow: Fond Ibn Siny Publ., 2023. (In Russ.)
13. Ivanov, V.B. *Bolshoj persidsko-russkij slovar* [Persian-Russian Dictionary]. Vol. 3. Moscow: ООО “Sadra” Publ., 2024. (In Russ.)
14. Krysin, L.P. (ed.) *Akademicheskij tolkovyj slovar russkogo jazyka. Tom 1: A – VILIAT’* [Academic Explanatory Dictionary of Russian. Vol. 1]. Moscow: Izdatelskij dom IASK Publ., 2016. (In Russ.)
15. Krysin, L.P. (ed.) *Akademicheskij tolkovyj slovar russkogo jazyka. Tom 2: VINA – GIAUR* [Academic Explanatory dictionary of Russian. Vol. 2]. Moscow: Izdatelskij dom IASK Publ., 2016. (In Russ.)
16. Tsumarev, A.E., Shestakova, L.L., Nechaeva, I.V., Kuleva, A.S., Grunchenko, O.M. “*Akademicheskij tolkovyj slovar russkogo jazyka*”: *traditsionnoe i novoe* [“Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language”: the Traditional and the New]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2017, Vol. 76, No. 5, pp. 5–21. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 7 мая 2024 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 5 июня 2024 г.
Статья принята к публикации: 15 июня 2024 г.
Дата публикации: 31 августа 2024 г.

Received by Editor on May 7, 2024
Revised on June 5, 2024
Accepted on June 15, 2024
Date of publication: August 31, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024040118

Фольклорные и мифологические мотивы и образы в лирике Виктора Рюдберга

© 2024 г. В. В. Сурков

Младший научный сотрудник Института мировой литературы
им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
surk.vladislav@yandex.ru

Резюме. Статья посвящена фольклорным и мифологическим мотивам и образам в поэзии шведского автора Виктора Рюдберга (Viktor Rydberg, 1828–1895). В его стиле прослеживается влияние романтической традиции. Для писателей-романтиков начала XIX в. характерно обращение к национальному фольклору и скандинавской мифологии, и Рюдберг наследует им в этом. Однако романтикам свойственна стилизация народного творчества, а фольклорный и мифологический материал для них самоценны, что не присуще постромантической поэзии. Анализ поэтических текстов Рюдберга показывает, что для его стиля характерно использование фольклорных и мифологических мотивов и образов в качестве метафор и аллегорий, в которые автор облачает волнующие его социальные и философские проблемы эпохи.

Ключевые слова: романтизм, шведская литература, Рюдберг, лирика, мотив.

Для цитирования: Сурков В.В. Фольклорные и мифологические мотивы и образы в лирике Виктора Рюдберга // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 4. С. 113–118. DOI: 10.31857/S1605788024040118

Folklore and Mythological Motifs and Images in the Lyrical Poetry by Viktor Rydberg

© 2024 Vladislav V. Surkov

Junior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
surk.vladislav@yandex.ru

Abstract. The article devoted to the folklore and mythological motifs and images in the poetry by Viktor Rydberg (1828–1895). The influence of the Romantic tradition traces in his literary style. The Romantic authors of the early 19th century specifically turned to the national folklore and scandinavian mythology, and Rydberg comes after them. But Romanticists tend to stilization of folksongs, and folklore and mythological material is inherently valued for them. This feature is not inherent to the post-Romantic poetry. The analysis of poems by Rydberg revealed that using folklore and mythological images and motifs as metaphors and allegories is a specifics of the style of his poetry. The author expresses his feelings about social and philosophical problems of the century through them.

Key words: romanticism, Swedish literature, Rydberg, lyrical poetry, motif.

For citation: Surkov, V.V. *Folklornye i mifologicheskie motivy i obrazy v lirike Viktora Ryudberga* [Folklore and Mythological Motifs and Images in the Lyrical Poetry by Viktor Rydberg]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriiâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 4, pp. 113–118. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024040118

Шведский поэт и писатель второй половины XIX в. Виктор Рюдберг (Viktor Rydberg, 1828–1895) публикует свои стихотворения в двух поэтических сборниках, вышедших в 1882 г. и в 1891 г. под одинаковым заголовком «Стихотворения» (Dikter). Первый сборник выходит в период, когда в шведской литературе доминирует натурализм, а время издания второго совпадает с возникновением неоромантических тенденций. Тем не менее в его лирике прослеживается очевидное влияние романтической традиции.

Мы будем рассматривать романтизм как художественный стиль. Стиль понимается нами в соответствии с традицией научной школы ИМЛИ как эстетическая доминанта, присущая текстам определённого периода или автора. Так представление о стиле сформулировано Е.В. Халтрин-Халтуриной: «Он понимается как подчинённость текста эстетической идее, которая сообщает единство всем компонентам произведения и окрашивает своим присутствием разные пласты художественной формы» [1, с. 13]. В стилевом отношении романтизм обладает определёнными поэтическими средствами, а также проблематикой и свойственной романтической культуре антиномичностью. За ними стоит, с одной стороны, особый тип мировоззрения, формируемый единой философской основой, корни которой лежат в йенском романтизме, но в каждой национальной культуре дополняются свойственными ей идеями, с другой стороны, особый тип сознания, результат работы которого А.Е. Махов называет «духовным бытом романтизма», подразумевая под ним «доступную нам совокупность <...> внутренних поступков, не искавших для себя художественного завершения» [2, с. 9].

Одной из составляющих романтической поэтики является внимание к мифологии и фольклору. Романтики, создавая собственные песни и баллады, стремились следовать стилистике фольклорных произведений. Такими являются, например, стихотворения «Рог Юнгбю» (Ljungbyhorn, 1811) и «Водяной» (Strömkarlen, 1811) Л. Хаммаршёльда, «Водяной» (Näcken, 1823) Э.Ю. Стагнелиуса, «Маленький мальчик» (Den lilla Kolargossen, 1814) Э.Г. Гейера, в которых появляются образы сверхъестественных существ из народных поверий. Образцом произведения шведского романтизма с мифологическим сюжетом является поэма Э. Тегнера «Сага о Фритьофе» (Frithiofs saga, 1825), в основе которой лежит древнеисландская «Сага о Фритьофе Смелом». В конце 1820-х — начале 1830-х годов к мифологии и фольклору обращается финский романтический поэт Й.Л. Рунеберг, писавший на

шведском языке. Стилистика народных песен находит отражение в его «Сказаниях Фенрика Столя» (Fänrik Ståhls sägner, 1848), влияние древнескандинавской традиции прослеживается в поэме «Король Фьялар» (Kung Fjalar, 1844).

Как и романтики, Виктор Рюдберг часто обращается к скандинавской мифологии и шведскому фольклору. Но, в отличие от своих предшественников, для которых древнескандинавские тексты и народные произведения являлись самоценными, в лирике Рюдберга образы и мотивы, почерпнутые из мифологии и народной культуры, имеют иные функции, выступая в качестве метафор, в которые автор облачает свои переживания, связанные с социальными и философскими проблемами современной ему эпохи.

Первые стихотворения Рюдберга, в которых возникают фольклорные и мифологические мотивы, появляются в 1870-е годы. Два типологически связанных текста — опубликованные одновременно в 1876 г. баллады: «Лесная дева» (Skogsrået) и «Снёфрид» (Snöfrid). В первой из них центральным персонажем становится юноша по имени Бьёрн, который идёт по лесу и попадает под воздействие чар лесной девы. Лесная дева (по-шведски skogsrå) — нечистая сила в народных верованиях, предстающая в облике привлекательной женщины, которая соблазняет заблудившихся в лесу путников и забирает их души. Также в шведском языке имеются другие обозначения данной сущности: «лесная женщина» (en skogsfru), «хульдра» (en huldra).

Герой баллады после встречи с Лесной девой не может вернуться к прежней жизни. Образ юноши демонстрирует двойственность природы: с одной стороны, он близок цивилизованному миру, с другой — стремится к природе. Уже в начале стихотворения герой слушает природу «очарованно» (trolskihågen) и вместе с тем «он смотрит на лес, и он неспокоен» (han ser åt skogen och han ej ro).

Услышав, как нечистая сила заманивает его, Бьёрн идёт в глубину леса одновременно «добровольно и вынужденно» (villig och tvungen). Мотив подчинения лесной деве показывает, как герой постепенно всё глубже погружается в природу, отдаляясь от мира людей. Герой перестаёт довольствоваться тихой сельской жизнью:

Голубые глаза в ночном лесу
Заставили его бросить борону и плуг
Он не может больше улыбаться
И радоваться, как раньше.

De ögon så blå i nattlig skog
ha dragit hans håg från harv och plog,
han kan ej le och fröjdas som förr...

Бьёрн стареет «в пустынном жилище» и понимает, что путь к избавлению от одиночества и то-ски лишь один:

Он ждёт только смерти и погребальных носилок,
Он слушает, он отчаянно слушает шум сосен.

så väntar han döden och bårn,
han lyssar med oläkeligt ve till suset i furumo.

Х. Шюк и К. Варбург характеризуют состояние героя как «пассивное подчинение настроению природы, которое чревато для него апатичным безразличием к внешнему миру, к людям и деятельности» [3, s. 68]. Автор действительно оценивает героя и его состояние отрицательно. Известно, что в одном из черновиков последняя строфа содержала следующий стих: «и он надеется на что-то, безумец» (*och hoppas han något, den dårn*), причём слово “*dårn*” имеет коннотацию уничижения и может переводиться и как «дурак». Однако смысл баллады не ограничивается одним лишь изображением пассивного подчинения окружающей среде, приводящего к безразличию. В финале двойственность характера героя приводит к невозможности принадлежать ни к миру людей, ни к природе. Стихотворение отражает сложность выбора жизненного пути в современном мире, а природа предстает в одно и то же время необходимой для человека и враждебной ему.

Баллада «Снёфрид», в которой появляется уже иной образ хульдры, также содержит мотив выбора жизненного пути. Хульдра Снёфрид покровительствует герою баллады, молодому человеку Гуннару, и призывает его «покачаться на волнах», желая посмотреть, насколько крепок его дух. Затем появляются другие мифологические существа: тролли и великаны, которые призывают Гуннара отдать душу в обмен на золото и славу. Центральная часть баллады — монолог хульдры о длинном пути героя: Снёфрид говорит о ценности свободы (само её имя «говорящее»: “*snö*” — снег, а “*frid*” в современном шведском языке обозначает «спокойствие», но ранее существовало ещё одно значение — «право на свободу»). Образ хульдры отражает морально-философские изыскания поэта, стоящего на позиции идеализма: как отмечают шведские историки литературы Х. Шюк и К. Варбург, Снёфрид «проповедует строгое, волевое героическое этическое учение в духе Канта» [3, s. 27]. Устами героини Рюдберг воспевает деятельную борьбу за свои идеалы, противопоставляя её индивидуализму и инертности.

В сборнике сразу после «Снёфрид» Рюдберг помещает стихотворение «Костёр Бальдра» (*Balder-sbålet*, 1876). В нём Рюдберг обращается к древне-

скандинавской мифологии, а именно к сюжету о гибели Бальдра. Подробное описание событий, изложенных в «Старшей Эдде» и «Младшей Эдде», отсутствует: остаётся только мотив погребения Бальдра. Стихотворение насыщено образами, предвещающими грядущий Рагнарёк. Возникает также ряд апокалипсических мотивов, без непосредственного указания на скандинавский контекст, что придаёт изображаемому универсальный смысл. Лишь в последних двух строках появляется образ ясеня, под которым подразумевается мифологический Иггдрасиль:

Невинность мира покоится
На освящённом костре,
Через всё, что дышит,
Проходит ледяная дрожь.
Солнце садится кроваво-красным,
Тени гор растут,
И в кроне ясеня
Шумит осень времени.

Världens oskuld vilar
på det vigda bålet.
Genom allt, som andas,
går en iskall rysning.
Blodröd sjunker solen,
fjällens skuggor växa,
och i askens krona
susar tidens höst.

Первая строфа являет собой своего рода пейзажную экспозицию, объекты и явления изображены здесь статично. Вторая строфа уже содержит некоторую событийность:

Боги молчаливые кружат
Вокруг бледного Бальдра.
Приближается Фимбулнаттен¹...

Gudar stumme bida
kringden bleke Balder.
Fimbulnatten nalkas...

В следующих строфах пессимистические размышления о судьбах мира и человечества перемежаются с образами приближающегося Рагнарёка. Текст центральной (четвёртой) строфы стихотворения сосредоточен на образе Одина. «Мудрый отец» размышляет над загадками этого мира. Эти размышления завершаются философским суждением, которое Один сообщает мёртвому сыну как мудрость, полученную от самой природы, т.е. мироздания:

Жизненная борьба имеет значение,
Глубочайшее падение имеет утешение.

¹ Рюдберг использует слово *Fimbulnatten* для обозначения трёхлетней зимы, предшествующей Рагнарёку, согласно «Младшей Эдде», где она именуется как *fimbulvetr* (в русских переводах «фимбульветр» или «фимбульвинтер», дословно «великанская зима»).

livetsstrid har mening,
djupsta fall har tröst.

Упоминания персонажей и событий из «Эдды» в стихотворении условны и рассчитаны на суггестивный эффект. Это подтверждается тем, что автор ошибочно называет Одина *Lopt* и даже даёт соответствующую сноску, хотя этим именем принято называть Локи, а не Одина. Для Рюдберга важно не воспроизведение эддического сюжета, а смысл, который этот сюжет приобретает в новом контексте.

С темой борьбы как активного проявления воли в тексте связывается мотив жертвы — образ Бальдра приобретает христианские черты. Х. Гранлид трактует его как синтез древнескандинавского сюжета о Рагнарёке с христианскими представлениями о конце света: «Для спасения мира Один-Бог должен принести в жертву Бальдра-Христа, скандинавское обновление мира тождественно библейскому апокатастасису» [4, s. 53]. Стихотворение действительно несёт в себе христианские образы: например, в процитированной выше строфе «священная тишина» представлена через сравнение со «звуками органа» — инструмента, используемого в католических и протестантских богослужениях. Сочетание образов из древнескандинавской языческой мифологии и христианских мотивов приводит к определенной мысли: культура Скандинавии имеет два равноценных истока.

Ещё один комплекс философских проблем, которым обеспокоен Рюдберг, связан с «вечными» вопросами человеческого существования и законами мироздания. В стихотворениях «Томтен» (Tomten, 1881) и «Фея — к девочке» (*Älvan till flickan*, 1881), опубликованных в первом сборнике, Рюдберг обращается к образам сверхъестественных существ из шведского фольклора, чтобы поставить вечные вопросы о сути жизни и смерти.

Центральный образ в стихотворении «Томтен» — домашних дух, хранитель селения, традиционно изображаемый как маленький человек с густой белой бородой и в колпаке, — фактически домовой. Бессмертный Томтен, наблюдая за хутором и его жителями, задумывается о смысле человеческого бытия, стремится разгадать «загадку» жизни и смерти, когда уходит одно поколение людей и на смену ему приходит другое:

...откуда
Они спустились сюда?
Род быстро следовал за родом,
Процветал, становился старше, уходил — но куда?
Загадка, которую не разрешить...

...varifrån
kommo de väl hit neder?
Släkte följde på släkte snart,
blomstrade, åldrades, gick — men vart?
Gåtan, som icke låter...

Тема повторяемости жизненного цикла выражается в стихотворении и посредством символического образа вечного круговорота в природе: зима сменяется весной, что знаменует возвращение ласточки, чередование дней и ночей обозначено мотивом циклического движения месяца. Кольцевая композиция произведения подчёркивает значимость круговорота как символа. В заключительной строфе течение времени сравнивается с потоком водопада, источник которого нельзя рассмотреть с земли — ещё один символ недостижимости тайны жизни: вопрос Томтена остаётся без ответа. Для сверхъестественных сил вопрос о конечной цели человеческого существования является загадкой — такова мысль поэта, что символизирует образ домового. К. Варбург пишет, что в этом стихотворении автор «поставил вопросы, которые волновали его как богослова, мыслителя и поэта, вопросы происхождения и эсхатологии, начального и конечного, вопрос “откуда и куда?”» [5, s. 448].

К той же проблематике Рюдберг обращается в стихотворении «Фея — к девочке» (*Älvan till flickan*, 1881), где возникает схожий мотив: мифологическое существо стремится разгадать тайну человеческого бытия. Главная героиня стихотворения — фея (*en älva*), олицетворяющая речной ручей. Она наблюдает за купающимся в реке ребёнком и сравнивает его судьбу со своей. Речная фея понимает, что жизнь этой девочки пойдёт по тому же пути, что и жизнь других людей. Однако сила природы, олицетворяющая ручей, обременена вечным существованием. С удивлением и завистью она отмечает подверженность человека изменениям как динамическое существование в противовес её собственному — статическому.

Стихотворение состоит из трёх строф, однотипных по форме. В каждой строфе по двенадцать стихов: два коротких четырёхстопных, рифмующихся попарно, чередуются с одним восьмистопным — подобный терцет повторяется четырежды. При этом все восьмистопные стихи во всех трёх строфах рифмуются между собой, а последний стих в каждой строфе повторяется. Каждая из трёх строф соотносена с одним из этапов жизни человека: первая — детство и начало взросления, вторая — окончательное взросление, женитьба и материнство, третья — смерть. В коротких двустишиях переданы наблюдения речной феи за

ребёнком, в восьмистопных — её размышления о собственном непрерывном существовании. Форма здесь определяется содержанием: короткие строки посвящены переменчивой и кратковременной человеческой жизни, а длинные строфы, в которых сохраняется рифма и часто повторяются одни и те же слова, передают состояние бессмертия и неизменности.

Символы в стихотворении образуют антитезы: фея непосредственно связана с водной стихией, девочка — с огненной, человек «загорается» чувством и «сгорает», когда умирает, вода же остаётся цельной и неизменной.

Рассуждения феи о смысле человеческой жизни достигают кульминации в третьем терцете третьей строфы:

Ах, течение моей реки никогда не достигнет
Цели, к которой ведёт твоя дорога,
Когда жизни радость оправдывает её
и оправдывает её тоска.

Ack, mitt flodlopp aldrig hinner
målet, som din bana vinner,
då av livets fröjd förklarad och förklarad
av dess kval.

В этой сентенции содержится единственная возможная разгадка тайны человеческой жизни. Но суть жизни ради самой жизни во всех её проявлениях непостижима для существа, живущего вечно, такого как фея или Томтен.

В стихотворении «Священное дерево» (Vårdträdet, 1888) Рюдберг обращается к образу липы. Текст состоит из двух частей: в первой изображено священное дерево, роль которого здесь выполняет липа, растущая на хуторе. Лирический герой первой части — седовласый старик, обращающийся к дереву, которое стало жертвой шторма. Пока другие жители дома оплакивают упавшее дерево, старик говорит о его будущем возрождении — новой жизни в потомстве. Стихия символизирует технический прогресс, отдаляющий человека от естественной среды, а речь героя — грядущее возвращение человека к природе и возрождение памяти о прошлом: новое дерево, растущее на месте упавшего, олицетворяет родовую память человека, связывающую шведа с древней традицией Севера. Эта память вечна, так как она укоренена в прошлом, как дерево в земле.

Во второй части стихотворения возникает образ ясеня Иггдрасиля — тем самым тема священного дерева приобретает более широкий контекст. В заключительных строфах Иггдрасиль именуется «всеобщим священным деревом» (alltets vårdträ). Обращение к древнескандинавской мифологии

подчёркивает не только единство человека с природой, но и связь шведов — современников Рюдберга — с общим для всей Скандинавии историческим прошлым. Сама по себе оппозиция «природа — цивилизация» является одним из наиболее частотных мотивов в искусстве романтизма. Однако изображение цивилизации как разрушительной для природы силы обусловлено не столько влиянием романтической литературы, сколько реакцией автора на события современности: развитие технологий и урбанизации, ухудшение условий труда, появление новых философских концепций.

В то время Рюдберг задумывается о положении рабочих: отчасти это происходит под влиянием друга поэта, либерального политика Эрнста Бекмана, в разговоре с которым у него возникла идея написать художественный текст о положении рабочих, нашедшая воплощение в поэме «Новая Песнь о Гротти» (Den nya Grottesången, 1891). В ней автор даёт критическую оценку урбанизации и механизации жизни, используя и трансформируя сюжет древнескандинавской «Песни о Гротти». Мельница, перемалывающая людей, становится символом эксплуатации человека. Однако, как отмечает шведский историк литературы И. Алгулин, «ужасающие условия труда, описанные в поэме, не соответствуют условиям работы в Швеции того времени, а имеют, скорее, обобщённое международное значение» [6, р. 97]. В то же время, поэма охватывает более широкий круг волновавших автора вопросов, нежели сугубо социальная проблематика. В прозаическом послесловии к поэме автор, будучи приверженцем идеализма, обрушивается с критикой на современные материалистические концепции, на ницшеанство и социалистические утопические теории, которые, с его точки зрения, тоже приводят к мельнице Гротти. Мельница становится развёрнутой метафорой, в которую Рюдберг облекает свои размышления о социально-политических проблемах и философских теориях своего времени.

Таким образом, для поэтического стиля Виктора Рюдберга характерно использование мифологических и фольклорных образов и мотивов для выражения волнующих автора социально-политических и философских проблем, актуальных для его времени. В этом его расхождение с романтиками, для которых мифология и народное творчество сами по себе имели значение как способ вернуться к древним истокам. Стиль романтических текстов, основанных на мифологическом и фольклорном материале, отражает

стремление авторов следовать стилистике народного творчества, что Рюдбергу не присуще. Общим для Рюдберга и романтиков становится принцип контраста: мифологические герои противопоставляются людям, природа — цивилизации. Однако и здесь отличие стиля постромантического автора в том, что его антитезы служат задаче поднять конкретные проблемы, в то время как для романтиков антитеза является способом отражения двойственности самой реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Халтрин-Халтурина Е.В.* «Поэзия воображения» в Англии конца XVIII — начала XIX в.: стилиевая динамика в эпоху романтизма: автореферат дис. ... доктора филол. наук. М., 2012. 38 с. [Haltrin-Khalturina, E.V. "Poeziya voobrazheniya" v Anglii konca XVIII — nachala XIX v.: stilevaya dinamika v epohu romantizma: avtoreferat dis. ... doktora filol. nauk
2. *Махов А.Е.* Реальность романтизма. Очерки духовного быта Европы на рубеже XVIII–XIX веков. Тула: Аквариус, 2017. 305 с. [Makhov, A.E. *Realnost romantizma. Ocherki duhovnogo byta Evropy na rubezhe XVIII–XIX vekov* [The Reality of Romanticism. Essays on the Spiritual Life of Europe at the Turn of the 18th — 19th Centuries]. Tula: Akvarius Publ., 2017. 305 p. (In Russ.)]
3. *Schuck H., Warburg K.* Illustrerad Svensk Litteraturhistoria. D. 7. Den nya tiden (1870–1914). Stockholm: Hugo Gebers Förlag, 1932. 718 s. (In Swedish)
4. *Granlid H.* Nya grepp i Viktor Rydbergs lyrik. Stockholm: Rabén & Sjögren, 1973. 163 s. (In Swedish)
5. *Warburg K.* Viktor Rydberg, hans levnad och diktning. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 1913. 663 s. (In Swedish)
6. *Algulin I.* History of Swedish Literature. Stockholm: Swedish Institute, 1989. 287 p.

Дата поступления материала в редакцию: 7 мая 2024 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 5 июня 2024 г.

Статья принята к публикации: 15 июня 2024 г.

Дата публикации: 31 августа 2024 г.

Received by Editor on May 7, 2024

Revised on June 5, 2024

Accepted on June 15, 2024

Date of publication: August 31, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024040126

Текстология рассказа И. А. Бунина «Тишина»: элегия в прозе

© 2024 г. М. С. Щавлинский

Аспирант, младший научный сотрудник
Института мировой литературы, им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ORCID ID: 0000-0001-5156-8999
maxim.shavlinsky@gmail.com

Резюме. В 1901 г., вернувшись из своей первой заграничной поездки, И.А. Бунин написал рассказ, по мотивам путешествия по Швейцарии в компании В.П. Куровского, «На Женевском озере» (позднее «Тишина»). Этот текст единственное прозаическое произведение писателя, которое содержит посвящение. Фигура Куровского (романтического персонажа) очень увлекала молодого Бунина, ему позднее он посвящал и стихи.

В статье показано сквозь текстологическую призму, как от редакции к редакции (текст переиздавался 7 раз) трансформировался элегический рассказ писателя. Бунин сохранил первоначальные установки поэтики романтизма, но старательно ретушировал излишнюю эмоциональность текста, избавлялся от романтических клише, сокращал объем интертекстуальных связей, а также проводил характерную для зрелого Бунина-писателя середины 1910-х годов стилистическую правку.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00347) «Раннее творчество И.А. Бунина: поэзия, проза, критика, публицистика, переводы (1883–1902 гг.) в ИМЛИ РАН».

Ключевые слова: И.А. Бунин, В.П. Куровский, «Тишина», поэтика, текстология, элегия, романтическая традиция, интертекст, травелог, история текста.

Для цитирования: Щавлинский М.С. Текстология рассказа И.А. Бунина «Тишина»: элегия в прозе // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 4. С. 119–129. DOI: 10.31857/S1605788024040126

The Textology of I. A. Bunin's Short Story "Silence": Elegy in Prose

© 2024 Maksim S. Shchavlinskiy

Graduate Student, Junior Researcher
at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ORCID ID: 0000-0001-5156-8999
maxim.shavlinsky@gmail.com

Abstract. In 1901, after returning from his first trip abroad, I.A. Bunin wrote a short story based on a trip to Switzerland in the company of V.P. Kurovsky, "On Lake Geneva" (later "Silence"). This text is the only prose work of the writer that contains a dedication. The figure of Kurovsky (a romantic character) fascinated the young Bunin, and he later dedicated poetry to him.

The article shows through a textual prism how the writer's elegiac story was transformed from edition to edition (the text was reprinted 7 times). Bunin retained the original principles of the poetics of romanticism, but diligently retouched the excessive emotionality of the text, got rid of romantic clichés, reduced the

amount of intertextual connections, and also carried out the stylistic text editing characteristic of the mature Bunin of the mid-1910s.

Acknowledgements. The reported study was funded by RSCF (research project 22-18-00347).

Key words: I.A. Bunin, V.P. Kurovsky, “Silence”, poetics, textual criticism, elegy, romantic tradition, intertext, travelogue, text history.

For citation: Shchavlinский, M.S. *Tekstologiya rasskaza I. A. Bunina “Tishina”: elegiya v proze* [The Textology of I.A. Bunin’s Short Story “Silence”: Elegy in Prose]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 4, pp. 119–129. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024040126

В феврале 1901 г. Бунин начал работу над рассказом «Тишина» [1, с. 396]. 8 мая 1901 г. в письме Ю.А. Бунину, писатель сообщал: «...написал я почти до конца (все не кончены, но вот-вот кончу) 4 небольших рассказа» [2, с. 374], подразумеваемая рассказы: «Скит», «Тишина», «Костер», «В августе». В мае рассказ был дописан [1, с. 414] и 28 мая отправлен в журнал «Мир Божий», о чем Бунин в письме сообщил брату: «Послал 3 стиха в “Мир Божий” и рассказ — очень маленький» [2, с. 376, 654]. Рассказ был опубликован под заглавием «На Женевском озере» (МБ)¹ 1 июля 1901 г. Уже в следующем году, в *СС (6)-I-I²* Бунин меняет заглавие произведения на «Тишина», под этим заглавием текст переиздавался позднее.

Как отмечала В.Н. Муромцева-Бунина, рассказ автобиографичен: «Женева и Женевское озеро отразились в рассказе “Тишина” Бунина» [5, с. 182]. Многие другие исследователи вторили ей, да и сам Бунин, сделав в конце рассказа посвящение своему другу В.П. Куровскому³ — очевидно не скрывал автобиографические корни этого произведения.

Товарищу, с которым я пережил так много в пути, одному из немногих, которых я люблю, посвящаю эти немногие строки. Посылаю мой привет всем друзьям нашим по скитаниям, мечтам и чувствам. (ПСС)⁴

Как отмечала В.Н. Муромцева: «Иван Алексеевич <...> был “прямо влюблен в него”. Те, кто близко соприкасались с этим человеком: семья, друзья, даже знакомые, — все относились к нему, как к замечательной личности. // Особенно им было хорошо в Швейцарии» [5, с. 182]. Позднее Бунин посвятил Куровскому еще несколько стихотворений: «В море». (Посвящается В.П. Куровскому) («Высоко наш флаг трепещет...», 1901),

«Зимний день в Оберланде». В.П. Куровскому («Лазурным пламенем сияют небеса...», 1902) и стихотворение «Памяти друга», написанное после смерти Куровского (1916).

Владимир Павлович Куровский (1869–1915) жил и работал в Одессе. Куровский был художником, в основном писал пейзажи, марины и тематические картины. Принимал активное участие в выставках южнорусских художников как организатор и участник (1901–1913). Хорошо знал одесских художников и писателей. У Бунина и Куровского было много общих друзей: М.А. Федоров⁵ (1868–1949), П.А. Нилус (1869–1943), Е.И. Буквоецкий (1866–1948) и пр.⁶ С Куровским Бунин познакомился в Одессе в конце января — начале февраля 1899 г. [1, с. 304]. В Одессе Куровский в разные годы работал: делопроизводителем городской управы и совета, банковским служащим, смотрителем музея изящных искусств (1898–1915). В 1915 г. покончил жизнь самоубийством.

Куровский в августе 1900 г. предложил Бунину вместе отправиться в путешествие: «поедем вместе за границу и непременно поедем через Швейцарию, остановимся в Люцерне, Женеве»⁷. Начиная с сентября 1900 г. друзья стали готовиться к путешествию.

За границу художника послала Одесская городская управа, видимо, с целью посетить разные

⁵ Изначально Федоров планировал поехать вместе с Буниным и Куровским в путешествие, в письме от 27...29 июля 1900 г. он писал Бунину: «Весьма и даже очень вероятно, что в октябре и я с Куровским и тобой поеду в Париж» [1, с. 359].

⁶ В.Н. Муромцева-Бунина не раз отмечала, важность дружеских поездок для Бунина, так в письме от 6 или 7 апреля 1912 г. она писала: «Прочла твою “Тишину”, да поезжай с Нилусом в Испанию, с друзьями ты сентиментальнее, чем со мной, и чувствуешь все гораздо менее суше и любишь вспоминать с ними о своих поездках, тогда как со мною все у тебя сереет» (ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/98 оф. Цит. по: [7, с. 184]). Важно добавить, что с В.Н. Муромцевой Бунин ездил в путешествия множество раз, самым литературным следует назвать несколько их совместных путешествий на Восток в 1907 и 1910–1911 гг. Они отражены в книге «Тень Птицы».

⁷ ОГЛМТ. Ф. 14. № 3046/4 оф. Цит. по: [1, с. 362].

¹ Здесь и далее: см. [3].

² Здесь и далее: см. [4].

³ Стоит отметить, что перед нами единственный прозаический текст, который Бунин посвящал кому-либо, хотя, конечно, фамилия Куровского в тексте не встречается.

⁴ Здесь и далее: см. [6].

картинные галереи и музеи европейских городов, перенять опыт европейских выставок: «Относительно того, куда ехать, — дело для меня вполне решенное, — выбора нет, ведь я еду не на свои средства, а в командировку и должен побывать в возможно большем числе европейских городов»⁸. Изначально планировалось отправиться из Одессы не позднее 5–6 октября⁹, но они отправились позже: 7 октября Бунин приехал в Одессу, остановился у Куровского, 11 октября они вместе поехали в Варшаву, 14 октября — в Берлин, 17 октября — в Кёльн, 18 октября — в Париж. Они много гуляли по городу и его окрестностям, ходили в музеи, посетили всемирную выставку [5, с. 182]. 28 октября они отправились в Женеву, прибыли вечером. В Швейцарии друзья решили вести здоровый образ жизни: «они вели чистый образ жизни, бросили курить, пили мало вина и много ходили пешком» [5, с. 182], это также отражено в тексте рассказа. В Швейцарии друзья ходили в горы, побывали во многих городах: Лозанне, Веве, Монтрё, Берне, Интерлакене, Гринденвальде, Мюррене, Бриенце, Брюниге, Люцерне. 7 ноября Бунин и Куровский отправились в Мюнхен, 12 ноября — в Вену, на следующий день они уехали в Прагу, 14 ноября — в Дрезден. Друзья посещали музеи, картинные галереи, ходили по городу. 17 ноября Бунин приехал в Санкт-Петербург [1, с. 373–380].

Само путешествие по Женевскому озеру и свои впечатления от него Бунин подробно описал в письме Ю.А. Бунину от 5 ноября 1900 г.:

Выехали из Парижа 10-го, вечером приехали в Женеву¹⁰. <...> ...вышли утром и поразились тихим, теплым утром. Из нежных туманов, скрывавших все впереди, проступали вдали горы и озеро, нежное, лазурно-зеленого цвета. <...> Взяли лодку, купили сыру и вина и вдвоем, без лодочника, уехали по озеру. В час, когда еще утро, но к полудню было очень хорошо. Тишина, солнце, лазурное, заштилевшее озеро, горы и дачи. В тишине — звонкие и чистые колокола, издали — и тишина, вечная тишина озера и гор. Думал о той тишине, которая царит в заповедном царстве Альп, где только сдержанный шум водопадов, орлы и пригревает полдень. Помнишь, как в «Манфреде». Он один. «Уж близок полдень»... Берет из водопада воды хрустальной в пригоршни и бросает в воздух. В радуге водопада появляется Дева гор или, кажется, Земля... и т.д. Потом возвратились на набережную. <...> В деревне Верье закусили и пошли на гору «Sieve». <...> Наконец. Было часа 4. Пошли к Трэ-Зарбр, сказали, что оттуда виден Монблан. Путь вообще был труден и долг. Пошли в гору, по лесу, засыпанному листьями, по каменистой

дороге. <...> Устали, наконец, сильно. А уже сумерки. Дошли наконец до вокзальчика — пустого — зубчатой железной дороги. <...> Наконец пришли в большой, но конечно, весь пустой отель. Но как славно провели там вечер! <...> Проснулись — свежие, розовые от ветра и холода горного утра. Пошли в Женеву, внизу долина так далеко, что Леман казался как на карте. // В тот же день уехали по озеру в Лозанну. На закате видели славную картину — все озеро густо-лиловое и солнечный столб по нему необыкновенно желтый, яркий. В Лозанне переночевали, вышли — туманно, мягко, нежно и колоссальные снеговые горы к югу сквозь туман. Внизу — озеро, в белесой светлой мгле. Потом зашли на гору, обрыв, виноградники лицом к югу, к солнцу — опять Италия [2, с. 335–337].

Из письма становится очевидно, что в хронотопе рассказа писатель соединил события нескольких дней в один, путешествий по озеру на лодке было несколько. Несовпадение реального и литературного путешествий Бунина мы можем встретить в ранних травелогах Бунина: «На Донце» (1897), «Казацким ходом» (1900) или в книге очерков «Тень Птицы» (или «Храм Солнца», 1908–1933)¹¹.

* * *

Критики и современники положительно встретили рассказ. Н.П. Эспозито в письме от 14 мая 1902 г., прочитав рассказы Бунина в *СС (6)-I-1*, писала: «Вы в ваших рассказах свою душу всю показали, и как она мне симпатична и сродственна. Мне в особенности близки «Тишина», «Туман», «Надежда», «Перевал», «Костер», «Новая дорога», «Осень», потому что в них я вижу вас таким, какой я сама была, я сама передумала и перечувствовала то, что вы описываете. Я даже на Женевском озере в лодке каталась и сама гребла, как и вы, я останавливалась и долго смотрела в синюю прозрачную глубину, отражающую глубину небес. Только я жила в восточном углу озера, где вода глубже, горы выше и Италия ближе. Ах, Italia!» [9, с. 414–415].

Н.П. Ашешов в рецензии на *СС (6)-I-2*¹² определял рассказы Бунина как «стихотворения в прозе». Для критика это скорее положительная характеристика прозы писателя: «При преобладании таких черт в даровании г. Бунина, естественно, что у большинства его рассказов — белые стихи без размера, в которых и горы и море, <...> и тишина озера, и вечное стремление к красоте — все это пропитано одинаковой гармонией, короткой, пессимистической, но нарядной мелодии, звучащей как отрывок элегии на скрипке».

⁸ ОГЛМТ. Ф. 14. № 3046/18 оф. Цит. по: [1, с. 366].

⁹ ОГЛМТ. Ф. 14. № 3046/5 оф. Цит. по: [1, с. 366, 368].

¹⁰ Здесь и далее выделено мной — М.Ш.

¹¹ См. подробнее: [8].

¹² Здесь и далее: см. [10].

Однако критик сожалеет об избранном Буниным творческом пути: «По-видимому, эта поэтическая область — та сфера, из которой г. Бунину нет возврата. Очень жаль! У него превосходный арсенал, чтобы подойти вплотную к жизни, а не только рассматривать ее с высоты субъективных ощущений и пейзажных красот» [11, стб. 599].

Схожую оценку дал А. Богданович. Критик перечисляет короткие рассказы Бунина (в том числе «Тишину») и называет их рассказами-«настроениями», «стихотворениями в прозе», однако для него это скорее негативная оценка, он высоко ценит другие очерки Бунина («Байбаки», «Тарантелла», «Кастрюк»). Хотя и в рассказах-«настроениях» критик признает дарование писателя [12, с. 111–112].

24 апреля 1909 г., выставляя кандидатуру Бунина на звание почетного академика по Разряду изящной словесности Императорской Академии наук, К.К. Арсеньев в записке-представлении писал «Особенно удаются ему описания природы: он идет здесь по стопам Тургенева, нисколько ему не подражая. С помощью их одних он умеет сделать привлекательным целый рассказ (напр., “Тишина”, “На Донце”)), записку также подписали: Н.А. Котляревский и Д.Н. Овсяннико-Куликовский [1, с. 802].

Н.Н. Мешков, напротив, остался не вполне удовлетворенным бунинскими рассказами, в рецензии на *ПР*¹³, помещенной в московском журнале «Путь», он писал: «Может быть, менее удаются Бунину те рассказы, в которых он пытается овладеть символическим методом, провести параллели между своими личными переживаниями и настроениями природы... Таковы: “Перевал”, “Туман”, “Тишина”, “Надежда”... Но и здесь Бунин — все тот же тонкий поэт и художник, певец красоты и очарования природы» [14, с. 66].

А.Б. Дерман в своей статье «И.А. Бунин» вновь сравнил рассказ «Тишина» со стихотворением в прозе: «Между рассказами Бунина, вошедшими в 1 том, и первоначальными его стихами нет большого различия. Напротив, читая иные из этих рассказов, чувствуешь случайность их прозаической формы, чувствуешь, что и “Тишина”, и “Перевал”, и “Костер” и многие другие — суть воплощения поэтических вдохновений автора. Между этими вещами и стихами Бунина разница лишь в форме, в характере ритма» [15, с. 52].

Оценка критиков: «стихотворение в прозе» коррелирует с нашей, но, как нам кажется, требует

уточнения — перед нами элегия, написанная в контексте романтической традиции¹⁴.

* * *

Текст публиковался 7 раз. Впервые в *МБ*, на следующий год в значительно переработанном виде в *СС (6)-1-1*. С каждой новой публикацией текст сокращается, формулировки оттачиваются, описание пейзажа становится намеренно недостаточным, рваным, диалог персонажей становится более лаконичным. Кроме того, исчезают или изменяются некоторые бытовые детали: изначальные упоминания о том, откуда приехали путешественники, в какой гостинице остановились (*МБ*) к следующей публикации уже исчезают *СС (6)-1-1*. При подготовке *СС (6)-1-2* Бунин минимально сократил текст, заменил некоторые эпитеты и словосочетания, внес пунктуационные изменения. Текст в изданиях *СС (6)-1-2* и *СС (6)-1-3*¹⁵ идентичен. Переработке текст подвергся при подготовке сборника *ПР*, на этот раз Бунин сократил и переработал ряд предложений, а также внес пунктуационные изменения. Текст в издании *П*¹⁶ перепечатан без изменений, но с двумя незначительными опечатками. При подготовке *ПСС* текст вновь был исправлен: сокращен, пунктуационно изменен, некоторые эпитеты и фразы были заменены¹⁷. Для Бунина характерна общая тенденция к сокращению текста. Особенно ярко она проявилась во второй половине 1900-х — первой половине 1910-х годов. Этот текст не стал исключением¹⁸. К этим годам Бунин-прозаик достиг зрелости и окончательно выработал свой собственный стиль. «Тишина», на наш взгляд, характерный для молодого Бунина экспериментальный текст, связывающий его с символистскими тенденциями

¹⁴ Рассказ И.А. Бунина «Тишина» не анализировался с точки зрения текстологической эволюции текста. Как правило, исследователи обращали внимание на стиль произведения [16] или на философский аспект «тишины» в произведениях Бунина [17]. Вопрос о том, как изменился смысл произведения из-за редактирования текста, не исследовался.

¹⁵ Здесь и далее: см. [18].

¹⁶ Здесь и далее: см. [19].

¹⁷ Важным текстологическим уточнением служат рукописные записи, оставленные Буниным в томах *ПСС*: «Иногда рядом появляется новая надпись: “взять”, “можно взять”, “Взять из издания ‘Петрополис’”. Почти все оставленные Буниным тексты имеют авторскую правку (учтена в Собр. соч. 1965–1967). Во втором томе (стр. 3) — полустертая надпись: “Никуда, никогда не брать из этого тома” — и дальше перечень рассказов: “Перевал”, “На хуторе”, “Байбаки”, “Без роду-племени”, “Поздней ночью”, “В августе”, “Тишина» [9, с. 486]. Видимо, по этой причине, Бунин в эмиграции не переиздавал «Тишину».

¹⁸ См. подробнее: [20].

¹³ Здесь и далее: см. [13].

в русской литературе конца XIX — начала XX в., где писатель пробует себя в разных жанрах и в разных стилях. Правка Бунина данного рассказа позволяет оценить общие тенденции правки во второй половине 1900-х — первой половине 1910-х годов, когда писатель начал отказываться от разных стилистических влияний (символизм, народничество) в своей ранней прозе, а также от клише.

Первое, значительное расхождение задано уже в заглавии. Заголовок «На Женевском озере» сам по себе является ярчайшим маркером романтизма, неким литературным (священным) пространством, где бывали: Байрон, Шелли, Мопассан. Тем не менее, хоть и конечный вариант текста содержит в себе все атрибуты романтического произведения, перед нами пример сильного и намеренного сокращения. Сравним первый и последний вариант текста:

«На Женевском озере»
(МБ)

— Ну,— сказал он, выпьем за горы — за неиссякаемый и чистый источник красоты! Помнишь ты «Манфреда»? Манфред один в Бернских Альпах, у водопада. Полдень. Он произносит заклинания, берет в пригоршни воды и бросает ее в воздух. В радуге водопада появляется дева гор. <...>

Я хотел сказать, что вот на этом озере были когда-то великие и чистые души... Шелли, Байрон... потом Мопассан, одинокий и носивший в своем сердце жажду счастья целого мира. И все мечтатели, все любившие и молодые когда-то женщины и мужчины времен Данте и Мюссе, Вертера и Жан-Жака Руссо, все, которые приходили сюда за счастьем, все уже прошли и скрылись куда-то навсегда. Так пройдем и мы с тобой... Хочешь вина? [3, с. 37]

«Тишина» (ИСС)

Помнишь ты «Манфреда»? — сказал товарищ. — Манфред в Бернских Альпах, у водопада. Полдень. Он произносит заклинания, берет в пригоршни воды и бросает ее в воздух. В радуге водопада появляется Дева Гор...<...>

Вот на этом озере были когда-то Шелли, Байрон... потом Мопассан, одинокий и носивший в своем сердце жажду счастья целого мира. И все мечтатели, все любившие и молодые когда-то, все, которые приходили сюда за счастьем, все уже прошли и скрылись навсегда. Так пройдем и мы с тобой... Хочешь вина? [6, с. 241]

Летом 1816 г. на Женевском озере на вилле Диодати Дж.Г. Байрон (1788—1824) познакомился с Перси Биши Шелли (1792—1822, английский поэт-романтик) и Мэри Шелли (1797—1851, английская готическая писательница, известная романом «Франкенштейн, или Современный

Прометей» (1818)). На вилле писатели придумывали разные страшные истории. В том числе здесь Мэри Шелли придумала историю о Франкенштейне. Известно, что на вилле Байрон написал третью песню поэмы «Паломничество Чайльд-Гарольда» (1812—1818). Мопассан бывал в Швейцарии несколько раз, впервые в 1877 г., в последний раз в 1891 г. Бунин использует авторские ремарки Байрона в начале второй сцены драматической поэмы «Манфред» (1817): «Нижняя долина в Альпах. — Водопад. <...> Зачерпывает на ладонь воды и бросает ее в воздух, вполголоса произнося заклинания. Под радугой водопада появляется Фея Альп». В сентябре-октябре 1900 г., накануне путешествия, Бунин начал работать над переводом «Манфреда» [1, с. 371]. Об этом же свидетельствует В.Н. Муромцева-Бунина: «Иван Алексеевич переводил в то время Манфреда, и ему захотелось заглянуть всюду, где “бывал Манфред”» [5, с. 182]. Об этом же Бунин писал брату в письме от 5 ноября 1900 г.: «Помнишь, как в “Манфреде”. Он один. “Уж близок полдень”... Берет из водопада воды хрустальной в пригоршни и бросает в воздух. В радуге водопада появляется Дева гор или, кажется, Земля...» и т.д. [2, с. 335]. Интересно и то, что в письме брату слова о «Манфреде» принадлежат Бунину, в рассказе они произносятся Куровским¹⁹.

Отдельного внимания заслуживает Мопассан, произведения которого (и, в частности, травелог) Бунин читал и хорошо знал. Характеристика, которой Бунин наделяет Мопассана, на наш взгляд, содержит в себе аллюзии на разные произведения Мопассана, т.к. выражает целый комплекс присущих писателю мотивов. Подобное мироощущение, например, можем обнаружить в произведении «На воде», (опубл. 1888) дневнике, в котором описано 9-дневное путешествие на яхте по Средиземному морю (1887):

...и я уже упиваюсь одиночеством, упиваюсь сладостным покоем <...> Да, я жаждал всего и ничем не наслаждался! Мне бы жизненную силу всего рода человеческого, разум, отпущенный всем существам земным, все таланты, все силы и тысячу жизней вместо одной, ибо все манит меня, все соблазняет мою мысль, и я обречен все созерцать, не владея ничем [21, с. 364, 397].

Другой пример интертекстуального пересечения Бунина с Мопассаном можно обнаружить в этом фрагменте: «Солнце стоит над глубокими и со всех сторон замкнутыми долинами, орел парит в огромном пространстве между ними и небом... И вечная тишина надо всем! Только нас

¹⁹ Об этом переносе говорящего в реальном и в литературном путешествии см. ниже.

двое, и мы идем все дальше в глубину гор, как те, которые гибнут в поисках эдельвейса...» [6, с. 241].

Эдельвейс — цветок семейства астровых. Широко распространен в регионе альпийских гор. В мировой культуре образ эдельвейса часто упоминается в различных произведениях и ассоциируется с труднодоступностью, любовью и удачей. Характерно, что в рассказе Мопассана «На водах (Дневник маркиза де Розевейра)» (1883), действие которого разворачивается в городке Лозэ и его окрестностях, главный герой со своей спутницей отправляются на прогулку вдоль озера (вероятно, Женевского) и по пути находят эдельвейс: «Через час после того, как мы снова двинулись в путь, мы увидели в глубине воронки из гранита и снега черное, мрачное озеро, совершенно гладкое, без малейшей ряби; мы долго ехали по его берегу. Проводник принес нам несколько эдельвейсов, бледных цветов, растущих вблизи ледника. Берта приколотла их букетиком к корсажу» [22, с. 111].

Иные упомянутые имена не менее значимы. Жан-Жак Руссо (1712–1778) родился в Женеве. Местом действия в его романе-бестселлере «Юлия, или Новая Элоиза» (опубл. 1761) была Женева и Женевское озеро. Стоит также упомянуть «Исповедь савойского викария» из другого популярного романа Руссо «Эмиль или о воспитании» (1762–1767). В 1834 г. остров лодок (*фр.* l'Île des barques), находящийся в устье реки Рона, впадающей в Женевское озеро, был переименован в остров Руссо (*фр.* l'Île Rousseau). На острове в 1835 г. установлен памятник философу. Французский поэт-романтик Альфред де Мюссе (1810–1857) был в Женеве в 1833 г. Сентиментальный роман Иоганна Вольфганга фон Гёте (1749–1832) «Страдания юного Вертера» (1774) никак не связан с Женевой — место действия скорее напоминает немецкий город Вецлар, где Иоганн Вольфганг фон Гёте (1749–1832) проходил адвокатскую практику в 1772 г., — однако сам Гёте бывал в Швейцарии трижды: 1775, 1779 и 1797 гг. Во время последнего путешествия Гёте побывал в Женеве, что отражено в «Письмах из Швейцарии» (опубл. 1808): «Мы приехали в Женеву» [23, с. 115]. По всей вероятности, роман Гёте причислен Буниным субъективно, на основе личных ощущений. Упоминание Данте (1265–1321, о том, бывал ли Данте на Женевском озере, ничего неизвестно) и его «времен» добавляет необходимый (романтический) пафос, задавая длительную литературную и историческую перспективу.

Похожее перечисление имен писателей, в разное время посещавших озеро, можно встретить в путеводителе Бедекера: «The lake has for centuries

been a favourite theme with writers of all countries — Byron, Voltaire, Rousseau, Alex. Dumas, and many others»²⁰ [24, p. 223]. О том, что Бунин пользовался путеводителем²¹, узнаем из первой публикации (МБ) рассказа: «зашли в отель за путеводителем» [3, с. 34].

Литературную матрицу романтизма дополняют также иные указанные в тексте образы, хорошо известные русскому и европейскому читателю-современнику Бунина. Вот лишь один из них: «А вон Савойя — родина тех самых мальчиков-савояров с обезьянками, о которых читал в детстве такие трогательные истории!» [6, с. 239].

Савойские горы — территория у альпийских гор, находящаяся между Францией, Италией и Швейцарией. С начала XV в. до середины XIX в. Савойя была самостоятельным герцогством. Савоярами (*фр.* savoyards, от Савойя (*фр.* Savoie)) обычно называли бродячих артистов и музыкантов. «Савояр» стал именем нарицательным, не обязательно привязанным к географической территории Савои. Образ мальчика-савояра с обезьянкой, сурком, морской свинкой или каким-нибудь еще животным, а также с шарманкой или бубном был популярен в европейской культуре с конца XVIII в. См., например, известное стихотворение «Сурок» (*фр.* “Marmotte”) из пьесы Иоганна Вольфганга фон Гёте (1749–1832) «Ярмарка в Плундерсвейлере», (1773). Людвиг ван Бетховен (1770–1827) положил эти стихи на музыку (публ. 1805 г.), что способствовало популяризации образа мальчика-савояра. Также известна

²⁰ Озеро на протяжении веков было излюбленной темой писателей всех стран — Байрона, Вольтера, Руссо, Александра Дюма и многих других. (*Пер. с англ. — М.Ш.*)

²¹ В конце XIX в. были распространены разные путеводители. Весьма популярным был путеводитель «Бедекер», издаваемый с 1839 г. немецким издателем Карлом Бедекером (1801–1859), позднее его дети значительно расширили семейное дело: «Бедекеры» продавались по всей Европе и были переведены на все европейские языки, в том числе на русский. «Русский Бедекер» по Швейцарии впервые был издан в 1909 г. (Киев: изд. П. Копельмана), хотя русскоязычные путеводители по Швейцарии известны с 1860–70-х годов (например, путеводители Н. Майского (СПб., 1860; переизд. 1865, 1867), П. Якубовича (СПб., 1874) или современные для бунинского путешествия (1890–1900-е) путеводители Л. Брейтфуса (Берлин, 1897), А.П. Ненашева (М., 1901)). Вероятно, Бунин и Куровский могли пользоваться очень популярным в то время путеводителем Бедекера, его французским, английским или немецким изданием: [24] (*пер.* Швейцария: и прилегающие части Италии, Савойя и Тироль: справочник для путешественников). Путеводитель Бедекера по Швейцарии (1844) стал одним из самых известных и регулярно переиздавался.

О том, что Бунин пользовался путеводителями, когда работал над очерками из книги «Тень Птицы» / «Храм Солнца», см.: [25].

сказка французского писателя Жана-Николя Буйи (1763–1842) “Le petit savoyard” («Маленький савояр») из сборника “Conseils à ma fille” («Сказки дочери моей»), 1811 г. (русский перевод извещен с 1816 г., переиздан в 1882 г.). В русской литературе образ мальчика-савояра²² закрепился с середины XIX в. См., например, очерк Д.В. Григоровича (1822–1900) «Петербургские шарманщики», напечатанный в сборнике «Физиология Петербурга» (СПб., 1845), и статью В.В. Толбина (1821–1869) «Петербургские савояры: Уличный тип» (Пантеон. 1853. № 11. Паг. 4-я. С. 37–58).

* * *

Отдельного внимания заслуживает то, как меняется говорящий. Изменения происходят уже во второй публикации.

МБ

— Знаешь, — **сказал я**, — мне часто не верится, что я действительно в тех местах, о которых, бывало, только мечтал, глядя на карту, и часто хочется напомнить себе об этом как-нибудь посильнее. Чувствуешь ты, например, что вот за этими горами, так близко от нас — Италия? Чувствуешь ты юг в этой удивительной осени? [3, с. 35]

СС (6)-1-1

— Знаешь, — **говорил мне товарищ**, — мне часто не верится, что я действительно в тех местах, о которых, бывало, только мечтал, глядя на карту, и часто хочется напомнить себе об этом как-нибудь посильнее. Чувствуешь ты, например, что вот за этими горами, так близко от нас — Италия? Чувствуешь ты юг в этой удивительной осени? [4, с. 279]

Бунин вновь, как и в случае с репликой о «Манфреде», меняет себя с Куровским местами. Первый вариант публикации (*МБ*) вступает в противоречие и со стихотворением «Памяти друга» (1916), посвященным Куровскому после самоубийства:

И ты сказал: «Послушай, где, когда Я прежде жил? Я странно болен — снами, Тоской о том, что прежде был я Бог... О, если б вновь обнять весь мир я мог!» Ты верил, что откликнется мгновенно В моей душе твой бред, твоя тоска [26, с. 163].

Как нам кажется, это намеренное изменение. Таким образом, в тексте появляется однозначная

²² Образ савояра можно встретить и в других бунинских произведениях: в стихотворении «С обезьяной», 1907 г., хорват с шарманкой и обезьяной «бредет» мимо дач рядом с Одессой [26, с. 49–50]. В рассказе «Чаша жизни», 1921 г., находим: «Песчаная улица была не избалована зрелищами. Однажды, когда появился на ней серб с бубном и обезьяной, несметное количество народа высыпало за калитки» [27, с. 452]. Об образе савояра в русской литературе см. подробнее: [28].

дискурсивная направленность: нарратор постепенно отказывается от каких-либо реплик, оставляя за собой роль слушателя, говорить предоставляется персонажу Куровского, который, помимо литературного пафоса, выражает пафос философский (элегический):

МБ

Я подставил стакан, он налил и прибавил с грустной улыбкой:

— Да, скоро пройдем и также не скажем ни себе, ни людям, где счастье? Неужели не скажем? — спросил он, подымая на меня глаза. — Знаешь, так хорошо, что приходит в голову — не здесь ли оно? Может быть оно только в успокоении? Сейчас, например, мне кажется, что когда-нибудь я сольюсь с этой предвечной тишиной, у преддверия которой мы стоим, и что счастье в ней. Пока мы еще среди людей. Но там, вот за этими горами, заповедное царство иной жизни. Там стоят Альпы, увенчанные льдами, и от века слушают глубокую и неизреченную тишину своих долин. Помнишь, у Ибсена Рубек говорит: «Ты слышишь, Майя, тишину?»²³ Это хорошо сказано! Слышишь *тишину гор*, особенную, заповедную тишину? Только почему даже и об ней хочется рассказать женщине? [3, с. 37–38]

ПСС

Я подставил стакан, он налил и прибавил с грустной улыбкой:

— Мне кажется, что когда-нибудь я сольюсь с этой предвечной тишиной, у преддверия которой мы стоим, и что счастье в ней. Помнишь Ибсена: «Ты слышишь, Майя, тишину?» Слышишь ли ты ее, эту тишину гор? [6, с. 241]

Пожалуй, самой значительной и частой переработке был подвержен предпоследний абзац текста, где автор пытался выразить некую эстетическую, оценку путешествия и дать философское резюме тексту: в *МБ*, *СС (6)-1-1*, *СС (6)-1-2* (незначительно), *ПР* и *ПСС* можно встретить абсолютно разные отрывки текста.

МБ

«Скитания! — думал я. — Вечная печаль и радость тех, которые ищут в жизни счастья!» // И мы опять заговорили о том, что так неустанно преследовало нас. Мы опять

СС (6)-1-1

Не спеша работая веслами и прислушиваясь к далекому замирающему звону, мы заговорили о заграничном путешествии в Савойю, о том, сколько времени мы можем пробыть

²³ Парафраз диалога Рубека и Майи из начала первого действия пьесы Г.Ю. Ибсена — норвежского драматурга (1828–1906) — «Когда мы мертвые, пробуждаемся» (1899).

вспомнили старые города Германии, Париж, его парки, Сену, бульвары и тысячи женщин, за которыми мы следили, как за химерой, вечно дразнившей нас и принимавшей все новые и новые образы. Теперь все это было далеко. Но и здесь, в горных скитаниях, которых мы ждали и даже в вечной тишине гор, которую мы предчувствовали, носился перед нами все тот же уходящий и изменчивый образ. // — Все-таки хорошо! — задумчиво сказал мой спутник, прислушиваясь к далекому, замирающему звону. // — Хорошо! — сказал и я. // Потом медленно повернул лодку и взялся за весла. Товарищ поднял свои и всю дорогу до Женевы сидел молча и глядел только в воду. [3, с. 38]

ПР, П

Не спеша работая веслами и прислушиваясь к далекому замирающему звону, мы говорили о завтрашнем путешествии

там-то и там-то, но мысли наши снова невольно возвращались к прежнему, к мечтам о счастье. Мы снова перебрали в памяти старые города Германии, Париж, его парки, Сену, бульвары, музеи, старые храмы. Красота новой для нас природы и красота искусства и религии всюду волновали нас юношеской жадой возвысить до них нашу жизнь, наполнить ее истинными радостями и разделить эти радости с людьми. Женщины, за которыми мы всюду следили в пути, как за химерой, вечно дразнили нас жадой любви, возвышенной, романтической, утонченно-чувственной, почти обожествляющей тот идеально-женственный образ, который мелькал перед нами в отдалении то в том, то в другом лице и теле. Но не сказочное ли это счастье, которое уходит за темные леса и горы все дальше по мере того, как идешь за ним? Издалека, в общем, человеческая жизнь казалась прекрасна, интересна, увлекательна... Вблизи — она была иная. Сколько узких и низменных чувств и мыслей, сколько мелочности, глупости, и животности, сколько пошлых и оскорбительно-некрасивых лиц!.. Теперь мы были у преддверия в царство природы. Но и здесь, на этом голубом озере, и в горных скитаниях, которых мы ждали, — всюду носился перед нами все тот же уходящий, влекущий и изменчивый женский образ и по-прежнему просыпалась тоска по человеку, снова и снова влекла к себе человеческая жизнь, жажда разделить с людьми все, что пробуждала в сердце красота вечного. И на все был один ответ — вечное молчание гор, которое мы предчувствовали... [4, с. 283–284]

ПСС

Не спеша работая веслами и прислушиваясь к замирающему звону, мы говорили о путешествии в Савойю, о том, сколько

в Савойю, о том, сколько времени мы можем пробыть там-то и там-то, но мысли наши снова невольно возвращались к мечтам о счастье. Красота новой для нас природы и красота искусства, религии всюду волновали нас юношеской жадой возвысить до них нашу жизнь, наполнить ее истинными радостями и разделить эти радости с людьми. Женщины, за которыми мы всюду следили в пути, дразнили нас жадой любви, возвышенной, романтической, утонченно-чувственной, почти обожествляющей тот идеально-женственный образ, который мелькал перед нами в отдалении — то в том, то в другом лице и теле. Но не сказочное ли это счастье, которое уходит за темные леса и горы все дальше по мере того, как идешь за ним? Издалека, в общем, человеческая жизнь казалась прекрасна, интересна, увлекательна... Вблизи — она была иная. Сколько узких и низменных чувств и мыслей, сколько мелочности, глупости, и животности, сколько пошлых и оскорбительно-некрасивых лиц! Теперь мы были у преддверия в царство природы. Но и здесь, на этом голубом озере, — всюду носился перед нами все тот же уходящий, влекущий и изменчивый женский образ, снова и снова влекла к себе человеческая жизнь, жажда разделить с людьми все, что пробуждала в сердце красота вечного... [19, с. 358]

Как нам кажется, тот факт, что Бунин множество раз переписал концовку, желая лучше выразить философскую мысль текста, является наиболее красноречивым примером элегической составляющей текста.

* * *

В статье мы старались, на основе текстологических сравнений, показать, как изменялся,

сокращался текст Бунина. Изначально пестривший романтическими клише, аллюзиями текст постепенно оттачивается и лишается изначальной романтической и эмоциональной избыточности. Многие бытовые детали тоже стираются, оставляя перед читателем намеренную недосказанность, неточность.

Текст, посвященный Куровскому, содержит множество автобиографических деталей и свидетельств реальной поездки. Таким образом, перед нами приоткрывается зазор бунинского травелога между реальным и литературным путешествием. Бунин намеренно создает литературное пространство вокруг путешествия. Роль говорящего целенаправленно передана Куровскому как центральной фигуре рассказа.

Особый интерес Бунин проявлял к необходимой для элегии заключительной философской сентенции, о чем свидетельствует частота исправления этого абзаца.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Летопись жизни и творчества И. А. Бунина: В 2 т. / сост. С.Н. Морозов. Т. 1. 1870–1909. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 944 с.
2. И.А. Бунин. Письма 1885–1904 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова, коммент. С.Н. Морозова и др. М.: ИМЛИ, 2003. 767 с.
3. Бунин И.А. На женевском озере // Мир Божий. 1901. № 7. С. 34–38.
4. Бунин И.А. Тишина // Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1: Рассказы. СПб.: Изд. т-ва «Знание», 1902. С. 277–284.
5. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / Вступ. ст., примеч. А.К. Бабореко. М.: Вагриус, 2007. 509 с.
6. Бунин И.А. Тишина // Полное собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. Пг.: Изд. Т-ва А.Ф. Маркс, 1915. С. 238–242.
7. Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. В 2 т. / сост. С.Н. Морозов. Т. 2. 1910–1919. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 1184 с.
8. Щавлинский М.С. Эволюция травелога в раннем творчестве И.А. Бунина: от «Казацкого хода» до «Храма Солнца» // Сб. ст. по результатам XLIX международной научно-практической конференции «Eurasia science» (15 ноября 2022 г.). М.: Научно-издательский центр «Актуальность.РФ», 2022. С. 292–295.
9. Литературное наследство. Т. 84. Иван Бунин. Кн. 2. М.: Наука, 1973. 551 с.
10. Бунин И.А. Тишина // Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1: Рассказы. СПб.: Изд. т-ва «Знание», 1903. С. 273–280.
11. Ашешов Н.П. Рассказы Ив. Бунина // Вестник и библиотека самообразования. 1903. 27 марта (№ 13). Стб. 599.
12. А. Б. [Ангел Богданович]. [Рец.: Рассказы (Сочинения. Т. 1). СПб.: Знание, 1902] // Мир Божий. 1902. № 5. С. 111–112.
13. Бунин И.А. Тишина // Перевал и другие рассказы. М.: Московское книгоиздательство, 1912. С. 330–336.
14. Мешков Н.Н. [Рец. на кн.: Бунин И. Перевал и другие рассказы. М., 1912; Рассказы и стихотворения 1907–1910 гг. М., 1912] // Путь. 1912. № 7 (май). С. 65–66.
15. Дерман А.Б. И. Бунин // Русская мысль. 1914. № 6. Отд. II. С. 52–75.
16. Горбунова Л.В., Крудышева А.М. Стилистический анализ рассказа И.А. Бунина «Тишина» // Неделя науки СПбПУ. Материалы научной конференции с международным участием: В 3 ч. Ч. 1. / отв. ред. А.В. Рубцова, М.С. Коган. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. С. 234–237.
17. Усманова Л.А. Дискурсивная валентность и аспекты ее реализации (на материале лексемы «тишина» в произведениях И.А. Бунина) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Вып. 6.: материалы VI Конгресса РОПРЯЛ (Уфа, 11–14 октября 2018 г.). СПб.: РОПРЯЛ, 2018. С. 540–544.
18. Бунин И.А. Тишина // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1: Рассказы. СПб.: Изд. т-ва «Знание», 1904. С. 273–280.
19. Бунин И.А. Тишина // Перевал: Рассказы 1892–1902 гг. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1913. С. 352–358.
20. Пономарев Е.Р. Жанровый генезис и сюжетология ранней прозы И.А. Бунина // Studia Litterarum. 2022. Т. 7. № 4. С. 178–193.
21. Мопассан Г. де. На воде // Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. М.: Правда, 1977. С. 359–445.
22. Мопассан Г. де. На водах (Дневник маркиза де Розевейра) // Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 4. М.: Правда, 1958. С. 107–116.
23. Гёте И.В. Письма из Швейцарии // Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1978. С. 405–418.
24. Baedeker K. Switzerland: and the adjacent portions of Italy, Savoy, and the Tyrol: handbook for travellers. London: Dulau and Co., 1891. XXIX, 498 p.
25. Щавлинский М.С. «Храм Солнца» И.А. Бунина — неоконченный проект освоения Востока // Иван Бунин и его время: контексты судьбы — история

- творчества / ред.- сост. Т.М. Двинятина, С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН; Литфакт, 2021. С. 934–952. (Академический Бунин; Вып. 3).
26. Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. Т. 2. / вступ. ст, сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинятиной. СПб.: Вита Нова, 2014. 541 с.
 27. Бунин И.А. Чаша жизни // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. / Подгот. текста и комментарии А.К. Бабореко. М.: Художественная литература, 1987. С. 447–465.
 28. Зельченко В.В. К столетию одного рукопожатия: Действительность и литература в «Обезьяне» В.Ф. Ходасевича // Летняя школа по русской литературе. 2015. Т. 11. № 2. С. 172–195.
- ### REFERENCES
1. *Letopis zhizni i tvorchestva I.A. Bunina: v 2 t. T. 1. 1870–1909* [Chronicle of the Life and Work of I.A. Bunin: in 2 Vols. Vol. 1. 1870–1909]. Ed. by S.N. Morozov. Moscow: IWL Publ., 2011. 944 p. (In Russ.)
 2. *I.A. Bunin. Pisma 1885–1904 godov* [I.A. Bunin. Letters 1885–1904]. Ed. by O.N. Mikhailov, Comm. S.N. Morozov. Moscow: IWL Publ., 2003. 767 p. (In Russ.)
 3. Bunin, I.A. *Na zhenevskomozere* [On Lake Geneva]. *Mir Bozhii* [God's Peace]. 1901, No. 7, pp. 34–38. (In Russ.)
 4. Bunin, I.A. *Tishina* [Silence]. *Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 1. Rasskazy* [Collected Works: in 6 Vols. Vol. 1. Stories]. St. Petersburg: Znanie Publ., 1902, pp. 277–284. (In Russ.)
 5. Muromtseva-Bunina, V.N. *Zhizn Bunina. Besedy s pamiatiu* [Bunin's Life, Conversations with Memory]. Ed. by A.K. Baboreko. Moscow: Vagrius Publ., 2007. 509 p. (In Russ.)
 6. Bunin, I.A. *Tishina* [Silence]. *Polnoe sobranie sochinenii: v 6 t. T. 2.* [Complete Works: in 6 Vols. Vol. 2]. Petrograd: Publ. by A.F. Marks, 1915, pp. 238–242. (In Russ.)
 7. *Letopis zhizni i tvorchestva I.A. Bunina: v 2 t. T. 2. 1910–1919* [Chronicle of the Life and Work of I.A. Bunina: in 2 Vols. Vol. 2. 1910–1919]. Ed. by S.N. Morozov. Moscow: IWL Publ., 2017. 1184 p. (In Russ.)
 8. Shchavlin'skiy, M.S. *Evolutsiya traveloga v rannem tvorchestve I.A. Bunina: ot "Kazatskogo khoda" do "Khrama Solntsa"* [The Evolution of Travelogue in the Early Works of I.A. Bunin: from the "Cossack Passage" to the "Temple of the Sun"]. *Sbornik statei po rezul'tatam XLIX mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Eurasia science" (15 noiabria 2022 g.)* [Collection of Articles Based on the Results of the 49th International Scientific and Practical Conference "Eurasia science" (November 15, 2022)]. Moscow: Nauchno-izdatelskii tsentr "Aktualnost.RF" Publ., 2022, pp. 292–295. (In Russ.)
 9. *Literaturnoe nasledstvo. T. 84. Ivan Bunin. Kn. 2.* [Literary Legacy. Vol. 84. Ivan Bunin. Book 2.]. Moscow: Nauka Publ., 1973. 551 p. (In Russ.)
 10. Bunin, I.A. *Tishina* [Silence]. *Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 1. Rasskazy* [Collected Works: in 6 Vols. Vol. 1. Stories]. St. Petersburg: Znanie Publ., 1903, pp. 273–280. (In Russ.)
 11. Asheshov, N.P. *Rasskazy Iv. Bunina* [Stories by Iv. Bunin]. *Vestnik i biblioteka samoobrazovaniia* [Bulletin and Self-Education Library]. 1903, 27 March (No 13), Col. 599. (In Russ.)
 12. A. B. [Angel Bogdanovich]. [Rets.: *Rasskazy (Sochineniia. T. 1).*] [Rev.: Stories (Collected Works. Vol. 1)]. St. Petersburg: Znanie Publ., 1902]. *Mir Bozhii* [God's Peace]. 1902, No 5, pp. 111–112. (In Russ.)
 13. Bunin, I.A. *Tishina* [Silence]. *Pereval i drugie rasskazy* [The Pass and Other Stories]. Moscow: Moskovskoe knigoizdatel'stvo Publ., 1912. 344 p. (In Russ.)
 14. Meshkov, N.N. [Rets. na kn.: *Bunin I. Pereval i drugie rasskazy*] [Book Review: Bunin I. The Pass and Other Stories]. Moscow, 1912; *Rasskazy i stikhotvoreniia 1907–1910 gg.* [Stories and Poems 1907–1910]. Moscow, 1912]. *Put' [Path]*. 1912, No 7. (May), pp. 65–66. (In Russ.)
 15. Derman, A.B. *I. Bunin* [I. Bunin]. *Russkaia mysl'* [Russian Thought]. 1914, No 6, Part II, pp. 52–75. (In Russ.)
 16. Gorbunova, L.V., Krundysheva, A.M. *Stilisticheskii analiz rasskaza I.A. Bunina "Tishina"* [Stylistic Analysis of the Story by I.A. Bunin "Silence"]. *Nedel'naia nauka SPBPU. Materialy nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem: v 3 ch.Ch. 1.* [Science Week SPBPU. Materials of a Scientific Conference with International Participation: In 3 Parts. Part. 1.]. Ed. by A.V. Rubtsova, M.S. Kogan. St. Petersburg: POLITEKKh-PRESS Publ., 2020, pp. 234–237. (In Russ.)
 17. Usmanova, L.A. *Diskursivnaia valentnost i aspekty ee realizatsii (na materiale leksemy "tishina" v proizvedeniakh I.A. Bunina)* [Discursive Valency and Aspects of its Implementation (Based on the lexeme "silence" in the works of I.A. Bunin)]. *Dinamika iazykovykh i kulturnykh protsessov v sovremennoi Rossii. Vyp. 6.: Materialy VI Kongressa ROPRIaL (g. Ufa, 11–14 oktiabria 2018 g.)* [Dynamics of Linguistic and Cultural Processes in Modern Russia. Vol. 6.: Materials of the VI Congress of ROPRYAL (Ufa, October 11–14, 2018)]. St. Petersburg: ROPRIaL Publ., 2018, pp. 540–544. (In Russ.)
 18. Bunin, I.A. *Tishina* [Silence]. *Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 1. Rasskazy* [Collected Works: in 6 Vols. Vol. 1. Stories]. St. Petersburg: Znanie Publ., 1904, pp. 273–280. (In Russ.)

19. Bunin, I.A. *Tishina* [Silence]. *Pereval: Rasskazy 1892–1902 gg.* [The Pass: Stories 1892–1902]. Moscow: Knigoizdatelstvo pisatelei v Moskve Publ., 1913. 368 p. (In Russ.)
20. Ponomarev, E.R. *Zhanrovyyi genezis i siuzhetologiya rannei prozy I.A. Bunina* [Genre Genesis and Plotology of the Early Prose of I.A. Bunin]. *Studia Litterarum*. 2022, Vol. 7, No 4, pp. 178–193. (In Russ.)
21. Mopassan, G. de. *Na vode* [On the Water]. *Polnoe sobranie sochinenii: v 7 t. T. 5.* [Completed Works: in 7 Vols. Vol. 5]. Moscow: Ogonek Publ., 1977, pp. 359–445. (In Russ.)
22. Mopassan, G. de. *Na vodakh (Dnevnik markiza de Rozeveira)* [On the Waters (Diary of the Marquis de Roseveyre)]. *Polnoe sobranie sochinenii: v 12 t. T. 4.* [Completed Works: in 12 Vols. Vol. 4]. Moscow: Ogonek Publ., 1958, pp. 107–116. (In Russ.)
23. Goethe, I.V. *Pisma iz Shveitsarii* [Letters from Switzerland]. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t. T. 6.* [Completed Works: in 10 Vols. Vol. 6]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1978, pp. 405–418. (In Russ.)
24. Baedeker, K. *Switzerland: and the adjacent portions of Italy, Savoy, and the Tyrol: handbook for travellers.* London: Dulau and Co Publ., 1891. XXIX, 498 p. (In English)
25. Shchavlinskiy, M.S. “*Khram Solntsa*” I.A. Bunina – *neokonchennyi proekt osvoeniia Vostoka* [“Temple of the Sun” by I.A. Bunin – an Unfinished Project for the Development of the East]. *Ivan Bunin i ego vremia: konteksty sudby – istoriia tvorchestva* [Ivan Bunin and His Time: Contexts of Fate – History of Creativity]. Ed.-Comp. by T.M. Dviniatina, S.N. Morozov. Moscow: IWL Publ., Litfakt Publ., 2021, pp. 934–952. (In Russ.)
26. Bunin, I.A. *Stikhotvoreniia: v 2 t. T. 2.* [Poems: in 2 Vols. Vol. 2]. Ed. by T.M. Dviniatina. St. Petersburg: Vita Nova Publ., 2014. 541 p. (In Russ.)
27. Bunin, I.A. *Chasha zhizni* [Cup of Life]. *Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 3.* [Collected Works: in 6 Vols. Vol. 3]. Ed., Comm. by A.K. Baboreko. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1987, pp. 447–465. (In Russ.)
28. Zeltchenko, V.V. *K stoletiiu odnogo rukopozhatiia: Deistvitel'nost' i literatura v “Obeziane” V.F. Khodasevicha* [To the Centenary of One Handshake: Reality and Literature in “The Monkey” by V.F. Khodasevich]. *Letniaia shkola po russkoi literature* [Summer School on Russian Literature]. 2015, Vol. 11, No 2, pp. 172–195. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 27 октября 2023 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 23 апреля 2024 г.
 Статья принята к публикации: 15 июня 2024 г.
 Дата публикации: 31 августа 2024 г.

Received by Editor on October 27, 2023
 Revised on April 23, 2024
 Accepted on June 15, 2024
 Date of publication: August 31, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024040136

**Противоречия внутри Московского лингвистического кружка
в 1922–1923 гг. и причины его распада
(по материалам МЛК, хранящимся в ИРЯ РАН)**

© 2024 г. Г. С. Баранкова

Кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
barankova@inbox.ru

Резюме. Статья посвящена последнему периоду деятельности Московского лингвистического кружка (1922–1923 гг.). Рассматриваются вопросы, связанные с прекращением работы Кружка. Статья основана на архивных материалах, хранящихся в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Среди причин, способствовавших ликвидации Кружка, названы научно-методологические, организационные и финансовые проблемы. Определены две противоборствующие группировки членов Кружка, расхождения между которыми характеризовали разный теоретический подход к лингвистическим исследованиям. Первую группу составляли сторонники философии языка Г. Шпета. Они придавали большое значение исследованиям семантики и внутренней формы слова. Вторая группа отстаивала формалистический подход к языку, проявляла интерес к фонетике, экспериментальным исследованиям языка и начинала разработку фонологии. Не было согласия в вопросах издания трудов членов Московского лингвистического кружка по сериям. В результате указанных противоречий к 1924 г. Кружок закончил свое существование.

Ключевые слова: Московский лингвистический кружок, история, противоречия, лингвистические исследования, теория, методология, организационная деятельность.

Для цитирования: Баранкова Г.С. Противоречия внутри Московского лингвистического кружка в 1922–1923 гг. и причины его распада (по материалам МЛК, хранящимся в ИРЯ РАН) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 4. С. 130–140. DOI: 10.31857/S1605788024040136

**Contradictions within the Moscow Linguistic Circle in 1922–1923 and the
Reasons for its Disintegration
(according to the Materials of the MLC Stored at the V. V. Vinogradov
Russian Language Institute of the RAS)**

© 2024 Galina S. Barankova

Cand. Sci. (Philol.),
Leading Researcher of V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18-2 Volkhonka Str., Moscow, 119019, Russia
barankova@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the last period of activity of the Moscow Linguistic Circle (1922–1923). Issues related to the termination of the work of the Circle are being considered. The article is based on archival materials stored at the Russian Language Institute. V.V. Vinogradov of the RAS. Among the reasons

that contributed to the liquidation of the Circle were scientific, methodological, organizational and financial problems. Two opposing groups of members of the Circle were identified, the differences between which characterized different theoretical approaches to linguistic research. The first group consisted of supporters of G. Shpet's philosophy of language. They attached great importance to the study of semantics and the internal form of the word. The second group defended a formalistic approach to language, showed interest in phonetics, experimental studies of language, and began the development of phonology. There was no agreement on the issues of publishing the works of members of the Moscow Linguistic Circle in series. As a result of these contradictions, by 1924 the Circle ended its existence.

Key words: Moscow Linguistic Circle, history, contradictions, linguistic research, theory, methodology, liquidation of the Circle.

For citation: Barankova, G.S. *Protivorechiya vnutri Moskovskogo lingvisticheskogo kruzhka v 1922–1923 gg. i prichiny ego raspada (po materialam MLK, hranyashchimsya v IRYA RAN)* [Contradictions within the Moscow Linguistic Circle in 1922–1923 and the Reasons for its Disintegration (according to the Materials of the MLC Stored at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serîâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 4, pp. 130–140. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024040136

История Московского лингвистического кружка (далее МЛК), несмотря на большое число публикаций, посвященных его деятельности¹, в полном объеме до сих пор не написана. Одним из важных источников, на котором базируются исследования ученых, являющиеся материалы Кружка, хранящиеся в Рукописном отделе Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (далее РО ИРЯ РАН, ф. 20), большую часть которых составляют протоколы заседаний 1919–1923 гг.² В число наименее изученных вопросов, связанных с историей МЛК, входят причины его распада³. О трагическом положении, в котором оказался Кружок, свидетельствуют документы последних лет его существования, хранящиеся в РО ИРЯ РАН, и прежде всего Заявление секретаря МЛК А.И. Ромма, написанное 23 августа 1923 г. и адресованное в Президиум Кружка. В нем удивительным образом переплелись боль из-за разногласий среди его членов, предчувствие неминуемого конца этого научного общества и мучительные попытки спасти Кружок, находящийся на грани развала: «Мы должны констатировать: Кружок

разваливается. Прятать от себя этого обстоятельства больше нельзя. Оно настолько ясно, что каждый сбор денег на насущнейшие потребности Кружка неминуемо ставит перед собирающими вопрос: для чего и на что, собственно, с людей берутся деньги. В 1919–21 гг. такой вопрос был бы немыслим. Спрашивается, почему он приобрел такую актуальность теперь?»⁴. Ромм констатирует: «Кружок перестал быть тем местом, где каждый выяснял на своем или любом докладе как свою личную позицию, так общекружковскую, которая существовала в тот период»⁵.

Разногласия, которые стали накапливаться в Кружке по мере его существования, явственно выявились к началу 1922 г. и разделили его на две группировки. Вопросы, расколовшие Кружок, по образному выражению Ромма, «ушли в глубину души» этих двух групп и «там, в темном подсознании, породили глухую вражду и пренебрежение друг к другу». Выход из создавшегося положения Ромм видел только один — обсудить ряд основных вопросов, чтобы узнать, осталась ли у кружковцев общая проблематика и не зашло ли взаимное отчуждение слишком далеко. Тогда будет ясно, закрывать Кружок или нет. (Заметим, что Устав МЛК предусматривал такую возможность в отдельном пункте и определял условия, при которых кружок мог быть закрыт.) Горький вывод Ромма: «Если мы не можем научно работать вместе, то лучше уничтожить пустую организационную форму, в которой уже нет научного содержания»⁶.

⁴ РО ИРЯ. Ф. 20. Ед. хр. 11. Л. 335.

⁵ Там же. Л. 335.

⁶ Там же. Л. 335.

¹ Его истории посвящен ряд работ, см., например, [1]–[10].

² Описание этого фонда, а также публикацию Устава МЛК см.: [6, с. 359–382].

³ Частично эта проблема затронута в работе А.Н. Дмитриева (см. [11, с. 71–96]), который, анализируя причины меньшей известности московского формализма по сравнению с петроградско-ленинградским, отмечает, что в его статье вопрос о составляющих элементах «московского формализма» хронологически и тематически шире деятельности МЛК: он включает в себя (вынужденно весьма сжатое и обобщенное) описание истории Московского лингвистического кружка [11, с. 72–73]. При этом автор базируется в основном на сравнительном анализе трудов, писем, воспоминаний членов МЛК, опозовцев и их приверженцев, в значительно меньшей степени привлекая материалы самого МЛК, хранящиеся в РО ИРЯ РАН.

Чтобы понять суть разногласий и причины ликвидации Кружка, необходимо обратиться к его истории. Напомню лишь некоторые моменты.

Московский лингвистический кружок (МЛК) был передовым научным объединением, созданным студентами-лингвистами Московского университета в 1915 г. и просуществовавшим до 1924 г. Новаторство молодых ученых выразилось в поиске новых методов лингвистических исследований, собирании и расширении привлекаемого для исследований материала. Кружковцы понимали свое объединение как своеобразную лабораторию, где его члены общими усилиями вырабатывали новые научные методы, оригинальные подходы и новые точки зрения по обсуждаемым вопросам. По их собственным отзывам, «линия поведения Кружка обозначилась вполне определенно как курс на революцию в области методологии филологических дисциплин». Основной формой проведения заседаний были доклады или сообщения по той или иной проблематике (лингвистике, этнографии, фольклору), которые горячо обсуждались. В ходе этих дискуссий и вырабатывалась коллективная точка зрения, не всегда, впрочем, всеми разделяемая и по мере развития деятельности МЛК все более разводящая их во взглядах.

В состав Кружка входили действительные члены, избираемые закрытым голосованием. Они пользовались правом решающего голоса на общих собраниях МЛК и были обязаны принимать участие в научной работе Кружка, а также платить установленные членские взносы. Почетные члены МЛК избирались в знак уважения к их научным заслугам. Для руководства Кружка из его среды выбирали 5 человек: председателя, товарища председателя, казначея, секретаря и библиотекаря. Указанные лица составляли Президиум Кружка, который имел распорядительные функции.

Должность председателя МЛК в разные годы занимали Р.О. Якобсон, М.Н. Петерсон, А.А. Буслаев, Г.О. Винокур и Н.Ф. Яковлев.

Как было сформулировано в Уставе МЛК 1919 г., «Кружок имеет своей задачей всестороннее изучение вопросов лингвистики и этнографии. Данная область филологической науки Кружком понимается в самом широком смысле: сюда входят и исторические проблемы, и проблемы современного языка и быта, а также вопросы поэтического языка и приемов художественного творчества; при этом Кружок особое внимание обращает на живые современные явления,

относящиеся к указанным областям науки...»⁷. В новой редакции Устава 1922 г. задачи были сформулированы более кратко: «МЛК имеет своей целью разработку как общетеоретических, так и специальных вопросов науки о языке и смежных с ней дисциплин»⁸. Г.О. Винокур в своей статье 1922 г. «Московский лингвистический кружок» отмечал, что члены МЛК видели в лингвистике науку «как о практическом, так и о поэтическом языке» [1, с. 290].

Наиболее плодотворными для деятельности Кружка были 1919–1921 гг. Говоря о последнем периоде деятельности МЛК за 1922–23 гг. (материалы за 1924 г. в РО ИРЯ РАН отсутствуют), следует отметить угасание его научной деятельности. Так, если за 1921 год было прочитано 35 докладов, за 1922 год — 16, то за 1923 год было сделано всего 5 докладов. Зато в указанный период (особенно в 1922 г.) значительно возросло число заседаний научно-организационного характера, свидетельствующих, с одной стороны, о наметившемся расколе среди членов Кружка, с другой — о стремлении найти пути его преодоления.

В Кружке образовалось две группы вокруг ядра МЛК: в первую входили А.А. Буслаев, М.М. Кенигсберг, Б.В. Горнунг, Н.Н. Волков, Н.И. Жинкин. С другой стороны выступали С.Я. Мазе, А.И. Ромм, П.Г. Свешников, Р.О. Шор и Н.Ф. Яковлев. Расхождения двух лагерей были довольно существенными и касались теоретического и методологического подхода к лингвистическим исследованиям. Члены первой группы во главе с А.А. Буслаевым были сторонниками подхода к изучению языков, опирающегося на теоретические установки и достижения в сфере философии языка, и находились под влиянием идей Г.Г. Шпета. Вслед за И.А. Бодуэном де Куртенэ и Ф. де Соссюром с его «статическим методом исследования» они не были сторонниками диахронического метода изучения языковых процессов, непосредственно связанного с историческим развитием языка, а выступали за его системное синхроническое исследование, считая, что основная задача лингвистики состоит в систематизации языковых фактов, выявлении системных отношений языковых единиц. При этом значительный интерес для них представляли семантические исследования, т.е. исследования смысловых структур⁹. Большое значение они придавали изучению

⁷ Там же. Ед. хр. 10. № 1. Л. 284.

⁸ Там же. Ед. хр. 10. № 3. Л. 291.

⁹ О теоретических взглядах этой группы можно судить по высказываниям талантливого члена МЛК, рано ушедшего из

внутренней языковой формы. Они отрицательно относились к экспериментальным исследованиям в языкознании.

Кружковцы второй группы стояли на более выраженных формалистических позициях, основанных на эмпирическом подходе к анализу материала, не разделяли мнения о том, что семантика входит в систему лингвистики, проявляли большой интерес к фонетике и начинали разработку фонологии, у истоков которой стоял Н.Ф. Яковлев. В отношении поэтики и поэтического языка они были ближе к позиции Р.О. Якобсона, к тому времени уже покинувшего кружок. Молодые ученые второй группы расходились с группой Буслаева также и в вопросах соотношения поэтики и лингвистики. Они считали поэтику лингвистической дисциплиной.

Разногласия возникали постепенно. Уже обсуждение доклада Е.Н. Коншиной «История литературы как наука», сделанного 4 апреля 1920 г.¹⁰, выявило расхождение взглядов кружковцев на понимание историзма в науке. Так, О.М. Брик отвергал идею Коншиной о разделении истории литературы на две группы наук — статическую и динамическую. Он считал, что различие между статикой и динамикой понимается докладчиком как различие между изучением формы и содержания. Коншина же возразила, что под статикой она понимает изучение формы вне исторической перспективы, а динамику рассматривает с точки зрения генезиса.

Интересны взгляды Г.О. Винокура, высказанные в ходе обсуждения доклада о том, что такое история литературы. Он полагал, что Коншина не смогла дать правильного определения истории литературы как науки, так как не определила ее предмет. Винокур считал, что «предмет истории литературы — художественное слово во всей сложности его жизни, методы же исследования будут лингвистические»¹¹. Кроме того, Винокур

предлагал говорить не о статике и динамике, а о теоретической и эмпирической науке. Первая группа — статическая, является теоретическим фундаментом для другой — эмпирической. Он провел такую параллель — общее языкознание как теоретическая наука и история языка, базирующаяся на ней, — эмпирическая. М.Н. Петерсон предпочитал говорить только об исторической точке зрения, но не об историческом методе, ибо метод определяется существом предмета. А.А. Буслаев утверждал, что история литературы есть словесность, но не поэтика. Поэтика шире этого понятия.

В 1921 г. по поручению Президиума МЛК Буслаев подготовил доклад «О программе деятельности Московского лингвистического кружка»¹². Практически это был манифест первой группы кружковцев, основанный на теоретических посылах философии языка. Первым пунктом программы были вопросы систематики лингвистических дисциплин и определение места лингвистики в общем научном ряду. Отдельно был выделен пункт Связь лингвистики с философией (гносеологией и онтологией). Определялись предмет каждой из лингвистических дисциплин и их взаимоотношение. Примечателен второй пункт Лингвистика и этнология. В этот раздел входил обзор сходства и различия методов этих наук. Отдельным пунктом была обозначена Связь языка с культурой (в этом вопросе тоже наблюдались разногласия кружковцев). Также сюда входили Диалектология, Язык ребенка, Малоизвестные языки, Поэтический язык с подразделами Стих, Проза, Драматические произведения и Исследования по народному поэтическому языку (Песня, Сказка, Заговор, Лубочный стих, Народная драма). Как видим, специальный раздел об истории языка сюда включен не был. Как отмечал в своих воспоминаниях Б.В. Горнунг, вся программа имела своего рода антиформалистический характер и находилась под несомненным влиянием идей

жизни М.М. Кенигсберга, утверждавшего в статье, написанной в 1924 г. и опубликованной лишь впоследствии, по беловому автографу, переписанному рукой Б.В. Горнунга, что «лингвистика есть семасиология, что ее предмет — знак — значение, а ее метод интерпретация» [12, с. 155]. Ср. также: «Семантика и есть основной “герой” лингвистики, но изучается она через изучение грамматических и иных языковых форм, к числу которых мы отнесли и стих. Учение о стихе, таким образом, становится семасиологическим учением» [Там же, с. 163].

¹⁰ РО ИРЯ РАН. Ф. 20. Ед. хр. 3. № 8. Публикацию доклада см. [9, с. 105–114].

¹¹ Ср. позднее сформулированное Г.О. Винокуром в статье «Чем должна быть научная поэтика» определение истории литературы как поэтического языкознания: «<...> так как

история литературы имеет дело с художественными произведениями, скажем грубо, сделанными из языка, так как она имеет дело не с тем, что выражено, а с тем, как выражено, причем это “как” определяется, конечно, всецело языком, то история литературы становится к лингвистике в отношении части к целому. <...> Поэтому она, как и практическое языковедение, которое обычно мы принимаем под термином “лингвистика”, включает в себя отделы фонетики, грамматики, семасиологии и словаря. Но, конечно, поэтика будет отличаться от практического языковедения точкой зрения. В этом отношении она должна строиться хотя и в лингвистических методах, но в тесном согласии с общей теорией искусств» [13, с. 13].

¹² РО ИРЯ РАН. Ф. 20. Ед. хр. 16. Л. 396. Сохранились тезисы к докладу. Текст опубликован, см. [9, с. 136–137].

Г.Г. Шпета. По воспоминаниям Б.В. Горнунга, именно на осеннем заседании 1921 г. при обсуждении этой Программы, «произошел полный раскол МЛК, и он зимою 1921–1922 гг. собирался только для слушания специальных лингвистических докладов эмпирического характера» [14, с. 373], см. также [9, с. 138]. В РО ИРЯ РАН нет документов, связанных с обсуждением этой программы, и самого доклада Буслаева (сохранились только тезисы к нему), однако нет оснований полагать, что в 1922 г. доклады имели узко специализированный характер, так как на них продолжали дискутироваться общетеоретические и методологические вопросы, волновавшие и все дальше разводявшие в своих взглядах членов МЛК.

Так, доклад, прочитанный 2 января 1922 г. Р.О. Шор «Применение психологического эксперимента в лингвистике»¹³, вызвавший острую дискуссию, со всей очевидностью показал существующие между кружковцами теоретические разногласия и поставил перед слушателями ряд вопросов, и главные из них — в чем заключается задача лингвистики в ее отношении к другим наукам, в том числе психологии и логики, в чем состоит принцип историзма в лингвистике, а также какова роль эксперимента в языкознании. Н.И. Жинкин утверждал, что задача показать развитие языка в его истории — это дело лингвиста, а каким образом языковые факты, в ряду других социальных факторов, являются показателями народного духа — это дело этнической психологии¹⁴. С.Я. Мазэ отстаивал принципы историзма и психологизма и давал им следующие определения: «Задача лингвистики — анализ динамических законов, по которым протекают языковые процессы. <...> Внеязыковых психических фактов не существует»¹⁵; «Язык немислим без сознания. Психология — наука об основе языкового творчества»¹⁶. А.А. Буслаев отрицательно отзывался о значении экспериментального метода для понимания причинности в языке и отрицал принцип исторического подхода в языкознании, говоря, что «отношения, реконструированные для праязыка, являются для него отношениями алгебраическими»¹⁷. М.М. Кенигсберг считал, что лингвистика не может быть исторической. Языковая форма изучается для того, чтобы вскрыть за ней

форму внутреннюю, логическую¹⁸. Он был солидарен с Буслаевым в вопросе о значении эксперимента в лингвистике, которое равно нулю, так как эксперименты изучают процессы, а язык есть вещь¹⁹. С.Я. Мазэ критиковал Кенигсберга за логизм, давно отвергнутый наукой. Он утверждал, что изучение синтаксиса, как статическое, так и историческое, показывает, что меньше всего язык вскрывает логические категории.

К идеям, высказанным на этом заседании, близки мнения, изложенные на заседании 17 февраля 1922 г. при обсуждении доклада Р.О. Шор «О реконструкциях фактов индоевропейского праязыка»²⁰. Обсуждался метод реконструкции индоевропейских языков в трудах Г. Пауля. При этом обозначилась разница в подходе к проблеме реконструкции праязыка у представителей фортуноватовской школы (в лице ученика Ф.Ф. Фортунатова Н.Н. Дурново) и членов МЛК. Если Н.Н. Дурново к реконструированным фактам относился как к реальным (при условии правильно проведенной реконструкции) и отмечал стройность звуковой системы праязыка, то Н.Ф. Яковлев объяснял эту стройность тем, что все, что не укладывалось в эту систему, естественным образом отбрасывалось в процессе реконструкции. А.А. Буслаев отмечал, что у Пауля дана только методика реконструирования, но он не ставит методологического вопроса о надобности реконструкции вообще. Сам же Буслаев считал, что

¹⁸ По-видимому, вопрос соотношения понятий внутренней и внешней формы был также одним из тех, по которому проходил рубеж воззрений кружковцев. Как отмечал в Примечаниях к работе Г.О. Винокура «Русская поэтика и ее достижения» М.И. Шапир: «Возрождение понятия внутренней формы» Винокур считал одной из основных заслуг Шпета <...>, а в «отсутствии анализа внутренней формы» видел серьезный недостаток работ Ю.Н. Тынянова и Б.А. Ларина» [13, с. 306]. М.И. Шапир перечисляет доклады, которые были прочитаны по указанной проблематике самим Г.Г. Шпетом и членами МЛК в конце 1923 — начале 1924 г. на заседаниях Комиссии по изучению художественной формы РАНХ: Г.Г. Шпет «Понятие внутренней формы у Вильгельма Гумбольдта», А.А. Буслаев «Понятие внутренней формы у Штейнталя и Потебни», М.М. Кенигсберг «Понятие внутренней формы у Антона Марти» [Там же, с. 306]. См. также работу по указанной проблематике: Вендитти М. Исследование М. Кенигсберга о внутренней форме слова у А. Марти (1924) // Логос. 2010. № 2 (75). С. 150–161.

¹⁹ В этом определении Кенигсберга просматривается несомненное влияние идей Г.Г. Шпета, ср.: «Мы будем различать номинативную функцию слова, гесп. номинальную предметность слова, и функцию семасиологическую, гесп. смысловую предметность. Nomen, название как таковое, есть эмпирическая, чувственно-воспринимаемая вещь. Оно есть знак, signum, связанный с называемой вещью не в акте мысли, а в акте восприятия и представления» [15, с.23].

²⁰ РО ИРЯ РАН. Ф. 20. Ед. хр. 5. № 2. ЛЛ. 162–163.

¹³ РО ИРЯ РАН. Ф. 20. Ед. хр. № 1.

¹⁴ Там же. Л. 161.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 159.

¹⁷ Там же.

«задача науки о языке не в восстановлении бывших, а в систематизация данных нам фактов»²¹. Тем не менее он признал, что «вопрос об истории языка — одна из основных задач лингвистики»²². В этой связи нельзя не отметить, что члены МЛК, стоявшие на позициях, противоположных младограмматическому направлению в языкознании, отказывались от представления о языкознании как преимущественно исторической науке и не считали главной задачей лингвистов сравнение родственных языков, как это делали младограмматики. Отказываясь от принципа историзма, часть кружковцев, группировавшихся вокруг А.А. Буслаева, отрицала и младограмматическое представление о языке как психофизической деятельности. Так, М.М. Кенигсберг отметил, что теорию фонем можно признать, если очистить ее от психологизма²³.

Еще одним существенным моментом, способствовавшим расколу Кружка, стал вопрос о его издательской деятельности, сильно осложнивший обстановку в этом научном сообществе.

За весь период существования МЛК у кружковцев накопился большой неопубликованный материал по разным проблемам, но собственно печатного органа он не имел, и решено было просить Госиздат об издании работ по сериям. Принципиальное согласие на такое издание было получено, и члены кружка приступили к работе плана издания и формированию серий, а также определению редакторов по сериям. Протокол заседания от 31 марта 1922 г. № 3²⁴ показал наличие разногласий в вопросах об издательской деятельности МЛК следующее. Сам принцип организации издательства по сериям возражений не вызвал. Отдельные возражения вызвали: Серия 2. Наука о литературе; Серия 3. Стих; Серия 5. Фонетика; Серия 6. Искусственные языки.

Против 2-й серии высказалась Р.О. Шор, обосновывая это тем, что вопросы литературы не входят в интересы кружка, так как выходят за пределы лингвистики. Она же высказалась против серии Стих, считая, что ритмика шире стиха и существуют промежуточные явления, когда неясно, имеешь ли дело со стихом или с прозой. Она же была против выделения 6-й серии, поскольку считала вопросы искусственных языков не настолько важными, чтобы включать их в отдельную серию. Н.Н. Дурново и С.Я. Мазэ поддержали

ее в этом. Зато в защиту 6-й серии выступили А.А. Буслаев и М.М. Кенигсберг. Б.В. Горнунг защищал выделение 5-й и 2-й серий, говоря, что стих может быть определен с чисто языковой точки зрения, а 2-я серия носит главным образом методологический характер. Д.Д. Благой возражал на это, отмечая, что если 2-я серия трактует вопросы методологии, а 3-я дает исследования по стиху, то для исследования прозы не остается места.

Еще более острым предметом разногласий стало предложение о приглашении в редакцию изданий специалиста-философа. А.А. Буслаев, настаивая на этом приглашении, отмечал, что «кружок встал на путь теоретического пересмотра основ лингвистики. <...> Эмпирическое знание неразрывно связано с философией и общей методологией и напрасно пытаются их разорвать»²⁵. М.М. Кенигсберг поддержал Буслаева и отметил, что философскому знанию нельзя выучиться простым ознакомлением. Здесь необходима совместная работа с философом, носящая с его стороны активный, а не консультантский характер. Б.В. Горнунг заметил в этой связи, что лингвистика не эмпирическая наука, поскольку язык есть система знаков выражения, постольку предмет лингвистики имеет формально онтологический характер. Таким образом, группа Буслаева видела цель кружка в построении надэмпирической лингвистики, теоретической, рациональной, основанной на философских предпосылках.

Против приглашения философа в редакцию Трудов МЛК выступили С.Я. Мазэ, А.И. Ромм и Н.Ф. Яковлев, которые указывали, что своевременность и необходимость пересмотра основ лингвистики ими не оспаривается, как и необходимость для этой цели философской подготовки. Участие же философа в редакции трудов может быть только консультантским или руководительским. Редакторская работа и вся ответственность должны лежать на основном рабочем ядре Кружка.

Надо сказать, что Президиум МЛК пытался преодолеть возникшие разногласия в Кружке. 19 и 20 марта состоялись заседания, каждое из которых длилось по 6 часов, но решения по обсуждаемым вопросам большинством голосов так и не было принято. Тогда было решено вынести ряд вопросов на Пленарное заседание МЛК, которое состоялось 21 марта 1922 г. Протокол этого

²¹ Там же. Л. 162 об.

²² Там же. Л. 163.

²³ Там же. Л. 162 об.

²⁴ РО ИРЯ РАН. Ф. 20. Ед. хр. 5. № 3.

²⁵ Там же. Л. 174 об.

заседания²⁶ позволяет выявить самые наболевшие для членов Кружка проблемы.

На пленарное заседание МЛК были вынесены следующие вопросы:

1. Следует ли проводить дискуссию о месте фонетики в системе лингвистических дисциплин, а также дискуссию об историзме в лингвистике.
2. Следует ли проводить дискуссию о соотношении логики и грамматики и правомерности признания семантики особой лингвистической дисциплиной.
3. Следует ли выделять отдельной серией в трудах млк «искусственные языки и искусственное в языке».
4. Следует ли вводить в состав общей редакции трудов МЛК и в состав редакций каких-либо серий специалиста философа, в связи с этим следует ли обращаться к Г.Г. Шпету с просьбой войти в состав общей редакции Трудов МЛК.

Предполагалось также утвердить состав общей редакции и редакций серий Трудов МЛК.

На это заседание были представлены заявления членов двух противоборствующих групп МЛК. В заявлениях речь шла о порядке обсуждения дискуссионных вопросов на пленарном заседании МЛК в сентябре 1921 г. В обоих заявлениях была констатирована напряженная обстановка, сложившаяся в Кружке.

Первая группа кружковцев (А.А. Буслаев, М.М. Ке- нигсберг, Б.В. Горнунг, Н.Н. Волков, Н.И. Жин- кин) предлагала первоначально организовать беседу на тему историзма в лингвистике и под- готовить доклад по этой теме, организацию же издания трудов не откладывать и не связывать с обсуждением теоретико-методологических во- просов. В заявлении первой группы кружковцев констатировалось также, что «М.Л.К. фактически перестал быть организацией, объединяющей лиц, имеющих единое *specto* в области лингвистики и поэтики, какою он был в 1918–1920 гг., когда Кружком руководил Р.О. Якобсон и, наряду с ним, руководящую роль в Кружке играли О.М. Брик, Б.О. Кушнер, В.В. Маяковский и Б.В. Шкловский, которые в настоящее время почти не участвуют в работе Кружка и взгляды которых в области поэтики сейчас не разделяются подавляющим большинством членов Кружка нынешнего со- става...»²⁷. Вторая группа (С.Я. Мазэ, А.И. Ромм, П.П. Свешников, Р.О. Шор и Н.Ф. Яковлев) считали

первоочередной задачей провести дискуссию на тему о месте фонетики в системе лингвисти- ческих дисциплин и о положении семантики в лингвистике и только после обсуждения докладов по предложенной проблематике обсудить вопрос об историзме в лингвистике. Вопрос же состава редакций и серий Трудов МЛК отложить до вы- яснения принципиальных расхождений во взгля- дах членов Кружка. Представители этой группы считали, что если в ходе обсуждений выяснится, что МЛК действительно перестал иметь свое на- учное лицо, то следует издавать сборники работ кружковцев не под эгидой МЛК, а с преимуще- ственным правом предоставления членам Круж- ка публиковать свои работы в этих сборниках, но программных статей от имени МЛК в этих сбор- никах быть не должно, а право выбора редколле- гии оставлять в этом случае за Госиздатом.

Интересна реакция Госиздата на эти предложе- ния (его официальным представителем на засе- дании был Н.К. Пиксанов), свидетельствующая, с одной стороны, о том, что оба предложения кружковцев были одинаково приемлемы для Го- сиздата, но в любом случае МЛК должен нести полную ответственность за издание всех серий.

В обсуждении возникших проблем принял участие Н.Н. Дурново, почетный член МЛК. Его выступление свидетельствует о коренных методо- логических расхождениях между МЛК и предста- вителями младограмматического направления в языкознании. Дурново говорил о том, что всего полтора года назад присутствующие на настоя- щем заседании МЛК слушали его спецкурс «Ме- тодология языковедения», и во время бесед после каждой лекции никаких коренных расхождений между ними не наблюдалось. Председательству- ющий Б.В. Горнунг заметил на это, что несмотря на огромную пользу этого курса для всех членов МЛК, курс Дурново не может быть назван «Мето- дологией языковедения», а является лишь «Мето- дикой истории языка по письменным памятни- кам и данным живых говоров»²⁸. Методологией же этого курса была методология фортуна- товской школы, подвергать критическому разбору которую слушатели лекций Дурново не считали возможным по этическим соображениям, хотя к ней уже тогда отношение большинства чле- нов МЛК было критическим. Кружковцы обеих групп предпочитают держаться строгого разгра- ничения методологии и методики, как оно про- водится в трудах Э. Гуссерля и Г.Г. Шпета и др., а обсуждение взглядов и методов А.А. Шахматова,

²⁶ РО ИРЯ. Ф. 20. Ед. хр. 5. № 8.

²⁷ Там же. Л. 177 об.

²⁸ Там же. Л. 179–179 об.

Ф.Ф. Фортунатова и Н.Я. Марра на Кружке не производилось.

М.М. Кенигсберг считал, что в заявлении группы А.И. Ромма недооценивается важность проблемы искусственных языков. Тем самым утверждение о критическом отношении МЛК к младограмматикам остается лишь пустой декларацией, так как их отрицательная позиция по искусственным языкам общеизвестна.

Д.Д. Благой называл необоснованной серию Стих, правильнее было бы сделать серию Поэтика и теория литературы. А.А. Буслаев возразил на это, что в серию Стих должны войти чисто лингвистические работы по изучению стихотворного языка, так как поэтика не может уже рассматриваться только как лингвистическая дисциплина, как это было заявлено в МЛК два-три года назад²⁹. В ответ на это О.М. Брик и Б.А. Кушнер заявили: работы о стихе, какими бы они ни были, должны войти в серию Стих. Б.В. Горнунг разъяснил, что определенная часть МЛК, занимающаяся стиховедением, отбросила старую методику (т.е. работы О.М. Брика, Б.И. Ярхо, Ф.М. Вермея, отчасти Б.В. Томашевского и С.П. Боброва)³⁰. Брик высказался о недопустимости отбрасывать их работы. Ромм и Мазэ выразили надежду, что многие расхождения имеют скорее словесный и терминологический характер. Буслаев и Кенигсберг ответили на это, что разногласия зашли очень далеко и затрагивают

²⁹ Именно в МЛК на раннем этапе его развития, как указывал Р.О. Якобсон, «возникли первые опыты строго лингвистических подступов к поэтике» [4, с. 367], и, как отмечал И.А. Пильщиков, в это время «начинается разработка строго формального подхода к явлениям языка» [16, с. 153]. Так, еще по поводу работы Брика «Ритмико-синтаксические фигуры» Р.О. Якобсон и П.Г. Богатырев писали, что «Брик доказывал необходимость исходить при анализе поэтического ритма из осуществляющих ритмическое задание словосочетаний» [17, с. 25].

³⁰ См. опубликованные Протоколы с обсуждением докладов членов МЛК (Р.О. Якобсона, О.М. Брика, С.П. Боброва, Б.В. Томашевского) в первый период деятельности Кружка (1919 г.), посвященные стиховедческой проблематике [16]; [18]; [19]. Р.О. Якобсон и П.Г. Богатырев в обзорной статье о филологии 10–20-х годов XX в., указывали, что молодые русские филологи ОПОЯЗа и МЛК «пытаются построить новую теорию поэтического языка и на ее фундаменте создать новую историю русской литературы» [17, с. 24]. Кружковцы понимали отличие поэтического языка от прозаического как функциональное и считали, что поэзия есть язык в его эстетической функции. Анализируя особенности подхода первых русских формалистов к исследованию стиха, И.А. Пильщиков писал: «В пионерских работах Брика и Боброва был поставлен вопрос о сращивании метрики с лексикой и грамматикой» [16, с. 157]. Группа Буслаева позднее предлагала рассматривать стих с семасиологических позиций (см. выше прим. 9).

самую сущность научных мировоззрений. Кенигсберг отметил, что компромиссное решение по сериям не может быть принято.

После обсуждения большинством голосов было решено включить Фонетику в серию изданий МЛК³¹.

Непримиримой оставалась позиция о включении философа в редакцию изданий. Группа Буслаева настаивала на включении Г.Г. Шпета в состав редакции. Остальные члены Кружка были против. В конечном счете, при голосовании решение о привлечении философа было отклонено. По остальным вопросам решений принято не было.

Таким образом, и на Пленарном заседании выработать общую платформу и преодолеть разногласия не удалось.

Как следует из протокола заседания МЛК от 7 апреля 1922 г.³², в конце концов было решено издание по сериям отложить до выяснения пунктов, вызывающих принципиальные разногласия внутри кружка. Из докладных записок, поданных в Президиум, видно, что члены Кружка неоднократно предлагали устроить обсуждение по волнующим их темам. Однако по непонятным причинам такие обсуждения так и не состоялись.

Как попытку оживить научную деятельность кружка можно рассматривать приглашение О.Э. Мандельштама и Б.Л. Пастернака для совместной работы с кружковцами в области поэтики в мае 1923 г. Предполагалось, что сами поэты будут делать доклады и читать свои стихи с последующим их обсуждением, а также участвовать в обсуждении докладов членов Кружка. Однако, судя по сохранившимся протоколам РО ИРЯ РАН, эта инициатива не получила дальнейшего существенного развития. Этот эксперимент А.И. Ромм в цитированном выше заявлении 1923 г. образно охарактеризовал как «попытку вспрыснуть Кружку шприц Мандельштама и Пастернака» и назвал ее «камфарой для все равно умирающего»³³.

Одним из организационных вопросов, который обсуждался на заседаниях, был вопрос об административной деятельности кружка и, в частности,

³¹ Однако 24 марта 1922 г. Б.В. Горнунг, М.М. Кенигсберг и А.А. Буслаев подали Докладную записку в Президиум МЛК с просьбой отложить вопрос о выделении фонетической серии до проведения беседы на тему «Наука о языке и фонетика», которую, в свою очередь, они предлагали поставить на обсуждение только после доклада «Историзм в лингвистике».

³² РО ИРЯ РАН. Ф. 20. Ед. хр. 5. № 13.

³³ РО ИРЯ. Ф. 20. Ед. хр. 11. Л. 335.

о том, должен ли его председатель влиять на научное направление всей деятельности МЛК. Это обсуждение было связано с заявлением Буслаева от 21 сентября 1922 г. в Президиум МЛК с отказом его от должности председателя³⁴. В нем Буслаев обосновывал свое решение тем, что он отклоняется в области решения теоретических вопросов от средней линии большинства кружковцев, что может привести к ослаблению научной деятельности Кружка. По сути же таким образом он выразил свой протест против отказа пригласить в состав редколлегии философа Шпета.

И в этом вопросе о роли председателя не был найден консенсус: Буслаев и Кенигсберг считали необходимым сохранять научное лицо председателя, что неизбежно должно сказаться и на выработке общей позиции Кружка. Однако большинство членов полагали, что задача председателя — осуществлять общее руководство, невзирая на существующие группировки и разногласия. В результате перевыборов новым председателем Кружка стал Г.О. Винокур, однако он пробыл на этом посту недолго (с октября 1922 до марта 1923 г.), а затем поменялся местами с Н.Ф. Яковлевым: Винокур вошел в Президиум Кружка на место Яковлева, а Яковлев стал последним председателем МЛК (до ноября 1924 г.).

Известную роль в ликвидации Кружка сыграли его финансовые трудности. Из протокола от 14 июня 1922 г. следует, что Кружок испытывал денежные затруднения, что задерживало плату за наем помещения, в результате членский взнос за 1922–23 гг. повысился вдвое (со 100 до 200 р., а к концу года составил 300 р.). Началось исключение членов Кружка за неуплату членских взносов и за пассивное участие в его работе.

В РО ИРЯ нет материалов, позволяющих судить о решении и порядке ликвидации Кружка, но известно, что он просуществовал до ноября 1924 г. Организационная модель МЛК стала образцом для Пражского Лингвистического кружка, а многие идеи московских кружковцев были восприняты и развиты в Праге. Эти идеи оказались плодотворными для дальнейшего развития структурализма. Новые положения и гипотезы, высказанные на заседаниях МЛК, оказали большое влияние на развитие теории поэтической речи, стимулировали изучение фонологической проблематики, вопросов культуры речи, а также повлияли на методологию изучения фольклорных текстов [4, с. 367]. К сожалению, большая и полноценная история Московского

лингвистического кружка до настоящего времени не написана, освещены лишь некоторые области его деятельности. Далеко не все его материалы опубликованы, в том числе остаются неизданными практически все научно-организационные протоколы Кружка, представляющие значительную ценность для написания его истории. Однако несомненно, что эта работа должна быть осуществлена в полном объеме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокур Г.О. Московский лингвистический кружок // Научные известия (академического центра Наркомпроса). Сб. 2. Философия. Литература. Искусство. М.: Государственное издательство, 1922. С. 289–290.
2. Касаткин Л.Л. Московский лингвистический кружок // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 318.
3. Касаткин Л.Л. Московский лингвистический кружок // Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Изд. дом «Дрофа», 1997. С. 252–253.
4. Якобсон Р.О. Московский лингвистический кружок / Подгот. текста, публ., вступ. заметка и примеч. М.И. Шапира // Philologica. 1996. Т. 3. № 5/7. С. 361–379.
5. Баранкова Г.С. Материалы Московского лингвистического кружка в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН // Археографический ежегодник. 1997. М.: Наука, 1997. С. 309–318.
6. Баранкова Г.С. К истории Московского лингвистического кружка: Материалы из Рукописного отдела Института русского языка // Язык. Культура. Гуманитарные знания. Научное наследие Г.О. Винокура и современность. М.: Научный мир, 1999. С. 359–382.
7. Шапир М.И. Московский лингвистический кружок (1915–1924) // Российская наука на заре нового века: сборник научно-популярных статей. М.: Научный мир; Природа, 2001. С. 457–464.
8. Крусанов А.В. Русский авангард. 1907–1932 (Исторический обзор): в 3 т. Т. 2. Кн. 1. Футуристическая революция, 1917–1921. М.: Новое лит. обозрение, 2003. С. 452–495.
9. Топорков А.Л. Фольклорные темы на заседаниях Московского Лингвистического Кружка (вступ. статья и подготовка текста А.Л. Топоркова и А.А. Панченко) // Неизвестные страницы русской фольклористики. М.: Индрик, 2014. С. 56–140.
10. Пильщиков И.А. Наследие русской формальной школы и современная филология // Антропология культуры. Т. 5. М.: Буки-Веди, 2015. С. 319–350.

³⁴ РО ИРЯ. Ф. 20. Ед. хр. 11. Л. 334.

11. *Дмитриев А.Н.* Как сделана «формально-фило-софская школа» (или почему не состоялся мо-сковский формализм?) // Исследования по исто-рии русской мысли: Ежегодник за 2006–2007 год. М.: Модест Колеров, 2009. С. 71–96.
12. *Кенигсберг М.М.* Из стихологических этюдов. 1. Анализ понятия «стих» [февраль 1923 г.] / Публ. С.Ю. Мазура и М.И. Шапира // *Philologica*. 1994. Т. 1. № 1/2. С. 149–185.
13. *Винокур Г.О.* Филологические исследования: Лингвистика и поэтика / Сост. Т.Г. Винокур, М.И. Шапир, вступ. статья и коммент. М.И. Шапира. М.: Наука, 1990. 452 с.
14. *Горнунг Б.В.* Поход времени. Т. 2. Статьи и эссе. М.: РГГУ, 2001. 510 с.
15. *Шпет Г.Г.* Эстетические фрагменты. М.: Правда, 1989. 34 с.
16. *Пильщиков И.А.* Заседание Московского лингви-стического кружка 1 июня 1919 г. и зарождение стиховедческих концепций О. Брика, Б. Тома-шевского и Р. Якобсона // *Revue des études slaves*. Paris. LXXXVIII. 1–2. 2017. P. 151–175.
17. *Якобсон Р., Богатырев П.* Славянская филоло-гия в России за годы войны и революции. Б.М.: Salamandra P.V.V. 2015. [Переиздание: Берлин, 1923]. 62 с.
18. Томашевский и Московский лингвистический кружок. [Вступ. статья и публикация Л.С. Флей-шмана, без подписи] // Ученые записки Тарту-ского гос. ун-та. 1977. В. 422. Труды по знаковым системам. IX. С. 113–132.
19. Как Московский лингвистический кружок во-евал с Брюсовым и Потебней / Сост., вступ. за-метка и коммент. С.И. Гиндина, подгот. текстов А.В. Маньковского // Новое литературное обозре-ние. 2007. № 4 (86). С. 64–69.
20. *Якобсон Р.* Moscow: Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya; Izdatelskiy dom Drofa Publ., 1997, pp. 252–253. (In Russ.)
4. *Yakobson, R.O.* *Moskovskiy lingvisticheskiy kruzhok. Podgot.teksta, publ., vstup. zametka i primech. M.I. Sha-pira* [Moscow Linguistic Circle. Text Prepared, Publ., Introduction and Notes by M.I. Shapir]. *Philologica*. 1996, Vol. 3, No. 5–7, pp. 361–379. (In Russ.)
5. *Barankova, G.S.* *Materialy Moskovskogo lingvisticheskogo kruzhka v Institute russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN* [Materials of the Moscow Linguistic Circle at the V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences]. *Arkheograficheskiy ezhegodnik*. 1997 [Archeographic Yearbook. 1997]. Moscow: Nauka Publ., 1997, pp. 309–318. (In Russ.)
6. *Barankova, G.S.* *K istorii Moskovskogo lingvisticheskogo kruzhka: Materialy iz Rukopisnogo otdela Instituta russkogo yazyka* [On the History of the Moscow Linguistic Circle: Materials from the Manuscript Department of the Institute of the Russian Language]. *Yazyk. Kultura. Gumanitarnye znaniya. Nauchnoe nasledie G.O. Vinokura i sovremennost* [Language. Culture. Humanitarian Knowledge. Scientific Heritage of G.O. Vinokur and Modernity]. Moscow: Nauchny mir Publ., 1999, pp. 359–382. (In Russ.)
7. *Shapir, M.I.* *Moskovskiy lingvisticheskiy kruzhok (1915–1924)* [Moscow Linguistic Circle (1915–1924)]. *Rossiyskaya nauka na zare novogo veka: Sbornik nauchno-populyarnykh statey* [Russian Science at the Dawn of the New Century: A Collection of Popular Science Articles]. Moscow: Nauchny mir; Priroda Publ., 2001, pp. 457–464. (In Russ.)
8. *Krusanov, A.V.* *Russkiy avangard. 1907–1932. (Isto-richeskii obzor). V 3 t. T. 2. Kn. 1. Futuristicheskaya revolyutsiya, 1917–1921* [Russian Avant-Garde. 1907–1932. (Historical Review). In 3 Vols. Vol. 2. Book 1. The Futuristic Revolution, 1917–1921]. Moscow: No-voe literaturnoe obozrenie Publ., 2003, pp. 452–495. (In Russ.)
9. *Toporkov, A.L.* *Folklornye temy na zasedaniyakh Moskovskogo lingvisticheskogo kruzhka (vstup. statya i podgotovka teksta A.L. Toporkova i A.A. Panchenko)* [Folklore Themes at Meetings of the Moscow Linguistic Circle (Introduction and Text Preparation by A.L. Toporkov and A.A. Panchenko)]. *Neizvestnye stranitsy russkoy folkloristiki* [Unknown Pages of Russian Folklore Studies]. Moscow: Indrik Publ., 2014, pp. 56–140. (In Russ.)
10. *Pilshchikov, I.A.* *Nasledie russkoy formalnoy shkoly i sovremennaya philologia* [The Legacy of the Russian Formal School and Modern Philology]. *Antropologiya kultury. T. 5* [Anthropology of Culture. Vol. 5]. Moscow: Buki-Vedi Publ., 2015, pp. 319–350. (In Russ.)
11. *Dmitriev, A.N.* *Kak sdelana “formalno-philosofskaya shkola” (ili pochemu ne sostoyalsya moskovskiy for-malizm?)* [How was the “Formal Philosophical

REFERENCES

1. *Vinokur, G.O.* *Moskovskiy lingvisticheskiy kruzhok* [Moscow Linguistic Circle]. *Nauchnye izvestiya (aka-demicheskogo tsentra Narkomprosa). Sb. 2. Filosofiya. Literatura. Iskustvo* [Scientific News (Academic Center of Narkompros). Collection 2. Philosophy. Literature. Art.]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo Publ., 1922, pp. 289–290. (In Russ.)
2. *Kasatkin, L.L.* *Moskovskiy lingvisticheskiy kruzhok* [Moscow Linguistic Circle]. *Lingvisticheskiy entsiklope-dicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990, p. 318. (In Russ.)
3. *Kasatkin, L.L.* *Moskovskiy lingvisticheskiy kruzhok* [Moscow Linguistic Circle]. *Russkiy yazyk. Entsiklopediya. 2-e izd., pererab i dop.* [Russian Language. Encyclopedia. 2nd ed., reprinted and additioned].

- School” Made (or Why did Moscow Formalism not Take Place?). *Issledovaniya po istorii russkoy mysli: Ezhegodnik za 2006–2007 god* [Studies on the History of Russian Thought: Yearbook for 2006–2007]. Moscow: Modest Kolerov Publ., 2009, pp. 71–96. (In Russ.)
12. Kenigsberg, M.M. *Iz stikhologicheskikh etyudov. 1. Analiz ponyatiya “stikh” [fevral 1923]. Publ. S.Yu. Mazyra i M.I. Shapira* [From Poetic Studies. 1. Analysis of the Concept of “Verse” [February 1923]. Publ. by S.Y. Mazur and M.I. Shapir]. *Philologica*. 1994. Vol. 1, No. 1-2, pp. 149–185. (In Russ.)
 13. Vinokur, G.O. *Philologicheskie issledovaniya: Lingvistika i poetika. Sostaviteli T.G. Vinokur, M.I. Shapir. Vstup. statya i comment. M.I. Shapira* [Philological Research: Linguistics and Poetics. Comp. T.G. Vinokur, M.I. Shapir. Introduction and comments by M.I. Shapir]. Moscow: Nauka Publ., 1990. 452 p. (In Russ.)
 14. Gornung, B.V. *Pokhod vremeni. T. 2. Statyi i iese* [The March of Time. Vol. 2. Articles and Essays]. Moscow: RGGU Publ., 2001. 501 p. (In Russ.)
 15. Shpet, G.G. *Esteticheskie fragmenty* [Aesthetic Fragments]. Moscow: Pravda Publ., 1989. 34 p. (In Russ.)
 16. Pilshchikov, I.A. *Zasedanie Moskovskogo lingvisticheskogo kruzhka 1 iyunya 1919 g. i zarozhdenie stikhovedcheskikh kontseptsiy O. Brika, B. Tomashevskogo i R. Yakobsona* [Meeting of the Moscow Linguistic Circle on June 1, 1919 and the Origin of the Poetic Concepts of O. Brik, B. Tomashevsky and R. Jacobson]. *Revue des études slaves*. Paris. LXXXVIII, 1–2, 2017, pp. 151–175. (In Russ.)
 17. Jakobson R., Bogatyrev P. *Slavyanskaya philologiya v Rossii za gody voyny i revolyutsii* [Slavic Philology in Russia during the Years of War and Revolution]. [Reprint: Berlin, 1923]. 62 p. (In Russ.)
 18. *Tomashevskiy i Moskovskiy lingvisticheskiy kruzhok [Vstup. statya i publikatsiya L.S. Fleishmana, bez podpisi]* [Tomashevsky and the Moscow Linguistic Circle. [Introduction and publication by L.S. Fleishman, Without Signature]]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1977, V. 422 [Scientific Notes of the Tartu State University. 1977. Vol. 422.]. *Trudy po znakovym sistemam* [Works on Sign Systems]. IX, pp. 113–132. (In Russ.)
 19. *Kak Moskovskiy lingvisticheskiy kruzhok voeval s Bryusovym i Potebney. Sost., vstup. zametka i comment. S.I. Gindina, podgot. tekstov A.V. Mankovskogo* [How the Moscow Linguistic Circle Fought with Bryusov and Potebnya. Comp., introduction and comments by S.I. Gindin, Texts Preparing by A.V. Mankovsky]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary Review]. 2007, No. 4 (86), pp. 64–69. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 24 мая 2024 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 10 июня 2024 г.

Статья принята к публикации: 15 июня 2024 г.

Дата публикации: 31 августа 2024 г.

Received by Editor on May 24, 2024

Revised on June 10, 2024

Accepted on June 15, 2024

Date of publication: August 31, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024040143

Семиотика и мифология в творчестве Мишеля Турнье

© 2024 г. И. Г. Меркулова

Доктор лингвистики и семиотики (PhD), кандидат филологических наук,
Руководитель Международного центра семиотики и диалога культур
Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН),
Россия, 119049, Москва, Мароновский пер., д. 26
ORCID ID: 0000-0003-2390-817X
igmerkulova@gaugn.ru

Резюме. В статье освещаются основные результаты международной дискуссии «Творчество Мишеля Турнье: семиотика и мифология», которая состоялась в рамках ежегодного Фестиваля «Дни франкофонии» во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы имени М.И. Рудомино 18 марта 2024 г. и была приурочена к столетию со дня рождения писателя.

В мероприятии, которое было организовано в рамках сотрудничества Культурного центра «Франкотек» ВГБИЛ и Международного центра семиотики и диалога культур ГАУГН, приняли участие профессор Стамбульского университета, заместитель генерального секретаря Романской федерации семиотики Недрет Озтокат Киличери и доцент, основатель и руководитель МЦС ГАУГН, вице-президент Азиатской семиотической ассоциации Инна Геннадьевна Меркулова.

Спикеры представили семиотическую трактовку романов и философских сказок Турнье, а также обсудили его интерес к мифотворчеству.

Ключевые слова: семиотика, мифология, полифония, французская литература, Мишель Турнье.

Для цитирования: Меркулова И.Г. Семиотика и мифология в творчестве Мишеля Турнье // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 4. С. 141–146.
DOI: 10.31857/S1605788024040143

Semiotics and Mythology in the Works of Michel Tournier

© 2024 Inna G. Merkoulouva

Doctor of Linguistics and Semiotics (PhD), Cand. Sci. (Philol.),
Director of the International Center for Semiotics and Intercultural Dialogue
State Academic University for the Humanities (GAUGN),
26 Maronovsky lane, Moscow, 119049, Russia
ORCID ID: 0000-0003-2390-817X
igmerkulova@gaugn.ru

Abstract. The article highlights the main results of the international discussion “The Work of Michel Tournier: Semiotics and Mythology”, which took place as part of the annual Festival “Days of Francophonie” at the Russian State Library for Foreign Literature named after M.I. Rudomino on March 18, 2024 and was dedicated to the centenary of the writer’s birth.

The event, which was organized as part of the cooperation of the Cultural Center “Frankoteka” of the Russian State Library for Foreign Literature and the International Center for Semiotics and Intercultural Dialogue of the State Academic University for the Humanities, was attended by Nedret Öztokat Kiliceri, Professor of Istanbul University, Deputy Secretary General of the Roman Federation of Semiotics, and Inna Gennadiyevna Merkoulouva, Associate Professor, founder and director of the GAUGN International Center for Semiotics and Intercultural Dialogue, Vice President of the Asian Semiotic Association.

The speakers presented a semiotic interpretation of Tournier's novels and philosophical tales, and also discussed his interest in myth-making.

Key words: semiotics, mythology, polyphony, French literature, Michel Tournier.

For citation: Merkoulouva, I.G. *Semiotika i mifologia v tvorchestve Michelia Tournie* [Semiotics and Mythology in the Works of Michel Tournier]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 4, pp. 141–146. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024040143

В 2024 году отмечается столетие со дня рождения выдающегося французского писателя Мишеля Турнье (1924–2016). Лауреат Гонкуровской премии и Большой премии Французской Академии, Турнье переведен на десятки языков мира и считается одним из представителей «современной классики» на французском языке. На русском были изданы его наиболее известные романы «Пятница, или Тихоокеанский лимб» (1999), «Лесной царь» (2000), «Элеazar, или источник и Куст» (1998), сборник «Философская сказка» (1998) и другие произведения.

Турнье менее известен широкой публике как философ, испытавший влияние Гастона Башляра и Жюль Делеза, как ученик и последователь антрополога Клода Леви-Стросса, как переводчик на французский романов Эриха Марии Ремарка и как общественный деятель — благодаря ему в 1970-х годах был создан и существует по сей день фестиваль «Международные встречи фотографии» в Арле.

Главная особенность стиля Мишеля Турнье — ремифологизация, переосмысление известных поэтических мифов в современном философском ключе. Миф как символический нарратив человеческой культуры всегда занимал важное место в сфере семиотического анализа: осмыслению мифологических сюжетов были посвящены многие работы российских и зарубежных семиотиков — Вяч.Вс. Иванова, В.Н. Топорова, А.Ж. Греймаса, У. Эко.

Французские литературные критики и журналисты называют Турнье «мифо-светочем» — “mythophore”, неологизм, изобретенный по аналогии со словом “photophore” — светильник [1, р. 1]. Мифологический сюжет для писателя — та самая свеча или лампа, свет которой отражается в каждой фразе и трансформирует весь текст.

Исследовать мифологические мотивы Турнье с помощью методов семиотики как науки о возникновении значения — такая задача стояла перед участниками дискуссии «Творчество Мишеля Турнье: семиотика и мифология», которая состоялась в рамках ежегодного Фестиваля «Дни

франкофонии» во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы имени М.И. Рудомино 18 марта 2024 г. и была приурочена к столетию со дня рождения писателя.

В мероприятии, организованном в рамках сотрудничества Культурного центра «Франкотека» ВГБИЛ и Международного центра семиотики и диалога культур Государственного академического университета гуманитарных наук, приняли участие профессор Стамбульского университета, заместитель генерального секретаря Романской федерации семиотики Недрет Озтокат Киличери и доцент, основатель и руководитель МЦС ГАУГН, вице-президент Азиатской семиотической ассоциации Инна Геннадьевна Меркулова.

Турецкий литературовед и семиотик Недрет Озтокат Киличери — крупнейший специалист по французской литературе у себя на родине, автор книг и статей о творчестве Мопассана, Пруста, Камю, Дюрас, Киньяра, Модigliano. Текстам Турнье она посвятила ряд работ, а также была лично знакома с писателем, приехавшим в Стамбул по приглашению университетских коллег.

На дискуссии в Библиотеке иностранной литературы профессор Киличери рассказала об основных вехах биографии писателя, его интересе к философии, а позднее к этнографии. По мнению Киличери, секрет успеха произведений Турнье во многих странах мира заключается в философской и мифологической глубине его литературных сюжетов, именно поэтому количество читателей его произведений — взрослых и юных — неуклонно растет. Ссылаясь на мнение известного исследователя творчества Турнье, критика Арлетт Булумье, Киличери выделяет ключевой прием его письма — «концепт разврата добра и зла» [2, р. 10]; [3, р. 21]. По словам Киличери, Турнье всегда рассказывает историю превращения, обращения, метаморфозы. Для турецкой исследовательницы идея обращения является ключом к пониманию романа «Пятница, или Тихоокеанский лимб» и философской сказки «Саваны Вероники». Она трактует термин «обращение» двояко: как факт перехода от ложного верования к признанной религиозной истине и как

переход из одного физического состояния в другое. В произведениях писателя речь идет о трансформации не только какого-либо персонажа, но и само содержание истории оказывается полностью измененным по сравнению с источником — мифологическим или сказочным сюжетом.

Первый пример — история Робинзона, созданная Даниэлем Дефо и вновь изложенная Мишелем Турнье в романе «Пятница, или Тихоокеанский лимб» [4] и в его версии для детей под названием «Пятница, или Дикая жизнь» [5]. По мнению Киличери, текст Турнье отходит от породившего его романа Дефо и обретает самостоятельность путем смены точки зрения рассказчика. Робинзон собирается построить на острове свое одинокое царство, однако очень быстро обнаруживает следы присутствия Другого и расценивает это присутствие как угрозу. Повествование строится таким образом, чтобы показать читателям, что после подтверждения присутствия Другого (то есть Пятницы) все привычки Робинзона меняются. Вся мотивация и все действия Робинзона отныне направлены на сохранение собственной доминирующей позиции. Его задача — отвоевать и утвердить свое господство как «человека цивилизованного» над «Другим».

Второй пример превращения — философская сказка «Саваны Вероники» [6]. На первый взгляд, речь идет о светском рассказе. Однако, как указывает Недрет Озтокат Киличери, в основе глубокой структуры повествования лежит «религиозный, христианский» семантический слой. История разворачивается на фоне реального культурного события — фестиваля «Международные встречи фотографии», проходящего ежегодно летом во французском городе Арль. Автор сказки писатель Турнье — один из основателей фестиваля, в начале повествования он приводит имена знаменитых фотографов XX-го века — Анри Картье Брессона, Робера Дуано — с целью создать у читателей ощущение реальной истории, которая вот-вот произойдет.

Трактовка, которую профессор Киличери предлагает для «Саван Вероники», основана на семиотических методах анализа, при помощи которых повествование делится на крупные эпизоды и сегменты с более мелкими составляющими. Повествование начинается в реалистическом ключе, от первого лица. Рассказчик — любитель искусства фотографии и завсегдатай фестиваля в Арле. В истории три крупных эпизода. Первый описывает фотосессию на одном из пляжей: взгляд рассказчика останавливается на модели — Гекторе (прекрасном, физически здоровом

молодом человеке) и на фотографии — Веронике (маленькой беспокойной женщине, недовольной результатами фотосессии). Она говорит рассказчику, что хотела бы сделать из модели, Гектора, «нечто прекрасное». Во втором эпизоде рассказчик вновь оказывается в Арле через год, где встречает тех же главных героев. Вероника выглядит прекрасно, а Гектора невозможно узнать, настолько он физически истощен. От Вероники рассказчик узнает историю этого «превращения»: она посадила свою модель на строгую диету и провела над Гектором серию опытов, чтобы сделать его «фотогеничным». Гектор как персонаж подчинен «хотению», основной составляющей нарративной программы Вероники, и потому от «естественной красоты» он переходит к состоянию «фотогеничности». Описание Вероники дается читателю через окружающие ее предметы — химикалии, специализированный фото- и спортивный инвентарь. Ее цель — освободиться от материальных условностей, связанных с использованием фотобумаги, и найти более гибкий носитель. Она использует большие рулоны, в которые заворачивает тело Гектора, пропитанное химическими веществами. Рассказчик с ужасом слышит от Вероники, что Гектор стал для нее «средством» к постижению тайны новой фотографии. Финальный третий эпизод рассказывает о выставке «Саваны Вероники» («Плещаницы Вероники») на фестивале: в старинной часовне развешены куски льняной ткани, на каждом из которых — отпечаток тела Гектора. Как указывает рассказчик, Вероника создала новую технику фотографии, которую она назвала «дермографией». «Графика» — письмо, а «дермо» — кожа этой новой фотографии, с использованием физического тела модели. Посетителям выставки в часовне кажется, что они видят не выставленные ткани, а плещаницы.

Первый уровень превращения в этой истории — смена физического и морального состояния героев. В случае Гектора это переход от состояния «здорового» и «естественного» к состоянию «болезни» или «гибели». Что касается Вероники, то из состояния маленькой недовольной женщины она переходит в состояние «удовлетворенности» и «довольства», благодаря «успеху» выставки. Ее нарративная программа — сделать Гектора фотогеничным, а затем при его помощи изобрести новую технику фотографии — заканчивается триумфом.

Далее превращение происходит на глубинном семантическом уровне. Гектор, завернутый в льняную ткань, предстает перед читателем как

двойник Иисуса: согласно христианскому преданию, благочестивая Вероника отерла капли пота и крови с его лица своим платком, и на ткани отпечатались лик Спасителя.

Перед нами — яркая иллюстрация ремифологизирующего приема Турнье: он переписывает легенду о святой Веронике, которая в его сказке становится «иконой фотографии» в художественном мире. Действия Вероники трансформативные, преобразующие: сначала она стремится изменить лицо, а затем и все тело Гектора. В основе этих действий лежат семантические составляющие, переданные терминами «мука / мучение», «операция», «анатомические опыты». Гектор переходит от состояния «естественного», или «дикого», к состоянию «культурному» (входит в мир искусства как артефакт). Вероника, наоборот, переходит от культуры к дикости, о чем свидетельствует оценка рассказчика, который называет ее «тигрицей», вцепившейся в свою модель [7, р. 152].

По мнению профессора Киличери, изменение семантических значений указывает на трансформацию пути двух главных героев, от состояния изначального к финальному. При этом мифологический сюжет полностью перевернут: из благочестивого персонажа Вероника становится палачом. Четкая трехчастная структура повествования описывает «великую художественную операцию». Эта история дает нам пищу для размышлений не только о фотографии, но и об искусстве вообще, об акте художественного творчества и о создании нового мифа-образа — важнейшей теме для Мишеля Турнье.

Организатор дискуссии на «Днях франкофонии» ВГБИЛ, российский семиотик и лингвист И.Г. Меркулова продолжила размышления Недрет Озтокат Киличери о превращении как основной движущей силе в текстах Турнье. Она указала на то, что произведения писателя уже много лет остаются в поле интересов нарративной семиотики и семиотики страстей. Например, стилистика романа «Пятница, или Тихоокеанский лимб» анализируется в первой главе семиотического исследования «О несовершенстве» А.Ж. Греймаса [8], где поведение Робинзона представлено как эстетическое «потрясение», или «трещина» в рутине повседневной жизни. Робинзон «внезапно пробуждается» от «хрупкого безмолвия», открывшегося ему «после звука последней упавшей в медный таз капли». По мнению Греймаса, в данной емкой формуле телесного комментария автор показывает, что произошло превращение, значительное эстетическое событие [9, с. 15]. Рождение нового смысла в переработанном писателем

мифологическом сюжете происходит поэтапно, путем детального описания составляющих эстетического потрясения: «Поглощение повседневностью, ожидание, прекращение изотопии в виде трещины, потрясение субъекта, особенный статус объекта, чувственное отношение между ними обоими, уникальность опыта, надежда на полное единение в будущем — вот список элементов, создающих эстетический эффект, который нам открыл текст Мишеля Турнье» [9, с. 23].

Еще один пример переработки мифологического сюжета, на этот раз библейского, представляет собой один из последних романов Турнье, «Элеазар, или источник и Куст» [10]. С точки зрения исследователя-семиотики, данный текст представляет особый интерес для анализа не только мифотворчества писателя, но и как пример выражения полифонии высказывания на графическом уровне. Как известно, тема полифонии, или многоголосия, была описана в работах М.М. Бахтина применительно к романам Ф.М. Достоевского [11], а позднее лингвистические маркеры полифонии были изучены О. Дюкро [12]. По мнению И.Г. Меркуловой, литературную полифонию можно трактовать как один из источников генерирования художественного дискурса, и на визуальном уровне полифоничное высказывание может быть выражено с помощью графических средств — различных рисунков шрифтов и расположения текста на плоскости. Выделенный специальным шрифтом фрагмент текста представляет слово как чужое или авторитарное, подчеркивает дистанцию между этим словом и рассказчиком [13, с. 83]. Роман «Элеазар, или источник и Куст» — своеобразный «перекресток голосов». Читателям рассказывают историю ирландского пастора Элеазара, который отправляется на поиски Земли обетованной и постоянно сравнивает себя с Моисеем, обращаясь к первоисточнику — библейскому тексту. Цитаты из Библии набраны курсивом, а некоторые выражения сплошными прописными, — прием, который сигнализирует о двояком отношении рассказчика к данным фрагментам. Сначала библейское слово предстает перед читателем как руководство к действию или приказ, и мы наблюдаем полифоничное сосуществование двух визуально отличных слоев текста — принятого и принимающего. В конце романа главный герой настолько ассимилирует библейские слова, что они становятся частью его собственного дискурса, что на графическом уровне выражено однородным уставом. Роман Турнье — пример взаимодействия в тексте так называемых инстанций высказывания. По выражению семиотики Ж.-К. Коке, последние делятся на субъектные

(Я, Мы) и объектные (Он, Это) [14, р. 169]. Кульминационный момент романа — полное принятие рассказчиком как слов Библии, так и роли пророка, отказ от собственной идентичности в пользу глубинной объектной инстанции высказывания, превращение его в библейский мифический персонаж.

Как отметила Недрет Озтокат Киличери, Турнье избрал свой особый путь писателя-ремифологизатора еще в юности, когда слушал лекции Клода Леви-Стросса о первобытных культурах [16, р. 261]. При этом его интерес вызывали именно мифы древности, именно они представляли собой «модель поведения» в сжатом виде, своеобразный учебник позитивного отношения к жизни, которое писатель искал и находил во время своих многочисленных путешествий по миру — по Африке и странам Средиземноморья.

В наши дни переосмысление древних мифологических сюжетов может оказаться полезным при анализе современных вызовов научно-технического прогресса и искусственного интеллекта. Задача современных гуманитариев, в том числе литературоведов, лингвистов и семиотиков, состоит в том, чтобы исследовать ИИ не просто как миф о высокоразумном существе, а как особый тип дискурса, влияющий на креативные и когнитивные способности человека. И это еще один из уроков Мишеля Турнье: «Есть такие *мифо-свечоточи*: они несут в себе мифы и передают их нам, на всю нашу жизнь» [1, р. 1].

Видеозапись дискуссии «Творчество Мишеля Турнье: семиотика и мифология» на русском и французском языках доступна в социальных сетях Франкотеки ВГБИЛ им. М.И. Рудомино: https://vk.com/francoteka_libfl?z=video-218613725_456239114%2F86ede3b35ddd5fb929%2Fpl_wall_-218613725

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ono-dit-Biot C.* Michel Tournier: vie et mort du “mythophore”. Le Point. 20.01.2016. [Электронный ресурс]: https://www.lepoint.fr/livres/michel-tournier-vie-et-mort-du-mythophore-20-01-2016-2011311_37.php#11
2. *Bouloumié A.* Michel Tournier. Le roman mythologique. Paris: Librairie José Corti, 1988. 278 p.
3. *Bouloumié A.* Arlette Bouloumié commente Vendredi ou les limbes du Pacifique de Michel Tournier. Paris: Gallimard, coll. Foliothèque, 1991. 256 p.
4. *Турнье М.* Пятница, или Тихоокеанский лимб. СПб.: Амфора, 1999. 304 с.
5. *Турнье М.* Пятница, или Дикая жизнь. М.: Самокат, 2003. 144 с.
6. *Турнье М.* Философская сказка. Саваны Вероники. М.: Энигма, 1998. 192 с.
7. *Tournier M.* Le Coq de bruyère. Les suaires de Véronique. Paris: Gallimard folio, 1978. 352 p.
8. *Greimas A.J.* De l'imperfection. Périgueux: Fanlac, 1987. 95 p.
9. *Греймас А.Ж.* О несовершенстве / Пер. с фр. и комм. И.Г. Меркуловой. М.: ГАУГН-Пресс, 2022. 96 с.
10. *Турнье М.* Элеазар или Источник и Куст. М.: МИК, 1998. 240 с.
11. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений в 7 т. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960—1970 гг. М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2002. 800 с.
12. *Ducrot O.* Le Dire et le Dit. Paris: Minuit, 1980. 175 p.
13. *Меркулова И.Г.* Семиотика, графика и высказывание в современной французской прозе. М.: Интеграция: Образование и Наука, 2019. 158 с.
14. *Coquet J.-C.* Le discours et son sujet. Paris: Klincksieck, 1984. Vol. 1. 236 p.
15. *Tournier M.* Éléazar ou La Source et le Buisson. Paris: Gallimard folio, 1998. 132 p.
16. *Öztoğat N.* Mythe et réalité dans un récit de Michel Tournier: Les suaires de Véronique // Frankofoni. Istanbul, 1993. P. 261—264.

REFERENCES

1. Ono-dit-Biot, C. Michel Tournier: vie et mort du “mythophore”. Le Point. 20.01.2016. URL: https://www.lepoint.fr/livres/michel-tournier-vie-et-mort-du-mythophore-20-01-2016-2011311_37.php#11 (In French)
2. Bouloumié, A. Michel Tournier. Le roman mythologique. Paris: Librairie José Corti, 1988. 278 p. (In French)
3. Bouloumié, A. Arlette Bouloumié commente Vendredi ou les limbes du Pacifique de Michel Tournier. Paris: Gallimard, coll. Foliothèque, 1991. 256 p. (In French)
4. Tournier, M. *Piatnitsa, ili Tikhookeanskiy limb* [Friday or Pacific Limb]. St. Petersburg: Amfora Publ., 1999. 304 p. (In Russ.)
5. Tournier, M. *Piatnitsa, ili Dikaya zhizn* [Friday or Wild Life]. Moscow: Samokat Publ., 2003. 144 p. (In Russ.)
6. Tournier, M. *Filosofskaya skazka. Savany Veroniki* [Philosophical Tale. Veronica's Shrouds]. Moscow: Enigma Publ., 1998. 192 p. (In Russ.)

7. Tournier, M. *Le Coq de bruyère. Les suaires de Véronique*. Paris: Gallimard folio, 1978. 352 p. (In French)
8. Greimas, A.J. *De l'imperfection*. Périgueux: Fanlac, 1987. 95 p. (In French)
9. Greimas, A.J. *O nesovershenstve* [On Imperfection]. Translation from French and comments by Inna Merkoulouva. Moscow: GAUGN-Press, 2022. 96 p. (In Russ.)
10. Tournier, M. *Eleazar ili istochnik i kust* [Eleazar or Source and Bush]. Moscow: MIK Publ., 1998. 240 p. (In Russ.)
11. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochineni v 7 t. T. 6. Problemy poetiki Dostoyevskogo. Raboty 1960–1970 gg.* [Collected Works in 7 Volumes. T. 6. Problems of Dostoevsky's Poetics. Works 1960–1970]. Moscow: Russkyye slovari, Yazyki slavianskoy kultury Publ., 2002. 800 p. (In Russ.)
12. Ducrot, O. *Le Dire et le Dit*. Paris: Minuit, 1980. 175 p. (In French)
13. Merkoulouva, I.G. *Semiotika, grafika i vyskazyvanie v sovremennoy frantzuzskoy proze* [Semiotics, Graphics and Enunciation in Contemporary French Prose]. Moscow: Integratsia: Obrazovanie i Nauka Publ., 2019. 158 p. (In Russ.)
14. Coquet, J.-C. *Le discours et son sujet*. Paris: Klincksieck, 1984. Vol. 1. 236 p. (In French)
15. Tournier, M. *Éléazar ou La Source et le Buisson*. Paris: Gallimard folio, 1998. 132 p. (In French)
16. Öztokat, N. *Mythe et réalité dans un récit de Michel Tournier: Les suaires de Véronique*. Frankofoni. Istanbul, 1993, pp. 261–264. (In French)

Дата поступления материала в редакцию: 5 апреля 2024 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 21 апреля 2024 г.

Статья принята к публикации: 15 июня 2024 г.

Дата публикации: 31 августа 2024 г.

Received by Editor on April 5, 2024

Revised on April 21, 2024

Accepted on June 15, 2024

Date of publication: August 31, 2024